

ОЧЕРКИ

ПОВЕСТИ

РОМАНЫ

ДНЕВНИКИ

ВОСПОМИНАНИЯ

ПИСЬМА

ИССЛЕДОВАНИЯ

ДОКУМЕНТЫ

ЭТЮДЫ

ХАРАКТЕРИСТИКИ

ЖИЗНЕОПИСАНИЯ

ЖИТИЯ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

АРХИВ

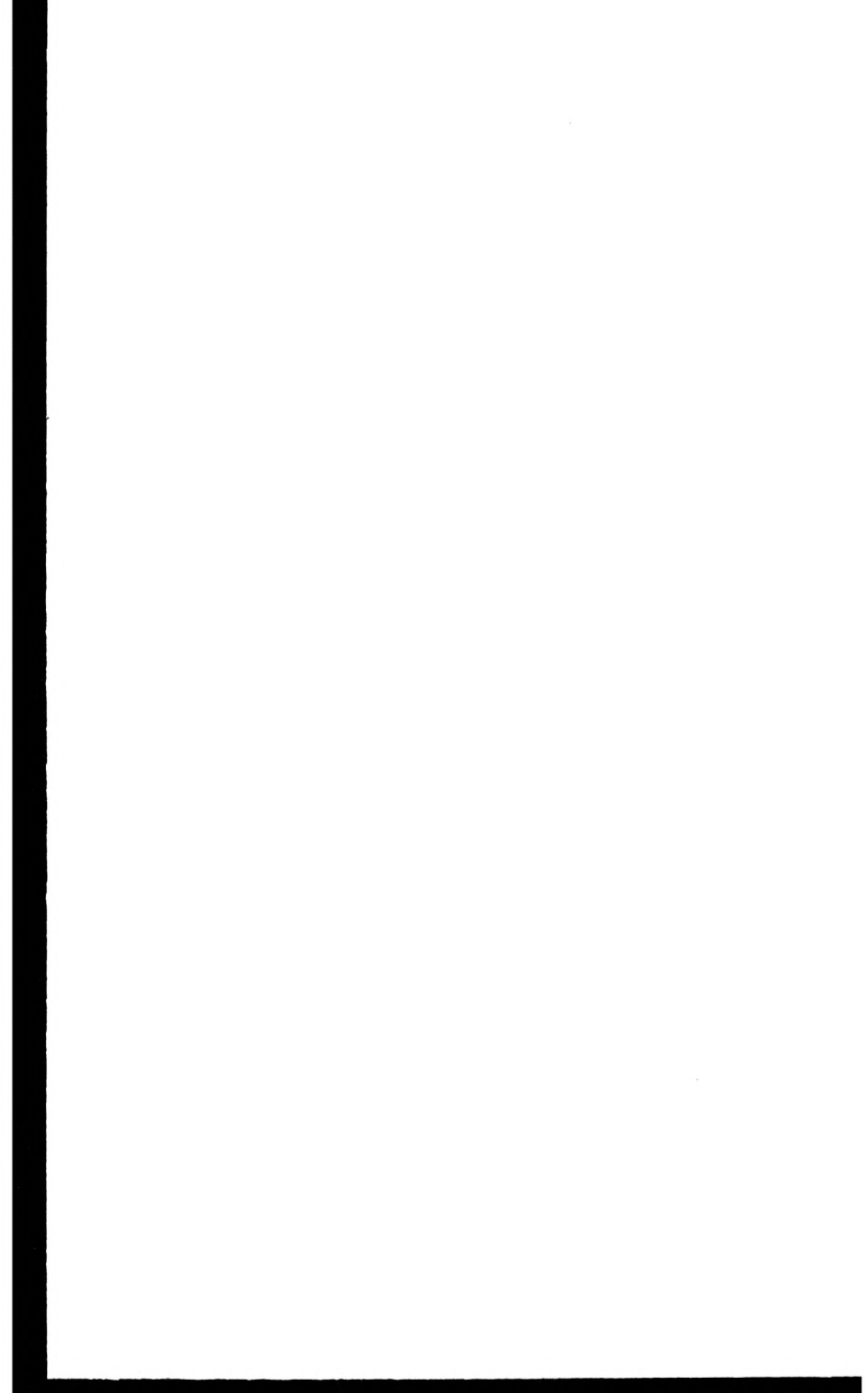
Грубецкой С.П.

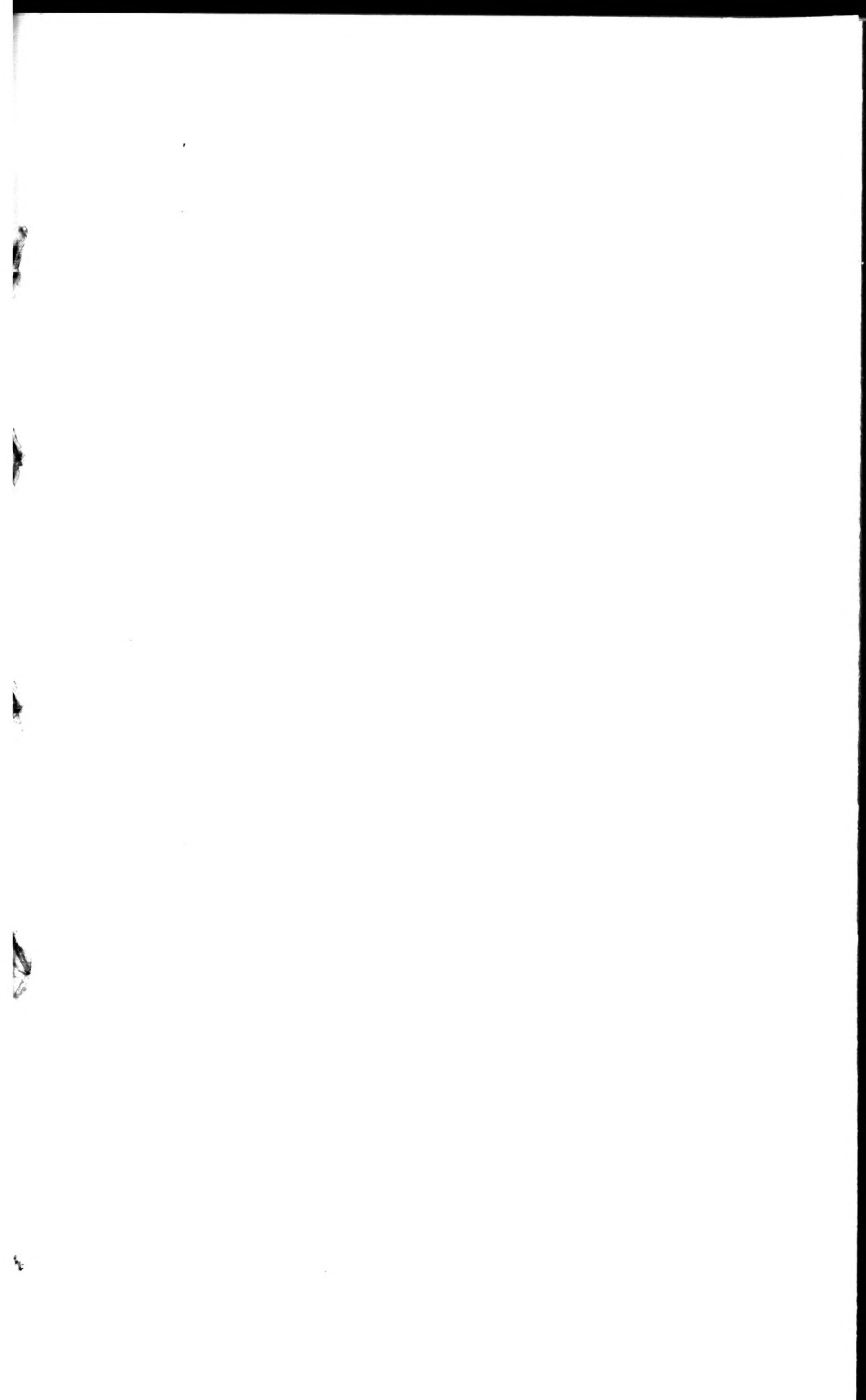

Каракозов Д.В.

П. Щеголев

АЛЕКСЕЕВСКИЙ РАВЕЛИН

П. Щеголев

АЛЕКСЕЕВСКИЙ РАВЕЛИН

Книга
о падении
и величии
человека

МОСКВА „КНИГА“
1989

ББК 63.3 (2) 5
Щ 34

Составитель,
автор послесловия
и комментариев
Е.В.Федотова
Художник
Н.Р.Синёва

Щ 0503020300-065 — Без объявл.
002 (01) -89

ISBN 5-212-00206-0

© Составление, послесловие,
комментарии, оформление.
Издательство "Книга", 1989

ПРЕДИСЛОВИЕ

Петропавловская и Шлиссельбургская крепость — самые секретные, самые таинственные тюрьмы для важнейших государственных преступников. Наши сведения о крепостных порядках, о заключенных крайне обрывочны и неполны. Мы не знаем всех, бывших здесь в заключении, не знаем относительно многих, что привело их сюда, какие грехи. Только теперь, когда с 1917 года все архивы перестали быть секретными, мы получили возможность раскрыть все тайны и разъяснить историю этих крепостей-тюрем.

В окутанной мраком неизвестности Петропавловской крепости была тюрьма, о жизни которой не ведали даже те, кто служил в крепости. Кто сидел там, этого не дано было знать не только чинам комендантского управления, но и тем, кто служил в этой самой тюрьме. Для заключения в эту наисекретнейшую тюрьму и для освобождения отсюда нужно было повеление царя. Вход сюда был позволен коменданту крепости, шефу жандармов и управляющему III Отделением¹. В камеру заключенных мог входить только смотритель и только со смотрителем кто-либо другой. Попадая в эту тюрьму, заключенные теряли свои фамилии и могли быть называемы только номером. Когда заключенный умирал, то тело его ночью тайно переносили из этой тюрьмы в другие помещения крепости, чтобы не подумали, будто в этой тюрьме есть заключенные, а утром являлась полиция и забирала тело, а фамилию и имя умершему давали по наитию, какие придется. Эта тюрьма — Алексеевский равелин Петропавловской крепости. Об этом страшном месте рассказали в своих жутких воспоминаниях П.С.Поливанов и в кратком, но насыщенном содержанием отрывке М.Ф.Фроленко*. Те, кто прочел эти воспоминания, никогда не забудут тех чувств, которые вызвало их чтение.

Настоящая книга не ставит задачей дать историю равелина². Да и какая может быть история у каменного застенка, давившего своей жестокой неизменностью, неподвижностью!*** Тюремщики, во главе

*П.С.Поливанов. Алексеевский равелин. Отрывок из воспоминаний. М., 1903³. Милость. Из воспоминаний М.Ф.Фроленко. "Былое", 1906, февр. и отд.

**В приложении мы даем "вечную" инструкцию Алексеевского равелина.

с царем, крепко верили в свою тюрьму и были убеждены, что она "исправит" любого узника, что нет такой человеческой страсти, которая не была бы покорена, не была бы раздавлена в стенах рavelина. Равелин был величайшим испытанием человеческого духа, и не раз безмолвные стены "покоев" были свидетелями распада человеческого "я" и падения человека, но в конечном счете человек одержал победу и над этой тюрьмой, разбив исключительный уклад, которым она держалась. Победителем рavelина был пламенный революционер Нечаев. Он разрушил железную дисциплину, разложил тюремщиков. После войны, которую вел Нечаев в рavelине, эта государева тюрьма утратила в глазах начальства прелесть тяжелой и давящей исключительности и стала ненужной. Равелин был упразднен.

Борению человеческого духа в стенах рavelина посвящена настоящая книга.

П. Щеголев

Любовь в равелине
(С.В.Трубецкой)

1.

Это случилось в С.-Петербурге, весной 1851 года, в первых числах мая.

Император Николай только что отбыл по важным государственным делам в Варшаву на свидание с прусским королем¹; отсюда он проехал в Ольмюц и виделся с австрийским императором. Вместе с Николаем уехал и всегдашний его спутник в путешествиях, начальник III Отделения и шеф корпуса жандармов князь А.Ф.Орлов². Наследник цесаревич Александр Николаевич³ остался править столицей, а править III Отделением стал генерал-лейтенант Л.В.Дубельт⁴, правая рука графа Орлова. Ежедневно летели из С.-Петербурга фельдъегери и курьеры с краткими докладами Дубельта своему шефу обо всем выдающемся, о всех петербургских происшествиях, не только "для распоряжения", но и "для сведения". Эти доклады граф читал сам, на полях писал резолюции и просто мнения и давал на прочтение Николаю.

5 мая случилось происшествие, не имевшее никакого отношения к революционным проискам, лишенное какого бы то ни было политического и государственного значения, но оно кончилось заключением в важнейшей государственной тюрьме — Алексеевском равелине. Событие это привлекло такой повышенный интерес к себе как в верховном носителе русской государственной власти, поглощенном в это время высокой дипломатической игрой с немецкими монархами, так и в высших представителях правительства; вызвало такой прилив жандармской энергии и привело к такому взрыву административного восторга, какой обычно наблюдался

в моменты острой борьбы с революционной гидрой; история, разыгравшаяся вокруг этого происшествия, в своих бытовых подробностях необычайно красочна и характерна для последних лет николаевской России, снаружи как будто мощно блестящей, внутри уже развалившейся и прогнившей, характерна для системы блестяще организованного беспорядка, каким, в сущности, была николаевщина.

6 мая Дубельт доложил наследнику:

"Вчера вечером у сына коммерции советника Жадимировского похищена жена, урожденная Бравура. Ее, как дозвано, увез отставной офицер Федоров, но не для себя, а для князя Сергея Васильевича Трубецкого. Федоров привез ее в дом брата своего, на Караванной, где и передал князю Трубецкому; так, по крайней мере, уверяет муж, который с давнего времени заметил, что князь Трубецкой обратил на жену его какое-то особенное внимание и был с нею в тайной переписке. Докладывая о сем вашему императорскому высочеству, осмеливаюсь испрашивать соизволения донести об этом случае графу Орлову". Александр Николаевич надписал на докладе Дубельта: "Я давно этого ожидал, ибо никакая мерзость со стороны князя Сергея Трубецкого меня не удивляет".

7 мая Дубельт донес о случае графу Орлову, присоединив самое последнее известие: "Сейчас узнал, что полиция окружила дом князя Трубецкого для отыскания жены Жадимировского". Граф Орлов, прочитав доклад Дубельта, наложил резолюцию: "Происшествие довольно скверное по своему соблазну, тем более, что государю, как и всем, кн. С.Трубецкой известен закоренелым повесой".

Оставаясь в стороне от полицейских розысков, Дубельт с беспечностью продолжал сообщать наследнику и графу Орлову подробности пикантного происшествия.

10 мая он доложил наследнику: "В городе носят слухи, что князь Трубецкой с женою Жадимировского бежали за границу чрез Финляндию, что она переделалась в мужское платье, а он выбрил себе бороду, достал четыре, на разные имена, паспорта и у своих родных 40 т. рубл. серебром, и что они уже находятся в Стокгольме". Наследник подчеркнул слова доклада "достал у своих родных 40 т." и не без иронии надписал сбоку: "Последнее вероятно".

11 мая Дубельт в своем ежедневном донесении Орлову повторил буквально свой доклад наследнику и единственно для развлечения графа сделал еще добавление: "А графиня

Разумовская рассказывает, что они, напротив, уехали в Тифлис и что князь Трубецкой через два месяца продаст Жадимировскую в сераль турецкому султану". Но столь беспечное отношение должно было моментально исчезнуть после изъяснения высочайшей воли.

12 мая граф Орлов в своем докладе царю сообщил: "По полученным сведениям, в С.-Петербурге совершенная тишина, и, благодаря бога, все благополучно. Но должен сказать вашему величеству, что ни жены Жадимировского, ни кн. Сергея Трубецкого по сие время отыскать не могут". Вот тут-то и произошло высочайшее волеизъявление: "Стыдно, что не нашли, надо Дубельту взять для того строгие меры", — написал царь. Пересылая листок с этой резолюцией из Варшавы в Петербург к Дубельту, граф Орлов хотел немного смягчить тяжелое впечатление, которое должна была произвести на Дубельта царская резолюция, и приписал: "Вот собственноручная отметка государя, я ему говорил, что это не наше дело, а местной полиции, но он возразил, чтобы я написал к тебе, чтобы все средства к отысканию употреблены были. Непременно исполни". А немного позже, читая помянутое выше донесение Дубельта, граф Орлов вернулся к обиде, причиненной своему помощнику. "Справедливы ли эти слухи или нет, неизвестно, и потому непременно должно достичь правды. Часто бывает, что распускают эти слухи или сами виновники, или их приверженцы. Я должен тебе сказать, что я сегодня опять осмелился спорить с государем, что по этому делу мы не виноваты, сей разговор зашел оттого, что он мне сказал, что он велел сделать тебе замечание. Я опять ему повторил, что сие принадлежит к обязанностям местной полиции, что, когда у нас требуют пособия, мы никогда не отказывали, но даже и с общими усилиями человеку, личность скрывая, из Петербурга выехать легко и найти его весьма трудно, когда прежде он..."*

2.

Как старая полковая лошадь, услышавшая звук трубы, пришел в движение и волнение отец и командир Леонтий Васильевич Дубельт, узнав высочайшую волю. Он стал распоряжаться. В погоню за Трубецким он немедленно отправил жандармских офицеров: поручика Чулкова до Тифлиса и

*Последняя фраза невразумительна, но так нередко выражался граф Орлов.

поручика Эка до Одессы. Поручикам была дана подробная инструкция и разрешение "в случае надобности быть в партикулярном платье". Поручики должны были, "стараясь всемерно, открыть и задержать беглецов, а по задержании отправить немедленно в С.-Петербург с особым жандармским офицером или при себе и с двумя конвойными жандармами, а г-жу Жадимировскую подобным же образом, но отдельно от него, через несколько часов позже и в особом экипаже". Поручики были снабжены подорожными на три лошади, открытыми листами об оказании им содействия со стороны местных властей и отношениями к высшим начальникам — кавказскому наместнику графу М.С.Воронцову для поручика Чулкова и к исправляющему должность новороссийского и бессарабского генерал-губернатора ген.-лейт. Федорову для поручика Эка. Кроме того, Дубельт предложил окружным жандармским властям оказать всяческое содействие поручикам. Управляющий 6-м округом корпуса жандармов в Тифлисе полковник Юрьев обязан был содействовать поручику Чулкову, управляющий 5 округом ген.-лейт. Шнель в Одессе — поручику Эку. Но так как Трубецкой мог скрыться в Финляндию, то Дубельт предписал гельсингфорсскому жандармскому полковнику Рененкампу "произвести немедленно самое верное дознание: не были ли беглецы в Або, Гельсингфорсе и в окрестностях этих городов или не проезжали ли другой дорогою по направлению к границе и т.д.". Рененкампу были сообщены приметы бежавших: "Кн. Трубецкой высокого роста, темно-русый, худощав, имеет вид истощенного человека, носит бороду. Г-жа Жадимировская очень молода, весьма красивой наружности, с выразительными глазами". Жандармское рвение разыгралось вовсю. Корпуса жандармов капитан Герасимов доложил Дубельту: "Трубецкой с Жадимировской, как слышно, проживают в Воронежской губернии". Тотчас же III Отделение потребовало самых тщательных разысканий в Воронежской губернии от воронежского губернатора Лангеля и воронежского жандармского полковника Каверина. Но распоряжался не только Дубельт: и с.-петербургский военный генерал-губернатор Шульгин от себя вошел в сношение с кавказским наместником и исправляющим должность новороссийского и бессарабского генерал-губернатора.

Итак, полицейский и жандармский аппарат был приведен в действие и пущен полным ходом. Было написано и отправлено огромное количество всяческих предписаний, донесений

и т.д., разосланы гонцы, потревожен ряд местных властей... из-за чего? из-за какой государственной нужды?..

Первые попытки к изловлению романической пары были неудачны. На след напали, но догнали их не скоро. 15 мая Дубельт в своем обычном донесении графу Орлову известил графа, что "квартильный Гринер, командированный (не III Отделением, а до него петербургским генерал-губернатором Шульгиным) для отыскания кн. Трубецкого и Жадимировской, донес, что они были в ночь на 7 мая в Крестцах и оттуда отправились по Московскому тракту, а Гринер поехал их догонять". Граф Орлов рекомендовал Дубельту не доверять этому сообщению: "Не верю, — написал он на докладе, — он должен быть за границей: это распускают его друзья". 17 мая Дубельт сообщал новые вести о розысках Гринера: "Квартильный надзиратель Гринер, приехав в Москву, узнал, что кн. Трубецкой и Жадимировская выехали из Москвы по направлению к Туле 9 мая; Гринер испросил у графа Закревского курьерскую подорожную и отправился догонять бежавших". Но граф Орлов продолжал не верить: "И это меня не удовлетворяет, надобно быть дураку такое взять направление", — отметил он на записке Дубельта. В это время внимание графа делилось между двумя событиями: поисками квартильного Гринера и только что состоявшимся в Ольмюце свиданием трех монархов (русского, прусского и австрийского). И непосредственно после заметки о Гринере граф Орлов продолжал свою запись любопытнейшим сообщением о последнем событии, которое по важности, в глазах графа, да и самого царя, почти шло в уровень с делом Трубецкого. Это сопоставление записей, эта связь событий дает ключ к проникновению в психологическую сущность вещей той эпохи. "Сегодня, 20, — пишет граф Орлов, — мы (т.е. государь и он) возвратились из Ольмюца, т.е. 19 мы уже ночевали в Скерневицах, откуда сегодня после обедни в лагере при Ловиче государь сюда приехал; от смотров я так устал, что не знаю, что и делать, впрочем, должен признаться, что весело сердцу русскому видеть, на какую степень царь поставил Россию во всей Европе. Свидание с королем прусским обошлось гораздо лучше, нежели я полагал, сперва дружественно, а потом совершенно родственно. Молодой император (речь идет о Франце-Иосифе) принял царя, как отца и избавителя, со всеми почтенными его генералами, как представителями целой армии; словом сказать, были видны общий восторг и истинное благо-

дарение. Фельдмаршал наш был принят отменно, и нас, ничтожных, сильно ласкали. Войска много сделали успехов, мы видели до 25 тыс. под ружьем. Много, что рассказать, но устал и лично расскажу. Но со всем тем, со всею поверхностною тишиною дремать не надо и держать ухо востро: время пришло, что всем благомыслящим надо соединиться вместе и идти против одного общего врага, безначалия и злодейства. Будем смотреть, чтобы зараза эта не проникла к нам. Да сохранил нас бог. Государю цесаревичу засвидетельствуй мое почтение и благодари его за милостивое ко мне воспоминание, которое передал мне вчерашний курьер". Но если с молодым императором и прусским королем все обстояло хорошо, то хорошее настроение портил квартальный Гринер: "Квартальный офицер Гринер, посланный преследовать князя Трубецкого и жену Жадимировского, доехав до Тулы, возвратился в Петербург по той причине, что у него не стало денег, — а как, с одной стороны, ему в Крестцах и Москве станционные смотрители описали наружность лиц, проехавших по дорожной отставного офицера Федорова и Жадимировской, а с другой — государь император на записке вашего сиятельства изволил написать, чтобы я принял строгие меры к отысканию князя Трубецкого и Жадимировской, чего я до сего времени делать не имел права, то независимо от распоряжений, сделанных генерал-губернатором, я счел нужным послать и послал, по тракту к Тифлису и Одессе, двух офицеров для отыскания бежавших". Это сообщение о Гринере взорвало Николая Павловича; собственной своей рукой карандашом он "соизволил начертать": "Непростительно, что Гринер не вытребовал денег от губернатора, предъявив, зачем послан; подобные глупости делаются только у нас; за это Гринера посадить до окончания дела под арест..."

О Гринере Дубельт сообщал в начале своего донесения, в конце его он возвращался вновь к делу Трубецкого и своей обиде: "Сию минуту получил я уведомление вашего сиятельства от 14 мая. Ваше сиятельство не поверите, с каким сокрушенным сердцем читал я о том, что государь император повелел сделать мне замечание. Скажите сами, чем же я виноват? Ведь я не имею власти распорядительной, следовательно, могли я, имел ли я право вмешиваться в дело, зависящее непосредственно от распоряжения генерал-губернатора. Но лишь только получил я записку вашего сиятельства от 12 мая, на которой его величество изволил написать: "Надо Дубельту

принять строгие меры”, — я в ту же минуту начал распоряжаться, как изволите усмотреть из вышеписанного моего донесения, и с той минуты делаю все, чтоб поймать бежавших, и доколе станет у меня разума и силы, не упущу ничего, чтоб исполнить волю моего государя”.

Действительно, Дубельт лез из кожи. 21 мая он сообщал графу: “Беспрерывно думая, как отыскать князя Трубецкого, я просил позволения генерал-губернатора видаться с арестованным Федоровым. Он дозволил мне видеть его завтра. Ежели Федорову известно, куда скрылся князь Трубецкой, то я постараюсь выведать у него об этом”. 23 мая Дубельт донес о результатах посещения Федорова и самоличного воздействия на него: “Отставной штаб-ротмистр Федоров, которого я долго допрашивал, уверяет честным словом, что похищение жены Жадимировского совершилось следующим образом: князь Трубецкой просил Федорова стать с каретою у английского магазина и привезти к нему ту женщину, которая сядет к нему в карету”.

«Федоров желал знать, кто та женщина, но Трубецкой отвечал, что скажет ему о том завтра, и Федоров, не подозревая, чтоб тут было что-либо противузаконного, согласился на просьбу Трубецкого, приехал к английскому магазину и лишь только остановился, то женщина, покрытая вуалем, села к нему в карету и сказала: „Au nom de Dieu; derechons nous”⁵».

“Федоров, дав князю Трубецкому слово не смотреть на нее и не говорить с нею, сдержал слово и привез ее к Трубецкому, который ожидал ее у ворот Федорова дома. Тут карета остановилась, она вышла и, быв встречена Трубецким, сейчас с ним удалилась”.

“Далее, утверждает Федоров, он ничего не знает. Что же касается до того, что по открытым следам князь Трубецкой уехал в Тифлис, то это Федоров объясняет так: он, по болезни, хотел ехать на Кавказ и оттуда посетить Тифлис; для этого он приготовил себе подорожную, которая и лежала у него в кабинете на столе, и только на другой день побега Трубецкого заметил он, что подорожная у него похищена”.

“Подорожная Федорова, взятая им под предлогом поездки в Тифлис, бросает на него тень сильного подозрения, что он знал о намерении князя Трубецкого и способствовал его побегу, но несмотря на то, что я именем государя требовал говорить истину, он, без наималейшего замешательства, клянясь

богом и всеми святыми, утверждал, что более того, что пояснено им выше, ему ничего неизвестно”.

Дубельт немного успокоился, когда получил от графа Орлова записку от 23 мая из Варшавы: ”Я государю показывал твою записку, он одобрил взятые тобой меры и нимало не гневается на тебя, все обратилось теперь на непомерную глупость посланного полицейского офицера, из всего видно, что ему приказания даны от начальника весьма обыкновенные”.

3.

А тем временем жандармские поручики уносились на курьерских все дальше и дальше, не успевая считать верстовые столбы, по следам Трубецкого. Они установили, что князь прибыл в Москву в полночь 9 мая и в три часа утра выехал на Тулу, с 9 на 10 мая он переехал за Тулой станции Ясенки и Лапотково. Отсюда поворот на тракт к Воронежу. Добравшись до этого пункта, поручики здесь расстались: поручик Эк покати́л на Орел, Курск, Харьков, Полтаву, Елисаветград, Николаев, в Одессу, а поручик Чулков отправился на Воронеж, Новочеркасск, Ставрополь, Тифлис и дальше. 12 июня поручик Эк после бешеной гонки вернулся в Петербург и доложил, что все, предписанное инструкцией, он выполнил, но следов князя Трубецкого не нашел. В оба конца поручик Эк сделал 4 058 верст.

Посчастливилось поручику Чулкову. 30 мая в 6 часов вечера он прикатил в Тифлис прямо к управляющему 6-м округом корпуса жандармов полковнику Юрьеву. Самого полковника не случилось дома: пакет III Отделения распечатал старший адъютант майор Сивериков и немедленно вместе с Чулковым направился к начальнику гражданского управления в Закавказском крае князю Бебутову. Бебутов вскрыл пакет на имя князя Воронцова и поручил майору Сиверикову предпринять экстренно все необходимые розыски. Сивериков дознался, что князь Трубецкой приехал в Тифлис в 11 ч. утра 24 мая и на другой день выехал на вольных лошадях по направлению к Кутаису. Князь Бебутов направил за ним поручика Чулкова с открытым предписанием. В Кутаисе Чулков узнал, что беглецы выехали в Редут-Кале. О его дальнейших похождениях князь Бебутов сообщал в III Отделение: ”Не найдя возможности в 16 верстах за Кутаисом переправиться через реку Губис-Цкали, по случаю разлития ее, поручик Чулков возвратился в Кутаис и, явившись к управляющему

Кутаисской губернией вице-губернатору полковнику Коллюбакину, объяснил ему о цели своей поездки. Вследствие чего полковник Коллюбакин тотчас командировал кутаисского полицеймейстера штабс-капитана Мелешко, который, прибыв в Редут-Кале 3 июня, нашел там князя Трубецкого и Жадимировскую, собиравшихся к выезду за границу, и первый из них тотчас арестован”.

Наконец Дубельт мог вздохнуть свободно. 26 июня он доложил графу Орлову: ”Сию минуту получил я из Тифлиса частное известие, что посланный мною поручик Чулков поймал князя Трубецкого и жену Жадимировского. Между тем, независимо от официального донесения, которое еще не получено, старший адъютант 6-го корпуса жандармов майор Сивериков пишет к нашему дежурному штаб-офицеру полковнику Брянчанинову следующее: ”Князь Трубецкой захвачен в Редут-Кале, за два часа до отправления его в море, и 8 июня доставлен в Тифлис, где и посажен на гауптвахту, а г-жа Жадимировская приехала в Тифлис с поручиком Чулковым только вчера и остановилась в гостинице Чавчавадзева. Выезд из Тифлиса будет не прежде 14 июня, потому что не готовы экипажи, в которых их отправят. У князя Трубецкого найдено денег 842 полуимпериала и несколько вещей, но совершенно незначительной ценности”.

Прочел граф Орлов доклад Дубельта и немедленно представил его царю, надписав: ”Вот некоторые подробности по поимке князя Трубецкого”. Царь положил резолюцию: ”Не надо позволять везти их вместе, ни в одно время и отнюдь не видеться. Его прямо сюда в крепость, а ее в Царское Село, где и сдать мужу”. 29 июня был доставлен в Петербург князь Трубецкой, а 30 июня с поручиком Чулковым прибыла Жадимировская.

Навстречу поручику Чулкову послан был из Петербурга офицер с приказанием, чтобы Чулков с Жадимировскою ехал прямо в Царское Село, но Чулков разъехался с офицером и прибыл в Петербург. Дубельт в ту же минуту отправил его в Царское Село, вместе с Жадимировскою, так что ”здесь ее решительно никто и не видел”, — по уверению Дубельта в докладе 30 июня. В этом докладе Дубельт сделал приписочку о душевном состоянии изловленных влюбленных: ”Кн. Трубецкой все полагал, что его везут в III Отделение, и во все время дороги был покоен, но, когда он увидел, что его везут на Троицкий мост и, следовательно, в крепость, — заплакал. Жадимировская всю дорогу плакала”.

Комендант с.-петербургской крепости генерал-адъютант Набоков 29 июня представил всеподданнейший рапорт: "Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что доставленный во исполнение высочайшего вашего императорского величества повеления отставной штабс-капитан князь Сергей Трубецкой сего числа во вверенной мне крепости принят и помещен в дом Алексеевского рavelина в покое под № 9-м".

На этом рапорте Николай Павлович изложил свою волю: "Вели с него взять допрос, как он осмелился на сделанный поступок, а к Чернышеву — об наряде военного суда по 3 пунктам: 1) за кражу жены чужой; 2) кражу чужого паспорта; 3) попытку на побег за-границу и все это после данной им собственноручной подписки, что вести себя будет прилично. О ней подробно донести, что говорит в свое оправдание и как и кому сдана под расписку".

Граф Орлов отослал рапорт Дубельту при следующей записке: "По приложенной бумаге и собственноручным решениям, ты увидишь, любезный друг Леонтий Васильевич, волю государеву".

"На мой вопрос, что мужа нет в Царском Селе, а он в Москве, высочайше повелел остояновиться в Царском Селе, уведомить мать ее, чтоб она приехала за дочерью, и сдать ее матери, взять с нее расписку, то есть с матери. Нашими жандармами он доволен, и что ты все дело своими распоряжениями поправил, но издержки все велел обратить на счет генерала Шульгина и Галахова, не взирая на мои по сему предмету возражения".

Так излился царский гнев, искусно отведенный графом Орловым от III Отделения, на голову высшей столичной полиции. Генерал Шульгин — петербургский генерал-губернатор, а Галахов — обер-полицмейстер. Можно представить себе изумление и огорчение полицейских генералов. Сумма, истраченная на поиски Трубецкого, была весьма значительна по тому времени: 2 272 р. 72 5/7 к. серебром. Присылая свою половину, Шульгин писал графу А.Ф.Орлову: "Не могу умолчать пред вашим сиятельством, что последовавшее в настоящем случае повеление тем более для меня чувствительно и прискорбно, что я опасаюсь встретить в нем высочайший гнев, более всего меня тяготящий..." Надо сказать, что впоследствии, в добрый час, граф Орлов передоложил царю вопрос об издержках и царь приказал вернуть деньги полицейским генералам и взыскать их с подсудимого, князя Трубецкого.

Поручик Чулков представил следующий рапорт о Жадимировской, доложенный самому Николаю: "Жена Жадимировского, во время следования из Редут-Кале до Тифлиса, чрезвычайно была расстроена, непрерывно плакала и даже не хотела принимать пищу. От Тифлиса до С.-Петербурга разговоры ее заключались только в том: что будет с князем Трубецким и какое наложат на него наказание. Приводила ее в тревогу одна только мысль, что ее возвратят мужу; просила, чтобы доставить ее к генерал-лейтенанту Дубельту, и при уверении, что ее везут именно в III Отделение, успокаивалась. Привязанность ее к князю Трубецкому так велика, что она готова идти с ним даже в Сибирь на поселение; если же их разлучат, она намерена провести остальную жизнь в монашестве. Далее и непрерывно говорила она, что готова всю вину принять на себя, лишь бы спасти Трубецкого. Когда брат ее прибыл в Царское Село для ее принятия, он начал упрекать ее и уговаривать, чтобы забыла князя Трубецкого, которого поступки, в отношении к ней, так недобросовестны. Она отвечала, что всему виновата она, что князь Трубецкой отказывался увозить ее, но она сама на том настояла. Когда привезли ее к ее матери, то она бросилась на колени и просила прощения, но и тут умоляла, чтобы ее не возвращали к мужу. Расписку г-жи Кохун (матери Жадимировской) при сем представить честь имею".

Генерал Дубельт учинил допрос Жадимировской и 8 июля доложил при представлении ее показаний и свое мнение: "Я расспрашивал г-жу Жадимировскую, и, кроме изложенных в прилагаемой записке обстоятельств, она решительно ничего не показывает, кроме некоторых подробностей о дурном с нею обращении мужа, которое доходило до того, что он запирали ее и приказывал прислуге не выпускать ее из дома. Ей 18 лет, и искренности ее показания, кажется, можно верить, ибо она совершенный ребенок. Мать и отчим Жадимировской приносят свою благоговейную признательность государю императору за возвращение им дочери и за спасение ее еще от больших, угрожающих ей несчастий".

Вот как изложила свой роман Лавиния Александровна Жадимировская.

"Я вышла замуж за Жадимировского по моему собственному согласию, но никогда не любила и до нашей свадьбы откровенно говорила ему, что не люблю его. Впоследствии

его со мною обращение было так невежливо, даже грубо, что при обыкновенных ссорах за безделицы он выгонял меня из дома, и, наконец, дерзость его достигла до того, что он угрожал мне побоями. При таком положении дел весьма естественно, что я совершенно охладела к мужу и, встретившись в обществе с князем Трубецким, полюбила его. Познакомившись ближе с Трубецким, не он мне, а я ему предложила увезти меня, ибо отвращение мое к мужу было так велико, что если бы не Трубецкому, то я предложила бы кому-либо другому спасти меня. Сначала он не соглашался, но впоследствии, по моему убеждению, согласился увезти меня, и карета была прислана за мною. Меня привезли к дому Федорова, но знал ли Федоров наши условия с Трубецким, мне решительно неизвестно. У дома Федорова встретил меня Трубецкой; мы вышли за заставу, где ожидал нас тарантас, и, таким образом, отправились мы по дороге к Москве. Следовали мы по подорожной Федорова, и, как я слышала, князь Трубецкой заплатил будто бы Федорову за его подорожную девятьсот рублей серебром. Другой причины к моему побегу не было, и другого оправдания привести я не могу, кроме той ненависти, которую внушил мне муж мой”.

5.

В холодных, сырых стенах Алексеевского рavelина переживал свой знойный роман князь Трубецкой. В ответ на предложение дать показание надо было собрать свои мысли, свои чувства и рассказать свою интимную историю. Но, прежде чем привести это необычное произведение тюремного творчества, пора, наконец, войти в некоторые подробности о личности романического узника Алексеевского рavelина.

Князь Сергей Васильевич Трубецкой родился в 1815 году. Один из сыновей блестящего генерал-адъютанта Александра I князя Василия Сергеевича, князь принадлежал к высшему кругу русской аристократии. Из камер-пажей вступил на службу на 18-м году жизни корнетом в Кавалергардский полк. Служба в кавалергардах была скорее вереницей шалостей, кутежей, проказ и проделок, которым предавалась в виде обычного времяпровождения золотая молодежь того времени, в особенности кавалергардская. Эта пора кавалергардской жизни весьма памятна русской литературе, потому что в атмосфере этой беспечной жизни развился пышным цветом Жорж Дантес, убийца Пушкина. В 1834 году князь Трубецкой,

”за известную его имп. величеству шалость”, был переведен в л.-гв. Гродненский гусарский полк. В день рождения нелюбимого полкового командира кавалергардская молодежь устроила примерные его похороны с факелами, пением — в этом заключалась известная шалость. В том же 1834 году Трубецкой был возвращен в Кавалергардский полк, но ненадолго. За разные шалости, проделанные в Новой Деревне — за причинение ночью беспорядка и по жалобе жителей Новой Деревни, — в октябре 1835 года Трубецкой был переведен в Орденский Кирасирский полк и только через два года был возвращен в л.-гв. Кирасирский ея величества полк⁶. В 1840 году был послан на Кавказ⁷ и прикомандирован к Гребенскому казачьему полку. Здесь он был сослуживцем и приятелем Лермонтова⁸, вместе с ним участвовал в экспедиции генерала Голофеева⁹ и в бою при реке Валерик. И здесь, на Кавказе, Трубецкой был в рядах блестящей великосветской молодежи, к которой так тянулся Лермонтов. Он был свидетелем последних месяцев жизни поэта, под аккомпанемент его игры произошла ссора Лермонтова с Мартыновым, также бывшим кавалергардом. Он был секундантом Мартынова, но его участие в дуэли было скрыто во время официального¹⁰ расследования. В 1842 году князь был переведен в Апшеронский полк и в следующем году вышел в отставку ”для определения к статским делам”. Трубецкой был женат на Е.П.Пушкиной, и его дочь от этого брака 7 января 1857 года вышла замуж за французского посла герцога Мори. Характеристику князя находим в воспоминаниях графини А.Д.Блудовой.

”Часто встречались мы тогда с Трубецкими. Это было семейство красавцев и даровитых детей. Старшие сыновья были уже скорее молодые люди, нежели отроки, и мы подружились со вторым, Сергеем, поскольку можно подружиться на балах и вечеринках, ибо мы не были въезжи в дом друг к другу. Он был из тех остроумных, веселых и добрых малых, которые весь свой век остаются Мишей, или Сашей, или Колей. Он и остался Сережей до конца и был особенно несчастлив, или неудачлив (хотелось бы выразить понятие, которое так прискорбно к нему идет). Конечно, он был кругом виноват во всех своих неудачах, но его шалости, как бы ни были они непростительны, сходят с рук многим, которые не стоят бедного Сергея Трубецкого. В первой молодости он был необычайно красив, ловок, весел и блистателен во всех отношениях

как по наружности, так и по уму; и у него было теплое, доброе сердце и та юношеская беспечность с каким-то ухарством, которая граничит с отвагой и потому, может быть, пленяет. Он был сорви-голова, ему было море по колено, и иногда, увы, по той причине, к которой относится эта поговорка, и кончил он жизнь беспорядочно, как провел ее: но он никогда не был злым, ни корыстолюбивым и не приучен был в детстве к этой моральной выдержке, которая единственно может воспитать в человеке верность долгу и стойкость против искушений жизни. Жаль такой даровитой натуры, погибшей из-за ничего”.

Отсутствием стойкости против искушений жизни графиня Блудова желает, очевидно, объяснить последний ”беспорядочный” поступок его жизни — роман с Жадимировской, о котором она со стыдливим лицемерием умалчивает. Немудрено, что 35-летний князь, с очаровательной внешностью, с таким сердцем, с таким прошлым подействовал на юное чувство молоденькой женщины. Что он нашел в этом романе, об этом он попытался рассказать на предложенный ему сейчас же по заключении в равелине вопрос от коменданта:

”Государь император высочайше повелеть соизволил взять с вас допрос: как вы решились похитить чужую жену, с намерением скрыться с нею за границу, и как вы осмелились на сделанный вами поступок. Почему имеете объяснить на сем же, со всею подробностью и по истине, с опасением за несправедливость подвергнуться строгой ответственности”.

Князь Трубецкой ответил:

”Я решился на сей поступок, тронутый жалким и несчастным положением этой женщины. Зная ее еще девицей, я был свидетелем всех мучений, которые она претерпела в краткой своей жизни. — Мужа еще до свадьбы она ненавидела и ни за что не хотела выходить за него замуж. Долго она боролась, и ни увещевания, ни угрозы, ни даже побои не могли ее на то склонить. Ее выдали (как многие даже утверждают, несовершеннолетнюю) почти насильственно; и она только тогда дала свое согласие, когда он уверил ее, что женится на ней, имея только в виду спасти ее от невыносимого положения, в котором она находилась у себя в семействе, когда он ей дал честное слово быть ей только покровителем, отцом и никаких других не иметь с нею связей, ни сношений, как только братских. — На таком основании семейная жизнь не могла быть счастливою: с первого дня их свадьбы у них пошли

несогласия, споры и ссоры. Она его никогда не обманывала, как до свадьбы, так и после свадьбы; она ему и всем твердила, что он ей противен и что она имеет к нему отвращение. Каждый день ссоры их становились неприятнее, и они — ненавистнее друг другу; наконец, дошло до того, что сами сознавались лицам, даже совершенно посторонним, что жить вместе не могут. Она несколько раз просила тогда с ним разойтись, не желая от него никакого вспомоществования; но он не соглашался, требовал непременно любви и обращаясь с нею все хуже и хуже. Зная, что она никакого состояния не имеет, и — я полагаю, чтобы лучше мстить, — он разными хитростями и сплетнями отстранил от нее всех близких и успел, наконец, посорить ее с матерью и со всеми ее родными”.

”Нынешней весной уехал он в Ригу, чтобы получить наследство, и был в отсутствии около месяца. По возвращении своем узнал он через людей, что мы имели с нею свидания. Это привело его в бешенство, и, вместо того, чтобы отомстить обиду на мне, он обратил всю злобу свою на слабую женщину, зная, что она беззащитна. Дом свой он запер и никого не стал принимать. В городе говорили, что обходится с нею весьма жестоко, бьет даже, и что она никого не видит, кроме его родных, которые поносят ее самыми скверными и площадными ругательствами. Я сознаюсь, что тогда у меня возродилась мысль увезти ее от него за границу. Не знаю, почему и каким образом, но я имел этот план только в голове и никому его не сообщал, а уже многие ко мне тогда приставали и стали подшучивать надо мной, говоря, что я ее увезти хочу от мужа за границу. Эти шутки и все эти слухи многим способствовали решиться мне впоследствии ехать именно на Кавказ: я знал, что они до мужа дойдут непременно”.

”Вскоре после сего узнал я, что он своим жестоким обращением довел ее почти до сумасшествия, что она страдает и больна, что он имеет какие-то злые помышления, что люди, приверженные ей, советовали ей не брать ничего из его рук, что он увозит ее за границу, не соглашаясь брать с собою не только никого из людей, бывших при ней, но даже брата, который желал ее сопровождать, и, наконец, что этот брат, верно, также по каким-нибудь подозрениям с своей стороны, объявил ему, что он жизнью своею отвечает за жизнь сестры”.

”В это самое время я получил от нее письмо, в котором она мне описывает свое точно ужасное положение, просит спасти ее, пишет, что мать и все родные бросили ее и что она

убеждена, что муж имеет намерение или свести ее с ума, или уморить. Я отвечал ей, уговаривая и прося думать только о своей жизни; вечером получил еще маленькую записочку, в которой просит она меня прислать на всякий случай, на другой день, карету к квартире ее матери”.

”Я любил ее без памяти; положение ее доводило меня до отчаяния; — я был как в чаду и как в сумасшествии, голова ходила у меня кругом, я сам хорошенько не знал, что делать: тем более, что все это совершилось менее, чем в 24 часа. Сначала я хотел ей присоветовать просить убежища у кого-нибудь из своих родных, но как ни думал и как ни искал, никого даже из знакомых приискать не мог; тогда я вспомнил, что когда-то хотел с Федоровым ехать вместе в Тифлис. На другое же утро я заехал к нему, дома его не застал; подорожная была на столе, я ее взял и отправился тотчас же купить тарантас. Я так мало уверен был ехать, что решительно ничего для дороги не приготовил. Тарантас послал на Московское шоссе, а карету послал на угол Морской с Невским. Она вышла от матери, среди белого дня, около шести часов; мы выехали за заставу в городской карете, потом пересели в тарантас и отправились до Москвы на передаточных, а от Москвы по подорожной Федорова. Я признаюсь, что никак не полагал делать что-либо противузаконное или какой-нибудь проступок против правительства; думал, что это частное дело между мужем и мною, и во избежание неприятностей брал предосторожности только, чтобы он или брат ее как-нибудь не открыли наших следов и не погнались за нами. Что мы не желали бежать за границу, на то доказательствами могут служить факты. Во-первых, за границу она должна была сама ехать; мне было гораздо проще и легче пустить ее и ехать после. Во-вторых, если бы имели намерение бежать за границу, то, во всяком случае, мы бы торопились и не ехали так тихо. От Тифлиса до Редут-Кале мы ехали 9 дней, везде останавливались, везде ночевали, между тем как из Тифлиса есть тысяча средств перебраться за границу в одни сутки, через сухую границу, которая в 125-ти верстах. В-третьих, когда нас арестовали в Редут-Кале, у нас была нанята кочерма или баркас в Потти и с нами должен был отправиться таможенный унтер-офицер, которого по тамошнему называют гвардионом. В Потти ожидали два парохода, которые должны были отправиться в Одессу. В-четвертых, наконец, у нас было слишком мало денег и никаких решительно бумаг, кроме подорожной

Федорова, которая ни к чему не могла служить. Что подало повод этим слухам, это, я полагаю, бумага, по которой нас установили и в которой было сказано арестовать: меня с женщиною, старающихся перебраться через границу, похитив 400 тысяч серебром денег и брильянтов на 200 тысяч серебром. Из-за нее мы теперь слышем по всему Кавказу за беглецов и воров”.

”Когда мы ехали отсюда, я желал только спасти ее от явной гибели; я твердо был убежден, что она не в силах будет перенести слишком жестоких с нею обращений и впадет в чахотку или лишится ума. Я никак не полагал, чтобы муж, которого жена оставляет, бросает добровольно, решился бы идти жаловаться. Мы хотели только скрываться от него и жить где-нибудь тихо, скромно и счастливо. Клянусь, что мне с нею каждое жидовское местечко было бы в тысячу раз краснее, чем Лондон или Париж. Я поступил скоро, необдуманно и легкомыслием своим погубил несчастную женщину, которая вверила мне свою участь”.

6.

Князь Сергей Васильевич Трубецкой был посажен в равелин 29 июня 1851 года; 12 февраля 1852 года из равелина был освобожден уже не князь Сергей Трубецкой, а рядовой Сергей Трубецкой. Военный суд, наряженный над Трубецким, быстро закончил свое дело. Уже 9 августа 1851 года на докладе генерал-аудиториата последовала высочайшая конфирмация, по коей ”за увоз жены почетного гражданина Жадимировского, с согласия, впрочем, на то ее самой, за похищение у отст. шт.-кап. Федорова подорожной и за намерение ехать с Жадимировской за границу повелено князя Трубецкого, лишив чинов, ордена Св. Анны 4-й степени с надписью ”За храбрость”, дворянского и княжеского достоинств, оставить в крепости еще на 6 месяцев, потом отправить рядовым в Петрозаводский гарнизонный батальон под строжайший надзор, на ответственность батальонного командира”.

Не скоро пришло облегчение участи рядового Сергея Трубецкого. Правда, уже в июле наследник ходатайствовал у Николая Павловича о переводе Трубецкого в войска Кавказского корпуса, и Николай выразился: ”Я не буду против этого перевода, ежели получу сведение, что он служит”. Но, когда в ноябре 1852 года Дубельт представил доклад о переводе, Николай сказал, что еще рано. Только в мае 1853 года

С.Трубецкой был произведен в унтер-офицеры с переводом в Оренбургские линейные батальоны, а 27 августа Николай написал: "Трубецкого отправить на службу туда, где есть случай к делу: в Аральск, или в новый порт Петровский". В марте следующего года Оренбургского линейного батальона № 4 унтер-офицер Трубецкой был произведен в прапорщики. Только после смерти Николая, 20 ноября 1855 года, за болезнью уволен со службы в чине подпоручика, с установлением за ним секретного надзора. Было дано и специальное указание о невыдаче ему заграничного паспорта. 17 апреля 1857 года Трубецкому были возвращены права потомственного дворянства и княжеский титул, но секретный надзор за ним сохранен и подтверждено запрещение выдавать заграничный паспорт. Князь Трубецкой поселился в своем имении Муромского уезда Владимирской губернии, и штаб-офицер корпуса жандармов, находившийся во Владимирской губернии, полковник Богданов 3-й время от времени доносил в III Отделение о поднадзорном. Между прочим, в одном из донесений жандармский штаб-офицер деликатно доложил, что "князь привез с собою из Москвы в марте 1858 года экономку, у которой, говорят, хороший гардероб, чего князь сам будто бы не в состоянии был сделать, что живет тихо, а экономка никому не показывается"; через месяц штаб-офицер докладывал, что Трубецкой "ведет скромную и обходительную жизнь, часто выезжает на охоту и почти всегда с той женщиной, которая появилась с ним из Москвы"; а еще через два месяца штаб-офицер в дополнение к своим донесениям сообщал, что "живущая у князя дама довольно еще молода, хороша собою, привержена к нему так, что везде за ним следует и без себя никуда не пускает".

Эта экономка была Лавиния Александровна Жадимировская. 19 апреля 1859 года умер князь Трубецкой, и Жадимировская тотчас же уехала из имения князя Трубецкого. Штаб-офицер донес, что она огорчена смертью князя и, выезжая в Петербург, говорила, что будет просить у правительства разрешения поступить в один из католических монастырей. В мае 1859 года Александр II разрешил выдать Лавинии Жадимировской заграничный паспорт.

Роман Трубецкого с Жадимировской Николаю Павловичу угодно было считать "гнусной мерзостью" князя. Все меры, принятые по его личной инициативе против князя Трубецкого вплоть до Алексеевского равелина, были выставкой лицемер-

рия Николая Павловича. В глазах подданных он был образцом семьянина и верного супруга, ибо преданность семейному очагу — необходимая черта в официальном образе русского монарха, но теперь-то мы получили возможность говорить о придворной распущенности нравов, о романах и изменах самого Николая Павловича. И вот этот человек, в стенах своего дома изменявший своей жене, преисполнился священного рвения к охране святости брака и выступил против князя Трубецкого.

Но только ли проявлением лицемерной жажды к охране семейных устоев должно объяснить стремительность Николая в деле Трубецкого и Жадимировской? Не нужно ли искать иных, менее лицемерных и высоких мотивов царского поведения? А поведение было таково, что поневоле вызывало представление о какой-то обиде чисто мужскому чувству царя. Действительно, есть определенное свидетельство о том, что красавица Жадимировская на дворянском балу обратила высочайшее внимание, в заведенном порядке была уведомлена о царской "милости", готовой излиться на нее, но, вопреки заведенному порядку, она не пришла в восхищение от мысли, что ее телом будет владеть русский император, а оскорбилась и ответила резким отказом на воцеления царя. Царь будто бы поморщился и промолчал, но, когда до него дошли вести об увозе Жадимировской, он остро почувствовал, что ему предпочли другого, вознегодовал и дал волю своему гневу. Отсюда — непримиримая стремительность царских волеизъявлений, тяжелая царская расправа с соперником.

Нужно добавить, что это столкновение с Трубецким на почве отношений к женщинам было не первым. Самая женитьба Трубецкого нанесла обидный удар самолюбию повелителя придворного гарема и потенциального соблазнителя всех фрейлин¹¹. О том, с каким скандальным шумом совершилось бракосочетание кн. Трубецкого, узнаем из письма А.Я.Булгакова к приятелю П.Ф.Макаровскому от 9 декабря 1835 года: "Весь Петербург теперь только занят обрюхатевшею фрейлиною Пушкиною. Государь всегда велик во всех случаях. Узнавши, кто сделал брюхо, а именно князь Трубецкой, молодой повеса, сын генерал-адъютанта, он их повелел тотчас обвенчать и объявил, что она год уже, как тайно обвенчана, ибо действительно — ни он, ни она не могли получить позволе-

ния у своих родителей, когда просили оное. Экой срам! Это дочь Петра Клавдиевича Пушкина**.

Светским приятелям роман его с Жадимировской казался последней проказой князя Трубецкого, но не вернее ли признать этот роман настоящим душевным делом князя, первым и последним подвигом его жизни. По мысли Николая, крепость должна была сломить, подавить "мерзостную" в его глазах романическую страсть князя. Монарх оборвал нить внешней жизни, благополучия, карьеры своего подданного, но даже и равелин не мог покорить страсть. Горячее чувство любви в холодных стенах равелина не умерло**.

*Русский Архив, 1908, т. I, стр. 376.

**Сведения о преступлении князя Трубецкого — в деле III Отделения, 4 эксп., 1851 года, № 142 — о скрывшихся из С.-Петербурга князе С.В.Трубецком и жене Жадимировского, в деле III Отд., 4 эксп. 1857 года № 262 — о наблюдении за кн. С.Трубецким, в папке № 81 (№ 93) секретного архива III Отд., в деле Алексеевского равелина № 38 о заключении Невдачина, Никитина, Юрьева, Лепацкого, Посникова и переписка о Трубецком 1852 года. Портрет и биографические сведения о С.В.Трубецком С.Панчулидзева в "Сборнике биографий кавалергардов 1825—1908 г.", СПб., 1908, стр. 74 и в биографиях Н.А.Жерве (там же, стр. 40), А.С.Кроткова (стр. 43) и Н.С.Мартынова (стр. 98). Характеристика — в воспоминаниях А.Д.Блудовой — Русск. Арх., 1872, стр. 1235—1236. О романическом интересе Николая Павловича см. в статье А.И.Соколовой "Имп. Николай и васильковые дурачества" (Истор. Вестник, 1910, янв., стр. 104—107). К этой статье, исполненной фактических ошибок, см. поправку С.Козубского (там же, 1910, июнь, стр. 1124—1125) и полную фактических неправильностей заметку М.Жемчужникова (там же, 1912, янв., стр. 431—432).

Страсть писателя
(Н.Г.Чернышевский)

1.

Николай Гаврилович Чернышевский был арестован у себя на квартире 7 июля 1862 года и немедленно с места был доставлен в важнейшую государственную тюрьму — Алексеевский равелин Петропавловской крепости. Здесь в одиночной камере равелина он провел один год десять месяцев и две недели, или шестьсот семьдесят восемь дней. Отсюда 20 мая 1864 года он был отправлен на каторгу.

Внешняя история пребывания Чернышевского в равелине может быть изложена в кратких чертах в следующем виде. В момент заключения Чернышевского в равелине был только один узник — поручик Бейдеман, но вслед за Чернышевским последовала в июле и в августе 1862 года довольно значительная группа лиц, привлеченных или прикосновенных к "Делу о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами", т.е. Герценом, Огаревым, Бакуниным. В тот же день, 7 июля, были приведены в равелин Н.А.Серно-Соловьевич и Ветошников, а затем Авдеев, Белозерский, Воронов, Владимиров, Котляревский, Лялин, Налбандов, Нечипоренко, Петровский, де Траверсе, Шебаев. Из этой группы пересидели Чернышевского ненадолго Лялин, Шебаев, де Траверсе и почти на год Серно-Соловьевич, Ветошников, Владимиров, Налбандов. В 1862 году в равелин были заключены по делу о политических кружках "с исключительно малороссийским направлением" Ив.Стронин и Вас.Шевич (оба сидели до 31 декабря 1862 года). В 1863 году население равелина сильно увеличилось. Главный контингент заключенных дало дело "Земли и Воли" (Андрущенко, Носов, Пушторский, Шатилов, Мосолов, Вейде, Издебский) и дело о вооруженном вос-

стании в Казани (Иваницкий, Жеманов, Мрочек). По своим отдельным делам содержались в равелине Мартьянов и Шелгунов. Из названных заключенных дольше Чернышевского пробыли в заключении Шелгунов (по 24 ноября 1864 года), Кувязев (по 15 октября 1866 года), Андрущенко (по 6 сентября 1864 года), Пушторский (по 5 сентября 1864 года), Столпаков (по 5 мая), Шатилов и Мосолов (по 25 мая 1866 года). Вот кто были товарищами Чернышевского по заключению!¹

Крепость находилась в это время в верховном (но совершенно номинальном) ведении с.-петербургского генерал-губернатора князя Суворова. Комендантом крепости был инженер-генерал А.Ф.Сорокин, не злостный тюремщик, во всяком случае, доступный человек, входивший в общение с заключенными. Смотрителем равелина был майор Удом. В период 1862—1864 годов в равелине царил сравнительно мягкий режим. Эта мягкость объясняется, по всей вероятности, тем обстоятельством, что сидевшие в это время были заключенными подследственными, а не осужденными. Режим, которому был подвергнут Чернышевский, был исключительным даже для этой эпохи. Самая главная и существенная льгота — разрешение письменных принадлежностей. Чернышевский мог писать. Ему было разрешено получать книги и писать письма, выполнять работы для печати. Наконец, правда очень редко, давались свидания с женой и родными. О пищевом режиме мы ничего не знаем, но во всяком случае цинги у Чернышевского не было *. Прогулки были разрешены Чернышевскому, но он ими почти не воспользовался. Он не любил гулять. Об этой своей особенности Чернышевский, между прочим, давал любопытнейшие объяснения в показаниях, данных сенату: "Я не гуляю и не прохаживаюсь. Исключение бывает, лишь когда я бываю принужден к тому желанием лица, перед которым обязан держать себя слишком почтительно. Я терпеть не могу ходить по комнате или саду. Это было ясно видно во время моего ареста. Сначала я думал, что тяжесть в голове, которую я чувствовал в первый месяц ареста, происходит от геморроя, и принуждал себя ходить по комнате для моциона. Но как только я заметил, что это боль не геморроидальная, а ревматическая, происходящая от того, что я лежал головой к окну, я стал ложиться головою в противоположную

*Опись вещам, бывшим у Чернышевского в равелине, см. вслед за текстом этой статьи.

сторону от окна и с того же дня перестал ходить, абсолютно перестал ходить по комнате. Когда меня приглашали выходить в сад, я сначала выходил, воображая, что в это время обыскивается комната и что я возбуждл бы подозрение отказом удалиться из нее, но месяца через три я убедился, что обысков не делают, подозревать не станут, — и, как только убедился в этом, стал отказываться выходить в сад. Так я абсолютно не сделал ни одного шага по комнате до сих пор (объяснение писалось в конце мая 1863 года. — П.Щ.). С начала сентября (1862 г.) — не выходил в сад с октября (1862 г.). Исключения были несколько дней в конце апреля, когда я принуждал себя к тому и другому по гигиенической надобности; она прошла — и вот уже больше месяца я опять бываю исключительно только в двух положениях — сижу и лежу”.

Чернышевский в равелине знал два положения — сижу и лежу — и два занятия — читаю и пишу, пишу больше, чем читаю.

Когда Чернышевский был арестован, он ни на одну минуту не сомневался в том, что у правительства не будет никаких улик к изобличению его в государственном преступлении и самое заключение не может быть продолжительным. 5 октября 1862 года, т.е. через три месяца после ареста, он писал жене: “Можно только судить по здравому смыслу, что большая половина нашего времени разлуки прошла”. Но правительство не ошиблось в определении удельного веса личности Чернышевского и не остановилось ни перед какими мерами и средствами для фабрикации улик. История самого процесса нам теперь хорошо известна. Когда Чернышевский увидел, что следователи и судьи, затянувшие почти на четыре месяца первый допрос, чисто формальный, и почти на 10 месяцев второй, фактический, перешли наконец в нападение с оружием в руках, он встрепнулся и перешел от издевательства над ними к отчаянной обороне. Но величайший рационалист, он верил в объективную мощь велений разума и оборонялся привычным для себя орудием — логикой. Он изострил лезвие силлогизмов; его пространные объяснения, написанные в тиши равелина и занимающие три с половиной печатных листа, замечательны по логическому построению и железной несокрушимости доводов. Он полагал, что его силлогизмы свяжут мышление преследователей, и жестоко ошибся. Судьи знали одно — Чернышевский должен быть осужден во что бы то ни стало, — и это задание они выполнили. Борьба с сенатским “правосудием” отняла у Чернышевского немало времени,

но все же не поколебала основного настроения, владевшего им в равелине. Ра б о т а, ра б о т а и ра б о т а! Чернышевский развернул необычайно широко и интенсивно интеллектуальную деятельность. Я не знаю другого примера, чтобы заключенный сделал за такой период столько, сколько сделал Чернышевский. Скажу больше, и для человека на воле была бы не под силу работа, выполненная Чернышевским в равелине.

В непропущенном письме к жене от 5 октября 1862 года Чернышевский излагал свои мечты о предстоящих ему работах: "Теперь планы этих трудов обдуманы окончательно. Я начну многотомную "Историю материальной и умственной жизни человека", — историю, какой до сих пор не было, потому что работы Гизо, Бокля (и Вико даже)² деланы по слишком узкому плану и плохи в исполнении. За этим пойдет "Критический словарь идей и фактов", основанный на этой истории. Тут будут перебраны и разобраны все мысли обо всех важных вещах и при каждом случае будет указываться истинная точка зрения. Наконец, на основании этих двух работ я составлю "Энциклопедию знания и жизни" — это будет уже экстракт небольшого объема, два-три тома, написанный так, чтобы был понятен не одним ученым, как два предыдущие труда, а всей публике. Потом я ту же книгу переработаю в самом легком, популярном духе, в виде почти романа, с анекдотами, сценами, остротами, так, чтобы ее читали все, кто не читает ничего, кроме романов. Чепуха в голове у людей потому, что они и бедны, и жалки, злы и несчастны; надобно разъяснить им, в чем истина и как следует им думать и жить. Со времени Аристотеля не было сделано еще никем того, что я хочу сделать, и я буду добрым учителем людей в течение веков, как был Аристотель". Знаменательно то, что этим отрывком следователи воспользовались для того, чтобы уличить Чернышевского собственными его устами в непомерном самолюбии и навести тем на мысль, что такой человек не может не быть врагом общественного порядка. Против столь неожиданного использования интимного письма к жене Чернышевский оправдывался указанием на то, что судьи не поняли иронии его слов, иронии над самим собой. Но мы не верим в искренность этого оправдания. Конечно, искренни были именно тюремные мечтания Чернышевского. Высокое понятие о своей личности сложилось у него рано, еще на студенческой скамье. 23 сентября 1848 года он записал в своем дневнике следующее мнение о самом себе: "Я должен сказать,

что я довольно твердо считаю себя человеком не совершенно дюжинным, а в душе которого есть семена, которые если разовьются, то могут несколько двинуть вперед человечество в деле воззрения на жизнь, и если я хочу думать о себе честно, то, конечно, я не придаю себе бог знает какого величия, но просто считаю себя одним из таких людей, как, напр., Гримм, Гизо и проч., или Гумбольдты³, но если спросить мое самолюбие, то я могу отвечать себе — я бог знает что: может быть, у меня выйдет что-нибудь вроде Гегеля или Платона, или Коперника, одним словом, человек, который придаст решительно новое направление, которое никогда не погибнет, который один открывает столько, что нужны сотни талантов или гениев, чтобы идеи, высказанные этим великим человеком, переложить на все, к чему могут быть они приложены, в котором высказывается цивилизация нескольких предшествующих веков, как огромная посылка, из которой он извлекает умозаключения, который задает работы целым векам, составит начала нового направления человечества". В сущности, признание, высказанное в равелине, повторяет психологическое настроение студента в 1848 году и только оформляет его содержание. Чернышевский только не прав, говоря о своем самолюбии. Это не самолюбие, а честолюбие, но высочайшее честолюбие!

Огонь этого честолюбия поддерживал и жизнь, и духовную бодрость Чернышевского в равелине. Творческие горизонты открывались перед заключенным, и если он не написал "Истории материальной и умственной жизни человечества", не написал "Критического словаря идей и фактов", то это — не его вина. И не в том дело, что в равелине Чернышевский не мог получить всех тех книг и пособий, которые нужны были для его работы в грандиозном количестве; если бы чудом они и оказались в его камере, и тогда бы он не смог выполнить своих заданий в силу специфической особенности влияния одиночного тюремного заключения на психику. В тюрьме не хватает человеку сознания свободы своего существования, своей жизни. Без этого сознания умственное творчество бесполо, не оплодотворяет.

2.

Чернышевский сидел и писал, а начальство, пропустив некоторые из его рукописей на волю для печати, складывало их лист за листом и отсылало в III Отделение. Здесь чиновники, опасаясь, очевидно, разрушительного действия идей Черны-

шевского, вкладывали рукописи в пакеты, пакеты печатали печатью и затем сдавали в архив. Эти запечатанные рукописи пролежали в архиве до революции 1917 года и только в этом году были распечатаны. Большая часть рукописей не издана и не известна исследователям. Чернышевский заслуживает, конечно, быть изданным, и, конечно, будут изданы и все работы его, написанные в раверине. Вот краткое изложение литературной деятельности Чернышевского в раверине в хронологическом порядке, как это можно установить по датам на рукописях.

12 декабря 1862 года Чернышевский закончил отделку перевода XV и XVI томов "Всеобщей истории" Шлоссера⁴. Обращаясь по начальству за разрешением купить и переводить XVII том истории, он доводил до его сведения, что "начал писать беллетристический рассказ, содержание которого, конечно, совершенно невинно, — оно взято из семейной жизни и не имеет никакого отношения ни к каким политическим вопросам, но если бы представлялось какое-нибудь возражение против этого занятия беллетристикой, то, конечно, Чернышевский, — писал он о себе в препроводительной записке от 15 декабря 1862 года, — оставит его". Речь идет здесь о романе "Что делать?", романе, который он начал писать 4 декабря 1862 года и кончил 4 апреля 1863 года. Сначала — до половины листа 18-го — он писал обыкновенным шрифтом, а затем в целях ускорения стал прибегать к разработанной им системе скорописи, показавшейся подозрительной его тюремщикам. "Отсюда, — пометил Чернышевский в рукописи, — я начинаю писать сокращенно, как писаны все мои черновики, притом же ведь это черновая рукопись, которая не переписывается набело без сокращений. Но если непременно захотелось бы прочесть и эти черновые страницы романа, я готов прочесть их вслух (это легко) или дать ключ к сокращениям". "Что делать?" Чернышевский написал дважды, начерно сокращенной скорописью и набело. Беловая редакция была отослана в "Современник" и здесь была напечатана.

5 апреля 1863 года, значит, непосредственно после окончания "Что делать?", он начал писать повесть "Алферьев — из воспоминаний о новых людях". В черновой рукописи стояло первоначально заглавие "Шестаков", и были пометы: "5—6 апреля 1863 года. Перечитывал 23 мая 1863". При перечитывании фамилия "Шестаков" была заменена фамилией "Сырнев", а в беловой рукописи появляется уже "Алферьев". Начало повести напечатано в т. X Полного собрания сочинений⁵.

В рукописи есть ненапечатанное продолжение, но несколько полулистов в середине утеряно, и рукопись все-таки не закончена. Писана она 27 мая — 5 августа 1863 года.

Занимаясь беллетристикой, Чернышевский продолжал и переводные работы. 8 марта 1863 года он отослал через коменданта крепости в "Современник" 20 листов "Истории XIX века" Гервинуса⁶, а 9 и 24 июля препроводил перевод VII и VIII тт. "Истории Англии" Маколея⁷ (91 лист).

5—18 сентября, 2—16 октября по книге Кинглека Чернышевский написал объемистую статью о Крымской войне, вошедшую в т. XI Полного собрания сочинений. 21 ноября — 27 ноября в 10 1/2 часов вечера того же года было сделано начало (ненапечатанное) перевода работы Г.Л.Крике "Племена и народы" (16 полулистов).

Под влиянием чтения "Исповеди" Руссо Чернышевский перешел к новому литературному роду — автобиографическому. 8 июня он начал писать "Из автобиографии", дав еще подзаголовок — "Воспоминания слышанного о старине". Рукопись автобиографии, сохранявшаяся в архиве III Отделения, состоит из 27 листов, занумерованных цифрами 1—27, и 20 полулистов, занумерованных цифрами 29—48. Лист 28 явно затерян. Первые 27 листов заключают первую редакцию автобиографии. Н.Г.Чернышевский, работая в рабеллине, имел обыкновение ставить даты. Первая дата — дата начала работы над автобиографией — 8 июня 1863 года, 8 часов вечера; последняя дата, имеющаяся на листах первой редакции, — 30 сентября. Всего Чернышевский отметил в рукописи первой редакции 43 даты. Следовательно, Чернышевский написал первую редакцию в 43 приема, по полулисту, а иногда и меньше зараз. Первая редакция производит впечатление работы, спешно выполняемой, с некоторой небрежностью; встречаются орфографические ошибки, пропуски слов, неправильное строение фраз. Помарок и исправлений сравнительно немного, и все они вызываются стремлением к большой точности в передаче мысли, а не к правильному стилю. 28 октября 1863 года Чернышевский начал пересмотр написанного им материала автобиографии, занимался этим делом до 6 ноября и написал вторую, беловую редакцию. Видимо, он готовил ее к печати. Не весь фактический материал первой редакции вошел во вторую, вошла приблизительно половина. Во второй редакции налицо известное систематизирование материала

по отдельным эпизодам с сохранением хронологической и логической связи*.

С 7 сентября по 31 декабря 1863 года Чернышевский писал новую беллетристическую вещь "Повести в повести". О ней будет речь дальше.

С 14 декабря 1863 года по 4 января 1864 года Чернышевский переводил "Историю Соединенных Штатов" Неймана и 22 января представил в III Отделение.

С ноября 1863 года по 16 февраля 1864 года Чернышевский занимался Руссо. Сохранились отрывки перевода "Исповеди" на 43 полулистах и "Заметки для биографии Руссо" на 46 листах. И перевод Неймана, и работы по Руссо не напечатаны.

29 декабря 1863 года — 11 марта 1864 года Чернышевский писал "Введение к трактату о политической экономии Милля"⁸ (10 листов).

В 1864 году были выполнены следующие работы: 16 января — из "Memoires de S.Simon"⁹ (2 полулиста); 29 декабря — 29 января — 11 марта — отрывки из "Ma biographie par Beranger"¹⁰ (4 полулиста); 21 февраля — 21 марта — 29 мелких рассказов (32 полулиста); 31 января — 14 апреля — "Заметки о состоянии наук. Очерк истории элементов нашей цивилизации" (67 полулистов); 30 марта — "Наша улица. Корнилов дом" (отрывки к автобиографии — 5 полулистов).

Отправляясь в ссылку, Чернышевский сдал коменданту крепости бывшие при нем личные вещи, книги и рукописи по лично им составленным спискам. Приводим любопытный список бумаг, который дает представление об оценке автором своих работ.

*И первая и вторая редакции изданы в 1928 году Госиздатом в книге "Литературное наследие Чернышевского".

Эпизоды занумерованы автором: от 1 до 15. После 15 эпизода опущены эпизоды 15—108, причем под обозначением 15—108 Чернышевский написал: "Это все после, когда можно будет напечатать; — вероятно, скоро: дела и люди поколения моей бабушки и сестер — дела и люди давних времен". Надо думать, что эпизоды 15—108 вовсе не были написаны. Вслед за только что приведенным объяснением к эпизодам 15—108 во второй редакции находились еще два пространных эпизода, записанных автором под № 349 и 350. На последнем полулисте первой редакции дата — 6 ноября. Эпизоды 109—348, очевидно, постигла та же участь, что и 15—108. Они не были, надо полагать, написаны.

СПИСОК БУМАГ ЧЕРНЫШЕВСКОГО (рукой Чернышевского)

“Черновые бумаги, в трех конвертах: в первом — полулисты 1—100-й, во втором — 101—200-й, в третьем — 201—279, двести семьдесят девять полулистов.

Некоторые из этих бумаг имеют денежную цену, ее имеют все следующие бумаги, вложенные в бумажный мешок:

1. Отрывки из романа “Повести в повести”: А) отрывок, отмеченный надписью “продолжение повести Алферьев”, нумерованный цифрами от 19 до 36, восемнадцать полулистов; В) начало второй части, полулисты 1—53, пятьдесят три полулиста.

2. Сокращенный перевод второй части Confessions Руссо, тридцать полулистов.

3. Мелкие рассказы, тридцать два полулиста.

4. Начало ученого сочинения с надписью “Заметки о состоянии Наук”, шестьдесят семь полулистов.

5. Выписка из соч. Руссо, с надписью “Заметки для биографии Руссо”, сорок шесть (46) полулистов. Продолжение этих выписок еще не вложено в мешок.

Н. Чернышевский.

Эти бумаги, точно так же как и книги, список которых занимает другой полулист этого листа, прошу передать А.Н.Пыпину, или тому лицу, которому он поручит взять их. Н.Г.Чернышевский” *

3.

Вот перечень работ, написанных Чернышевским в Алексеевском равелине. Он поражает своей грандиозностью. Если подсчитать количество печатных листов, то получатся цифры совершенно невероятные. Кажется невозможным выполнение автоматической переписки такого количества листов в такое время. В самом деле, если мы не примем в расчет черновых редакций и ограничимся учетом только беловых рукописей, то мы получим приблизительно следующие цифры: печатных листов по 40 тыс. букв в листе: беллетристика — 68, научные работы — 12, автобиография — 10, судебные показания и объяснения — 4, компиляция (Кинглек) — 11, переводы — 100 листов — всего около 205 печатных листов, или чуть

* Пакеты эти не дошли по назначению и сохранились в архиве III Отделения.

побольше 9 1/2 печатных листов в месяц. Если отнести компиляции и переводы к работам, не требующим творческого напряжения, то на последние в месяц падает около 4 с лишним печатных листов — и это из месяца в месяц, непрерывно 22 месяца подряд. А если накинуть еще до 50 печатных листов черновых редакций, то тогда придется на месяц до 11 1/2 печатных листов. Остается рассчитать рабочий день Чернышевского в равелине и поставить вопрос: сколько времени уходило в день на критическую работу во время писанья и на мыслительный процесс? Да надо оставить еще время на чтение. Из списка книг, находившихся у Чернышевского в декабре 1863 года, видно, что он читал усиленно. Нелишне (в целях исследования литературных влияний) перечислить авторов, бывших у него в равелине: Диккенс, Жорж Санд, Стерн, Гоголь, Лермонтов, Кольцов, Тютчев, Фет, Беранже, Гейне, Помяловский, Гораций, Овидий, Рейбо, Некрасов, Каррер, Бель, Монтень, Флобер, Леса́ж, Смо́летт, Фрейтаг, Дарвин, Фохт, Гексли, Лайелль, Оуэн... *Чересчур понятным становится теперь рассуждение Чернышевского о прогулке, приведенное нами выше. "Сижу и лежу" — только эти два положения и могли быть ведомы Чернышевскому.

4.

В тюремном литературном наследии знаменитого публициста на беллетристику приходится 68 печатных листов. Единственная вещь из тюремной беллетристики известна нам полностью: роман "Что делать?". Это написанное в каменном застенке произведение, которое только условно можно назвать романом, пользовалось поразительным успехом у современной молодежи и оказало мощное влияние на склад революционного мирозерцания эпохи. "Что делать?" было по времени первым беллетристическим произведением Чернышевского в крепости. Роман написан в первый период заключения, когда было сильно оживление, когда не отзвучала еще действительность, от которой Чернышевский ушел навсегда. В романе своеобразно переплелись два элемента: оправдание эмпирического быта, в котором жил Чернышевский, и построение утопии будущей счастливой жизни, когда не будет ни бедных, ни несчастных, а все будут вольны и счастливы. Чернышевский начал с глубоко субъективных переживаний и

*Список книг, бывших у Чернышевского в равелине, даю вслед за текстом этой статьи.

кончил объективным построением высочайшего порядка. И подругу своей жизни он вознес на недостижимую высоту: в действительности она такой не была и уж во всяком случае была чужда тому идеалистическому обоснованию отношений мужа и жены, которое воздвиг Чернышевский. (Автобиографическое значение романа "Что делать?" еще не оценено.) О новых людях, о новой морали думал Чернышевский, работая над беллетристическими опытами. Эти новые люди поступают по-новому, дают новое разрешение вопросам быта и человеческих отношений — они все позитивисты, материалисты, разумные эгоисты. Стремление к выгоде для них — основа жизни. Чернышевский потратил немало логических усилий, чтобы благороднейшим и альтруистическим по обычной терминологии поступкам своих героев дать материалистическое основание. Но уже, конечно, в основе его отношений к героине его жизни Ольге Сократовне лежал не эгоизм разумный, а самый настоящий аскетический романтизм. Разве не романтична формула, которой определял он сам свои отношения к жене: "Умру скорее, чем допущу, чтобы этот человек сделал для меня что-нибудь, кроме того, что ему самому приятно". Заключенный в крепостной темнице утверждал себя в разумном эгоизме: "Я чувствую радость и счастье — значит: мне хочется, чтобы все люди были радостны и счастливы". Трогательность этого чувства оценишь глубже, когда сопоставишь другой тюремный афоризм: "Полного счастья нет без полной независимости". Да, полной независимости не было в равелине, да и где она?

За романом "Что делать?" последовал длинный ряд беллетристических опытов, из которых по настоящий день нам известны жалкие отрывки. Чуть не на другой день по окончании романа "Что делать?" Чернышевский начал писать повесть "Алферьев". С 7 сентября по 20 ноября 1863 года Чернышевский писал новую беллетристическую вещь "Повести в повести". 21 октября он переслал в III Отделение 58 листов, а 23 ноября — 64 полулиста, составлявших в совокупности первую часть вещи. С 28 ноября по 1 января 1864 года Чернышевский продолжал "Повести в повести". Беловой редакции второй части он представил 53 полулиста. Из них утрачены листы 28—49 (3 глава). Кроме того, сохранилось разрозненных отрывков, черновиков и вариантов к этому труду 128 полулистов. III Отделение конфисковало эту работу, и она до сих пор полностью не напечатана.

Самый крупный беллетристический опыт, "Повести в повести" — произведение с причудливой архитектуркой, это — "книга в самом легком, популярном духе, в виде почти романа, с анекдотами, сценами, остротами, так, чтобы ее читали все, кто не читает ничего, кроме романа". Роман "Повести в повести" — произведение, задуманное в плане известного сборника сказок "Тысяча и одна ночь".

Чернышевскому необычайно нравился этот сборник арабских сказок. "Есть сказки не для детей, — пишет Чернышевский в предисловии, — сборниками сказок больше, чем самим Данте, славилась итальянская литература эпохи Возрождения. Их очаровательное влияние господствует над поэзией Шекспира; все светлое в ней развилось под этим влиянием. Через Шекспира и мимо Шекспира влияние итальянских сказок проникает в английскую литературу. Я уже только очень поздно познакомился с итальянскими сборниками сказок. Мои грезы были взлелеяны не ими. Я в молодости очаровывался сказками "Тысяча и одной ночи", которые тоже вовсе не "сказки для детей"; много и много раз потом, в мои зрелые лета, и каждый раз с новым очарованием я перечитывал этот дивный сборник. Я знаю произведения поэзии не менее прекрасные, более прекрасного не знаю".

Чернышевский дает литературный анализ своим "Повестям в повести". «Мой роман "Повести в повести" вышел прямо из моей любви к прелестным сказкам "Тысяча и одной ночи". Материал этого сборника — не мой материал; я, подобно всем, — европеец половины XIX века, содержание моей поэзии, как и вашей, поэзия новой Европы. Но влияние сказок "Тысяча и одной ночи" господствует в моей переработке этого материала. Даже форма перенеслась в мой сборник из арабских сказок. Как там рассказ о судьбе Шехеразады служит рамкою для сказок, вставляемых в него, так у меня "Рассказ Верещагина" служит рамкою для "Рукописи женского почерка". Мой Верещагин — не автор этой "Рукописи", — авторы ее — лица, чуждые ему, желающие подружиться с ним и уже в первой части романа успевшие приобрести дружбу его жены и дочери. Но эта разница чисто внешняя. Существенное отношение и там, и здесь одинаково: как там судьба Шехеразады связана с успехом ее сказок, так у меня жизнь Верещагина связывается с тем, нравится ли ему "Перл создания". Ясно, что и завязка эта чисто сказочная и сам Верещагин — лицо чисто сказочное. Сказка, столь же чуждая всякой претензии

казаться правдоподобною, как сказка о судьбе Шехеразады. Еще меньше этой претензии в "Перле создания": его авторы — Сырнев, Всеволодский, Крылова, Тисьмина — нимало не скрывают того, что они рассказывают небывальщину, — каждый автор беспрестанно противоречит всем остальным, еще больше и усерднее заботится разрушать на следующей странице то, что сам написал на предыдущей, так, чтобы выходил бессвязный ряд отрывков, которые, по-видимому, невозможно слить в одно целое". Эстетическую сущность своего приема Чернышевский характеризовал так: "Давать воображению самой читательницы, самого читателя играть переплавкою материала и сравнивать потом, удалось ли сплавить эти сливающиеся части в одно целое поэтичнее, чем слиты они последующими тетрадами "Перла создания" и отражением их в "Рассказе Верещагина". У многих очень часто, у некоторых, я надеюсь и желаю, почти постоянно, у каждой и каждого хоть иногда — будет удача в этой борьбе поэтичностью вымысла с Крыловой, Тисьминой, Сырневым, другими "авторами", рассказывающими о себе в "Перле создания". Сущность чистой поэзии состоит в том, чтобы возбуждать читающих к соперничеству с автором, делать их самих авторами".

"Вот для этого-то главные действующие лица сказки должны иметь характер эфирности, не иметь ничего осязаемого, реального в своих чертах; сказка — это "Перл создания" в том смысле, что наполовину — и более чем наполовину — создается вами самими, и оттенки ее красок легкие, играющие перламутровые оттенки, всех цветов радуги, но только скользящие в ваших собственных грезах по белому фону сказки. Вот в этом смысле эфирны все главные действующие лица хороших сказок, и азиатских, и европейских: это существа воздушные, создаваемые не столько самою сказкою, сколько вами самими".

Надо сказать, что задач, которые поставил автор своему роману, он не выполнил: отдельные эпизоды остались не спаянными, а читательскому воображению автор не дал работы, ибо он не был художником. По всей вероятности, сознание противоречия между замыслом и исполнением помешало Чернышевскому довести до конца "Повести в повести". Закончена первая часть, и сохранилось порядочное количество набросков по второй. Целиком произведение Чернышевского трудно читаемо, но кое-какие эпизоды любопытны и интересны. А в конце концов нужно признать, что и "Перл создания", да и другие беллетристические опыты созда-

ва л и с ь о т т о с к и т ю р е м н о й ж и з н и п о к о н т -
р а с т н о м у с в о й с т в у , а н е в п о р ы в е т в о р ч е с к о г о
в д о х н о в е н и я . П с и х о л о г и ч е с к о е в о з н и к н о в е н и е " П о в е с т и в п о -
в е с т и " о ч е н ь я р к о и з о б р а ж е н о в п р е д и с л о в и и Ч е р н ы ш е в с к о г о :

Грязь и холод : смолкли птицы;
Тусклы стали небеса,
Но доходят до светлицы
Доброй вести голоса...
 Как ребенок, им внимаю;
 Что сказалось в них, не знаю...
 Но под легкий шум березы
 К изголовью, в царство грезы
 Никнет голова...

Струн томленье, хоров пенье...
Жизнь, как праздник, хороша...
Небо тихо голубеет,
Расширяется душа...
 Розы, лилии, жасмины
 Рву под трели соловья:
 Друг мой Нанни, эти руки
 Вьют подарок для тебя.

"В таком настроении духа писаны сказки первой части моего сборника. Мы в нашей литературе все занимаемся общественными вопросами. Это прекрасно, но бывает потребность и в отдыхе от серьезных мыслей, потребность забыть хоть на час, что мы — гражданки и граждане, помечтать легкими, светлыми грезами чистой поэзии, чуждой всякого общественного служения. В такие часы читайте первую часть моего романа: она у меня уже вся готова, когда я пишу это предисловие, и я вижу, что она годится для таких часов".

Но Чернышевский ошибается, говоря о грезах чистой поэзии, чуждой общественного служения. Именно идеей общественного служения и созданы чистые грезы об идеальном человеке, о совершенных отношениях между людьми. И, конечно, если в произведениях Чернышевского есть поэзия, то эта поэзия — не чистая, а общественная. Чернышевский пытается отделить свою поэзию от своей публицистики: "Если я здесь сказочник, забывающий всякую гражданскую деятельность, думающий только о песнях любви и трелях соловья, о розах, лилиях и жасминах, то в других моих произведениях, в моих бесчисленных статьях, я — публицист. Как публицист я — предмет сочувствий и антипатий более сильных, чем довольство или недовольство сказочником, поэтом. Я нисколько не в претензии на людей — писателей и не писате-

лей, — оказывающих мне честь своей неприязнью. Я был бы неоснователен, если бы надеялся или желал не быть предметом такого чувства от них. Но каждое положение имеет свои надобности. Положение людей, оказывающих мне честь своею враждою ко мне как публицисту, возбуждает в них непреодолимую для них самих потребность искать в моих поэтических произведениях пищу для удовлетворения неприязни, которую они совершенно основательно питают ко мне как к публицисту. Эта потребность непреодолима и для них самих. А если я нахожу этот факт натуральным и основательным, то должен и поступить сообразно тому”.

Не желая поступать неделикатно с читателями, Чернышевский решает и себя изобразить в этом романе под видом ”Эфиопа”. ”Эфиопы видом черны”, — помните из ”Власа” — псевдоним, которым подписана одна из моих очень серьезных статей. Итак, Эфиоп — это я, отставной титулярный советник Н.Чернышевский, семинарист, человек очень много учившийся, еще больше думавший о предметах очень серьезных, между прочим, о человеческом сердце, и о любви, и о поэзии, публицист очень суровый и чрезвычайно грубый”.

И самый роман Чернышевский начинает ”биографией и изображением Эфиопа”, т.е. самого себя. Чернышевский рекомендует себя сжато и выразительно.

”Я родился в Саратове, губернском городе на Волге, 12 июля 1828 года. До 14 лет я учился в отцовском доме. В 1842 году поступил в Нисшее Отделение (реторический класс) Саратовской Духовной Семинарии и учился в ней прилежно. В 1846 году поступил в Императорский С.-П.-Бургский университет на филологический факультет. Был прилежным и смирным студентом, потому в 1850 году получил степень кандидата. По окончании курса поступил преподавателем русского языка в...

Кажется, впрочем, это несколько сухо. Но надобно ли мне изобразить себя более осязательными чертами. — Можно.

В настоящее время (осень, 1863) мне 35 лет. Ростом — 2 аршина 7 1/4 или 7 1/2 вершков¹¹. Цвет волос — русый; в детстве, как у многих поволжан, был рыжий. Лицом я некрасив. Глаза у меня серые”.

5.

Как бы ни были рассеяны отдельные звенья романа Чернышевского, как бы ни были они разноценны, можно нащупать

связующую нить: это — мечта о новой морали, новом человечестве, попытка схематического построения нового, необыкновенного человека. После романа "Что делать?" Чернышевский стал сейчас же писать повесть "Алферьев". Начало этой повести воспроизведено в собрании сочинений, продолжение — в неизданном тюремном наследии. Сначала герою была выбрана фамилия "Шестаков", потом "Сырнев". В "Повести в повести" появляется вновь Сырнев. Под разными именами все тот же герой — новый человек с новым кодексом нравственности. О нем говорят авторы повестей в романе Чернышевского; его биография, его характеристика занимают немало страниц. Сырнев — это тот необычайный, новый человек, которого изображает Чернышевский во всех своих беллетристических опытах, но при отсутствии художественного таланта у Чернышевского не получается живого, яркого образа, это человек в схематическом разрезе, не человек, а схема идеального человека, чрезвычайно ценная для уяснения моральных стремлений эпохи, пронизывавших передовых людей шестидесятых годов. Алферий Сырнев — материалист, беспощадно, до логического конца развивавший свою точку зрения в приложении ко всем вопросам жизни, человек, поступки которого неизменно соответствовали его убеждениям; беспристрастный исследователь фактов. Сырнев занимался высшим математическим анализом, он стремился овладеть им и развить для того, чтобы заняться перенесением его на нравственно-общественные науки. Любопытны аксиомы, выдвинутые героем Чернышевского: "Наука признала один только порядок пригодным для всех отраслей умственной деятельности: генетический порядок. Начинайте с происхождения коренных элементов положения, показывайте, как оно видоизменяется естественною комбинациею этих элементов, и результат всегда явится фактом "натуральным, не имеющим ничего странного"». И другая аксиома: "Мелкие ошибки становятся очень полезны, когда анализ обращает их в средство рассмотреть важность и благотворность принципа, ими нарушенного. Старайтесь замечать это — вы приобретете опытность и станете вернее поступать в будущих, более важных случаях".

Вот характеристика Сырнева. Он извинял все, кроме одного: опрометчивости в суждениях. Потому почти над всем, что обыкновенно считают за достоверное по нравственно-общественным наукам, он произносил свое ледяное:

"Неизвестно".

Зато очень многое из того, что для большинства профанов и специалистов представляется загадочным или недоступным научному решению, — очень многое из этого, и в этом числе все существенно важное для жизни и науки он находил уже несомненно разъясненным наукой на благо людей, уже перешедших из мрака иллюзий и фантомов, вражды и зла в светлую и добрую область

”и з в е с т н о”.

Для него было ”неизвестно”, существует ли на свете хоть один человек, который ”действительно дурен”; ”неизвестно”, было ли насквозь проедено испорченностью сердце даже величайших злодеев и негодяев; ”неизвестно”, не сохранял ли, незаметно даже для самих себя, что-нибудь чистое и святое в душе даже Тиберий и Катерина Медичи¹². Но ему было ”известно”, что даже для них было легко и приятно стать добрыми и честными; ему было ”известно”, что никто из людей не способен любить зло для зла и каждый рад был бы предпочитать добро злу при возможности равного выбора; что поэтому дело не в том, чтобы порицать кого-нибудь за что бы то ни было, — а в том, чтобы разбирать обстоятельства, в которых находился человек; рассматривать, какие сочетания жизненных условий удобны для хороших действий, какие неудобны; ”наука не останавливается на факте — она анализирует его происхождение” — таков был его взгляд на жизнь. — ”Наука беспощадно снисходительна”, — говорил он.

”Я сказал несколько слов об Алферии Алексеевиче как о мыслителе, применявшем ”беспощадную снисходительность” точного научного метода к явлениям человеческой жизни. Этими словами я характеризовал его и как человека: он был, по моему мнению, замечательнее всего тем, что его воззрение на жизнь вполне соответствовало его характеру, поступки — неизменно соответствовали его убеждениям. Надобно было только раз услышать, как он произносит свои любимые ”неизвестно” и ”известно”, — ”исследуем”, — ”обдумаем”, и человек, никогда не видывавший его, ничего не слышавший о нем, чувствовал любовь и уважение к этому белокурому юноше, застенчивому и нежному, такому кроткому и такому непоколебимому, такому горячему другу людей и такому бесстрастному исследователю фактов”.

В характеристике Сырнева чрезвычайно любопытно описание его чувств к женщине: несомненно, Чернышевский вкладывает в это описание черты автобиографические (любовь к жене).

”Чувство Алферия Алексеевича к ней было совершенно иное, — чувство, гораздо чаще встречающееся в юношах чистой души, чем обыкновенно думают. Я назвал его чувство: благоговением. Оно многим известно по опыту. Но оно редко изображалось, и потому нет готовности узнавать его, когда о нем рассказывается в печати: одни могли бы смешать его с платонической любовью — чувством искусственным или болезненным и очень часто обманчивым, другие — с дружбою. Нет, это совершенно не то. Это чувство подобное тому, какое поэт старины имел к существу, в котором олицетворялась для него поэзия, — существу, бывшему для него живою женщиною, которая действительно являлась ему, брала его за руку, водила его по улицам города, по полям, — разговаривала с ним, играла на лире, звуки которой он действительно слышал, в патриархальную старину древней Греции, — или на клавесине, в средние века. Тогда могли чувствовать себя людьми в полном смысле слова лишь в минуты экзальтации. Реальная жизнь была слишком груба, действительные люди слишком не поэтичны в своем реальном виде, — потому видели истинно человеческих людей только в мечтах, в предчувствиях. В наш век не нужно ни быть поэтом, чтобы иметь Музу или Цецилию, — ни впадать в галлюцинацию, чтобы видеть ее: очень многие из нас — почти все, бывшие чистыми юношами, имели такое благоговейное и возвышающее чувство к женщине совершенно такой же, как все хорошие женщины: иногда к своей старшей родственнице, — чаще к посторонней. Это чувство нисколько не исключительное, очень нередкое в наше время. Но оно еще редко описывалось, и потому в печати оно понимается не так легко, как в жизни, сказал я”.

Сырнева Чернышевский делает автором вставленных в роман ”Объективных очерков” и ”Притч”*. ”Притч” пять. Пятая — трагический аккорд.

ПРОЩАНИЕ

(Из дневника А.А. Сырнева)

Добрые! Добрые! Все шалят, смеются —
Для развлечения умирающего, —
смешного, быть может, но умирающего все-таки за вас,

* ”Объективные очерки” с моим предисловием изданы в 1927 году в ”Библиотеке ”Огонька”; ”Притчи Сырнева” изданы мной в кн. 7 ”Нового Мира” за 1928 год.

мои сестры, — умирающего смешно, быть может, но все-таки за вас, — умирающего с сердцем, уже начавшим жаждать любви, но еще не согретым любовью ни одной из вас.

Я был другом каждой из вас. Любите память мою.

6 апреля (1864 г.).

А. Сы р н е в.

Это прощание с жизнью умирающего Сырнева написано 6 апреля заключенным в каземате Алексеевского равелина. Исчезает схематический образ персонажа романа, и появляется образ живого героя, страдавшего (ему казалось, смешно страдавшего) за тех, кто находился за стенами равелина. К ним доносился из-за каменных стен трогательный призыв — "Любите память мою".

ПРИЛОЖЕНИЕ

I.

ОПИСЬ ВЕЩАМ

находящегося в покое под № 12 (перечеркнуто)

№	Название вещей	Число вещей
1.	Пальто драповое черное на темной фланелевой подкладке	1
2.	Сюртук черного сукна на черной шелковой подкладке	1
3.	Брюки черного трико	1
4.	Жилетка гарусной материи	1
5.	Галстук шелковый черный	1
6.	Фуражка шелковая черная	1
7.	Халат серой байки	1
8.	Сюртук летний серого казине ¹³	1
9.	Рубашек полотняных	3
10.	Подштанников бумажных	2
11.	Корпетоко бумажных ¹⁴	2
12.	Полотенце салфеточное	1
13.	Салфетка	1
14.	Носовых платков	2
15.	Полусапожек пар	1
16.	Очков в футляре	2

17.	Печать стальная с вензелем	1
18.	Портсигар с 8-ю записками и тремя фотографическими портре- тами (карандашом подчеркнуто и написано: у коменданта)	1
19.	Денег шестьдесят пять рублей	65 р.
20.	Контрамарка Государственного банка от 25 апреля 1862 года за № 12, на 600 руб. с процентами (карандашом: взята в 3 отдел. 26 июля 1862 г.)	1
21.	Запонки бронзовых пар	2

Р у к о й Н. Ч е р н ы ш е в с к о г о: "По этой описи все вещи показаны верно". Отставной Титул. Сов. Н. Ч е р н ы ш е в с к и й. 8 июля 1862 года.

Присланы 4 сентября 1863 года

1.	Рубашек полотняных	3
2.	Подштанников	3
3.	Полотенцев	3
4.	Носовых платков	3
5.	Чулков пар	4
6.	Денег: кредитными билетами д в а д ц а т ь п я т ь р у б. серебром, присланные при пись- ме от 27-го августа	25 р.
7.	Рубах голландского полотна с манишками	4
8.	Пальто теплое на куньем меху с бобров вор.	1
9.	Галоши пара	1
10.	Шапка меховая	1
11.	Валики поиарковые ¹⁵	1

Денег кредитными билетами двадцать пять
рублей даны при личном свидании 22-го фев-
раля 1864 г. 25 р.

Духовное завещание Протоиерея Кафедраль-
ного Собора Гавриила Чернышевского от
5-го июля 1858 года.

Свидетельство от 15-го марта 1862-го за
№ 2061-й, данное Саратовской Духовной Кон-
систорией Коллежскому Ассессору Пыпину.

II.
СПИСОК КНИГ,
бывших у Чернышевского в рабелине
Рук ой Чернышевского.
декабря 1863 г. в крепости
Список книг, находящихся у Н.Чернышевского

1. Bleak House, 4 тома	}	by Dickens
2. Little Dorrit, 4 тома		
3. Hunted down		
4. Great expectations, 2 тома		
5. A tale of two cities, 2 тома		
6. Master Humhrey's Clock, 3 тома		
7. Sentimental Journey by Sterne		
8. Tristram Shandy by Sterne		
9. Geast		
10. La Comtesse de Rudolsdadt, 2 тома		
11. Piccinino, 2 тома		par G.Sand
12. La dernière Aldini		
13. Diderot, два тома		
—14. J.-J.Rousseau, восемь томов		
15. Confessions de J.J.Rousseau		
16. Bibliothèque des Mémoires, томы 1-й, 2-й и 3-й.		

Отдано для передачи А.Н.Пыпину

17. History of England, by Macauley, 10 томов		
18. The invasion of the Crimea, by Kinglake, 4 тома		
19. Einleitung von Gervinus	}	von Scherr
20. Geschichte der englischen Literatur		
—21. Deutsche Culturgeschichte		
—22. Vogt, Vorschungen über die Stellung des Menschen, 163 выпуска		
23. Фохт, физиологические письма, два выпуска		
—24. Дарвин, о происхождении видов		
—25. Гексли, о человеке		
26. Лайелль, о человеке, один выпуск		
27. Сочинения Гоголя, 4 тома		
28. Сочинения Лермонтова, 2 тома		
29. Стихотворения Кольцова		
30. Стихотворения Тютчева		
31. Стихотворения Фета, 2 тома		
32. Песни Беранже		
33. Геинрих Гейне		

34. Бурсацкие типы, 4 отрывка
35. Мещанское счастье
36. Молотов
37. Современник 1863 года № 1-й
38. Месяцеслов на 1864 год
39. Horatius (изорванная книга)
40. Ovidius, три тома
41. Louis Reybaud. Le Coton
42. Стихотворения Некрасова
43. Die Identität v. Löwrnhardt
44. Christmas Stories, by Dickens
45. The life of Charlotte Brontë, 2
46. Westword Ho! 2 тома
47. Ptofessor by Carree Bell
48. Vincenzo, by Ruffini, 2 тома¹⁷.

Помяловского
(листы, вырванные
из журналов)

Эти книги, против которых проведена черта, перешли мне при случае, Сашенька, остальные не нужны.

III

НА ОТДЕЛЬНЫХ ЛИСТКАХ

Книги, возвращаемые Н.Чернышевским для передачи
А.Н.Пыпину

1. Le Sage, Gil Blas
2. Le Sage, Diale Boiteux
3. Owen, 2 тома
4. Smollett, Humphrey Clinker
5. Dickens, Pictures from Italy¹⁸.

Книги для возвращения А.Н.Пыпину

1. Der abenteuerliche Simplicius Sumplicissimus, 2 тома
2. Economie politique par Cibrario, 2 тома
3. Elle et lui par Georges Sand
4. Oeuvres de Beranger¹⁹.

30 декабр. 1863.

Н. Чернышевский

Книги для возвращения Александру Николаевичу Пыпину
От Чернышевского

1. Исторические монографии Костомарова, 2 тома
 2. Севернорусские народоправства, Костомарова, 2 тома
 3. Essays de Montaigne
 4. Gustave Flaubert, Madame Bovary
 5. Neue Bilder aus dem Leben des deutschen Volkes, von Freytag²⁰.
- 16 декабр. 1863.

Н. Чернышевский.

Д.В.Каракозов в рavelине

1.

4 апреля 1866 года у Летнего сада неизвестный стрелял в Александра II. Он был тут же арестован и отведен в III Отделение. При допросе назвался Алексеем Петровым*.

5 апреля шеф жандармов, князь Долгоруков, докладывал царю: "Преступник по-прежнему письменно утверждает, что имя его Алексей Петров и что он сын крестьянина одной из южных губерний, которой назвать не может... Прочие показания преступника я доложу Вашему Величеству завтра утром, хотя они большею частью Вам известны. Я теперь передаю его Главной Следственной Комиссии**, которая начнет свои действия сегодня вечером. — Протоиерей Полисадов приглашен равным образом для его увещания. Все средства будут употреблены, дабы раскрыть истину".

5 апреля, в 5 часов вечера, называющий себя Петровым был выдан в Особую следственную комиссию, во главе кото-

* Сведения о пребывании Каракозова в рavelине находятся в деле № 96 Управления коменданта с.-петербургской крепости о заключении в дом Алексеевского рavelина преступника дворянина Каракозова (по общей описи № 125); в деле III Отделения 1 эксп., № 100, ч. 1. О преступнике Каракозове и его родных: в деле Следственной Комиссии № 163, т. 1. Все эти дела хранятся ныне в I Отд. VII Секции Гос. Арх. Фонда; отдельных ссылок на эти дела не делается. Новейшая работа о Каракозове и его деле принадлежит А.А.Шилову (в серии "Историко-Революционная Библиотека" — изд. Петроградского Отделения Государственного издательства). Любопытнейшие сведения о процессе Каракозова — в "Записках П.А.Черевина". Новые материалы по делу Каракозова". Изд. "Костромского Научного Общества по изучению местного края". Кострома, 1918.

** Против этой фразы на полях доклада Александр II написал: "Хорошо".

рой был граф Ланской 2-й. В первом заседании комиссия постановила просить управляющего III Отделением о наложении на преступника оков, так как звание его неизвестно и он называет себя происходящим из крестьян.

Неизвестный оставался в III Отделении, 6 апреля князь Долгоруков докладывал царю: "Преступника, называющего себя Алексеем Петровым, допрашивали целый день, не давая ему отдыха, — священник увещевал его несколько часов, — но он по-прежнему упорствует и ничего нового не показывает. — Допрос продолжается..." На следующий день, 7 апреля, князь Долгоруков докладывал царю: "Из прилагаемой записки ваше величество изволит усмотреть то, что сделано Главной Следственной Комиссией в течение второй половины дня. — Несмотря на это, преступник до сих пор не объявляет своего настоящего имени и просит меня убедительно дать ему отдых, чтобы завтра написать свои объяснения. — Хотя он действительно изнеможен, но надобно еще его потомить, дабы посмотреть, не решится ли он еще сегодня на откровенность"* В журналах Особой комиссии (от 6 апреля) встречается упоминание о "непрерывных и подробных допросах преступнику". Под тем же числом имеется запись: "По случаю позднего времени (3 часа утра) и вследствие заявления преступника о совершенном утомлении и о том, что на другой день он даст откровенное показание, — дальнейшие допросы прекращены ему до следующего дня".

8 апреля на место Ланского председателем комиссии был назначен и в тот же день вступил в должность граф М.Н. Муравьев, наслаждавшийся в то время славой усмирителя польского восстания. 8 же апреля граф Муравьев доложил царю: "Запирательство преступника вынуждает Комиссию к самым деятельным и энергичным мерам для доведения преступника до сознания". Наконец, 10 апреля доставленный из Москвы в III Отделение Николай Андреевич Ишутин признал в неизвестном своего двоюродного брата Д.В. Каракозова. Тогда Каракозов начал писать показания.

19 апреля Каракозов был препровожден в крепость при следующем, весьма секретном, предписании III Отделения коменданту крепости инженер-генералу А.Ф. Сорокину (за № 934):

* На этом докладе царь написал: "Из этого можно надеяться, что дело это мало-по-малу раскроется".

”Препровождая при сем, согласно предложения председателя следственной комиссии, генерала от инфантерии графа Муравьева, для содержания в одном из казематов вверенной вашему высокопревосходительству крепости, дворянина Дмитрия Каракозова, имею честь покорнейше просить, не изволите ли Вы, Милостивый Государь, приказать принять строжайшие меры относительно содержания сего арестанта, сделав вместе с тем распоряжение, чтобы к нему были во всякое время допускаемы протоиерей Полисадов и полковник корпуса жандармов Лосев”. Комендант Сорокин на отношении III Отделения положил резолюцию: ”Принять и поместить в Алексеевском равелине и донести, почему я счел нужным поместить в равелине”. Действительно, в рапорте коменданта в III Отделение (20 апреля, № 62) даны объяснения, почему Каракозов был посажен в равелин: ”В видах более строгого содержания, я признал за необходимое препровожденного при отношении от 19 сего апреля за № 934 дворянина Каракозова поместить, впредь до особого распоряжения, в одном из номеров Алексеевского равелина. Мера эта вызвана той еще крайностию, что почти все из арестантских казематов крепости заняты лицами, арестованными по распоряжению одной и той же Следственной Комиссии, почему Каракозову пришлось бы сидеть в смежных с ними номерах, которые хотя и отделены достаточно толстыми стенами и имеют одинаково строгий караул, но все-таки Алексеевский равелин представляется более безопасным, как по отдаленности от жилых помещений, так и по составу команды, скомплектованной из наилучших людей. Донося о сем вашему сиятельству, имею честь испрашивать разрешение на дальнейшее оставление преступника Каракозова в Алексеевском равелине, куда к нему беспрепятственно будут допускаемы протоиерей Полисадов и полковник корпуса жандармов Лосев”.

Хотя комендант Сорокин и обосновал свое распоряжение о помещении Каракозова в равелин, но все-таки его поступок был превышением власти, ибо без высочайшего разрешения нельзя было ни освободить из Алексеевского равелина, ни заключить в него. Поэтому дело было оформлено задним числом. Высочайшее разрешение было получено 20 апреля, а заодно было высочайше разрешено и посещение равелина протоиереем Полисадовым и полковником Лосевым; в этом случае превышение власти было допущено самим III Отделением, без испрошения специального на то высочайшего разре-

шения, предписавшим коменданту впускать в Алексеевский равелин.

23 апреля граф Муравьев докладывал царю: "Занятия Комиссии заключались в непрерывном допросе и духовном увещании преступника Каракозова, переведенного из III Отделения Соб. е. и. в. Канцелярии в Петропавловскую крепость, относительно его сообщников. Хотя Каракозов не открыл еще участников своего замысла, но в нем заметна большая перемена: из упорно молчаливого он стал общительнее, и можно надеяться, что будет доведен до сознания как в отношении преступных замыслов, так и сообщников его".

Все средства будут допущены для раскрытия истины... Комиссия вынуждена к самым деятельным и энергичным мерам... Какие средства, какие меры, какие пытки были пущены в ход? Преступник был приведен в состояние изнеможения, был истомлен... приемами физического воздействия или мерами духовного мучительства? Или было и то, и другое? Уже непрерывности допроса самой по себе достаточно было для того, чтобы расшатать самый крепкий организм. При свете впервые оглашаемых, извлеченных из архивов всеподданнейших донесений приобретает и полную силу достоверности приведенный П.А.Кропоткиным в "Записках революционера" рассказ жандарма о Каракозове: "Хитрый был человек. — Когда он сидел в крепости, нам велено было не давать ему спать. Мы по двое дежурили при нем и сменялись каждые два часа. Вот, сидит он на табурете, а мы караулим, станет он дремать, а мы встряхнем его за плечи и разбудим. Что станешь делать? Приказано так. Ну, смотрите, какой он хитрый. Сидит он, ногу за ногу перекинул и качает ее. Хочет показать нам, будто не спит, сам дремлет, а ногой все дрыгает. Но мы скоро заметили его хитрость, тоже передали и тем, что пришли на смену. Ну, и стали его трясти каждые пять минут, все равно, качает он ногой или нет. — А долго это продолжалось? — спросили жандарма. — Долго — больше недели"*.

*Кропоткин П. Собр. соч. т. I. Записки революционера. Изд. 3-е, М., 1918, стр. 197—198. В этом рассказе неверно, быть может, указание на место действия — крепость: происходило это в III Отделении, где именно жандармы и могли действовать. В появившейся в 1866 году любопытнейшей брошюре "Белый террор, или Выстрел 4 апреля 1865 г. Рассказ одного из сосланных под надзор полиции" (цитирую по 3 изданию, стр. 8) находится указание на бессонницу как средство

Мы располагаем в настоящее время свидетельством такого авторитетного человека, как Черевин, принимавшего деятельное участие в следственной работе по делу Каракозова. Так как члены комиссии, по объяснению Черевина, утвердились в мнении, что преступник должен быть поляк, то при неуклонном допросе они поступали с ним бесчеловечно: "Допросы продолжались безостановочно по 12—15 часов. В течение этого времени допрашиваемому не то чтобы сесть, но даже прислониться к стене. Ночь не была покоем, ибо в течение оной его будили раза 3 в час, заговаривая с ним по-польски и воображая, что спросонья преступник проговорится**.

Две задачи были у следователей по каракозовскому делу: 1) добраться до корней и нитей, вызнать все подробности, выловить всех причастных, хотя в самой ничтожной мере, к руководителям заговора, самому Каракозову, Ишутину⁴, Худякову и все эти нужные сведения получить из уст самих обвиняемых, и 2) дискредитировать самое дело и самих участников, заставив их самих возненавидеть дело, принести раскаяние, возвести хулу на самые сокровенные свои помышления, чаяния, произнести проклятие своим верованиям и убеждениям. Работа следователей производилась *in anima vivi*⁵, над живыми душами... Когда работа следователей приводила к успешным, желанным для них результатам, то живые души оказывались в великом унижении. Святилище души бывало оскорблено, смято, затоптано. И самый организм человеческий нередко не выдерживал душевного сотрясения; если рассудок и не угасал окончательно, то человек просто "трогался". Такое душевное потрясение пережили в Алексеевском равелине три главных лица процесса 1866 года: сам Каракозов, едва ли бывший в себе в свой предсмертный час, Ишутин и Худяков, кончившие сумасшествием**.

Предательство и обман — вечное орудие следователя. Предателей и доносчиков было много в каракозовском процессе; обильно практиковались и обманы, когда пытки и пытки натывались на препятствия. Своеобразный обман употребил и

пытки, но это указание осложнено еще другими подробностями о мерах физического воздействия; к этим указаниям никаких параллельных мест в архивных делах пока не нашлось.

* Черевин, цит. раб., стр. 5.

**О допросах в комиссиях см. подробности в автобиографии И.А.Худякова (Женева, 1882)⁶ и в цитированной выше брошюре "Белый террор" и т.д.

граф Муравьев: он принудил Н.А.Ишутину к непосредственному воздействию на Каракозова, разрешив ему, вернее, может быть, заставив его писать Каракозову, умолять его не запирается, не губить своим молчанием других. Каракозов изнемогал под действием бесчисленных и разнообразных, деятельных и энергичных мер... С каким жгучим чувством он должен был в своем одиночном заключении читать такие письма нежно любимого им брата: "Митя! Мне передано, что ты желаешь, чтобы я тебе написал, исполняю твое желание. Мне обещано и на будущее время с тобой переписываться, ежели ты будешь откровенным. Мне говорили, что ты не высказываешь всю истину. Я тебя уверяю, что те люди, которые тебя подбили на такое преступление, эксплуатировали тебя: у них и в виду не было блага родины. Это просто честолюбцы. И потому их нечего скрывать. Говори всю истину. Этим ты спасешь близких тебе. И откровенным, беспристрастным изложением всего дела дашь возможность комиссии судить об наших отношениях к тебе правильно. Чем и объяснится моя невинность. Я здоров и весел. Ради любви ко мне и к близким твоим, говори истину без утайки. Чем скорее ты объяснишь, тем скорее я и товарищи освободятся. Твой брат Ишутин". Эта записка писана 28 апреля. Позднее написана другая: "Митя! Если ты не высказал откровенно свои отношения к известной тебе партии, то выскажи, ибо откровенным изложением ты облегчишь свою участь и также объяснишь мою и знакомых тебе непричастность твоему преступлению. Чем докажешь свою любовь ко мне. Ожидающий от тебя облегчения брат твой Ишутин"*.

Но, кроме предательства и обмана, следователи в процессе Каракозова широко использовали как средство воздействия религию. На помощь следователю и тюремщику пришел священник с молитвой на устах, с крестом в руках. Священническое увещание было формальной принадлежностью старого дореформенного следствия; впоследствии оно сменилось обрядом присяги, но Особая следственная комиссия священническое увещание обратила в священническую пытку, пытку в самом точном смысле этого слова. Архивные тайники, хранящие суровое молчание о физических способах воздействия на заключенных, открывают перед нами материал исклю-

* Эти записки сохранились в подлиннике в деле следственной комиссии — 163, т. I, д. 279—280.

чительного своеобразия и позволяют нам вписать эффектную страницу в историю внутренней жизни Алексеевского равелина.

2.

Читатель не оставил без внимания приведенные выше упоминания во всеподданнейших докладах о священническом, тоже непрерывном увещании и спешном разрешении, в изъятие из всех правил, отцу Полисадову посещать Каракозова в равелине. Остановимся подробнее на роли о. Полисадова в каракозовском процессе, воспользовавшись его письмами, бережно сохраненными в делах III Отделения и Алексеевского равелина.

Предварительно несколько слов об отце Полисадове*. В свое время протоиерей Василий Петрович Полисадов (род. в 1815, ум. в 1878 году) славился как проповедник-импровизатор. Карьера его несколько необычна. Воспитанник Московской духовной академии, он был по окончании курса преподавателем С.-Петербургской духовной семинарии и священником семинарской церкви. В 1847 году он был назначен за границу, в Женеву, состоять духовником великой княгини Анны Федоровны; в 1849—53 годах он был священником русской миссии в Париже, 1854—57 — настоятелем нашей посольской церкви в Берлине. В 1858 году он возвратился в Россию, и был назначен настоятелем с.-петербургского Петропавловского собора и профессором богословия С.-Петербургского университета. Он вошел в славу как проповедник, за границей он даже издал свои проповеди на французском и немецком языках. Но прославленное красноречие отца Полисадова, насколько мы можем судить теперь по отзывам современников и печатным образцам, было красноречием дурного тона. Риторическое словоизвятие, скучная закругленность фразы не закрывают от нас бедного содержания. По-видимому, проповедник заслушивался сам себя и увлекался до того, что становился смешным. Один из университетских слушателей оставил такую злую характеристику Полисадова-профессора**. «На лекциях Полисадов, чтоб привлечь к себе слушателей, до безобразия паясничал и городил зачастую непроходимую чушь, облекая ее притом в самые суконные формы.

* См. в "Русском биографическом словаре" и в "Словаре профессоров С.-Петербургского университета".

** А.А.Пеликан. Во 2-й половине XIX в. Студенческие годы в СПб. Университете. — "Голос Минувшего", 1915, апрель, стр. 172—173.

В моей памяти остались кое-какие тирады, которые привожу во всей их неприкосновенности. "Ум человеческий, единожды став на точку сомнения, все катится вниз по покатости, пока не дойдет до нигилизма, а нигилизм мы можем уподобить орешку, который не в силах раскусить; мы везем его в Лондон, под всесокрушающий молот (тогда в Англии только что был изобретен паровой молот чудовищной силы), и от орешка остается прах, т.е. nihil, — отсюда нигилист. Ergo, чего мы не можем понять, уразуметь, раскусить, то мы разбиваем, отрезаем, обращаем в прах, т.е. в nihil, и становимся нигилистами". Подобными же наглядными примерами Полисадов любил украшать свою речь даже тогда, когда она касалась доказательства религиозных истин. Так, в доказательство, что "вера без дел мертва есть", он приводил такой пример: "Положим, у нас имеется фласон⁷, в нем заключены две жидкости — желтая и голубая, два невзрачные сами по себе цвета, а попробуйте только их взболтать, смешать, и у вас получится прелестный вер де гри⁸".

Красноречие Полисадова-проповедника нашло оценку в "Колоколе". Герцен в № 77—78 (от 1 августа 1860 года) напечатал заметку под заголовком "Законоучитель Полисадов и его меры распространения Колокола": «21 июня (1 июля) в 1 кадетском корпусе происходила присяга нововыпущенных из кадетских корпусов офицеров. При присяге, рассказывают петербургские журналы, законоучитель Спб. университета Полисадов произнес слово. Богокрасноречивый проповедник советовал ревностное занятие чтением. "Что же читать?" — вопрошал он. "На это трудно ответить", — благоотвечивал он, — "но легко сказать, чего читать не следует. Не следует читать тех запрещенных сочинений, которые ходят тайком и, как волки хищные, губят религию и государство". После этого мы обеспечены, каждый молодой офицер примется за хищных волков».

По должности настоятеля крепостного собора, Полисадову приходилось отправлять требы для заключенных в крепости, совершать таинство исповеди и причастия. Эту его деятельность оценило начальство с своей точки зрения и воспользовалось его проповедническими талантами и его пастырскими обязанностями для целей сыска и получения признаний от заключенных. Особенно прошумел Полисадов в 1863 году, когда в часовне Спасителя было совершено зверское убийство и взятый с уликами убийца, солдат Гудзевич, упорно

отказывался от сознания. Довести его до сознания поручено было отцу Полисадову. Последний сам оставил многоглаголивое описание своей пастырской и проповеднической обработки Гудзевича. Долго он бился с ним, но безрезультатно. Только после того, как полиция употребила старое испытанное средство и убийца открылся подсаженному на сей предмет в камеру заключенному, Полисадов исторгнул необходимое для суда сознание. Пришлось Полисадову вслед за тем совершить предсмертную исповедь и дать последнее напутствие осужденному на смерть убийце. Полисадов подробнейшим образом и с нескрываемым удовольствием расписал всю историю своих отношений к Гудзевичу, действие слова божия на душу преступника, изобразил процесс превращения преступника в святого, примирения его с богом и т.д.* За Полисадовым был опыт обращения с политическими заключенными. Их он тоже должен был наставлять на путь истинный, а заодно и приводить к раскрытию обстоятельств, полезных для следствия. В 1863 году Полисадов взялся, между прочим, за обращение Н.А.Серно-Соловьевича, сидевшего в Алексеевском равелине, но политик дал хороший отпор священнику. Об этом свидетельствует их любопытнейшая переписка, сохранившаяся в архивных делах. Полисадов "ласкал себя надеждой, что между ними установятся довольно частая письменная сношения". — "Вы поверяли бы мне ваши сомнения и мысли о разных предметах веры и жизни христианской, а я бы отвечал вам. Из этого составилась бы томик под названием "Переписка между арестантом NN и священником В.П." — так мечтал священник, но политик разразился такой филиппикой против церкви, благословляющей войну, что переписка не состоялась.

Немудрено, что, наткнувшись на заперательство Каракозова, вспомнили о Полисадове и обратились к его услугам.

Первое священническое увещание отец Полисадов совершил 5 апреля, второе — на следующий день, 6 апреля, третье — 12 апреля**.

* См. Статью Полисадова "Смерть преступника Гудзевича" — Духовная беседа, 1864, № 13 и отд. отт. (имеется в Государственной публичной библиотеке). Статья — своего рода литературный раритет.

** Когда Каракозова перевели в равелин, Полисадов весьма секретным письмом просил управляющего III Отделением Мезенцева вернуть ему "данные им с ведома его превосходительства преступнику Каракозову Новый Завет на славянском языке и краткий молитвенник".

В равелине протоиерей увещевал Каракозова 21, 22, 24, 27 и 29 апреля и 1 мая. Увещевания производились по разработанному Полисадовым церемониалу, который описан им самим в письме к коменданту от 23 апреля. Т о л ь к о собеседованием Полисадов ограничился единственный раз: все остальные увещевания начинались с богослужения, так называемого келейного. По утрам Полисадов совершал обедницу, по вечерам вечерню; 22 апреля, очевидно на новоселье в равелине, совершил молебен с водосвятием. Богослужение заканчивалось проповедью, а после проповеди Полисадов переходил к частному собеседованию. Посещения Полисадова длились от 1 1/2 до 2 часов. Во время богослужения, совершаемого в облачении, Каракозов должен был быть на ногах.

Словоголагольный и богокрасноречивый протоиерей распространился в письмах к коменданту о том, что и богослужение, и проповедь имеют целью спасение души преступника. Эти действия, по описанию отца Полисадова, должны "раскрыть христианское сознание и чувство в преступнике, к которому вполне приложимы слова Апокалипсиса: "Ты не студен, не горяч, сего ради имам изbleвати тя от устен моих"; возродить его к живому упованию на милосердие божие и сделать осязательными самые условия истинного раскаяния". Еще живописнее выразился отец Полисадов в другом своем письме об обряде и проповеди, которые должны были "возбудить в Каракозове живую веру в бога, невидимого судию нашей жизни и милосердного отца, всегда готового простить искренне-раскаивающегося грешника и сильного, при посредстве церковных средств, очистить душу его и возвести ее до состояния ангелоподобного".

Совершенно напрасно распространялся священник Полисадов в письмах к коменданту об этих задачах, совершенно неинтересных для власти. Впрочем, заранее зная смертную обреченность своей жертвы, власть автоматически содействовала отцу Полисадову в деле возведения Каракозова в состояние ангелоподобное. Власть требовала от Полисадова другой услуги, и вся эта риторика нужна была отцу Полисадову для внешнего лицемерного оправдания своей священнической совести. Это был только образ выражения, суть же была в том, чтобы не обедницей, так вечерней, не вечерней, так водосвятием, не водосвятием, так проповедью, не проповедью, так частным собеседованием вымотать у Каракозова признания, возможно больше признаний. И от изображения

воздействия дела и слова божия на душу преступника, с цинизмом, неподражаемым в своей беспечной блудливой легкости, отец Полисадов переходил к результатам, которые должны были быть вызваны ангелоподобным состоянием преступника. Помянутые действия должны были "подготовить его к искренне гласному сознанию вины своей во всей ее широте" — такова общая формула. А вот раскрытие этой формулы в письме к коменданту от 23 апреля:

"После сего, т.е. после богослужения и проповеди, я буду б е с е д о в а т ь с преступником собственно о его великом преступлении, вызывая его на откровенные объяснения. Если бы он что открыл мне, годное для судебного разьяснения его преступления, то буду просить и умолять его сообщить о сем, кому следует".

"Но дабы не показаться ему лицом, хотя и духовным, но слишком официальным, а тем более — следственным приставом, я желаю в частных моих с ним собеседованиях входить в рассуждения о науке, литературе и искусстве, о их разнообразных направлениях, наконец, о том, — когда наука и литература действуют благотельно и когда — губительно на молодое поколение и общество. Желал бы дозволить себе — рассуждать и о социальном положении обществ. Все сии рассуждения (т.е. о науке, литературе, искусстве, обществе) в строго христианском и консервативном направлении, будут иметь целью перестроить голову преступника, изменить те губительные теории, из которых возникло, по моему убеждению, его преступление и от которых он, конечно, еще не отказался".

"Когда мгла его мыслей будет рассеяна, тогда и чувства его души переменятся, и он серьезным образом вступит на путь сердечного раскаяния пред св. богом и сознания пред людьми".

"Дабы вызвать преступника на искренние объяснения со мною, — для сего признаю полезным, чтобы г. смотритель и его помощник позволяли нам беседовать наедине. — С своей стороны клятвою моею иерейскою удостоверяю Вас, что мною не сказано будет ни одного слова и не сделано ни одного жеста, которые бы не были направлены к цели — к возбуждению в преступнике ко мне доверия и, вслед за тем, к его вразумлению, возбуждению в нем раскаяния пред богом и полному сознанию пред людьми в своем преступлении".

Понятно, просьба Полисадова была удовлетворена. Комендант крепости, инженер-генерал Сорокин, положил резолюцию

на заявлении протоиерея: "Во всем согласен, и дать г. смотрителю предписание о допущении протоиерея беседовать наедине, и если преступник когда-либо будет обращаться с вопросами или просить о чем, то записывать". А представляя в копии донесение Полисадова в III Отделение, комендант от себя прибавлял: "Хотя имеющемуся для дома Алексеевского равелина инструкцией строго воспрещено допускать сторонних лиц к разговору о содержащимися в Алексеевском равелине без личного присутствия смотрителя равелина или его помощника, но имея в виду, что полковнику Лосеву и протоиерею Полисадову высочайше разрешено посещать дворянина Каракозова с целью разъяснения совершенного им преступления, я предписал смотрителю Алексеевского равелина оставлять их в номере преступника Каракозова наедине, с тем, чтобы о времени посещения ими Каракозова было записываемо в заведенную на сей предмет тетрадь".

Прочитав сообщение коменданта, граф П.А.Шувалов, заменивший за это время князя В.А.Долгорукова в управлении III Отделением, распорядился вызвать Полисадова для объяснений в III Отделение. Полисадов, конечно, был; о чем шла беседа между священником и шефом жандармов, не трудно догадаться. Графу Шувалову, конечно, был нужен отчет о словах и признаниях Каракозова. На Полисадова была большая надежда: если следователям не скажет, то, быть может, отцу духовному откроется.

После разговора с Шуваловым отец Полисадов побывал у Каракозова 27 апреля, затем 29 апреля и 1 мая. К 27 апреля относится сообщение Муравьева в докладе царю: "Преступник Каракозов указал на некоторые незначительные лица из петербургского мелкого кружка. Он обещает при подробных допросах более разъяснить дело".

К 1 мая следствие подвинулось далеко. Оно располагало и доносами, и оговорами, и откровенными показаниями многих привлеченных к следствию; с этими данными в руках следователям легче было разбить систему запирательства, которой держался Каракозов. Действительно, Каракозов стал мало-помалу переходить к фактическим показаниям и признаниям. По-видимому, в услугах пастыря духовного не было уже острой нужды, а быть может, или даже вернее всего в своеобразном поединке двух человеческих душ, разыгравшемся в каземате Алексеевского равелина, отец Полисадов не чувствовал себя победителем. По крайней мере, в письме,

писанном после казни Каракозова, Полисадов признавал, что, вплоть до последней своей беседы с Каракозовым накануне казни, у него не было уверенности, "отдастся ли в его руководство своеобразная воля этого тяжкого преступника, и выполнит ли он условия христианской исповеди". Именно неуспешностью пастырских бесед должно объяснить следующее удивительное "весьма секретное" письмо к коменданту. Перечислив посещения и указав на цели, стоящие перед ним и нам известные, отец Полисадов писал: "В какой мере цели сии по настоящее время достигнуты, сказать сего я не беру на себя права. Одно утверждаю, не обинуясь, — что в эти шесть посещений и три другие, которые были ему сделаны в III Отделении (5, 6 и 12 апреля), преподано преступнику столько благодатных внушений веры и здоровой философии, что все его религиозные, нравственные и умственные потребности, какие только делались для меня видны, должны были получить полное удовлетворение. Равным образом, и вся тяжесть его преступлений, равно как и безотлагательная нужда мужественного, пред следователем, раскрытия его, объяснены ему с тихостью, но и полною откровенностью и твердостью".

"Опасаясь ныне пресыщения духовно-умственной пищею слабого вообще в вере и учении, моему духовному попечению вверенного человека, я считал бы полезным — дать ему время, так сказать, переварить в себе все, ему внушенное, дабы он, по выражению пророка, ощутил глад слышания слов а б о ж и я, молитвы и отрезвляющей ум беседы".

"В сих видах я предложил прекратить, дней на 8—10, мои посещения к Каракозову, чтобы потом возобновить их с полною ревностью и преданностью его душевному благу, по программе, вашему высокопревосходительству уже известной, о чем и доношу Вам".

3.

Перерыв в увещаниях и беседах в каземате Алексеевского равелина был сделан, но возобновиться им не было суждено. Для власти, очевидно, они были не нужны.

Обратимся к душевному состоянию Каракозова. К сожалению, мы не имеем возможности нарисовать здесь духовный образ русского царевубийцы 60-х годов*. Но даже беглое

*Хранившийся в быв. архиве Государственного Совета процесс Каракозова вывезен осенью 1919 года в Москву. Я имел возможность

чение следственного и судебного производства приводит к определенному заключению, что идеология цареубийства у Каракозова оказывается более глубокой, более решительной, более устойчивой, чем у декабристов. У последних цареубийство было непосредственной целью, у Каракозова — средством. Каракозов показывал: "Лиц, которые бы покушались на совершение преступления вместе со мною, таких лиц я не знаю. Мысль эта принадлежит одному мне и возникла из сознания о необходимости этого преступления для произведения переворота, клонящегося к благу народа". Далеко не выяснены взаимные отношения Каракозова и его ближайших друзей, членов кружка, на почве рассуждений о цареубийстве, и даже вопрос о том, кому приписать инициативу в этом деле, еще не может быть определенно решен. Каракозов душевно выносил идею тираноборчества, сроднился с мыслью, что тирана поразит он, но в его решении перевести идею в состояние факта участвовала ли только одна воля, его собственная, или к ней присоединялась, толкала ее и другая воля, быть может, искусно прятавшая свою инициативность, — на этот вопрос нельзя ответить с определительностью при настоящей неразработанности материалов. Говоря о другой воле, мы имеем в виду, конечно, волю главы организации, двоюродного брата Каракозова, Николая Андреевича Ишутина*. Он был душой заговора. По отзыву его защитника

только бегло просмотреть дело перед его отправлением. В 1928 году Центроархив выпустил, наконец, книгу "Покушение Каракозова. Стенографический отчет". Т. I. М.

*Пользуюсь случаем, чтобы высказать некоторое соображение о генезисе "Бесов" Достоевского, которые, быть может, пригодятся исследователям творчества писателя. По обычному представлению, находящему подтверждение в признаниях самого писателя (см. его письма в № 14 "Былого", 1919), материал для "Бесов" дан процессом Нечаева. Действительно, фабула разыгрывающейся в "Бесах" драмы из русской революционной жизни и некоторые подробности почерпнуты, несомненно, из описаний нечаевского процесса. А Достоевский т о л ь к о п о о п и с а н и я м и был знаком с нечаевским делом. Он жил за границей, когда в России возникло и развилось т.н. нечаевское движение и когда происходил суд над нечаевцами. Личных, интимных впечатлений от нечаевского дела у него не было, и руководился он только сообщениями газетных столбцов. Но всякий признает, что знания Достоевского о внутренней стороне революционного движения, о его психологии опираются не на газетную только информацию, а на более глубокий опыт, в который входят элементы непосредственного, личного восприятия. Непосредственные и глубокие переживания даны Достоевскому, несомненно, процессом Каракозова. Достоевский

Д.В.Стасова, он был "весьма большой прожектор, горячий говорун, не прочь — и даже весьма — прихвастнуть, что подмечено было многими из его товарищей, показавших об этом на суде и не очень-то ему доверявших". К этим словам Д.В.Стасов делает следующее примечание: «Между прочим, некоторые из товарищей показывали об нем, что он "никогда не ставил вопроса прямо", что он прямо хвастун, враль, готовый подчас и солгать, но тем не менее, как горячий говорун и высказывавший весьма сомнительные, бывшие в ходу идеи, имел большое влияние на многих из сотоварищей»*. Толкнул или нет Ишутин в последний момент Каракозова к воплощению идеи в жизнь, но Каракозову принадлежит в полной мере теоретическая обосновка идеи. Каракозов пережил крайне тяжело процесс психологической подготовки, душевного усвоения этой идеи. Молчаливый, сосредоточенный ипохондрик, по отзывам его товарищей, он не делился своими душевными переживаниями, молчал, скрывался и таил думы и мечты свои. За несколько месяцев до ареста Каракозов перенес болезнь, требовавшую клинического лечения, не оправился от нее, и на почве болезненного состояния амплитуда его душевных колебаний была от самоубийства до цареубийства. "Мне нечего больше прибавить, — сказал он в последнем слове, —

находился в Петербурге и во время покушения, и во время следствия и суда. (См. воспоминания П.И.Вейнберга. — Былое, 1906, апр., стр. 299—300). Следствие велось секретно, но подробности его были широко распространены в петербургском и московском обществе; суд происходил при закрытых дверях, но, благодаря защитникам, все, что происходило на суде, становилось достоянием гласности. Интерес к личности подсудимых в обществе был огромный, Каракозов, Ишутин, Худяков были на первом плане. Своеобразные, полные глубокого психологического интереса отношения Ишутина к Каракозову, как они устанавливались на суде, не были тайной ни для кого и не могли не поразить творческого воображения Достоевского. К впечатлению каракозовского процесса должно возвести то сопоставление, которое сделал Достоевский в "Бесах": Петра Верховенского и Ставрогина. И самый образ Верховенского создан не столько на основании газетных сообщений о Нечаеве, сколько на основании более личного, более интимного вчувствования личности Ишутина. В нечаевском же процессе нет никаких аналогий типу Ставрогина и психологии ставрогинско-верховенских отношений. И, несомненно, для характеристики Верховенского больше материала дал Ишутин, а не Нечаев. В Ставрогине дал осадок двойной слой впечатлений: первый слой от 1848 года, второй — от 1866 года. Последний дан Каракозовым, первый — Спешневым. См. Материалы о Спешневе, собранные в статье В.Р.Лейкиной (Былое, 1924, № 25).

*Былое, 1906, апрель. Каракозовский процесс, статья Д.В.Стасова.

исключая того, что всему причиною было мое болезненное состояние, в котором я находился. Я не был сумасшедшим, но был близок к сумасшествию, потом я со дня на день ожидал смерти. Вот в каком безобразном нравственном состоянии я находился. Под его влиянием я скрылся из Москвы; сначала я хотел уехать куда бы то ни было из Москвы, в Троицу, дальше куда-нибудь; но потом я уехал в Петербург. С той целью, чтоб переменить жизнь, чтобы окончательно стухнуть-ся**». Он отнюдь не отказывался от идеи, но имел намерение стухнуть только для того, чтобы лучше ее выполнить. Этот худой, белокурый, среднего роста человек с прелестными серо-голубыми мягкими глазами, с немного впавшими щеками, с чахоточным румянцем, в костюме простолюдина, в сапогах черной кожи с голенищами, в черном байковом пальто без подкладки, в теплой шапке черного сукна с кожаным козырьком, скитался по Петербургу, бродил медленно большими шагами, с некоторым развалом и обдумывал ту прокламацию, которая должна была выяснить мотивы его поступка**. С наивной методичностью, выдавшей его впо-

*Цитирую по стенографической записи, сохраненной в производстве Верховного Уголовного Суда.

** Прокламация впервые напечатана А.А.Шиловым в "Голосе минувшего", 1918, № 10-12, стр. 159 и перепечатана в "Историко-революционной хрестоматии". М.: Изд-во "Новая Москва", 1923, стр. 67-68. Уже после появления настоящей работы на страницах "Музея Революции" Е.Е.Колосов поднял "спорный вопрос каракозовского дела" ("Каторга и ссылка". Историко-революционный вестник, кн. 10, М., 1924, стр. 65-88), вопрос о том, кто был автором этой прокламации. Сам Колосов приходит к убеждению, что писал прокламацию не Каракозов, а Худяков. Я перед собой не ставлю сейчас, как и не ставил раньше, вопроса об авторстве прокламации, но если даже я соглашусь с мнением Колосова, то я все-таки не чувствую и не вижу надобности внести какое-либо изменение в мою характеристику Каракозова. По поводу моего утверждения: "Каракозов бродил по Петербургу и обдумывал ту прокламацию, которая должна была выяснить мотивы его поступка" Колосов раздражается следующей тирадой: "Этот образ делает честь таланту и воображению автора, но авторское заключение: "...и обдумывал ту прокламацию, которая" и пр. ни для кого не обязательно, область художественной интуиции не есть область исторического исследования". Эти слова брошены на ветер, и для самого Колосова, конечно, мое заключение о б я з а т е л ь н о. Если прокламацию и писал Худяков, то только тупость исторического исследования могла бы лишить Каракозова возможности обдумывать "прокламацию, которая должна была выяснить мотивы его поступка". Что же, Колосов решится утверждать, что Каракозов не обдумывал прокламации, объяснявшей его дело, хотя бы она и не была им написана? Напрасно

следствии, он разработал план покушения и привел его в исполнение. С царевубийством он хотел кончить и свою жизнь, заготовил яд, но самоубийство не удалось. "Это было от состояния, от потрясения при совершении, я был в оцепенении", — отвечал он на суде на вопрос, почему он не принял яда*.

В состоянии оцепенения он был схвачен и приведен в III Отделение. Мы приведем сейчас любопытнейший и ускользнувший от внимания исследователей рассказ очевидца о впечатлении, которое производил Каракозов в эти дни (4—9 апреля) пребывания в III Отделении. Очевидец — священник Иоанн Полисадов, которого не надо смешивать с известным нам протоиереем Василием Полисадовым, свои впечатления

Колосов ставит мне в вину, что я не занялся разрешением вопроса об авторстве прокламации: да я его и не ставил, для моих целей это — вопрос второстепенный. Пусть даже роль Худякова в деле Каракозова была такой, какой она представляется Колосову, все-таки Каракозов в полной мере — рассудком и чувством — осознал теоретическое обоснование идеи царевубийства. Кстати об утверждениях Колосова по поводу роли Ишутина. Подчеркивая роль Худякова в деле Каракозова, Колосов стремится преуменьшить все остальные роли. Он готов даже согласиться с тем, что "для Ишутина выстрел 4 апреля был полной неожиданностью", но тогда надо поставить ударение в этой фразе. Может быть, и я соглашусь с таким утверждением, если главное ударение будет сделано на слове "4 апреля". Ведь нельзя же ни на одну секунду, после того что мы знаем, принимать эту фразу за свидетельство о полном незнании Ишутина о возможности покушения. Чрезвычайно наивной представляется ссылка Колосова на приведенные мною на стр. 52. и провозглашенные Муравьевым письма Ишутина к Каракозову, официально переданные из одной камеры в другую. Как же можно характеризовать такие записки так, как это делает Колосов: "Письмо дышит полной искренностью, — не нужно быть большим психологом, чтобы видеть это". В этих записках искренне только одно желание — освободиться от давящего кошмара высшей меры. Известно, что Ишутин не вынес тяжести процесса и заключения: сперва малодушно пал, а потом просто-напросто помешался.

* Описание наружности Каракозова сделано на основании показаний очевидцев Д.В.Стасова и Г.В.Есиповича, секретаря Верховного Суда ("Русская Старина", 1909, февр.). Для характеристики внешнего вида послужила следующая "опись в вещам арестанта, содержащегося в покое под № 6 Алексеевского равелина: 1) Шапка теплая черного сукна с кожаным козырьком, 2) пальто черной байки без подкладки, 3) сюртук серого камлота⁹ на саржевой подкладке, 4) брюки темно-серого трико, 5) рубашка голландского полотна, 6) рубашка красного коленкора, 7) подштанники русского холста, 8) носков нитяных 1 пара, 9) сапоги черной кожи с длинными голенищами". Под описью запись: "Означенные вещи показан верно Дмитрий Владимирович Караков".

поведал 9 апреля 1866 года в слове, сказанном в С.-Петербургском тюремном замке*. Для правильного восприятия сообщений Ивана Полисадова надо отбросить слова и фразы оценки и морализирования, без которых, понятно, не мог обойтись пастырь церковного стада, состоявшего к тому же из уголовных заключенных. Вот что он рассказывал о Каракозове: "На днях я видел этого злодея, в месте его временно-го заключения. Это настоящий тип одного из тех нигилистов и подпольных литераторов, которых еще много, без сомнения, блуждает по России; много их, конечно, и здесь в столице. Лицо его на первый взгляд, по-видимому, не так страшно, как вид закоренелого злодея и убийцы; но что-то неизъяснимо-отвратительное выражается в серо-голубых, не глупых, но пронзительных, сверкающих глазах его, которыми он смотрел на всех и на все с какою-то хладнокровною и вместе злобною презрительностью. По всему заметно, что глубокие и в то же время злые и безотрадные мысли блуждают в уме его и самые оледенелые, сатанинские чувства гнездятся в сердце его... С первого же взгляда все показывает, что он давно отказался от всякой религии, которая могла бы хотя сколько-нибудь поддержать его в эти и для него, конечно, страшные минуты уже не жизни, а какого-то омертвения его. Зато, как видно, и религия отказалась от него. Ни слезы, ни вздоха, никакого соболезнования по крайней мере о нем самом она не дала ему на эту пору, оставив его при одном жестоком отчаянии. Вообще, ни одного чувства, кроме грубой оледенелости, не заметно в нем. Бледность и сухошавость, при здоровых от природы мускулах, длинные, но редкие, почти облезлые белокурые волосы намекают ясно о его распутном до того времени образе жизни. Во все это время, т.е. в течение почти пяти суток, он, как слышно, сам отказывается от принятия пищи и питья, и, по-видимому, не нуждается в них, находя себе насыщение в тяжести той мысли, что ему не удалось совершить гнусного замысла; а может быть, рассчитывая уморить себя голодною смертью, чтобы похоронить с собой и злые тайны того общества, которому он хотел услужить своим ужаснейшим злодейством... Упреки совести, которая таится и в душе злодея, не могут не терзать его; но,

* Слово пред совершением торжественного благодарения господу богу за спасение жизни государя императора, сказанное священником Иоанном Полисодовым. Спб., 1866, стр. 8-10.

как видится, не в том, что он решился — страх сказать — на цареубийство, а в том, что это преступление не удалось ему. Без сомнения, есть у него родные, а быть может, еще живы и его родители, мысль о вечной разлуке с коими его, конечно, тревожит, но он не хочет сказать — кто и где они, из опасения, как он сам говорил, чтобы не огорчить их, потому что ни в каком случае не хотелось бы нам верить, чтоб его благословили на такой ужасный подвиг злодеяния его родителей... Толпятся в его свежей памяти, конечно, и друзья, которым, без сомнения, он дал такую клятву, чтобы не выдавать их; но в то же время мысль о том, что это дружество его покинуло, его приводит в страшную отчаянность”.

”С одной стороны, неудача преступления, а с другой — неудача в попытке лишить себя жизни после этой неудачи (ибо известно, что после выстрела он тотчас бросился к Неве, чтоб утопиться) и, наконец, представление казни — вот те страшные мысли и чувства, с которыми он, почти без сна, как злая тень, стоит перед судилищем, в оковах, находя для себя при этом единственное утешение в том, чтоб мучить терпение судей заклятым, грубым запирательством и наглою ложью. Из его ответов перед судом, во всяком случае, видно то, что он, во-первых, человек не помешанный, а во-вторых, человек, по крайней мере в новом вкусе, достаточно образованный”.

Все в том же оцепенении Каракозов был брошен из III Отделения в каземат Алексеевского равелина, в цепкие руки жандарма и священника. Он был истомлен допросами, приведен в состояние изнеможения, в равелин он был привезен больным. 21 апреля, ”в виду некоторых признаков болезни”, комендант приказал крепостному врачу Ф.П.Окелю освидетельствовать Каракозова и донести о результатах лично. В болезненном состоянии Каракозов находился во все время пребывания в равелине.

Вообразим теперь душевное состояние двадцатичетырехлетнего юноши, ввергнутого в узилище, жившего перед лицом смерти, вызовем в своем воображении картину богослужения в облачении в темной камере равелина и льющиеся непрерывным потоком речи проповедника, плавные, с риторическими повыщениями и понижениями (эти речи очень похожи на его письма: когда их читаешь, точно с горы катишься!), речи, от которых никуда не уйдешь на протяжении 1 1/2—2 часов. В сумраке камеры льются слова, и кажется, будто льются они со стен, с потолка камеры, неисчислимые,

бесконечные — "все на тему — что Христос Господь простирает свои милосердные объятия ко всякому грешнику, искренне раскаивающемуся, и об условиях раскаяния". Но ведь и смерть простирает свои милосердные объятия. Плохое земное утешение даже для жилища равелинной камеры — в достижении ангелоподобного состояния, и, конечно, даже неумный Полисадов понимал это и обещал, соблазняя обещанием, что признание и раскаяние даруют жизнь, жизнь, не небесную впереди, а земную. Только при такой оговорке Полисадов и мог надеяться на практический результат своей проповеди. А тут непрерывные допросы, тут еще жандармский полковник Лосев, посещающий равелин, соревнующийся с Полисадовым. Не нужно ангелоподобного состояния. Сама собой приходит мысль о смерти как узорешительнице. И Каракозов делает попытку самоубийства. Сохранилось об этом несколько строк в маленькой записке для памяти в деле управления коменданта*: "16 мая содержащийся в доме Алексеевского равелина преступник Каракозов, во время прогулки в саду, имел намерение спуститься в люк, но тотчас же был остановлен в этом находившимся при нем конвойным. Вследствие сего усилен надзор за Каракозовым". Так вот куда он стремился бежать от ангелоподобного состояния!

К концу мая Каракозов был приведен в состояние, в котором он был не пригоден для допросов. По отзыву крепостных врачей Океля и Вильмса, с 27 мая Каракозов стал обнаруживать "некоторую тупость умственных способностей, выражающуюся медленностью и неопределенностью ответов на предлагаемые вопросы." Препровождая 1 июня записку врачей, комендант докладывал графу Муравьеву, что, по мнению докторов, Каракозову необходимо дать отдых в течение нескольких дней. О ходе болезни комендант докладывал до 7 июня включительно**. 6 июня врачи отметили, что Каракозов "отвечает на вопросы скорее и определительнее". 7 июня комендант известил графа Муравьева, что "в настоящее время

* Дело называется: "О представлении его высочеству командующему войсками гвардии и петербургского округа памятных записок 1866 года", на 3 листах, № 98 (по общей описи № 126). В записках Черевина (стр. 24) эпизод покушения на самоубийство рассказан с подробностями.

** III Отделение весьма беспокоилось о здоровье Каракозова. Сохранилась телеграмма Мезенцева плац-майору Бакину: "Отчего вы не исполняете моего приказа и не доносите о состоянии здоровья больного?"

он может быть отзываем к допросам в Комиссию". Граф Муравьев в свою очередь доносил о здоровье своего преступника царю. 2 июня он писал, что Каракозов одержим общим лихорадочным состоянием, но в настоящее время медики опасности не усматривают. 7 июня Муравьев доложил, что здоровье Каракозова значительно улучшилось и он находится почти в нормальном положении. 16 июня граф Муравьев докладывал, что в Каракозове в последнее время заметно обнаруживается религиозное чувство. "Он, в месте своего заключения, по несколько часов на коленях молится богу. Ответы его на вопросы Комиссии, как кажется, довольно искренни, и в настоящее время нет повода сомневаться в их достоверности".

Слишком скудны и неопределенны официальные свидетельства о болезни Каракозова, но и из них ясно, что на почве недуга, перенесенного до покушения, развилось какое-то серьезное физическое недомогание, которое в каземате привело к полному физическому распаду и решительному ослаблению духовной крепости. Каракозов переживал душевный надлом, вернее, душевную болезнь и в сумраке каземата перед лицом смерти пересматривал основы своего мирозерцания — политические, моральные, религиозные. У нас нет и не будет данных для изображения этого процесса во всех подробностях. В частности, мы совершенно не знаем истории религиозного чувства Каракозова, не знаем, как оно возникло, как развивалось и в какие формы вылилось; мы никогда не узнаем, произошло ли в каземате религиозное обращение или имело место только возрождение религиозного чувства.

Мы не склонны приписывать какой-либо роли в этом процессе религиозным увещаниям отца Полисадова: слишком неглубоки, слишком поверхностны, даже в его описании, священнические потуги. Какими же плоскими они должны были быть перед размышлениями у последнего конца и что мог сказать отец Полисадов о тайне жизни и смерти человеку, уже обреченному, уже чувствовавшему веяние смерти? От Каракозова, конечно, не укрылась и основная задача полисадовских богослужений и бесед, состоявшая в возбуждении и уловлении признаний. Все действия отца Полисадова были, в сущности, завершением того же мучительства и издевательств, которое началось в Комиссии непрерывными допросами и продолжалось примитивными пытками приставленных к Каракозову жандармов. Вся совокупность действий следователей, жандармов и священника вела к одному результату —

органическому истощению и душевной дезорганизации. Но глубокая и своеобразная воля Каракозова не далась в духовное руководство отца Полисадова.

Не удалась следователям и поставленная ими соблазнительная цель — довести Каракозова до произнесения хулы на свое дело. Автоматически повторяя за следователями, что он совершил тяжкое преступление, он нигде, ни на следствии, ни на суде, не отрекся от своих убеждений, не раскаялся в совершенном им, не осудил своих взглядов. Он подчеркивал в своих показаниях, что его дело предпринято им для блага народа, и этому сознанию он остался верен до самой смерти*. В своем объяснении царю он писал: "Относительно себя я могу сказать только, государь, что если бы у меня было бы сто жизней, а не одна, и если бы народ потребовал, чтобы я все сто жизней принес в жертву народному благу, клянусь, государь, всем, что только есть святого, что я ни минуты не поколебался бы принести такую жертву". Он говорил на суде: "Что касается до осуществления плана (цареубийства), то энергию для совершения преступления придало мне то раздражительное, болезненное состояние, в которое ввергла меня болезнь, которая чуть не довела меня до самоубийства, и все это потому, что я считал себя погибшим для дела, для народа и всего, что до сей поры было мне дорого". С одной стороны, выходит, как будто Каракозов ссылается на болезнь в оправдание своего дела, но, с другой стороны, он тут же признается, что он боялся, как бы болезнь не вынудила его к отказу от совершения покушения.

4.

Итак, отец Полисадов усердно содействовал разрушению здоровья Каракозова, но не имел успеха в попытке совратить Каракозова на путь предательства и раскаяния. Он сам попросил перерыва в собеседованиях, но после перерыва увещевания и собеседования в камере не возобновились: они были уже не нужны. Но богослужения и проповеди продолжались уже в домовой церкви крепости. 14 июня комендант уведомил Полисадова: "На докладе генералу от инфантерии графу Муравьеву о совершенной для преступника Каракозова обедне в домовое моей церкви, его сиятельство, оставшись вполне

*Полная противоположность Каракозову — Ишутин. Его поведение на следствии, на суде и в Шлиссельбургской крепости обнаружило тяжелую картину нравственного падения человека.

довольным произнесенною вами речью, изволил отозваться что желательно было бы, чтобы подобные службы и впредь, по временам, были совершаемы для секретно-заключенных в крепости лиц”.

”Сообщая о сем вашему высокопреподобию, прошу сделать распоряжение о совершении в моей домово́й церкви божественных служб для секретных арестантов до четырех раз в месяц, преимущественно в праздничные дни, присовокупляя, что о дне совершения обеден будет сообщаемо вам каждый раз накануне”.

О богослужениях, которые Полисадов совершал в комендантской церкви, и о самом Полисадове сохранились любопытные подробности в воспоминаниях И.А.Худякова, дорисовывающие образ отца протоиерея. Худяков и Ишутин были тоже обязательными посетителями церкви: «Я познакомился с Полисадовым еще прежде, когда только была открыта фамилия Каракозова. Его посылали тогда ко мне сказать ложь, но он не решился тогда это сделать. Когда после продолжительной беседы я вышел к членам комиссии, они против ожидания сказали мне совершенную новость: ”Ну, вот, батюшка вам теперь сказал, что Каракозов во всем признался и на духу сказал, чтобы о нем ничего не скрывали”. Итак, Полисадов получил приказание тронуть меня своим красноречием. Для этого в комендантской церкви он должен был служить обедни и говорить назидательные речи. При этом присутствовали также Каракозов и Ишутин. Полисадов имел дар говорить пустяки красноречивыми словами и прекрасной дикцией. Во время его проповедей комендант обыкновенно стоял на клиросе и умиленно слезился. ”Мы, — говорил, между прочим, Полисадов, — оттого становимся холодны к евангелию, что слышим его с детства, свыкаемся с ним и оно не представляет нам ничего нового. Но когда эту радостную евангельскую вещь слышит в первый раз какой-нибудь тунгус или алеут, то этот простой человек от полноты сердца своего восклицает: ”Какое дивное слышание, какое чудное благовествование!” Поэтому, господа, прошу вас приготовиться в самих себе и быть на будущий раз столь же простыми и чистыми сердцем, как эти простые алеуты и тунгусы”. После обедни Полисадов обыкновенно подходил ко мне для продолжения своих увещаний. ”Ну, батюшка, — сказал я ему, — я с вами не согласен. истинный христианин миллион раз читает евангелие и каждый раз открывает новые источники

вдохновения. А нам вообразить себя тунгусами или алеутами так же трудно, как вам вообразить себя шаманом».

Но Полисадов не всегда был кроток: иногда он позволял себе и дерзкие выходки. Тот же Худяков рассказывает: "Однажды, в конце сентября, он вышел говорить проповедь и, заметив, что я не перекрестился, вскричал с сердцем: "Не хотите креститься, можете идти вон". Эта выходка была тем более несправедлива, что я пришел не по собственному желанию, а меня привели. Окончательно рассориться с попом значит подвергать себя духовному покаянию. "Вы предпочитаете проповедывать, прогнавши слушателей", — подумал я, но, несмотря на досаду, сказал только: "Я слушаю"*.

Начальство не замедлило оценить заслуги Полисадова известным числом сребреников. 12 июня 1866 года комендант Сорокин ходатайствовал перед начальником III Отделения о награде Полисадову: "Принимая во внимание, что секретно арестованные и политические арестанты в крепости и Алексеевском равелине исключительно вверяются духовному попечению протоиерея Полисадова, который усердием и способностью при исполнении духовных обязанностей обращает на себя особенное внимание, имею честь просить Ваше Сиятельство не отказать ходатайством Вашим о Всемилодивейшем назначении протоиерею Полисадову за службу у секретных арестантов денежного пособия на путевые расходы и поправления расстроенного здоровья"**. А в прошении своем Полисадов изобразил свои труды в равелине в сумеречных красках: "Нимало не считаю противным пастырской скромности присовокупить здесь, что если совершение богослужения и проповедь, составляя для меня священнический пастырский долг, находили во мне всегда ревностного исполнителя, то физические мои силы от этих служений в отдельных казематах, без пособия диакона и чтеца, не могли не страдать от утомления***. — Покорнейше прошу иметь в виду, что для каждого говеющего арестанта и ссылаемого в Сибирь преступника совершается мною обыкновенно пять священнослужений и делается столько же устных, но имеющих форму церковных псучений, проповедей. А о количестве арестантов и

*И.А.Худяков. Опыт автобиографии. Женева, 1882, с. 156.

** Дело III Отд. 1 эксп. № 141 о выдаче денежного пособия прот. В.Полисадову.

*** А как же должны были страдать физические силы заключенного, который в отдельном каземате обязан был выслушивать все эти служения!

преступников, которых я напутствовал в прошедшие годы, вашему высокопревосходительству известно из дел Вашего Управления. Предоставляя суду божью внутренние стороны моего служения, я имею в виду лишь физический труд, и вот эта сторона дела дает мне смелость — столь открыто просить ваше высокопревосходительство о денежном пособии". 25 июня физический труд отца Полисадова был оценен пособием в 500 рублей серебром, отпущенных из Государственного казначейства, с высочайшего разрешения, "на известное его величеству употребление".

5.

В отношениях Полисадова и Каракозова должно подчеркнуть один момент. Мы не можем удостоверить его документально, но мы не сомневаемся в его бытии. Полисадов, вынуждая Каракозова к признаниям, увлекал его не картиной духовных радостей по ту сторону гроба, а реальным уверением, что ему будет дарована жизнь. Каракозов поддался на обещания священника и поверил. Он верил в это, до последнего момента верил, что не будет отвергнута его просьба о помиловании. Когда его вызвали к председателю верховного суда князю Гагарину, он, по словам очевидца, "вошел с таким светлым лицом, что, очевидно, он ожидал услышать весть о своем помиловании".

"— Каракозов, — сказал князь Гагарин, — Государь Император повелел мне объявить вам, что Его Величество прощает вас как христианин, но как государь простить не может".

"Вдруг, как молния, весь свет с лица несчастного преступника исчез, оно внезапно потемнело и приняло суровое и мрачное выражение".

"— Вы должны готовиться к смерти, — продолжал князь Гагарин, — подумайте о душе своей, покайтесь".

"Каракозов начал говорить что-то бессвязно о видениях, о голосах, но князь Гагарин опять напомнил ему о необходимости приготовиться к смерти и велел его отвести"*.

Эта сцена происходила 2 сентября — в квартире коменданта крепости. Свидетель, так живо описавший нам эту сцену и оставивший подробные записки о процессе Каракозова, секретарь верховного суда, впоследствии сенатор, Есипович

* "Русская старина", 1909, февр., стр. 275—276. Записки сенатора Есиповича.

странным образом не сделал и не развил одного вывода, к которому неизбежно приходит читатель его записок: удивительнейшим образом он не заметил того, что Каракозов был душевно болен, был ненормален, психически невменяем*. В тот момент, когда объявление в отказе в просьбе о помиловании разорвало последнюю нить надежды, Каракозов уже духовно умер, и оставалось выполнить только формальный обряд повешения его тела.

Отлетевшая сразу и навсегда уверенность в сохранении жизни насаждалась, конечно, отцом Полисадовым. И косвенным к тому доказательством служит характернейшая попытка последнего уйти от последней беседы с Каракозовым, отказать от последнего официального напутствия. В нашем распоряжении находятся драматические материалы об этом последнем моменте жизни Каракозова.

2 сентября счета Каракозова с жизнью были кончены. К смерти он был готов.

Сложные приготовления к казни поглотили на некоторое время внимание должностных лиц. Власти стремились к истовому исполнению обряда казни.

1 сентября (№ 152) комендант обратился к протоиерею Петропавловского собора Полисадову с следующим предложением: "Основываясь на 963 ст. уст. уг. суд., прошу Ваше Высокопреподобие приготовить преступника Каракозова к исповеди и св. причащению и затем в день приведения в исполнение приговора имеете сопроводить его на место казни, оставаясь при нем, согласно вышеозначенной статьи, до окончательного исполнения приговора". Отец Полисадов попытался уклониться от исполнения этой обязанности. 1 сентября он дал ответ коменданту: "Предписанием от 1 сего сентября за № 155 Вашему Высокопревосходительству благоугодно было возложить на меня обязанность приготовления преступника Каракозова к смертной казни чрез исповедь и св. причащение и сопровождать его на самое место казни".

"Вашему Высокопревосходительству я имел уже честь сообщить от 23 мин. августа, что духовная консистория, с утверждения Его Высокопреосвященства, назначила для приготовления преступников при совершении казни особых свя-

* А вот Черевин был наблюдательнее: "Мне часто приходилось говорить впоследствии с докторами о Каракозове, и никто меня не разубеждал, что он был человек больной в первом фазисе сумасшествия"... (стр. 11).

щенников, и от Петропавловского собора назначен священник Алексей Шипунов”.

”Посему долг имею всепокорнейше просить Ваше Высокопревосходительство о дозволении совершить помянутую выше обязанность при преступнике Каракозове священнику А.Шипунову, которому уже своевременно сообщено было мною помянутое выше распоряжение епархиального начальства”.

”К сему долг имею присовокупить, что принять к себе Ваше поручение и тем нарушить распоряжение прямого моего начальства я могу лишь в том одном случае, если Каракозов сам пожелает иметь меня своим духовником и спутником на место казни”.

Отношение отца Подисадова было оставлено без последствий.

Конечно, не формальные основания были действительным мотивом нежелания Полисадова совершать последнюю требу для Каракозова. Ему было трудно и совестно готовить к смерти человека, которого он же пастырским словом уверял в том, что жизнь ему будет сохранена. Что он мог сказать ему в последний час его жизни? Ясно, что встречаться с Каракозовым наедине ему не хотелось.

1 сентября комендант крепости получил следующую бумагу от министра юстиции: «Имею честь уведомить Ваше Высокопревосходительство, что исполнение приговора Верховного Уголовного Суда о государственном преступнике Дмитрие Каракозове последует 3 сентября в субботу в С.-Петербурге на Смоленском поле в 7 часов утра. Об этом сообщено мною вместе с сим С.-Петербургскому обер-полицеймейстеру, которому я предложил сделать все нужные для сего распоряжения, согласно установленного в законах порядка, с присовокуплением, что преступник должен быть отправлен из С.-Петербургской крепости на место казни в 6 часов утра». О последовавшем предписании комендант уведомил 2 сентября начальника III Отделения с присовокуплением, что «Каракозов 2 сентября будет переведен из Алексеевского равелина в один из номеров главной гауптвахты». О. Полисадов 2 сентября был извещен о том, что он в 5 часов утра имеет прибыть к коменданту для сопровождения преступника до места исполнения приговора.

А с.-петербургскому обер-полицеймейстеру 2 же сентября комендант писал:

"Министр юстиции от 1 сентября за № 11081 уведомил меня, что исполнение приговора Верховного Уголовного Суда о государственном преступнике Дмитрие Каракозове последует завтра, 3 сентября, в 7 часов утра на Смоленском поле, присовокупив, что о сделании всех, нужных для сего, распоряжений сообщено им Вашему Превосходительству".

"Предложив протоиерею Петропавловского собора Полисадову, как духовному отцу преступника Каракозова, сопровождать осужденного до места исполнения приговора, прошу Ваше Превосходительство сделать распоряжение о присылке в крепость 3 сентября к 6-ти часам утра кареты для протоиерея Полисадова. Что же касается до дрог и арестанской одежды для преступника, то я полагал бы доставить их в крепость сего числа, после пробития вечерней зари, а воинскую стражу и все прочее, необходимое для принятия из крепости Каракозова, в 5 1/2 часов утра, к которому времени он будет приготовлен".

6.

Протоиерей Полисадов посетил Каракозова в течение 2 и 3 сентября не один раз. Надо думать, что, отказываясь вначале от лицемерия Каракозова, с которым он не говорил с 15 мая, Полисадов не ожидал найти значительной перемены в Каракозове, он думал, что опять столкнется с своеобразной волей, которую он не сумел подчинить себе. Но распад духовной личности Каракозова зашел очень далеко: он уже жил в мире видений, слышал голоса и, должно быть, уже не имел собственной воли. Только таким душевным состоянием Каракозова можно объяснить возникновение гнусного измышления лукавого ума священника Полисадова. Он решил исправить впечатление своих, не совсем удачных, первых опытов по склонению Каракозова к признаниям и показать властям, что его пастырское увещание что-нибудь да значит. Теперь властям не нужны были фактические признания и разоблачения, важно было достижение второй из двух насущных задач следователя и судьи: нужно было привести Каракозова к раскаянию, к отречению от убеждений и дела, к произнесению проклятия всему тому, что было для него до сих пор дорого, чем он жил. Увидав, что Каракозова покинули последние силы, физические и духовные, что теперь приходится иметь дело не с твердой волей, а с распластанным человеком, лукавый лицемер возымел коварную мысль воспользоваться безразличным

состоянием обреченного на смерть и подсунуть ему для подписи акт раскаяния, отречения и хулы на святое святых души революционера. Полисадову уже грезился эффект его доклада в сферах о раскаянии Каракозова, раскаянии, которое явилось бы венцом его пастырского ревнования. Полисадов набросал план предсмертного заявления, которое должен был бы под его диктовку написать Каракозов. План этот сохранился*; мы воспроизводим его полностью, дабы современный читатель мог оценить всю меру гнусности и цинизма отца протоиерея, профессора и проповедника. Этот документ является красноречивым свидетельством пастырского растления и образцом гомилетического блудословия. Вот что, по мысли Полисадова, должен был бы написать Каракозов в свой предсмертный час:

”Помышляя о приближающемся часе смерти моей и что я скоро должен предстать на страшный Суд Божий, я, кроме тайной Исповеди пред духовным Отцом моим, решил для умирения совести моей изложить в сем письменном объяснении последние мои чувствования и слезные просьбы: 1. Я умираю с благодарением к Господу Богу за все Его дары, явленные и на мне, окаянном, с первой минуты моего бытия и доселе. Благодарю Его, в Троице Славимого, что Он благоволил меня призвать от небытия к бытию и образом своим божественным почтил; что Он благоволил родиться мне в вере чистого исповедания и просветиться Св. Крещением в св. Православной Церкви, которую чту как мать мою и спасительницу; что, когда я, после лет детства и невинного отрочества возмужав, отверг доброе и избрал лукавое, Он премилосердный не попустил мне погибнуть во грехах моих, суете и преступлении, но через самое сие преступление явил на мне милость свою, даровав мне средство спасения в покаянии и обращении, при содействии отца моего духовного, к вере в Господа нашего Иисуса Христа, умершего за грехи всего мира и воскресшего за наше оправдание. Умираю в вере в Святую и животворящую Троицу и во все истины, возвещаемые Церковью Православною, и во все ее установления. Умираю с надеждою жизни вечной, которой и да сподобит меня, окаянного, Господь Бог, ради бесценных заслуг Единородного Сына своего Иисуса Христа, пролившего божественную кровь

* Хранится ныне в рукописном отделении Государственной публичной библиотеки (собрание бумаг генерала Сорокина).

свою и за меня, паче всех человек прегрешившего. 2. Слезно и из глубины кающейся души моей умоляю первее всего Тебя, Всемиловитейший Государь Император, даровать мне, недостойнейшему, Христианское всепрощение в моем неизмеримо тяжком и гнусном преступлении против Твоей Священной Особы; отпустить мне, ради ангельской твоей доброты, и все мои неправды против твоего закона и тем возратить моей совести мир, необходимый в час смертный и в добрый ответ на страшном судище Христовом. Повергаясь к подножию Твоего Престола, яко последний изверг, смиренно исповедую справедливость кары, постигшей меня, как вполне заслужившего не одну, а тысячи смертей. Ах! Как много и тяжко согрешил я против Тебя, помазанник Божий, лучший из царей и людей, воззававший русский народ к новой жизни твоими великими делами, которых, увы! я, окаянный, не хотел понять по развращенности ума моего и оценить по злобе сердца моего. Верю, что твое ангельское сердце помиловало бы и меня, если бы высшая справедливость не потребовала от тебя — явить на мне, изверге, законную твою правду, — но умоляю простить мне в душе твоей великой христианской, яко первого из грешников против неба, пред тобою и всеми людьми. 3. Умоляю родителей моих простить меня, злосчастное и непотребное детище свое, — моею жизнью и злодеянием нанесшего им срам, скорбь великую и плач, благословить меня, утешаясь, по крайней мере, последнему к Господу Богу обращению и смерти с христианским приготовлением и напутствием спасительными Тайнами Христовыми. 4. Умоляю всю Царелюбивую Россию, тяжко оскорбленную моим злодейством против Ее Великого благопромыслительнейшего и милосердного Отца Государя, простить меня и благословить на исход из сей жизни. — Умоляю духовного отца моего и всех и каждого из русских людей — помолиться о моей окаянной душе, да не изведена будет на место вечного мучения, но да дарует мне Господь Бог по своей великой милости отраду и успокоение во свете лица своего, простив мне вся вольные и невольные моя согрешения. 5. Прошу со слезами прощения у всех, кого я лично оскорбил, а паче вовлек во грехопадение и преступление, за которые надлежит ответ здесь пред законом и на небе пред Богом. Прошу и молю юных людей не следовать моему злосчастному примеру и внушениям худых людей и развращенных обычаев века сего; умоляю их учиться и искать премудрости высшей, а не земной только,

быть сынами церкви православной и искренними верноподанными Самодержавнейшего Государя Александра Николаевича и Его Преемников. Стоя уже у отверстой могилы, я вижу, что все здесь суета и крушение духа, что все, человеком замышляемое вне веры в Иисуса Христа и подчинения Богоучрежденной власти, не пользует человеку, а при умножении безверия в уме и развращении в помыслах сердца и деяниях воли греховной ведет к совершенной гибели души и тела.

6. Благодарю отца моего духовного за его ревностное обо мне попечение от самого начала моего заключения и доселе, его обличения, наставления от слова Божия, утешения молитвами со мною и все добро, которое он сделал для спасения окаянной души моей. Благодарю всех, кто заботился обо мне и служил мне, недостойному, во время моего заключения. Пять месяцев этой моей жизни были, как ни худо я ими пользовался, временем моего очищения после жизни, проведенной во грехе, безверии и всякой суете, доведшей меня до преступления, которым исполнилась мера Божия долготерпения и положен предел моей свободе, служившей мне во грех. Прошу всепрощения у гг. членов Комиссии и Верховного Суда за то, что я их так много мучил моими лжами, неискренностью и всяческими изворотами для спасения моей злосчастной жизни. Благодарю всех их за их человеколюбивое со мною обращение, а слезы Сиятельного князя Павла Павловича Гагарина, при объявлении мне смертного приговора, тронули меня до глубины души, и я хотел бы собрать их, как бисер драгоценный, чтобы взять их во гроб и самому положить их пред Господом Богом. Благодарю моего защитника за его старание спасти мне жизнь мою окаянную. Видно Господь судил обо мне иначе, — что мне полезнее и спасительнее умереть с христианскими приготовлениями к жизни вечной, нежели влачить, вместе с жизнью в теле, ярмо греховное. Слава Тебе, Господи, за все и о всем Слава Тебе. Да совершится Твоя святая о мне воля. Спаси и помилуй меня, Сладчайший Иисусе, утешение в смерти моей, Иисусе, живот по смерти моей. Иисусе, надежда на суде твоём, Иисусе, послание мое. Тогда Иисусе Сын Божий, помилуй меня, падшее Создание Твое, по великой милости Твоей”.

Можно себе представить умопомрачительный эффект такого предсмертного заявления, написанного и подписанного Каракозовым. В своем раскидистом манифесте отец Полисидов роздал всем сестрам по серьгам: кого только в воображе-

нии Полисадова не должен был пред смертью благодарить Каракозов, начиная с царя и кончая тюремным сторожем, за их совместные труды по отправлению его в царство небесное.

Но у Полисадова дело сорвалось. Этот соблазнительный проект он предъявил для просмотра коменданту крепости, но инженер-генерал Сорокин, главный тюремщик Каракозова, оказался нравственно выше духовного пастыря. Ему показалась, очевидно, зазорной гнусная развращенность священника. Он не одобрил плана Полисадова и не дал ему ходу. Бумагу Полисадова он положил в свой стол, надписав на ней: "Не следует допустить преступника к руководству". Так и не вышло у отца протоиерея эффектного конца пастырских собеседований.

3 сентября комендант крепости инженер-генерал Сорокин рапортовал его императорскому величеству (№ 159): "Содержавшийся в Алексеевском равелине С.-Петербургской крепости государственный преступник Дмитрий Каракозов сего числа в 5 1/2 часов утра сдан прибывшему за ним конвою, для приведения в исполнение над ним приговора Верховного Уголовного Суда, состоявшегося 31 минувшего августа". Этот рапорт "государь император изволил читать 3 сентября"...

7.

В одиночестве заключения измученный Каракозов готовился принять смертный жребий, а за стенами тюрьмы совершалась громоздкая работа по "приведению приговора в исполнение". Контраст между Каракозовым и его палачами покажется фантастически чудовищным, если вчитаться в следующий не использованный еще в литературе документ. Он напечатан в прибавлении к приказу по с.-петербургской полиции от 3 сентября 1866 года.

"3 сентября сего года в 7 часов утра в С.-Петербурге на Смоленском поле приведен будет в исполнение приговор Верховного Уголовного Суда, постановленный 31 августа 1866 г. о государственном преступнике Дмитрие Каракозове, осужденном за преступное покушение на жизнь священной особы государя императора к лишению всех прав состояния и к смертной казни — через повешение.

Наряд войск.

Для содействия полиции при исполнении приговора над государственным преступником Дмитрием Каракозовым со

стороны штаба войск гвардии и Петербургского округа сделаны следующие распоряжения:

1. Для конвоя преступника из крепости будет наряжено две роты от С.-Петербургского губернского батальона в составе 18—20-ти рядовых во взводах.

Ротам этим приказано будет прибыть в Петропавловскую крепость к 5-ти часам утра.

2. Для составления каре вокруг эшафота, на Смоленском поле, на месте приведения в исполнение приговора, будет назначено: 2 батальона гвардейской пехоты под начальством генерал-адъютанта князя Барятинского, командира л.-гв. Преображенского полка.

Батальонам приказано будет прибыть к 5-ти часам утра на Смоленское поле к манежу л.-гв. Финляндского полка.

3. Для содействия полиции на Смоленском поле близ места приговора будет назначено: 4 роты гвардейской пехоты и один эскадрон л.-гв. казачьего дивизиона.

Частям этим приказано будет прибыть на Смоленское поле к манежу к 4-м часам утра и поступить в распоряжение полицеймейстера III Отделения полковника Романовского.

4. Для содействия полиции по пути следования будет назначено:

а) одна рота гвардейской пехоты к выходу с Тучкова моста на Васильевский остров, с приказанием содействовать полиции, чтобы толпы любопытных со стороны 1-й линии и набережной от биржи не мешали проезду;

б) одна рота гвардейской пехоты к выходу из Среднего проспекта в 18 и 19 линии, для содействия полиции, чтобы толпы не тронулись за поездом и не мешали ему;

в) одна рота гвардейской пехоты ко входу с Васильевского острова на Армянское Смоленское кладбище — в распоряжение полицеймейстера III Отделения полковника Романовского.

Всем этим ротам приказано будет быть на указанных местах к 5-ти часам утра.

Всем войскам приказано будет быть в караульной амуниции, в обыкновенной городской форме, в мундирах.

Наряд от С.-Петербургской полиции.

Для общего надзора назначается полицеймейстер полковник Баннаш-фон-дер-Кейт. На полковника Романовского возлагается соблюдение порядка на месте казни. Сверх сего назначают: полицеймейстер полковник Квитницкий; пристава: Ватащи, Сахаров, Маслов, Богарский, Баумгартен и управляющий

частью Пикар; офицеров по 3—36, городских по 20—240, из всех частей.

Командир жандармского дивизиона со всеми офицерами и нижними чинами вверенного ему дивизиона.

Явиться на место казни к 5 часам утра, отделив 100 человек конными при штаб-офицере и 4 обер-офицерах для конвоирования преступника из крепости на Смоленское поле. Команде быть в полном распоряжении полковника Баннаш-фон-дер-Кейта и прибыть в крепость к 5 часам утра.

На время отсутствия чинов полиции в наряд и до возвращения их к своим местам, наблюдение за порядком поручается приставам: Щетинину — по Адмиралтейской и Казанской частям; Миллеру — Спасской и Коломенской; Бибикову — Нарвской; фон-Кремеру — Московской и Александро-Невской; Постовскому — Литейной и Рождественской; Сербиновичу — Васильевской и Петербургской и надзирателю Виридарскому — Выборгской.

Сверх того, на время отсутствия в наряд чинов полиции, поручается объезжать: полковнику Сверчкову — I отделение и полковнику барону Врангелю — II отделение.

Квартальным надзирателям усилить наружный надзор полиции и наблюдсти, чтобы во все время отсутствия полиции в наряд дворники находились у ворот своих домов, в избежание беспорядков.

Главному врачу полиции отрядить частных врачей для подаяния в несчастных случаях пособия.

Подп. С.-Петербургс. обер-полицеймейстер ген.-лейт.

Т р е п о в".

Сколько полиции нужно было мобилизовать, чтобы повесить одного человека!

8.

Протоиерей Полисадов сопровождал Каракозова на место казни. Каракозов, по отзыву очевидца, был исполнен ужаса и немного отчаяния, когда позорная колесница подвезла его к эшафоту. На эшафоте он потерял всякое сознание (так казалось очевидцу, стоявшему тут же на помосте) и допускал распоряжаться собой как вещью. И на эшафоте Полисадов сказал Каракозову напутственное слово.

О предсмертной исповеди Каракозова мы располагаем свидетельством все того же Полисадова, который 5 сентября, т.е. на другой день после казни, обратился к начальнику

III Отделения, графу П.А.Шувалову, с следующим письмом:

"Ваше Сиятельство, Милостивый Государь, Граф Петр Андреевич. Вчерашний день, — когда я, исполнив при преступнике Каракозове последний пастырский долг, удалился в группу лиц, стоявших на особом помосте, кто-то из гг. военных спросил меня: "Чистосердечно ли раскаялся преступник?" На это я отвечал лаконическою фразою: "Это — секрет духовника".

"Такой ответ дан был мною, как потому, что совершенно не узнал вас (вы очень много изменились в наружном виде лица, Сиятельный Граф), так и по соображению, что ответ, более ясный и удовлетворительный, мог быть услышан еще кем-нибудь из плотно сгустившейся группы и истолкован в смысле неблагоприятном для моей пастырской скромности".

"Вскоре потом мне сказали, что вопрос предложен был Вашим Сиятельством".

"Зная, какое великое содействие оказали вы мне в пастырском руководстве Каракозова, я спешаю удовлетворить желанию Вашего Сиятельства, выраженному в вашем вопросе: чистосердечно ли он раскаялся? Нимало не страшась нарушить божественную печать исповеди, я могу сообщить, — и Вашему Сиятельству, и всякому, кто спрашивает меня о последних днях Каракозова, не по простому любопытству, а по христианской заботе о душе его и вечной участи, — что преступник умер с спасительными христианскими расположениями, верованиями и чувствами, и что, по выслушании его обстоятельной, самым серьезным образом веденной исповеди, у меня спала с души тяжесть, давившая меня особенно в последнее время при неотступно преследовавшей меня мысли, — отдастся ли всецело в мое руководство своеобразная воля этого тяжкого преступника, и выполнит ли он условия христианской исповеди. Конечно, по слову св. Павла: кто из людей знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем (I Кор., 2, 2), и, по слову пророка, только Бог испытывает сердца и утробы человеков. Но за всем тем, все поведение Каракозова в последние два дня дает мне право сохранять убеждение, что исповедь его была несуетная, так что я, облегченный в моей совести, возблагодарил Господа Иисуса о спасении заблудшей овцы и решился преподать Каракозову святые тайны Христовы в жизнь вечную".

”Столь утешительным исходом моих усилий, — послужить до конца спасению души Каракозова, я обязан, главным образом, Вашему Сиятельству и предместнику Вашему, князю Василию Андреевичу, давшим мне право входить в каземат преступника и, чего еще никогда не было допускаемо, беседовать с ним наедине. Это было в апреле. Впоследствии, с половины июня, с вашего, конечно, разрешения, приводили Каракозова в комендантскую церковь к Богослужению: при чем хотя и не имел я возможности беседовать с преступником собственно о язвах его души, но зато имел случай возвещать Евангелие Христово применительно к состоянию его. — Все сие дало мне возможность обратить Каракозова к лучшим, спасительным чувствам. Принося Вашему Сиятельству всенижайшую благодарность за ваше доброе и благовременное содействие в нелегком служении моем душевному благу великого, но покаявшегося грешника, смею надеяться, что Ваше Сиятельство не оставит меня сим содействием и в отношении к другим политическим арестантам, содержащимся в Алексеевском равелине и в крепости. С своей стороны, я всесердечно готов служить душевному их благу и спасению”.

”С глубочайшим почтением и всенижайшею преданностью честь имею быть Вашего Сиятельства, милостивый государь, всепокорнейший слуга и усерднейший Богомолец, протоиерей СПб. Петропавловского Собора Василий Полисадов”.

Неубедительное письмо написал протоиерей Полисадов! Если бы к этому письму было приложено собственноручное заявление Каракозова, то тогда граф Шувалов и всевышнее начальство были бы удовлетворены в полной мере. А без этого документа вышла недоказательная отписка...

9.

Такова раскрываемая на основании архивных дел история поединка пленного революционера и пастыря душ человеческих. Из этого поединка пораженный наголову, заклеянный позорной печатью вышел отец протоиерей. Каракозов пострадал жестоко, но не был разбит. Распалась его духовная личность, но он не проклял своего дела и не принес раскаяния, которого так страстно желали его судьи.

Таинственный узник (М.С.Бейдеман)

Когда в русской легальной печати стало возможным говорить о равелине, а это случилось в 1905 году, появились кое-какие подробности и внимание сейчас же обратилось к легенде о таинственном узнике равелина, какой-то Железной Маске. Был заточен, сидел много лет, кажется, помещался. За что, неизвестно. Догадывались, не за личное ли оскорбление Александра II. Фамилия его неизвестна, называли одну фамилию Шевич, но все попытки узнать об исчезнувшем с лица земли Шевиче не привели ни к чему. Вопросом о личности таинственного узника занимался в 1905—1906 годах А.С.Пругавин*. Он обращался к печати с просьбой ко всем знающим дело дать какие-либо сведения и получил ответы любопытные, но не разъясняющие, а запутывающие дело. Легенда оставалась легендой.

И только теперь, когда пред нами раскрылись полностью архивы III Отделения, и департамента полиции, и, наконец, архивы Алексеевского равелина, когда мы можем перечислить по именам и фамилиям всех заключенных там на протяжении 1812—1884 годов, мы можем назвать таинственного узника и рассказать его историю.

Да, такой узник был, и история его полна подлинного трагизма. Он был заключен в равелине по приказанию Александра II, без суда и следствия, и содержался так, что самый факт его пребывания в равелине оставался неизвестным. Он был забыт в равелине на много лет, так много, что и вымолвить трудно. Листы архивного дела, впервые ставшего доступн

* Статьи А.С.Пругавина собраны в его книге: В казематах (Очерки по истории русских тюрем). Спб., 1909.

исследователям, раскрывают перед нами неимоверно грустную историю погубленной человеческой жизни.

1.

16 июня 1860 года в Константиновском военном училище состоялось производство в офицеры юнкеров 3 специального класса. По первому разряду со внесением в список по поведению отличнейшим был выпущен Михаил Степанович Бейдеман, дворянин Бессарабской губернии, 20-летний юноша, поступивший в училище в июне 1859 года из экстернов Киевского Владимирского корпуса. При выпуске Бейдеман был произведен в поручики и назначен в Драгунский военный полк. По обычаю, он получил 28-дневный отпуск и по истечении его должен был явиться в полк, квартировавший в Кашине, Тверской губернии. Отпуск свой он проводил у матери, жившей в Лесном под Петербургом.

В назначенный срок к полку Бейдеман не явился, а мать его в июле месяце обратилась к великому князю Михаилу Николаевичу, бывшему тогда Главным Начальником военно-учебных заведений, с необычной просьбой. Она довела до сведения князя: 1) что сын ее, получив 28-дневный отпуск и подорожную на проезд в полк, прибыл к ней в Лесной корпус, а 15 июля объявил ей, что он должен отправиться на день или два в Петергоф, и, не взяв с собою никаких вещей, уехал и с того времени не возвратился, 2) что перед выпуском сына ее в офицеры он неоднократно подвергался приливам крови и страдал сильными головными болями и 3) что за несколько дней до отъезда из Лесного корпуса сын ее неоднократно выражал желание отправиться в виде прогулки в Финляндию. В заключение Бейдеман просила о розыске ее сына.

Следы Бейдемана нашлись, действительно, в Финляндии. Губернатор города Куопио донес финляндскому генерал-губернатору, что Михаил Бейдеман поздно вечером 20 июля (1 августа н. ст.) прибыл в Куопио, остановился в гостинице "Сосиетегузет", взял у буфетчика штатское платье, занял денег и на другой день рано утром вышел из гостиницы на охоту, оставив свое военное обмундирование и подорожную. Обратно Бейдеман не возвращался. Губернатор добавлял в донесении, что позже Бейдемана видели по дороге из Улеаборга в Торнео, по этому надо было заключить, что Бейдеман отправился в Швецию. Дальнейшие розыски не увеличили сведений о Бейдемане. Дело Бейдемана было доложено Алек-

сандру II и великим князем Михаилом Николаевичем — по штабу военно-учебных заведений, и князем В.А.Долгоруковым, главным начальником III Отделения, в декабре 1860 года.

Высочайшим приказом 24 февраля 1861 года Драгунского Военного ордена полка поручик Бейдеман был исключен со службы.

В мае 1861 года фамилия Бейдемана промелькнула перед царем в донесении министра финансов. Последний представил царю донесение начальника Скулянского таможенного округа о ходе дел в Молдавии; в нем было упомянуто о помещике Бейдемане, который "по окончании курса в одном из кадетских корпусов, взял отпуск в Бессарабию для свидания с родственниками, из С.-Петербурга уехал в Кронштадт и неизвестными путями пробрался в Италию, где вступил в ряды гарибальдийцев, как он сам писал из Рима к своим родным". Прочитав это место, Александр II написал: "Справиться, не тот ли, который, быв выпущен в прошлом году в Орденский Драгунский полк, скрылся".

18 июля 1861 года в северном финском приходе Рованиеми, Улеаборгской губернии, на станции Корво коронный ленсман Кокк обратил внимание на неизвестного человека. На вопрос ленсмана, кто он и что делает, он ответил, что он — кузнец, Степан Горюн, из Олонецкой губернии, искал в Финляндии работы, но не нашел и возвращается домой через Архангельскую губернию. Паспорта у Степана Горюна не оказалось, и ленсман задержал его и приказал приходскому сторожу доставить задержанного в Улеаборг на распоряжение губернатора. Здесь он был посажен в острог и 25 июля на допросе подтвердил показание, данное ленсману. Через четыре дня, 29 июля, Степан Горюн попросил допроса и заявил, что его показания неверны, что он — поручик Михаил Бейдеман, в июле 1860 года переправился через границу у Торнео в Швецию, а оттуда в Германию, а теперь возвращался из-за границы и намеревался отправиться в Архангельскую губернию. При Бейдемане были найдены: испорченный пистолет, нож, перочинный ножик и гребенка в футляре.

Об аресте Бейдемана было донесено в Петербург великому князю Михаилу Николаевичу. В ответ финляндскому генерал-губернатору было сообщено по телеграфу высочайшее пове-

ление: задержанного в Улеборге поручика Бейдемана препроводить немедленно в III Отделение.

Из Улеборга Бейдеман был доставлен в Выборг, а отсюда был отправлен морем в С.-Петербург.

2.

Выборгский полицейский надзиратель привез поручика Бейдемана в Петербург на пароходе "Аура". Бейдеман был в военной форме, из вещей при нем находились: двухствольный пистолет с испорченным замком, перочинный нож и еще один небольшой нож. В 5 ч. вечера, 18 августа, он был принят с парохода старшим адъютантом корпуса жандармов капитаном Зарубиным и помещен в арестантские номера при III Отделении. Начальник 1 экспедиции III Отделения Ф.Горянский явился предложить Бейдеману вопросы. Он подтвердил показания, данные им о себе улеборгскому губернатору. Горянский спросил его, почему, с какой целью он уехал за границу и что там делал, и, по всей вероятности, к немалому своему удивлению, выслушал от заключенного решительный отказ отвечать на этот вопрос и заявление о готовности перенести всякое наказание за запирательство. Случай выходил совершенно необыкновенный.

— Вы подпишете, что сказали? — спросил Горянский.

— Подпишу, но ничего более и никому объявлять о своих намерениях не буду и в этой решимости умру, — ответил Бейдеман.

Горянский начал убеждать Бейдемана, "ни мало, впрочем, не роняя его достоинства" (по его словам), но он совершенно хладнокровно и спокойно попросил дать ему перо, чтобы написать, что ничего и никому не объявит. Горянский пришел в полное расстройство, но, вспомнив, что Бейдеману при допросах финских властей уже случилось переменить первое показание, и решив, что Бейдеман не особенно считается с его авторитетом, решил не брать от него "столь легкомысленного обвинительного показания" и передать дело в руки графа Петра Андреевича Шувалова, управляющего III Отделением. Рассказав о своем неудачном свидании, Горянский свою записку закончил следующим обращением: "Быть может, ваше сиятельство изволите сами поговорить с ним и вашим влиянием предостережете его от такого поступка, о котором, если приведет в исполнение, рано или поздно он будет сожалеть".

Авторитет графа Шувалова не подействовал на Бейдемана. Шувалов, надо думать, был изумлен не меньше Горянского. 22 августа он отправил шефу жандармов, князю Долгорукову, бывшему с царем в Ливадии, собственноручное сообщение: "Я лично убеждал поручика Бейдемана и старался склонить его к откровенному сознанию причин, побудивших его бежать, объяснял ему, что упорство его отвечать на делаемые ему вопросы усиливает его вину, но он остался до того непреклонным, что я приписываю это физическому расстройству его здоровья. На вид же он кажется совершенно здоровым". Князь Долгоруков доложил дело Бейдемана царю и получил от него разрешение заключить Бейдемана в крепость. "Если после того он никакого сознания не сделает, то по совещании с е. в. генерал-фельдцейхмейстером как полагалось бы с Бейдеманом поступить? не нужно ли будет в умственных его способностях увериться установленным порядком?" — написал князь Долгоруков 29 августа на докладе своего помощника. Высочайшая воля была сообщена в Петербург по телеграфу 29 августа. В этот же день Бейдеман был доставлен в крепость и заключен в доме Алексеевского рavelина под № 2.

При приеме в рavelин Бейдемана обыскали и на дне коробки с папиросами, которую ему было разрешено в III Отделении взять с собою, нашли разорванные мелкие клочки писаной бумаги. Клочки постарались сложить, многих клочков не оказалось, но и того, что осталось, хватило для того, чтобы восстановленный текст заинтересовал коменданта в наивысшей степени. Немедленно он препроводил клочки в III Отделение. Здесь тщательнейшим образом подобрали клочки, сложили и получили следующий документ.

Божиею Милостию
Мы император Константин Первый
Государь Всероссийский
Ц Польский, Великий Князь Ф ский
и проч., и проч.
ем через сие нашему верно ном
жителям областей: Беломо
Остзейской, Белорусской, Лито
ской, Заднепровской, Новороссийской, Д
аинской, Курской, Московской, Рязанской,
занской, Уральской, Астраханской, Жи
бири, Финляндии, Грузии и Закавказья
ией помощью решились отн

тельский престол у ныне незако
 ствующаго Александра, отец котораго Николай,
 да будет имя его проклято во веки, отнял
 от нас престол блаженныя памяти Константина
 Павловича, дорогаго родителя на
 мы ащаемся к нашему ному народу
 так до рпевшему под проклятаго
 и окаян Николая, незаконн действом достиг-
 шаго обладания Русским престолом и сына
 его Александра, ныне грабящаго народ и русскую
 казну, дабы он с помощью Бога поднялся на
 весь окаянный род его, истребил бы большаго
 и малаго от поганаго древа сего и помог бы
 нам овладеть нашим дорогим прародительским
 престолом. Мы выходим из темницы, в которой
 заключены были с самых малых лет янным
 и пр м Николаем, дабы объяв шему
 верн русскому Народу, который всег личался
 здрав мыслом, полную свободу и за
 преше е им безаконие и рабство, М вляем
 едущее:

ская земля принадлежит на
 водеров помещиков, которым
 царями и Императорами в ущер
 ляет на будущее время собственн
 сская душа, родившаяся на све
 в пользование этой землею:

3) Народ русский будет управляться сам собою, чинов-
 ники и всякая канцелярская челядь изгоняется на всем
 пространстве Российской Империи.

4) Общее управление Российской Империей будет
 сосредоточено в астных съездах
 общем Земском С

5) Рекрутчина тожается.

6) Вся русская казна, если Бог поможет нам
 вступить на наш прародительский престол, разделится
 между народом.

обращаемся к нашему народу дабы он вооружился
 и стал под наши знамена, мы сами пове
 дем его на завоевание его прав, и
 надемся с помощью Бога и усердием
 русского народа прогнать из Им-

Д ъ сей Манифест Царев
 Константин

1861 От Рождества Хри

Несмотря на утрату нескольких ключков документа, текст восстанавливается без затруднений. Перед нами проект манифеста от имени императора Константина Первого, сына Константина Павловича². Константин Первый заявляет, что русский престол незаконным образом был отнят у его отца отцом Александра II Николаем, что сам он с детских лет был заключен в тюрьму. Манифест призывает к свержению власти Александра II, как незаконной, во-первых, и как грабящей русский народ и русскую казну, во-вторых. Народу обещается: передача всей земли в его владение, областное самоуправление и полное уничтожение чиновничества, осуществление его верховной власти чрез земский Собор, отмена рекрутчины и раздел государственной казны. Такова заявленная в манифесте, в общих и неопределенных выражениях, программа социальной революции. Оценивая этот документ как произведение агитационное, предназначенное разбудить и поднять народную массу, мы должны отметить, что автор опирался на народные желания (земля народу, уничтожение помещиков и чиновничьей челяди, отмена рекрутчины) и на казавшуюся ему бесспорной преданность царю. Манифест предлагал свергнуть существующего царя именем будущего. Выдавая манифест от лица Константина, сына Константина Павловича, автор рассчитывал на то, что воцарение Николая Павловича, совершившееся после отречения Константина, среди мятежа, оставило в массах впечатление события неправомерного, несправедливого, нарушающего обычные представления о праве наследования.

Разорванный в клочки документ не мог не произвести возбуждающего впечатления на III Отделение. Резкая и поносная брань по адресу Александра II и незабвенного Николая I, призыв к социальной революции привлекли к Бейдеману самое строгое внимание. Время к тому же было очень неприятное... III Отделение стояло перед революционным брожением в русском обществе; вне сферы его наблюдения совершались действия антиправительственные и антигосударственные. Появились революционные листки: 4 июля 1861 года шеф жандармов получил по почте экземпляр произведения неле-

гальной печати "Великорусс", 22 июля были арестованы в Москве Аргиропуло³ и Заичневский⁴, поставившие на широкую ногу распространение революционных воззваний, и в первых числах сентября получила распространение обширная прокламация "К молодому поколению", написанная Шелгуновым, напечатанная в лондонской Герценовской типографии, привезенная и распространенная Михайловым⁵. 30 августа была учреждена особая следственная комиссия для расследования о распространении революционной литературы. III Отделение было наизготовке: получив в свое распоряжение предателя Вс. Костомарова, оно собиралось широко развернуть борьбу с крамолы и было на следах М.Л.Михайлова. Граф П.А.Шувалов, стоявший во главе III Отделения, один из видных представителей крепостнической партии, в это время спешно делал карьеру и был полон неукротимой энергии и молодого рвения; он был всего-навсего 33-летний генерал. Он еще только грезил о том, как изловить крамолу и захватить возмутителей, а революционер — и притом, казалось ему, серьезнейший — сидел уже у него за семью замками.

Немедленно полетело в Крым, где был царь и шеф жандармов князь Долгоруков, донесение о находке у Бейдемана вместе с текстом манифеста. 16 сентября кн. Долгоруков доложил донесение царю: положено было "расспросить Бейдемана тщательным образом об этом проекте".

Тем временем, следуя совету своего шефа, князя В.А.Долгорукова, граф Шувалов обратился к великому князю Михаилу Николаевичу, стоявшему во главе военно-учебных заведений и в этом звании бывшему как бы верховным начальником поручика, выпущенного из военного училища, изложил сущность дела и предложил свое мнение — передать Бейдемана в военное ведомство с тем, чтобы судить его военным судом в случае, если, по освидетельствованию, он признан будет действующим в нормальном состоянии. "Совершенно согласен и разделяю твое мнение", — написал на записке великий князь. О согласии великого князя граф Шувалов сообщил 12 сентября князю Долгорукову.

3.

Но, пока доклад графа Шувалова был на пути в Ливадию, дело Бейдемана вступило в новый фазис. Вышло новое и крупнейшее осложнение, и 16 сентября вдогонку докладу

граф Шувалов телеграфировал князю Долгорукову "для немедленного доставления" в место пребывания государя императора: "Прошу приостановиться докладом дела о Бейдемана до прибытия фельдъегеря, выехавшего сего числа".

Новое по делу Бейдемана было в том, что он перестал записывать и заговорил по доброй воле, да как заговорил!

Бейдеман обратился к коменданту с просьбой разрешить ему написать в III Отделение о причинах ареста... 11 сентября граф Шувалов командировал к нему Горянского, с Горянским Бейдеман не стал говорить и заявил, что он даст показания только письменные. 12 сентября III Отделение предложило коменданту крепости разрешить Бейдеману написать свои объяснения и затем в запечатанном конверте представить написанное в Отделение. 13 сентября комендант препроводил запечатанный пакет графу Шувалову, а 14 сентября Шувалов отнесся к коменданту с следующим лаконическим советом: "По прочтении препровожденного при отношении... объяснения арестанта Бейдемана оказывается, что он в высшей степени вредный человек, а потому считаю долгом обратить особенное внимание вашего превосходительства на этого арестанта". Комендант немедленно же предписал смотрителю равелина майору Удому "иметь за Бейдеманом бдительное наблюдение и употреблять чинов самых надежнейших".

Грезы графа Шувалова о захвате крамольников осуществлялись наяву: в его руках был не просто революционер, крамольник, а еще и цареубийца, которому не удалось покушение.

Приводим полностью замечательное объяснение Бейдемана, вызвавшее такой поразительный эффект:

"Я просил г. коменданта С.П.Б.Петропавловской крепости, чтобы мне позволено было письменно изъяснить некоторые обстоятельства, послужившие причиною моего ареста. Ответом на мою просьбу было появление чиновника III Отделения, присланного начальником его, предложившего мне изъяснить ему эти обстоятельства; но я отклонил это, в том убеждении, что изъяснение их на бумаге больше выиграет в постепенности самого изложения".

"Насчет причин удаления моего из России отвечу тем же, чем отвечал прежде г. начальнику III Отделения, т.е. — н и с л о в а, и это мой последний и решительный ответ".

"Но насчет причин, побудивших меня возвратиться обратно в Россию, — на родину, я хочу дать несколько объяснений.

Причиною этой излишней откровенности было, есть и будет не желание улучшить свое положение в настоящем и будущем, не надежда на какое-либо снисхождение, а внутренняя потребность высказать всю меру моей ненависти и моего презрения к существующему правительству и к этому порядку вещей, который господствует и господствовал”.

”1) Я воротился на родину для того, чтобы отомстить за все страдания, которые она переносит и перенесла: — за глубокое, мерзкое рабство, в которое погрязли и несчастный русский народ, и русское общество и которое поддерживается развратным, грабящим и убивающим в самом зародыше все благородные начатки народного развития правительством, за пролитую и проливаемую кровь бедных крестьян, кругом ограбленных и обворованных гнуснейшим правительственным произволом; за подлейшим образом пролитую кровь поляков, за то возмущающее душу равнодушие и презрение к народу, к его нуждам и к его стремлениям, которые царят всюду, начиная с закоулков Зимнего дворца и кончая теми притонами грабежа и разврата, которые называются п р а в и т е л ь с т в е н н ы м и у с т а н о в л е н и я м и. Одним словом, за все те мерзкие, нелепые и дикопроизвольные подвиги той разбойничьей шайки, которая начинается звездоносными тупыми негодьями и кончается несметною толпою рабского чиновничества, грабящего вдоль и поперек”.

”2) Я хотел начать дело с вершины этого правительственного кабака в том убеждении, что, разрушив и уничтожив ее, я бы поднял коснеющий в невежестве и рабстве народ на завоевание своих прав, человеческих и гражданских. — Я говорю здесь о той власти, именуемой верховною, за которою скрывается вся мерзость и гнусность самодержавного произвола, той власти, которая за либеральными фразами, вроде р е ф о р м а с в е р х у, скрывает явную неспособность к решительному социальному, гражданскому и политическому перевороту, который, во что бы то ни стало, необходим для русского народа”.

”3) Эта власть, первоначальный шаг которой был приветствуем с такой радостью, с такою теплою верою в коренную реформу, которая бы сняла с народного развития те цепи рабства и гражданского позора, которые постарался набить на него Н е з а б в е н н ы й деспот, не имела настолько характера, чтобы посмотреть будущему своей земли прямо в глаза и решить о с в о б о ж д е н и е к р е с ь т ь я н не в такой пошлой

и смешной форме, в какой явились пресловутые Положен и я. Народ и общество ждали другого, народ издавна, с трепетом и замиранием сердца, ожидаемого манифеста; ничего не понял, не потому, чтобы он не мог отдать себе отчета в перемене своего положения, а потому, что для него казалось и самое содержание, и форма его совершенно неудовлетворительными. Из этого — общее глухое недовольство, которое не было понято ни вершиною, ни целым строем безобразного правительственного скопища, а отсюда — кровь, кнут, военная экзекуция, грабеж, произвол...”

”4) Россия думала, что эта власть воспользуется средствами нелепого самодержавия для того, чтобы произвести переворот, в котором она нуждалась, чаяла, ждала его. После всего того, что сделалось и делается в настоящее время, все прекрасные ожидания и благородные надежды лопнули, как радужный мыльный пузырь. Кругом все по-прежнему: тот же дикий и бесполезный произвол деспотизма, страшная неспособность, боязнь, тупость, совершенное отсутствие серьезного понимания народа и его стремлений, по-прежнему грабят, бьют и насилуют народ... Одни бездарности заменяются другими, которые за звездами, княжествами, графскими и баронскими титулами, генеральскими эполетами и тому подобным хламом скрывают отсутствие убеждений, страшный разврат и сильную страсть нажиться и обеспечить свою жизнь на широкою ногу гнусным и вопиющим грабежом. Такие личности, как Адлерберг, Панин, Муравьев, Строганов, Долгорукий⁶ и подобная им сволочь и гниль, которые должны бы быть заклеены печатью позора народного проклятия, на которых следовало бы покончить с телесным наказанием и кнутом в России, еще скрываются за спиною ничего не знающего, ничего не слушающего, ничего не видящего и ничего не понимающего самодержавия и отравляют всякое благородное начинание в народе и обществе”.

”5) Уничтожением верховной власти, т.е. слепого и ни на что не способного самодержавия, я хотел достигнуть совершенного и повсеместного уничтожения помещичьего права на землю, а всю русскую землю обратить в народную общую собственность для общенародного пользования. Положениями, наполненными вопиющими нелепостями и преднамеренными противоречиями, разрушается сильная основа будущего развития: полюбовные соглашения — начало разложения общинного землевладения и будущего

несчастья русского народа. Дворовые люди, остающиеся в рабстве и обделенные землей, — начало самого страшного пролетариата и бездомного, безхлебного скитальчества огромной массы в России. Неужели выгоды проигравшихся и поддерживающих рабство, развратных и диконевежественных дворян важнее выгод и будущей судьбы целого русского народа? Это понимали и говорили все, начиная с благородных сотрудников редакционной комиссии, Тверского комитета и кончая огромным большинством общества; этому вопросу посвящены были самые зрелые и обдуманые статьи русских журналов. Даже большинство помещиков начинало задумываться... Все требовали одновременных и решительных разграничений и определений двух сторон, из которых одна еще ратовала за рабство, за розги, за помещичий произвол, другая с глухою и сдержанною ненавистью ожидала освобождения. **П е р е х о д н о е с о с т о я н и е**, как самое неудовлетворительное и бессмысленное, было осуждено всеми. И что же из этого вышло? Появился манифест и Положения, которые своею двухсмысленностью взволновали крестьян. Они совершенно правы, если решились разом сбросить с себя рабство и помещичий произвол. Развратное и гнусное чиновничество было очень радо погреть себе руки и само подняло бунт. Затем — кровь, грабеж, произвол в самом диком и безграничном его виде и возмущающие душу мерзости. — И это должны были знать и **в е р ш и н а**, и все те, которые ее окружают. За пролитую народную кровь — нужно мстить кровью. Потомство отдаст проклятию и позору имя того, который мог ее не проливать и допустил своих же слуг из передней Зимнего дворца до ужасного зверства.

б) А кровь поляков? Ее не скроешь ничем, ни дипломатическими уловками, ни рабскими статьями газет. Она пролита, и пролита самым зверским и подлейшим образом. За одно это дело каждый русский должен ненавидеть и презирать свое подлое правительство, свою несчастную армию, которую обратили в толпу гнусных убийц. Где же либеральные фразы? Где та кроткая и благородная мысль, которая когда-то высказалась? Вся Европа, исключая, разумеется, вполне достойных друзей — Австрии и Пруссии, с ужасом и омерзением отвернулась от этой страшной картины задуманного гуртового убийства. Мученическая нация желчно почувствовала, что **н и к о л а е в щ и н а** с ее героями еще не умерли. — Да! Перед этим подвигом либерального русского правительства

лопнули все надежды, лопнуло даже то рабское терпение, которое досталось в удел русскому народу и обществу... Общество должно, наконец, понять, что рабское, тупое самодержавие — абсолютное зло, не допускающее никаких относительных понятий. Оно увидело и видит, что на громкие фразы безграничного произвола — плохая надежда”.

”7) А цензура? А такое милое учреждение, как III Отделение, которое вполне характеризует тот правительственный порядок, который для своего существования нуждается в подобных мерзостях. Они цветут, процветают и даже готовы вступить в новый период развития. А гонения на воскресные школы, чиновничий произвол, который грозит поглотить в себе самые лучшие соки народной жизни...”

”А народное образование, которое должно довольствоваться теми ничтожными крохами, которые остаются от пышных и громадных бюджетов придворной администрации и бесполезных войск? А совершенно произвольная, не соответствующая ни народным, ни государственным потребностям раздача аренд тем лицам, которые так же думают о пользе народа и русского развития, как и те благородные сыны Германии, поступающие в русскую службу, или гораздо правильнее — в службу русского правительства, чтобы набить себе карман? А раздача народной собственности в вечное и потомственное владение? Не довольно того, что ограбили и грабят народ в настоящее время, но хотят отнять у него то, что имело бы огромное влияние в будущем. Землю следовало бы приберечь для размножающегося народонаселения, ее следовало бы раздать тысячам бездомным батракам, а не генералам и различным тайным и действительным советникам, которые и без того уже успели нагреть руки на счет того же бедного народа. Ею следовало воспользоваться для того, чтобы нанести разом решительный удар чиновничеству и грабежу и вместе с тем не оставить тысячи семейств без куска хлеба. Все это так просто и понятно, но разве такие государственные мужи, как Муравьев, Адлерберг и Игнатьев⁷ и т.п., думают об этом: они грабят, и их грабеж в тысячу раз развратнее и пагубнее для народа, чем мелкий грабеж канцелярских воришек. Самые благородные и энергические деятели, желавшие действительного добра и любящие Россию и русский народ, смело вышли на дело, но этот омут всякой низости, подлости и всего того, для чего не прибережешь слов, сразу остановил их. Пора, пора и русскому народу и обществу разбить ту цепь,

которая приковывает их к гнилой колоде — полунемецкому правительству. Будущее — не лучше: не много добра; а, вернее, много зла принесут питомцы таких менторов, как меценат николаевщины — Строганов”.

”8) Вот причины, которые побудили меня возвратиться в Россию — покончить одним ударом с тем гнетом деспотизма, самоуправства, рабства и позора, под которым задыхается русская жизнь и развитие, который подсекает их в настоящем и беспощадно извращает в самом будущем. Мне остается только чувство досады и презрения к самому себе за то, что я не исполнил того, что задумал. Раскаяние в чем бы то ни было совершенно далеко от меня: я всегда буду презирать и ненавидеть тот омут разврата, грабежа, застоя и всяких гадостей, который губит Россию. Я не отказываюсь от своих намерений, потому что в них я вижу коренной перелом в судьбе всего отечества — к лучшему. Совершенное уничтожение нелепого, всеподавляющего самодержавия и связанного с ним правительственного, гражданского и политического строя — начало новой жизни, иного развития. Что бы меня ни ожидало в будущем — я всегда останусь при этом убеждении. Все, что здесь написано, было давно высказано, с необыкновенным талантом, со всею страстью негодования, с любовью к России и ее будущему, с великою гражданскою силою, людьми, которые погибли и гибнут в духоте правительственного гнета. От всего здесь написанного — я не отказываюсь. Никакого снисхождения — не прошу и не намерен просить.

13 сентября 1861 года

Михайло Бейдеман”.

Читая этот необыкновенный документ, не можешь поверить тому, что эта дерзкая прокламация, полная резких, оскорбительных слов по адресу верховной и высшей власти, написана человеком со связанными руками — узником Алексеевского равелина. Нельзя не поразиться смелости, с какой заточенный бросает бичующие оскорбления в лицо своим читателям-тюремщикам. С каким чувством должен был отнестись к произведению и его автору всеильный, ближний боярин, шеф жандармов князь Долгоруков, узрев свою фамилию в общей группе сволочи и гнили и прочитав, что на нем, на князе, следовало бы в России покончить с телесным наказанием! Как должен был отнестись к заявлению другой его читатель — император Александр Николаевич, прочитав

такое яркое нападение на себя, свою личность, свою политику... Кем сделанное? Каким-то ничтожным поручиком, арестантом, возвысившим свой голос от уз темничных. И этот поручик осмеливался мечтать, не только мечтать, а готовиться... покончить одним ударом с ним, освободителем. Он, монарх, именовался вершиной правительственного кабака. Все это было так невероятно, что и в III Отделении, и у шефа жандармов, и у царя мелькала мысль — не с умалишенным ли они имеют дело.

Отправляя в Ливадию подлинное объяснение Бейдемана, граф Шувалов присоединил и следующий доклад: "Вот, князь, обстоятельство очень серьезного значения, оно может изменить направление, которое его величеству угодно будет дать делу Бейдемана. Последний довел до моего сведения через коменданта о своем намерении дать показания. Я послал к нему начальника 1-й экспедиции, но Бейдеман настаивал на том, что он изложит показания письменно, и продолжал ту же систему молчания, которой он не изменял со времени своего ареста. Вы сами, князь, войдете в оценку принципов подсудимого и вы нарисуете умысел, заставляющий благословлять руку Провидения, остановившего фанатика, но не безумца — смею думать. Я думаю отправиться в крепость завтра, чтобы попытаться заставить его дать самое полное признание, но я сомневаюсь в успехе и думаю, что он заговорит только в день суда в единственной надежде предать гласности свои намерения и выставить себя мучеником за политические убеждения".

Александр II остановился пока на решении, подсказанном графом Шуваловым, и на записке последнего 27 сентября написал: "Не предавая его покуда военному суду, оставить в заключении в крепости".

19 сентября граф Шувалов отправил в Ливадию отчет о посещении Бейдемана в крепости. Эта беседа управляющего III Отделением с узником, не прибавляя ничего существенно к его заявлению, дала иллюстрирующие подробности замысла Бейдемана.

"Я виделся в крепости с арестантом Бейдеманом и имел с ним продолжительное объяснение и делал ему вопросы, на которые он отчасти отвечал — отчасти нет. Я вышел от него убежденным в том, что он фанатик самого вредного свойства и, быть может, не в нормальном состоянии умственных способностей. Бейдеман задумал свой преступный замысел уже

давно, задумал его хладнокровно и исполнил бы его, сколько мне показалось, твердо и решительно, если само Провидение не помешало бы тому и не предало его в руки Финляндской полиции”.

”Бейдеман упорствует в молчании относительно всего того, что побудило его бежать, того, что он делал за границей, но объясняет с полной откровенностью цель его возвращения в Россию. Его политическую исповедь ваше сиятельство уже изволили прочесть: подтверждая все писанное им, он сказал мне, что обманутый в своих надеждах, убеждаясь с каждым днем более, что государь желает лучшего только на словах, он по примеру Орсини⁸ (в его глазах образец всего великого и благородного) решил вывести свое отечество из настоящего его положения, нанеся самодержавию в лице государя смертельный удар, и, как он изъясняется, **р а з о м п о к о н ч и т ь с а м о д е р ж а в и е**. На замечание мое ему, что самодержавие принцип, а не лицо, Бейдеман ответил, что теперь настало такое время, что одновременно с переменою царствования изменился бы и характер монархической власти”.

«Обдумывая свои намерения, Бейдеман пришел к тому заключению, что настоящая минута самая удобная для коренных реформ, он решился теперь же возвратиться в Россию для исполнения своего преступного замысла, но, опасаясь приехать прямо в Петербург, он предпочел направить путь через Финляндию в Архангельскую губернию, где бы он сблизился с раскольниками, от которых надеялся получить материальные средства и паспорт для прибытия сюда, и здесь, не медля ни минуты, посягнуть на жизнь его величества, что, по его словам, ”было весьма не трудно исполнить, так как, по воспитанию своему в военно-учебном заведении, ему известны все привычки государя” и потому что, ”не дорожа жизнью, которую он посвятил на это дело, он даже не намерен был, по нанесении удара, бежать и укрыться от преследований”.

”Чрезвычайно важным считал я узнать от Бейдемана, действует ли он один и под влиянием личных своих убеждений, или же он состоит в связи с другими лицами или тайными обществами. Я прибегал к разного рода уловкам, но он непреклонно отвечал одно и то же, что действует один и что всякое участие других лиц уменьшило бы в его глазах ту славу, которую приобрел в случае успеха”.

”Следует полагать, что он говорит правду; вообще, он показался мне правдивым, и когда ему не хочется отвечать

на вопрос, то он молчит упорно. Для достижения моей цели я, под видом участия, советовал ему, в облегчение его судьбы, указать даже на мнимые лица и вымышленные общества, но он на это не поддавался и продолжал заверять, что **д е й с т в у е т о д и н** и что этим гордится. Бейдеман выражал и мне мысль, что он надеялся на мщение народа, который, увидев в нем убийцу, подосланного помещиками, стал бы повсюду резать дворян”.

”Я просил коменданта крепости принять в отношении надзора за ним наистрожайшие меры”.

”Разговора моего с Бейдеманом я не смел передать великому князю Михаилу Николаевичу, которому известны все прочие обстоятельства дела. Не угодно ли будет указать, как мне действовать в этом случае в отношении его высочества”.

”Я потребовал из Финляндии подробные сведения о заарестовании Бейдемана и о лицах, тому способствовавших, в том внимании, что его величеству, быть может, благоугодно будет знать имя того, который, хотя бессознательно, но спас Россию от этого изверга”.

В докладе графа Шувалова обращают внимание три подробности. Граф Шувалов начал трактовать дело Бейдемана как неудавшееся покушение на цареубийство и ссылаться на провидение, удержавшее занесенную руку преступника и пославшее своевременно финляндскую полицию. По пути такого толкования он увлекал и шефа жандармов, и царя: забегая вперед, он уже разыскивает финна — спасителя государя для достойной награды. Затем Шувалов в отчете сообщает и то, что Бейдеман не писал: в случае удачи цареубийство было бы объяснено в народе как акт мести со стороны дворянина царю за освобождение от крепостного права и как призыв к резне помещиков. И наконец, еще одна мелкая деталь, характерная для графа Шувалова. Он, входивший во вкус власти, приближавшийся к престолу, запрашивал, должен ли он хранить в секрете дело Бейдемана даже от брата царя, великого князя Михаила Николаевича. Чересчур уже лестным казалось быть третьим при двух знающих тайну — князе Долгорукове и царе.

Действия графа Шувалова заслужили царское одобрение: против строк: ”Я потребовал сведения из Финляндии” царь написал: ”Хорошо сделал”, а против строк: ”Может, благоугодно будет знать имя спасителя” царь написал: ”Непременно”. А общая резолюция царя была: ”О том, как с ним

поступить, подумаю еще. Все показания его можно сообщить великому князю Михаилу Николаевичу”.

В деле Бейдемана оказался один счастливый человек — ленсман Кокк. Нежданно-негаданно за спасение жизни русского государя и великого князя финляндского ему свалилась награда: денежное пособие в 300 рублей серебром.

4.

2 октября комендант крепости довел до сведения графа Шувалова, что арестант Бейдеман желает объявить ему какую-то тайну. 6 октября Шувалов был в Алексеевском равелине. О результате посещения он отправил 6 октября следующий доклад:

”Я посетил сего числа в крепости арестанта Бейдемана и пожелал подробным допросом разъяснить те обстоятельства его жизни, о которых он до сего времени так упорно хранил молчание. Я застал Бейдемана несколько встревоженным моим посещением и заметил, что он тяготится незнанием о своей дальнейшей участи. При начале моего с ним разговора я не мог добиться ни до чего, но мало-помалу он стал поддаваться на мои вопросы и объяснил следующее:

Бейдеман утверждает, что, несмотря на его желание отправиться в южную Европу, и в особенности в Италию, он этого исполнить не мог, не имея к тому денежных средств. Все 14 месяцев своего бегства он провел в Швеции, изредка переезжал в Норвегию, следил оттуда за ходом дел в России, и когда узнал о возникших крестьянских беспорядках в Казанской и Пензенской губерниях, то намеревался отправиться туда и пропагандою своею поддерживать в крестьянах дух волнения. На этот конец им составлен проект манифеста, найденный при нем и уже известный вашему сиятельству из предшествовавших моих донесений. На замечание мое, что, не сомневаясь сам в смерти великого князя Константина Павловича, он, следовательно, ложью хотел взбунтовать крестьян, Бейдеман отвечал, что ”можно прибегать к лжи против лжи и что правительство наше ”ложь”. Я старался дознаться, не участвовал ли Бейдеман в каком-либо скандинавском обществе, но убедился, что он о них не имеет и понятия и не сочувствует скандинаво-финской пропаганде. Впоследствии Бейдеман убедился, что крестьянские беспорядки будут непременно подавлены распоряжениями правительства и что действиям его не предстоит успеха; тогда Бейдеман решился

посягнуть на жизнь его величества, как на единственный способ вызвать переворот в государстве, и для исполнения сего купил револьвер, который при нем и найден».

«Бейдеман подтвердил все сказанное им в первый раз о намерении отправиться в Архангельскую губернию и сблизиться там с раскольниками. На намек мой, что под влиянием чувства фанатизма он присваивает себе такие дела, от которых он бы несомненно отступился, Бейдеман остался непреклонным и отвечал, что жертвует своею жизнью лишь тот человек, который проникнут мыслью необходимости того, что он задумал, и что "цареубийство не делается из любви к искусству"».

"Я не мог возбудить в Бейдемане ни малейшего чувства раскаяния, он выражал одно желание — о скорейшем решении его судьбы — и в особенности — предстать пред военный суд".

Прочтя доклад графа Шувалова, царь надписал: "Окончательное приказание дам по возвращении". Александр II находился, очевидно, в полном недоумении. Обращаясь с политической исповедью и открывая по доброй своей воле свое намерение на цареубийство — без этого признания намерение никогда не было бы открыто, — Бейдеман задал, действительно, задачу. Выдача самого себя казалась властям делом противоестественным, ибо они не были в состоянии понять, что подобное заявление могло вытекать из благороднейших побуждений человеческого духа, что к этому чистейшему протесту могли толкать исключительно ненависть и презрение к существовавшему строю. Бейдеману был всего-навсего 21 год; будь он постарше, он, может быть, и справился бы с увлекавшим его энтузиастическим настроением и смолчал бы о своих замыслах. В своем деле он сам себе был единственным свидетелем и единственным обвинителем. Странно было бы предать его суду на основании таких данных. Граф Шувалов подсказывал решение — не предавать суду, ибо суд был бы демонстрацией; царь признавал резонным этот совет, не давал разрешения на предание Бейдемана военному суду, но, очевидно, и сам не знал, как быть с Бейдеманом, и все откладывал окончательное решение.

Последняя беседа с Шуваловым очень взволновала Бейдемана. Намекнув о письме к родственникам, о котором, как помнит читатель, III Отделение осведомилось из всеподданнейшего доклада министра финансов, Шувалов попал на больное место Бейдемана. Последний представил себе картину

розысков родственников, их допросов, быть может, их ареста и взволновался. Испросив через коменданта разрешение писать, Бейдеман 8 октября обратился с следующим заявлением:

”В последнее ваше посещение вы намекнули мне о письме, которое я будто бы писал моим родственникам из-за границы. Я отказался от этого не из подлого малодушия, но потому, что я действительно н и ч е г о и н и к о м у не писал из-за г р а н и ц ы. С другой стороны, не желая мешать в свое дело слишком дорогих для меня имен, совершенно непричастных ни моим поступкам, ни моим намерениям, я обращаюсь к вам как к благородному человеку, и прошу не касаться ничем моих родственников. Я не хочу, чтобы те, которых я свято уважаю, сделались предметом полицейских допросов, — это, по моему мнению и убеждению, было бы гнусно и преступно. Что же касается до отправления моего к Гарибальди, то на этот счет я вам дам личное объяснение. Я вполне надеюсь на ваше благородство и думаю, что вы оставите в стороне тех, которым я действительно писал, но которые совершенно непричастны к моему делу. От письма, писанного мною из Финляндии, я не отказываюсь, как не намерен отказаться от всего того, что вам писал и говорил. На всякое ваше недоумение я сам буду давать объяснение — и думаю, что мешать в мое дело других значит пускать в дело гнусное полицейское крючкотворство, которое было бы вас недостойно и к которому вы сами объявили себя неспособным. Надеюсь, что в этом деле вы поступите не как начальник III Отделения, а как благородный человек.

М и х а й л о Б е й д е м а н”.

”В письме к моим родственникам из Финляндии я действительно выразил желание ехать к Гарибальди — на этот счет вы получили мое личное объяснение. Создание факта с моей стороны обязывает вас оставить в покое тех, которые сообщили вам этот факт. Этого требуют и юридическое понимание, и здравый смысл.

М.Б.”

Справедливость требует сказать, что III Отделение не разыскивало родственников Бейдемана, получивших письмо, но не в силу снисхождения к его просьбе, а, скорее, по соображениям о сохранении полного секрета в деле Бейдемана, и прежде всего о сохранении в тайне его ареста.

В ответ на это заявление III Отделение предложило 25 октября коменданту разрешить Бейдеману писать и то, что

будет им написано, доставлять. Одновременно последовало и другое распоряжение: на содержание Бейдеману, вместо отпущавшейся ранее суммы в 18 к., явно недостаточной, князь Долгоруков приказал отпускать по 50 к. Надо добавить, что с момента своего заключения в равелин Бейдеман был единственным заключенным вплоть до 14 октября, когда сюда был доставлен М.Л.Михайлов.

Все движение по делу Бейдемана заключалось в тех записках, которые он писал в равелине; а вся деятельность III Отделения по этому делу состояла исключительно в подшивании этих записок к делу. Без всякого преувеличения, весь процесс Бейдемана сводился исключительно к этим действиям. Наш долг перед памятью Бейдемана обязывает нас воспроизвести все его объяснения, в которых он открывал свою душу и свои мысли.

Между тем граф Шувалов, совершая стремительную карьеру, уступил свой пост начальника штаба корпуса жандармов и управляющего III Отделением А.Л.Потапову, свиты е.в. генерал-майору. До назначения А.Л.Потапов работал в следственной комиссии и генеральном суде по расследованию злоупотреблений и беспорядков в деле снабжения войск во время войны 1854 года, в 1860 году исправлял должность обер-полицмейстера в Петербурге и в этом же году ту же должность в Москве. В 1861 году он принял поручение произвести преобразование варшавской полиции.

26 октября Бейдеман адресовал свое новое заявление уже Потапову:

”Вы предложили мне изложить в историческом порядке все обстоятельства, которые сопровождали мое жите-бытие за границу”.

”Пользуясь этим случаем, я хочу объяснить, кроме предложенного пункта, все то, что было мною написано г. Шувалову в первом моем объяснении, неудовлетворительном в том отношении, что оно было написано под впечатлением желания высказать мое личное чувство — а я не обставил дела изложением тех фактов, которые бы дали более ясный и истинный характер моим объяснениям. Причиной этого было недоразумение, выразившееся на первый раз тем, что во мне видели орудие чьих-то замыслов, и дело приняло другое направление. Имея совершенное отвращение от разного рода мистификаций, я постараюсь, елико возможно, очертить все дело спокойнее и отчетливее, не отступая ни на шаг от всего того, что было высказано мною прежде”.

”Во-первых, признаюсь, мне всегда казалась смешною жалкая близорукость нашего правительства, которое убеждено, что все о п а с н ы е для него идеи навешиваются нашему несчастному православному люду из-за моря. Всякая человеческая мысль, всякое благородное слово негодования — были принимаемы как отголосок т а м о ш н и х партий, то демократов, то конституционалистов, иногда республиканцев, а подчас и коммунистов. Это жалкое заблуждение тем более непростительно, что оно не могло не заметить самобытной жизни русского общества и народа: не нужно быть демократом, чтобы негодовать на произвол; даже не подозревая существования коммунизма, можно презирать грабеж и неправду. Русское восстание — результат сознания собственных сил, сознания безобразия и неправоты той обстановки, которою окружено русское развитие. Народ встанет не для того, чтобы осуществить какую-нибудь теорию, а для того, чтобы отомстить за свое рабство, чтобы завоевать себе человеческие права. Все это я сказал не для красоты слова, а для того, чтобы разъяснить свои отношения к этому вопросу. Я уже выше сказал, что во мне хотели видеть субъекта (выражаясь юридически), зараженного идеями демократизма, замысел которого был результатом исключительного господства одной мысли (*idee fixe*)⁹. Во мне видели фанатика, который, в бессознательном стремлении к осуществлению своего идеала, решился на цареубийство. Оставляя пока в стороне свои идеалы и желания, я для прекращения подобных недоразумений и больше всего для очищения собственной совести отстраняю от себя эту роль благородного самопожертвования, которая во всяком случае заслужила бы мне если не любовь народа, то полное уважение его. Стрелять в кого бы то ни было из л ю б в и к и с к у с с т в у, из одного желания во что бы то ни стало сделаться ж е р т в о ю — эта мысль всегда была от меня далека, не потому чтобы во мне не нашлось глубокого сочувствия ко всякому благородному подвигу, а потому, что подобные жертвы, хотя и оставляют след, редко достигают своей цели. Мне хотелось другого. Я видел в достижении своей цели ц а р е у б и й с т в а не торжество демократии в России, не осуществление своих мыслей и идеалов, а начало того движения, которое так или иначе р а з р у ш и л о бы настоящий порядок вещей. Я не был адептом какой бы то ни было политической с е к т ы, — я только желал, желаю и буду желать счастья и человеческих условий общественного быта своему

народу. Еще раз повторяю, что не нужно влияния никаких партий, а побольше любви к русскому человеку, да каплю здравого смысла, чтобы, скрепя сердце, ударить с плеча в безобразное правительственное скопище, которое нас давит, душит и грабит”.

”Из всего этого вы видите, что мое дело очень просто: никаких демократических или скандинавских партий, никаких заговоров и т.п. Я просто человек, оскорбленный до глубины души наглым произволом, возмутительным развратом и всеми мерзостями нашего милого правительства. Тут дело не в Гарибальди и не в Орсини, которых я от души люблю и уважаю, а в наших доморощенных кондотьерах, грабящих и убивающих народ в доказательство своего отеческого попечения об нем”.

”Мне остается теперь отвечать на ваш вопрос о жизни моей за границей. В этом случае я постараюсь осветить ее настолько, насколько это нужно для юридического взгляда на предмет. Подробное описание моего житья-бытья было бы слишком скучно и утомительно, а главное не дало бы никакой пищи самой тонкой казуистике. Начну с того, что предположение мое об отправлении к Гарибальди не осуществилось и я даже должен был остаться в Швеции. Отыскивая материальные средства для своего существования, я переходил из одного города в другой, занимаясь ручной работой. Не надобно забывать, что конец прошлого и начало настоящего года были ознаменованы блистательными подвигами нашего правительства, в которых оно, казалось, хотело превзойти самого себя. Я не буду говорить обо всем, что сделано им в это время, замечу только самые крупные сюрпризы, как, например, Варшавский съезд, бессмысленная политика в отношении к Италии, которые, конечно, во всяком русском, неповрежденном в здравом смысле, должны были возбудить самое желчное негодование*, и если эти нелепые и вредные для русского народа выходы не были встречены пол-

*Бейдеман имеет в виду предприятия русского правительства по внешней политике в 1860 году. В октябре состоялся в Варшаве съезд трех монархов: Александра II, императора Австрийского¹⁰ и принца-регента Прусского. В итальянском вопросе русская дипломатия, вечно боявшаяся революции, логично стала за законные правительства и против итальянского освободительного движения. Сам Александр II строго осуждал предприятие Гарибальди на Неаполь и потворство ему со стороны сардинского двора. А когда сардинские войска, не объявляя войны, вступили в Церковную область и граф

ным гласным сопротивлением, если они не вызвали открытого протеста со стороны общества, то это можно разве объяснить только непонятным ослиным терпением нашего общества!.. Не стану расписывать настоящего порядка вещей — скажу только, что вся эта мерзость может довести человека до мщения и остервенения... Но пресловутый манифест об освобождении крестьян да гнусное убийство несчастных поляков — заставили меня убедиться, что х о р о ш е г о ожидать нечего, что крестьянская кровь требует отомщения, словом, что только тогда рухнет вся гадость нашей жизни, когда народ встанет на ноги... Средство, которое я избрал, мне пока залось самым верным. Остальное вы знаете из первого моего объяснения, написанного г. Шувалову. В Швеции я не имел сношения ни с какою политической партией, ни с кем не вел переписки, — это говорю для того, чтобы успокоить наше правительство; я даже смею уверить его, что если бы даже я и хотел этого, то не имел в этом случае никакой физической возможности. Всякие политические розыски будут напрасны — там даже не знают моего имени. Кончая все это, я еще раз повторяю, что я не выражение или орудие какой-нибудь партии, и если я и решился на удар, то это не для осуществления своих идеалов, а потому, что видел необходимость решиться на это. Помочь моей бедной родине было единственным и самым сильным моим желанием”.

”На все, что могло бы возбудить ваше недоумение в написанном, я готов дать вам личное мое объяснение.

М и х а и л Б е й д е м а н”.

”Городов, в которых я жил, не называю — я полагаю, это совершенно лишнее, скажу только, что обратный путь в Россию я начал с юго-западной стороны Швеции и в Торнео перешел русскую границу”.

И эту записку Бейдемана прочел Александр II и изволил положить резолюцию:

”Она ничего не заключает в себе ни нового, ни особенного”.

Кавур объявил о намерении присоединить Неаполитанское королевство к Сардинии, русская миссия, по приказанию Александра II, была отозвана из Турина. См.: С.С.Татищев. Имп. Александр II. СПб., 1903, т. I, стр. 166–269. Варшавскому съезду посвящена блестящая статья Герцена *”Es reiten drei Reiter”*¹¹ в № 85 *”Колокола”* от 15 ноября 1860 года. Отголоски этой статьи чувствуются и в иронических строках Бейдемана. Об отзывании миссии — статья в № 84 *”Колокола”* от 1 ноября 1860 года под заголовком *”Самодержавная демонстрация”*.

Следующий документ дела о Бейдемане — подписанная князем Долгоруковым маленькая записочка на почтовом листке: "Государь император высочайше повелеть соизволил: поручика Михаила Бейдемана оставить в Алексеевском равелине впредь до особого распоряжения":

5.

Потянулись дни, недели, месяцы заточения. Все движение по делу Бейдемана заключалось в подшитии к делу его объяснений и произведений, писанных в крепости. Бейдеман оставался еще при прежней непримиримости и непреклонности своей революционной исповеди. И каждое его новое объяснение еще усугубляло тяжесть его положения: к такой твердости III Отделение вообще не было приучено. 5 января 1862 года Бейдеман с пылкостью писал:

"Из всего сказанного и написанного до сих пор можно вывести, самым строгим и последовательным порядком, заключение о причине моего возвращения из Швеции, — о намерениях, которые я желал привести в исполнение, одним словом, о всех тех обстоятельствах, которые необходимы для нового судебного обследования моего дела. В нем до сих пор остается только одно темное место: п р и ч и н а, п о б у д и в ш а я м е н я в ы е х а т ь и з о т е ч е с т в а. Желая сделать все дело яснее, так сказать у д о б о в а р и м е е, я хочу дать несколько объяснений об этом пункте".

"До сих пор я решительно отказывался от этого, — и мое новое намерение — результат не четырехмесячного прозябания в Алексеевском равелине, а следствие более полного обсуждения моего настоящего положения. Признаюсь, что после того, как я очень ясно выразил свой взгляд на настоящее правительство, с моей стороны было бы непростительною слабостью, если не сказать ребячеством, скрывать того, что нераздельно связано с этим взглядом. П р и ч и н а, п о б у д и в ш а я м е н я о с т а в и т ь о т е ч е с т в о, та же самая, которая побудила меня возвратиться в него: ж е л а н и е у н и ч т о ж е н и я н а с т о я щ е г о п р а в и т е л ь с т в а, с о в р е м е н н ы х г о с у д а р с т в е н н ы х и о б щ е с т в е н н ы х ф о р м и т в е р д о е н а м е р е н и е, н а о б л о м к а х э т о г о у р о д л и в о г о з д а н и я, с о д е й с т в о в а т ь к у с т р о й с т в у т а к о г о г о с у д а р с т в а, т а к и х о б щ е с т в е н н ы х о т н о ш е н и й, к о т о р ы е б ы б ы л и с о о б р а з н ы с п р а в д о ю, с з д р а в ы м

смыслом с настоящими и будущими потребностями русского народа. О подробностях моего плана и о том обстоятельстве, почему я избрал финляндскую дорогу для своего удаления и, наконец, почему самое мое удаление из России было необходимо для выполнения моих намерений, я не хочу распространяться: оно совершенно бесполезно: если бы мне удалось их выполнить, я бы не сидел в настоящее время в равелине. Это самое ясное объяснение, которое я могу дать на вышеприведенный вопрос: излишние подробности затемнили бы только дело”.

”О житье моем в Швеции я уже писал, это такой пункт в моем деле, который выходит из сферы полицейского расследования и о который рушатся все махинации не одного III Отдел., но всех 4-х Отделений в к у п'е. Швеция имеет счастье принадлежать к тем немногим государствам Европы, которые не терпят полицейского вмешательства чужого правительства. Все же обстоятельства моей жизни в Финляндии, по возвращении моем из Швеции, могут быть дознаны — в этом случае мне нечего прибавлять или объяснять”.

”Но может родиться следующий вопрос: не имели ли я сообщников своих замыслов до удаления моего из России? Об этом несколько слов. При современном напряженном состоянии нашего общества легче, чем когда-нибудь, составлять заговоры, но я был всегда того мнения, что в русской жизни заговоры, несмотря на всю энергию и деятельность своих членов, не достигают и не достигнут своей цели, потому что они — выражение меньшинства русского общества, слишком отделенного от народа”.

”Моя цель — поднять народ, поднять 40 мил. крестьян, перед которыми и тайная и явная полиция совершенно бессильна, а для открытия заговоров правительство держит огромную шайку шпионов, в мундирах небесного цвета (светло-голубой) и без оных, — они и открываются. Следовательно, было бы слишком близоруко с моей стороны составлять какие бы то ни было общества. Если бы народ, т.е. крестьяне, объявили открытую войну правительству, — чего я хотел достигнуть, — тогда все заговоры для борьбы с настоящим правительством сделались бы бесполезными, — оно обрушилось бы безвозвратно и навсегда”.

Михаил Бейдеман.

"Говоря о Швеции, я не могу без негодования вспомнить о том позорном деле, которым заклеимило себя недавно настоящее правительство. — Не удивительно бы было, если бы подлейшее правительство в мире — австрийское — из дружбы к России, — которой она тайный, недоброжелательный и всегдашний враг, — послало бы в Зимний дворец хлопотать о преследовании всякой свободной мысли; не удивительно бы было, если бы на самом верху Сухаревой башни стараниями австрийских графов из передней этого дворца была построена обсерватория для австрийских шпионов, в видах наблюдения за московскими славянофилами: но бесконечного презрения заслуживают такие дальновидные умы, как Замятин, которые вносят на утверждение Государственного Совета мнения о преследовании русских за ненависть к Австрии, и преступно со стороны Государственного Совета утверждать подобные образчики умственной наглости, рабства и крайнего презрения к русскому народу*. — Как согласить подобные уродливые явления правительственного разврата с нотами пустоглаголящего министра Горчакова¹³, в которых он торжественно объявляет перед лицом всей Европы, что русское правительство в своей политике будет преследовать интересы

*Гневная приписка к письму вызвана правительственной мерой, которой "Колокол" посвятил две заметки: в № 93 от 1 марта 1861 года и в № 95 от 1 апреля. Конечно, из этих заметок узнал о ней и Бейдеман. В №93 "Колокола" под заголовком: "Последнее убежище изгнанников закрыто" читаем: "У г-жи Замятниной есть муж, исправляющий должность великана и немного евнуха при императорском серале юстиции. Оказывается, что небольшого роста великан и в немые не годится: он так громко стал вздор молоть, что даже в Таймсе раздалось (Times 16 February). "Сенатские ведомости" обнародовали закон (англичане не имеют другого слова для этого рода бумаг), утвержденный государем по представлению Замятина¹², о преследовании преступлений против монархов, находящихся в дружеских сношениях с Россией. На основании этого закона будет сделана конвенция между Россией и Австрией о наказании государственных преступников". А в № 95 дано дополнительное сообщение под заголовком "Розги и плети, употребляемые международно". "Иностранные гости, передавая русские новости, часто вводят нас в ошибки. Так, Таймс рассказал совсем неверно замятинский закон о наказании государственных преступников против других государств (См. Кол. 93); на деле он гораздо гнуснее, вот что напечатано в "СПБ. Ведомостях": "Государственный совет, мнением своим, высоч. утвр. 16 июня 1858 г., положил: предположенное главноуправляющим II отд. собств. е.и.в. канцелярии дополнение подлежащих статей Уложения о наказаниях, имеющее служить

с в о е г о н а р о д а, — что же это, как не возмутительная насмешка и над русским народом и над здравым смыслом!”

”Но дорого платят за подобные насмешки”.

М. Бейдеман”.

25 января 1862 года, по желанию Бейдемана, его посетил генерал Потапов, не оставивший никакого отчета о своей беседе с заключенным. Надо думать, что она прошла недружелюбно, ибо навела Бейдеману следующее оригинальное произведение.

Нечто об Утопии.

(посвящается г-ну Потапову).

Не все то золото, что блестит.

(Русская пословица).

”В словаре человечества есть несколько слов, судьба которых очень замысловата. Сказанное обыкновенно отдельной личностью известной национальности на известной почве получает то слово право гражданства у всех народов, на различных почвах; повторяют то слово всегда и везде, говорят то слово кстати и некстати. К таким привилегированным словам принадлежит бесспорно и слово Утопия (Utopie, Utopien). Сказала то слово могучее, на английской почве, одна из громаднейших личностей XVII столетия Фома Мор (Thomas Morus), раздавленная под гнетом деспотизма

основанием для заключения условия с австрийским правительством о взаимности наказаний по государственным преступлениям, утвердить, и, вследствие того, постановить. Если одно из преступлений, означенных в ст. 233, 264, 265, 271, 272 и 275 улож. о наказаниях, будет учинено — против иностранного государства, с которым, на основании трактатов или обнародованных о том узаконений, постановлена надлежащая, в сем отношении, обоюдная взаимность, или же против верховной того государства власти, виновные, буде к сему не присоединяется и преступление, подлежащее другому, более тяжкому наказанию, приговариваются: к лишению всех особенных прав и преимуществ как лично, так и по состоянию осужденных ему присвоенных, и к ссылке на житье в губернии Томскую и Тобольскую, или же, если они не изъяты от наказаний телесных: к наказанию розгами, в мере, определенной ст. 33 сего уложения для четвертой или пятой степени наказаний сего рода, и к отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства, на время от двух до четырех лет, или от одного года до двух лет. Когда ж сие преступление учинено с увеличивающими вину обстоятельствами, то к лишению всех прав состояния и к ссылке в Сибирь на поселение, в места не самые отдаленные, а буде они не изъяты от наказаний телесных, и к наказанию плетью через палачей, в мере, определенной ст. 22 сего уложения для второй степени наказания сего рода”.

Генриха VIII. В своей книге, написанной по тогдашнему обычаю на латинском языке и озаглавленной словом *Utopia*, он произносил страшное слово осуждения тогдашнему порядку вещей и тогдашнему общественному устройству; могучей рукой рисовал он и другое общество и другие общественные отношения. Заклеймили тем словом всякую честную мысль об уродливой постройке совершенного общества, всякую благородную мечту о человеческом и нравственном распределении материальных средств существования и о совершенной умственной свободе всех личностей в кастическом обществе. Пошло гулять с тех пор то слово по белому свету: шипят его шипом змеиным и бояре-помещики, и сановники со вельможами, и генералы шитые, — больно любят они то слово бессмысленное; шипят его все ученые тупоумные, шипит его всякая тварь подколодная. Но действительно ли все то утопия, что мечтается; и все то суть, что существует? Действительно ли был утопист Гракх Бабеф¹⁴, который за свои убеждения сложил голову на эшафоте, и действительно ли практические умы — та стая пошлых французских экономистов, как, напр.: Мишель Шевалье, Волровский и etc., которые уживаются с таким подлонаглым правительством, как правительство Луи Наполеона? Действительно ли был утопист Роберт Оуен, которого вся жизнь была одним подвигом, и действительно ли нравственные люди такие деятели, как Макoley, Брум, Пальмерстон¹⁵ и Гладстон?.. Действительно ли были утописты Стенька Разин и Емельян Пугачев, которые погибли страшною смертью в руках подло-низкого (не русского) правительства, и действительно ли благородные граждане и практические деятели, такая сволочь, как Панин, Долгорукий, Гагарин¹⁶, Игнатьев (Анафема !!!...), Муравьев*, Бутков¹⁷, Строганов, Адлерберг**, и т.д.? Действительно ли утописты такие светлые личности, как Огарев и Герцен, и действительно ли практические деятели такие умишки, как Бабст***¹⁸, Чичерин, Безоб-

* Прошу г. читателя, т.е. г-на III Отделение, уведомить меня, когда отправят сего доблого мужа на покой, я от всего сердца скажу ему Анафему, как говорю это Игнатьеву. Примеч. Бейдемана.

** Как позабыть такого голубчика. Примеч. Бейдемана.

*** Так и слышится картофельная отрыжка питерского сапожника из немцев, проживающего на Васильевс. Острове. Примеч. Бейдемана.

разов и другая московская кислятина?.. С другой стороны, что такое нелепое самодержавие, как не величайшая утопия? (Разумеется, с точки зрения пользы, какую оно приносит обществу, а не с точки зрения особ первых классов, т.е. покрытие грабежа, чиновнического разбоя, всякой неправды и другой гадости). Что такое наше чиновничество, как не утопия? (Опять-таки с точки зрения общественной пользы, а не с точки зрения г. Переверзева, который в министерстве финансов доказал, как дважды два — четыре, что честность есть утопия, по тому самому его сделали сенатором* для доказательства другой аксиомы: справедливость и правдивость есть утопия, что они не замедлил доказать). Что такое весь нынешний порядок вещей, как не утопия? (Опять с точки зрения пользы русскому народу, а не с точки зрения такой немецкой ж..., как Адлерберг, которому больно милы и грабеж администрации, и неправда в судах, и рабство, и безответственный разбой, и преследование всякой свободной русской мысли, больно милы ему и министерство двора и темная театральная дирекция с чиновническим характером). По нашему крайнему разумению, его бы давно пора nach Vaterland¹⁹, пускай бы целовался там с Миной Иогановной**.

— На первые вопросы отвечаю — нет.

— На вторые вопросы отвечаю — да”.

”Теперь несколько слов к вам, г. Потапов. Вы — утопист по тому самому, что вы должны или отказаться от здравого смысла, или оставить III Отделение. Я называю утопией желание принести пользу русскому народу, служа в III Отделении: здравый смысл осуждает всякое тайно-полицейское преследование злоупотреблений, следовательно, вам остается преследовать нашего брата, а это уж того, не для меня — не беспокойтесь, я и сам зубаст, — а для юношей неопытных. Хотя вы и не бог знает что преобразовали в Петер-

* Доходили эти слухи и до Швеции. Примеч. Бейдемана. Эта ироническая фраза должна бы быть истолкована, как отголосок заметки "Колокола" о Переверзеве в № 92: "Сенатские арестантские роты (Осужденный Переверзев)".

** Минна Ивановна, сожительница г. Адлерберга, была притчей Петербурга. Не умолчал о ней, конечно, и "Колокол". См., напр., заметку "Дом, примчавшийся к Минне Ивановне на почтовых" в № 84 от 1 ноября 1860 года.

бурге и в Москве (об вашей деятельности в Варшаве я в неизвестности), но все-таки вы показали честное русское намерение действовать добросовестно; а за это большое спасибо. Одно странно в вашей деятельности: это быстрое перескакивание с одного места на другое, из одной столицы в другую; или вас увлекали роковые слова: П е т е р б у р г, М о с к в а, В а р ш а в а или что-нибудь другое, только это обстоятельство заставляет задумываться насчет характера ваших реформ. Ведь вы не сказочный богатырь, г. Потапов, а уж тот богатырь Башни за облак кидает”.

”На всех парусах промчавшись мимо трех столиц белокаменных, вы бросили якорь в III Отделение, — это уже из рук вон. Оставьте пожинать лавры на этом поприще всяким немецким ср... и поезжайте в Москву преобразовывать полицию на русск и й л а д (только не на немецкий, т.е. не на чиновнический). Этим вы избавите честное русское имя от позора и принесете действительную пользу русскому народу. Не сомневаясь в вашем благородстве, я думаю, что вы примете этот совет”.

”P.S. Если вы встретите г. Шувалова, то передайте ему от меня мое русское спасибо за то, что он отказался украшать своим присутствием III Отделение, чем он избавил еще одно имя от сраму и вечного позора”.

”П р и м е ч а н и е: Манифест о б о с в о б о ж д е н и и к р е с т ь я н я не причисляю даже к утопиям, это такая х....., что не нахожу довольно слов, чтобы выразить его суть: вообще, он подл ниже всякой подлости, скверен ниже всякой скверности, мерзок ниже всякой мерзости, нелеп ниже всякой нелепости и гадок ниже всякой гадости...”

М и х а й л о Б е й д е м а н”.

В этом произведении останавливает наше внимание несколько бережное и до известной степени снисходительное отношение к Потапову не в пример бичуемой Бейдеманом компании Адлерберга, Муравьева, Игнатьева и т.п. Потапов для него еще не определился. Некоторые подробности о Потапове Бейдеман мог читать в ”Колоколе”. В № 84 от 1 ноября 1860 года Потапов, тогда исправлявший должность петербургского полицмейстера, был задет в заметке ”Полицейский маскарад Игнатьева”. В № 92 от 15 февраля 1861 года, сообщая о вступлении Потапова в должность московского обер-полицмейстера, Герцен рекомендовал ему обратить внимание на клоповники при московской яме. По поводу этой заметки

Герцен получил любопытное "исправительное" письмо, которое он напечатал в № 95 от 1 апреля 1861 года. Автор письма вступился за обиженного Герценом Потапова; он пишет, что Потапов заслуживает благодарности за учрежденный им словесный суд (в полиции) в Москве, за увеличение жалованья полицейским чиновникам и т.д. Герцен иронически высмеивал автора письма, но не отказался признать хорошие черты в деятельности Потапова: "Нас упрекают, что мы, отдавая полную справедливость клопам, не хотим отдать ее Потапову. Помилуйте, господа, да мы Потапова не знаем, готовы верить, что он будет хороший обер-полицмейстер, а свойство клопов знаем очень хорошо. Да, Потапов добродетельный обер-полицмейстер, — мы не спорим, — мало ли что есть в Москве, там еще есть Степан Петрович Шевырев¹⁹, тот очень хороший человек"... Несомненно, впечатлением этой полемики между Герценом и автором исправительного письма объясняется известная терпимость Бейдемана к Потапову.

Князь Долгоруков, прочитав произведение Бейдемана, приказал "приобщить его к делу для соображения в случае надобности".

Приобщены к делу и литературные произведения Бейдемана: статья "Славянофильство, как принцип", статья "Об учреждении ярмарки в м. Довское" и довольно большая поэма в стихах "Ванюша" — подражание древнерусской повести "Горе-Злосчастье". О втором из названных произведений мы не будем говорить по совершенной его незначительности.

Поэма "Ванюша" — подражание древнерусской повести "Горе-Злосчастье", не имеет художественных достоинств и в резкой фривольной форме повторяет в стихах те же мысли, которые раньше Бейдеман излагал в прозе. Общая тема — обман крестьянства, совершенный Александром II в Положении 19 февраля. Вот ее краткое содержание с выдержками, которые дадут представление о стиле и пафосе произведения*. Выезжает крестьянский сын Ванюша из села Неробкого в Москву за золотой казной да за товаром красным. Предостерегают его родители против горя-злосчастного:

* "Повесть о Горе-Злосчастьи" была открыта А.Н.Пыпиным и впервые опубликована в "Современнике" в 1856 году. Произведение Бейдемана — подделка под эту народную повесть с заимствованием слов, эпитетов; целых стихов. Литературный анализ не входит в задачу нашей работы.

Берегись, Ванюша, горя-злосчастливого,
Ходит горе по кабакам большим, по придорожным,
Нашего брата выглядит, да высматривает;
Сидит горе за большим столом, за зеленым,
Бумаги пишет хитрые, красной печатью припечатывает,
Хуже гада земного, да лютого зверя, горе-злосчастное...

На столбовой дороге завидело горе-злосчастное Ванюшу:
завидны стали горю прыть молодецкая и сила богатырская.
Первое столкновение с горем произошло на постоялом дворе.

Надевало на себя мундир горе-злосчастное,
Шпагу чиновную с боку цепляло горе-горемычное,
Каску с гербом на голову клало горе проклятое,
Царских солдатиков громко сзывало горе окайнное,
Входило на постоялый двор горе-гореваньице.

Позарилось горе на богатство Ванюши и обобрало его,
связало по рукам и ногам, бросило в тюрьму, затем высекло
его и выбросило на дорогу.

Выходил Ванюша-богатырь на большую дорогу,
Горькую жисть, да горе-злосчастное проклинаячи:
"Ах ты, горе проклятое, злосчастное,
Уже до чего ты меня, горе, домывало,
До чего горе-горемычное доехало".
Оглянулся богатырь, а перед ним горе-злосчастное,
Страшное, горе-горемычное:
Нет на горе-злосчастном ни кожи, ни рожи,
Хуже старой ведьмы, безобразной, горе проклятое.
Серый кафтан на горе-злосчастном весь в заплатках;
Из дырявых сапог у горя грязные палыцы выходят,
А штаны на горемычном солдатские, все в лоскутках;
На спине у горя, с песком, ранец собачий,
А на боку, у проклятого, шпага чиновная;
В одном кармане у горя перо канцелярское,
А в другом кармане у горя чернила казенные;
Болтаются на груди у горя две пуговицы мундирные,
А на одной травке висит бумага гербовая,
А на другой висит мешок, большой полотняный.
Денежки в том мешке наворованные да награбленные;
Все в крови руки у горя-злосчастливого,
Все в грязи да в крови, у горя-горемычного;
А в правой руке у горя плеточка сыромятная,
А уж в левой руке у горя розочка вербовая;
Под одной мышкою у злосчастливого книжка конторская,
Под другою, у горемычного, сказка ревизская,
Полголовы у горя гладко выстрижена,
А другая, у проклятого, гладко выбрита,
Окровавлен нос у горя-злосчастливого,
Повышиблены зубы у горя-горемычного,

А на щеках и на лбу у горя знаки черные,
А на спине, у проклятого, рубцы синие.

Таково олицетворение крепостного права. Совсем было готов был склониться перед горем Ванюша, но, вспомнив о родных, о селе и о милой, оправился.

Да и пошел по дороге столбовой,
А от его шагу могучего, богатырского,
Ходуном заходила земля подорожная.
Долго ходил Ванюша-богатырь по дороге по столбовой,
Долго мерял большую шагами сажеными,
Не по дням, а по часам росла в плечах мощь богатырская,
Все сильней да сильней загоралось сердце молодецкое,
А уж тем огнем обожгло черную бознь, ведьму косматую,
И почувал крестьянский сын волюшку-вольную.
Обертывался Ванюша-богатырь на родную сторонку,
Да засвистал свистом молодецким;
А от того могучего свиста, богатырского,
Вздрогнула матушка Русь православная из края в край.
Много плеч богатырских порасправилось,
Много сердец молодецких загорелось.
Доходил тот свист, могучий, богатырский
До Питера славного града, столичного,
Всполошились бояре-помещики, генералы да сановники —
Крепко затылки свои почесали, да ж...ы,
А уж немецкий люд не немецкая дрожь пробрала.
Задрожали стекла во дворце царском, во зимнем,
Восставал от глубокого сна царь, государь,
Сонные очи протирал, руками сиденье пробовал,
Пробовал он, на чем да как сидит,
Да и крепка ли та вещь, что троном называется.
Созывал царь, государь, вельмож да сановников.

Это собрание должно было заняться чисткой горя, приведением в порядок его костюма. Очевидная пародия на комиссии по выработке Положения! Царь предлагает вымыть горе:

Приводили горе-злосчастное во палаты каменные,
Окружали горе-горемычное вельможи да сановники,
Окружали его генералы шитые да бояре-помещики,
Умывали да одевали горе проклятое:
Приносили горе-злосчастному новый кафтан весь в заплатках,
А пришиты те заплаты иглою министерской да нитками
канцелярскими;
Приносили горе-горемычному новые шаровары, солдатские,
все в лоскутках;
Умывали горю проклятому руки кровавые,
Да не смывается кровь с рук горя-злосчастного,
Больно пригорела к рукам горя-горемычного;
Мыли горе мылом заморским, но не тем, каким надо было.

Из-за моря привозили то мыло во Питер, приморский град.
Привозили из-за синего на кораблях аглицких мореходных;
Хоть и за морем делано то мыло богатырское,
Да делали его два русских мастера искусных;
А у них на голове завиваются русые кудри,
Да в горячей груди у них сердца молодецкие;
Больно люб им Ванюша-богатырь, крестьянский сын.
Больно мылит то мыло затылки и рыла,
У вельмож, да сановников, да генералов шитых,
Больно ест то мыло богатырское бояр-помещиков;
Да не дают того мыла горю-злосчастному,
Больно бояться за горе-горемычное.

Русские мастера искусные, конечно, Герцен и Огарев с их разработкой проектов реформы и с их обличительным "Коло-колом".

Умывали руки горю проклятому мылом составленным;
Уж на одну часть мыла заморского, богатырского
Клали сто частей мыла питерского, канцелярского,
Да столько же примешивали вонючего мыла немецкого...

В результате махинаций над горем была изготовлена грамота — Положение. С этим Положением горе отправляется к Ванюше:

Подходило к молодцу горе-горемычное,
Снимало с бритой головы картузик чиновный горе
проклятое,
Говорило ему горе окаяннос таково слово:
"Исполать тебе, Ванюша-богатырь, крестьянский сын,
От царя, государя, послано к тебе горе-злосчастное,
От вельмож да сановников послано к тебе горе-горемычное,
От генералов шитых да бояр-помещиков горе проклятое;
Посылают они тебе хитрую бумагу, мудреную".
Отвечает горю-злосчастному Ванюша-богатырь, крестьянский
сын:

"Не учили меня ни батюшка, ни матушка грамоту читати;
Не учили меня родные пером писати".
Говорит ему горе-горемычное:
"Хитрую бумагу, мудреную, прочитай тебе горе-злосчастное,
Не впервой читать мудреные бумаги горю проклятому".
Скверно крякнуло горе-злосчастное,
С одной босой ноги на другую перевалилось горе-
горемычное,

Стало зычно читать горе-злосчастное,
Долго читало горе проклятое,
Долго слушал батюшка-богатырь горе-горемычное.
Прочитавши ту хитрую бумагу, мудреную,
Скверно крякнуло горе окаяннос,
С одной босой ноги на другую перевалилось горе проклятое,

Размахнул тогда Ванюша-богатырь, крестьянский сын,
Развернул тогда молодец со всего плеча богатырского,
Схватил он горе-злосчастное поперек самой груди,
Да и взмахнул горе-горемычное на аршин от земли.
А уж от той хватки богатырской
Помертвело страшное горе-злосчастное,
Новый кафтан на горе-горемычном весь потрескался,
А ниточки канцелярские на проклятом все полопались;
Полетела из рук горя-злосчастного хитрая бумага, мудреная.
Полетели с горя-горемычного и картузик и плеточка сыро-
мятная, и розочка вербовая,
Полетели с горя окаянного и мешок полотняный, и бумага
гербовая,
Полетели с горя-злосчастного и книжка канторская, и
сказка ревизская,
Полетели с горемычного и перо канцелярское, и чернила
казенные,
Полетело горе распроклятое.
Тряхнул Ванюша-богатырь, крестьянский сын,
горе-злосчастное,
Тряхнул молодец с богатырского плеча горе-горемычное,
Говорил он горю проклятому таково слово:
"Не обманешь меня, горе-злосчастное,
Не отдам м и р с к о й з е м л и боярам помещикам,
горе-горемычное,
Больно хитра бумага мудреная,
Да есть у меня сметка здоровая,
Есть у меня руки, к великому делу способные.
Так прочь от меня, горе-злосчастное!
Сгинь, горе окаянное, горемычное!
Нет тебе со мной житья, горе распроклятое!!!
На голове у меня завиваются русые кудри,
На меня в плечах растет мощь богатырская,
Да огнем горит сердце молодецкое!"

Такова поэма Бейдемана. К ней он сделал приписку: "Эту повесть сочинял, да и написал в марте месяце 1862 года своим землякам на радость, а царю-государю, вельможам да сановникам, да генералам штытым, да боярам-помещикам — на удовольствие, крестьянин села Н е р о б к о г о, М и х а й л о Б е й д е м а н, а уж тот крестьянин:

Попался в лапы к горю-злосчастному,
 Попал в когти к горю-горемычному,
 Да не боюсь я тебя, горе-злосчастное, окаянное,
 Не боюсь тебя, горе-горемычное, распроклятое;
 Хотя и нет у меня в плечах мощи богатырской,
 Да горит во мне злобное сердце, крестьянское.

Очень ценна для выяснения источника политических взгля-

дов Бейдемана статья "Славянофильство, как принцип". Эту статью мы считаем нужным привести почти целиком. При разборе политического мирозерцания Бейдемана следует обратить большое внимание на эту статью.

СЛАВЯНОФИЛЬСТВО, КАК ПРИНЦИП
(Дорогой памяти Алексея Степановича Хомякова^{2 1}
и Константина Сергеевича Аксакова).

Москва! Как много в этом слове
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!..

А.Пушкин

Люблю тебя, мой край родной,
Но на прошедшее смотрю
С негодованьем и тоской.

К.Аксаков

"Двух самых благородных поборников славянофильства не стало. Не стало их в то время, в ту минуту, когда общественное сознание, столкнувшись с глаз на глаз с русской жизнью, с кровными русскими вопросами, почувствовало всю недостаточность европеизма для полного, живого понимания этой жизни, всю несостоятельность современной доктрины для разрешения этих вопросов. Но их деятельность оставила след: их горячие, задушевные убеждения нашли отголосок. Грустная, одинокая кончина Аксакова, вдали от горячо-любимой им Москвы, на одном из адриатических островов, оплакана многими и многими. Она вытравит кровавую слезу из русского сердца и наполнит его негодованием к тем людям, о которых сказал поэт:

А вы, презренные потомки,
Известной подлостью прославленных отцов;
.....
Для вас и суд и правда — все молчи!

Да! они сделали свое дело, — дело сознания и мысли, дело русской будущности. Много поймется и объяснится иначе, но основа их учения — с а м о б ы т н о с т ь р у с с к о г о р а з в и т и я — останется незыблема. — Но много темного и нечистого остается до сих пор на совести славянофильства, много больных мест, которых не могли залечить самые горячие и искренние стремления лучших людей этого толка. Невольно припоминаются всякому те магические слова их девиза — с а м о д е р ж а в и е , п р а в о с л а в и е и н а р о д н о с т ь , которые рождают самое горькое чувство сомнения и недоверия. — Я сказал — и х д е в и з а и спешу оговориться. Начну сперва с того, что с л а в я н о ф и л ь с т в о , как школа, как

направление, разделяется на два отдела, которые, несмотря на все отличие личных убеждений людей, составляющих ряды их, вследствие чисто-русских условий, ратуют под одним знаменем. Я настаиваю на том, что таких деятелей, как Шевырев, Погодин и Крылов, нельзя смешивать с Хомяковым, Аксаковым, Киреевским и Самариным²². ...Но вот что странно: такая благородная личность, как Аксаков, не имеющая ничего общего с Шевыревым ни в отношении современной мысли и науки, ни во взглядах на окружающую их среду, глубоко негодующая на всю современную жизнь, становится, однако, под одно знамя с тем же Шевыревым во имя русской самобытности. Такое явление возможно только в русской жизни, оно говорит о том грустном разладе мысли с жизнью, о той тяжелой борьбе, которую горячо вели, с одной стороны, наука, глубокая любовь к русскому народу, к коренным началам его быта, с другой — сознание уродливости всей современной обстановки. Да, наконец, и вся эта обстановка была явлением если не родным, то по крайней мере временно-русским, туземным. Вот отчего, для того чтобы не впасть в явное противоречие своих лучших, сердечных верований с тем, что происходило на самом деле, нужно было если не защищать, то осмыслить все бессмыслие Николаевского уклада. Вот отчего с а м о д е р ж а в и е , п р а в о с л а в и е и н а р о д н о с т ь — сделалось девизом учения тех людей, которые всех глубже, всех кровнее страдали за русский народ, за русское развитие.

Время было тяжелое, время преследования всего того, что было лучшего в тогдашнем обществе, — одним словом, — время доносов, шпионов, — время полного чиновно-полицейского произвола. Оно прошло — и слава богу; осталось от него несколько государственных деятелей, которые, чувствуя полную неспособность сделать что-нибудь хорошего, по крайней мере, при удобном случае, выпускают из себя черную воющую слизь, выдаваемую ими за г о с у д а р с т в е н н ы е с о о б р а ж е н и я. Об них, как и о всяких других амфибиях, скоро забудут. Историк скажет о них слово презрения, и только. Во-вторых, и это самое главное, сущность их* девиза как-то плохо клеилась со всем строем тогдашнего времени (если также не теперешнего). Трудно сказать, что было п р а в о с л а в н о г о и н а р о д н о г о в тех бездарных ничто-

*Относится к славянофилам, а не к амфибиям.

жествах остзейского происхождения, которые составляли главное ядро высшего государственного сословия. Они не понимали, да и не могли понимать, русского народа, его истории, его обычаев, его нужд; они походили на тех французско-гувернеров из поваров и парикмахеров, которых приставляли к детям для хороших манер. Главная цель их была нажиться, выслужиться. О русском народе они очень мало заботились.

Но, слава богу, то время прошло, и опять слава богу! Много сделано и делается еще гораздо больше, когда весь арьергард Николаевского уклада положит орудие. Я оговорился и приступаю к делу. Если славянофилы, принимая за начала своего учения самодержавие, православие и народность, хотели не защиты, но, по крайней мере, осмыслить сущность Николаевского уклада, то они впали в большую ошибку, если не сказать в противоречие. Дело слишком не соответствовало основной мысли и по тому самому не могло быть осмыслено с точки зрения их учения; оттого натянутость и парадоксальность их теорий. Оттого то недоверие к их учению, которое господствует в обществе; недоверие к прошедшему, производящее настоящее; к настоящему, как результату прошедшего. Но, повторяем, Николаевский уклад есть явление не родное, не почвенное, оно может назваться временно русским, но только временно. С 1831 по 1855 г. все это время может называться остзейско-петербургским, но никак не русским, если угодно, чухонско-остзейским, но никак не славянским.

Но если практическое применение славянофильского учения было натянуто, то основания его верны. Русское развитие имеет свою особенную, только ему принадлежащую почву, отличную от европейской. Русь — земля, с самого начала русская, а потом европейская; история русского народа своеобразная, особенная, не походящая на историю европейского запада. Задача русского развития — в развитии своих, родных, народных условий общественного быта, а не в слепом перенимании чужих условий. Европа если перегнала нас, то только в технических средствах, во внешнем употреблении образования, понимая под этим словом разумность человеческой жизни, а не французское, английское и всякого рода обезьянства, а не во внутреннем его усвоении. Ведь промышленность и железные дороги не конечная, не главная цель челове-

ческого развития; они только средства к достижению этой цели, но не самая цель. Громадное развитие промышленности в Англии разве сопровождалось и сопровождается всегда развитием *разумности* человеческих отношений? Нет, и опять-таки нет. Усовершенствование фабричных и заводских приемов и машин разве усовершенствовало самую жизнь, сделало ли ее приятнее и разумнее для нескольких миллионов рабочего населения? Нет, и опять-таки нет. Но, говорят защитники европейского направления, это явление есть естественный результат — чрезмерного увеличения народонаселения, это *органический закон* развития всякого человеческого общества, это только темная сторона, которая не может затемнить светлых сторон *английской цивилизации*. Но, во-первых, *разумность* человеческой жизни состоит не в рабском служении органическим законам природы и общества: а в их видоизменении, в их осмыслении, соответственно божеским и христианским законам. В противном случае вся наука, вся цивилизация (какова она бы ни была, не стоят сломанного гроша. Во-вторых, — это колоссальная промышленность, которая составляет самую сильную черту английской цивилизации, — есть также естественный результат большого населения на малом пространстве, результат счастливого географического положения. Но население увеличивается везде, а у нас скорее, чем где-нибудь, результатом этого явления будет и у нас, как и везде, развитие и усиление земледельческой и фабричной промышленности. Если бы при настоящем положении дел Англия понизила бы ежегодную цифру своей фабричной производительности до производительности этой промышленности в России, то можно, наверное, сказать, что, по крайней мере, пятая часть английского населения померла бы с голоду. Там тысяча аршин сукон больше или меньше — вопрос жизни или смерти. Если у мистера Джаксона на фабрике при 500 рабочих работа уменьшится на $\frac{1}{50}$ часть, то 10 работников должны перейти на другую фабрику (что *чрезвычайно* затруднительно, а иногда просто невозможно) или умереть, как римские гладиаторы *dans les rues opulents de Londres*²³. От воркгаузов (благотворительные рабочие учреждения для бедных, содержимые на доходы *income tax*'а), все имеют решительное отвращение, и каждый английский работник, побывавший там раз, скорее согласится умереть в одну прекрасную ночь на мраморном крыльце

еврейского банкира, чем вторично отведавать тамошнего хлеба-соли. Но если приподнять завесу, которая закрывает уличный быт Лондона, то поневоле придется убедиться, что английская цивилизация не так привлекательна и разумна, как изображают ее тупые англоманы. Прибавьте к этому, что вследствие разделения труда работник теряет всякую сметку и обращается в какую-то живую часть машины, неспособную ни на какое другое дело — самое обыкновенное, кроме своей урочной 10-часовой манипуляции.

Что же касается до светлых сторон английской цивилизации, я их не отвергаю: английское конституционное устройство, как бы ни было оно односторонне, — сильная основа исторической жизни английского народа: ему он обязан лучшими сторонами своего государственного и общественного быта. Но я далек от доктринерской точки зрения на этот предмет, далек от того, чтобы видеть в Англии альфу и омегу возможного современного развития. Да, наконец, и вся английская цивилизация — результат английской истории, продукт островной почвы; что хорошо у них, может быть хорошо и у нас, но может быть и не хорошо, и даже положительно скверно. (Замечание относится не к замене самодержавия прочным конституционным устройством, а к множеству других вопросов — для III Отдел.) Весь вопрос не в том или другом методе перенимания то английского индустриализма, то французских мод, то германского цколярства: весь вопрос в самобытной, непредубежденной, одним словом, нестесненной никакою доктриною обработке своих, родных условий жизни и быта.

Славянофилы никогда и не думали заключаться в китайские рамки исключительности: они только предъявляли право существования русской мысли — вне и отдельно от общепринятых европейских взглядов; они утверждали, что если имеют смысл слова европейская цивилизация, английская цивилизация или французская цивилизация; то также имеет смысл и слово "русская цивилизация" (употребляя это слово в смысле образованности, т.е. разумности человеческой жизни, а не в том смысле, в каком употребляют его наши обезьяны). Они проповедывали любовное обращение к русскому народу, который, в вихре модных теорий, был совершенно забыт нашими умниками. Они горячо протестовали против бессмысленного перенимания чужого. Они говорили, что если цель развития всякого

общества есть достижение идеала, выработанного в том обществе, то этим идеалом для русского общества должна быть не Франция, не Англия, не Германия, а свой родной идеал, выработанный русскою историею, жизнью русского народа; что, наконец, и самый этот идеал в своем основании благороднее, трезвее, сердечнее, любовнее; что много было напрасного увлечения тем, что за морем, тою блестящею обстановкою, которая окружает быт западной Европы; что было слишком много преступного равнодушия к своему несчастному, забытому, родному русскому мужику; что этот мужичок со всем своим миром обычаев, поверий и предрассудков остался непонятым, невыслушанным; что, наконец, надо поменьше слишком скорого разочарования и побольше любви сердечной, широкой русской любви”.

Кроме литературных произведений, подшит к делу и конституционный проект Бейдемана. Он сохранился только в копии III Отделения, да и то незаконченный: остается неизвестным, была ли работа прервана самим Бейдеманом за полной бесплодностью или была прервана переписка за полной ненужностью проекта. Составление проекта можно отнести к периоду до половины 1864 года. Конституционные вожелания Бейдемана крайне скромны и сводятся к введению выборного элемента в Государственный совет при сохранении совещательного характера за этим учреждением*.

7.

В первых числах января 1863 года Бейдеман пожелал “иметь свидание с Потаповым для объяснений”. 3 января Потапов испросил разрешение на посещение у князя Долгорукова, князь в свою очередь — у Александра II. 5 января дано было высочайшее разрешение, и 10 января Потапов был в равелине. В деле имеется скупая пометка Потапова: “Был и лично доложил Его Сиятельству”. Очевидно, конечно, что Потапов убеждал Бейдемана о т к р ы т ь в с е. Результатом посещения было новое обращение Бейдемана уже не к шефу жандармов, а к самому государю. Оно не содержало резких

* Полный текст конституционного проекта Бейдемана, его статьи “Славянофильство, как принцип” и его поэмы “Ванюша” напечатаны мною отдельно в издании моей работы — “Таинственный узник”. Издание Севзапкино, 1925.

обличений, но не было и просьбой о помиловании. Это была новая попытка уяснить тюремщикам революционную психологию. Бейдеман повторял тот же анализ действительности в новых выражениях, на этот раз сдержанных и спокойных, и давал то же объяснение генезису революционного чувства. Но было и новое в этой его записке. Он, во-первых, открылся относительно своей заграничной жизни и объяснил, что, живя в Лондоне, он работал как наборщик в типографии "Колокола" и, во-вторых, взял назад свое признание в замысле на цареубийство. Подчеркивая свое намерение вести агитацию в народе — специально среди раскольников и населения Севера — и поднять восстание, Бейдеман сознавался в том, что неудача в самом начале дела, бесславный конец побудил его прибегнуть к маскировке дела и оговорить самого себя в цареубийственном замысле. "Все это было не так — я должен сознаться, но в моем положении не было, из чего выбирать", — писал Бейдеман. Вместе с тем Бейдеман сделал в своем объяснении очень неясные и таинственные намеки о причинах удаления из России. Он отказывался открыть правду до конца, говорил, что это выше его сил, указывал на какие-то тяжелые обстоятельства, по-видимому, интимного характера... "Скажу только, что если я не сделался убийцей, то в этом случае я обязан слепому случаю, что моя собственная совесть давно уже осудила меня. Но в этом, ваше величество, не было ничего противоправительственного. Если бы факт свершился, я бы отвечал вам, как верховному судье, но в настоящем случае я должен отвечать, как подданный, восставший на своего государя". Представляя царю искреннее изложение своего преступления, Бейдеман настоятельно советовал ему дать конституцию России и тем положить самую крепкую основу для будущего развития отечества, а себе — приобрести имя великого из великих.

Приводим полностью письмо Бейдемана, лебединую песнь, пропетую в стенах рavelина.

"Великий государь.

Если я беру на себя смелость писать к вашему величеству, то не с целью выпросить помилование своему поступку — поступку, до того выступающему из ряда обыкновенных противоправительственных поступков и так громко говорящему за самого себя, — что, я думаю, всякое старание оправдать себя было бы делом столь же дерзким, сколько недобросовестным. — Причина тому, с одной стороны, — потребность,

понятная в человеке в моем положении, раскрыть свою душу, с другой — то убеждение, что рано или поздно вашему величеству все будет известно. Следовательно, или желание совершенно скрыть настоящее дело, или двусмысленная полукровенность — в обоих случаях является как акт преступной неспособности стать лицом к лицу с чистой совестью.

Обстоятельства не могут всего оправдывать, и если человеческая жизнь подвержена уклонениям, то причина их столько же в обстоятельствах, сколько в доброй воле всякого человека. Если вследствие тяжелых обстоятельств — я принужден был оставить отечество, то обратное возвращение в него с целью поднять бунт, — было делом личных моих соображений, актом моей доброй воли. Что касается до первых, то признаюсь вашему величеству, что полная исповедь — свыше моих сил. Это та сторона моего сердца, которая тяжело и трудно раскрывается, которая слишком лична для того, чтобы совершенно высказаться. Скажу только, что, если я не сделался убийцею, то в этом случае обязан слепому случаю, что моя собственная совесть давно уже осудила меня. Но во всем этом, ваше величество, не было ничего противоположительственного. — Если бы факт совершился, я бы отвечал вам, как верховному судье, но в настоящем случае я должен отвечать, как подданный, восставший на своего государя.

Начну с причин более отдаленных, но тем не менее имеющих ту или другую связь со всем последующим. Русская общественная жизнь представляется до сих пор явлением хаоса, беспорядочной борьбы благородных стремлений, с одной стороны, с другой — той грустной, возмутительной обстановки, в которой пробавляется огромное большинство русского народа. Если воспитанием, молодым неиспорченным чувством, мы выходим половиною нашего существования из этой рамки, то зато другою половиною мы глубоко проникаемся развращением обывденного строя. Причина тому — и наше поверхностное воспитание и учение, и взаимная зависимость общественных явлений. Живой темперамент, который дан богом на долю русского человека, требует в своих стремлениях скорого и полного удовлетворения, которого не может дать совершенно инертная жизнь большинства; оттого в этих стремлениях нет меры, нет закона, разумного основания. — Государственное устройство нашего отечества, инертное по самой своей природе, тем более неудовлетворительное, что безответственное чиновничество, своим развращающим

влиянием на общественную и народную жизнь глубоко возмущало всякое свежее чувство, всякое сердце, в котором была хоть капля патриотического жара. А между тем Правительство вело себя так, как будто бы этого не замечало или не хотело замечать; большинство правительственных людей даже защищало такой порядок вещей, потому что находило в этом свою выгоду. До бога высоко, а до царя далеко — говорило большинство и видело в этом необходимость, против которой ничего не поделаешь. А негодование росло и росло, — и что удивительного, если составлялись заговоры против верховной власти, в которой видели силу, поддерживающую всю эту мерзость. Законного способа к выражению своего недовольства не было, да это было и опасно; оставалось писать доносы, что было противно нравственному чувству. Конечно, во всем этом нельзя обвинять одно Правительство, виновато тут было и общество, которое было слишком равнодушно ко всему, что его окружало, в котором было слишком мало нравственной энергии для того, чтобы ужиться и допустить это растление. Но возрождение общества было невозможно при таких условиях, в которых оно жило, и мысль, что легче свергнуть Правительство, нежели исправить общество, — очень естественна. — Вот отчего во всех заговорах прошлого царствования, несмотря на безукоризненность стремлений, на всю энергию и ум их коноводов, — видна какая-то болезненная несостоятельность. Вот отчего все наши протесты не имеют грозной силы доказательства; они — порывы нетерпения, бешеного раздражения, но только порывы. В нашем обществе не может быть организованных оппозиций, и именно потому, что самое это общество слишком разделено. — Оппозиция, сильная энергией и единодушием, возможна только в нашем народе; такую она действительно явилась при Стеньке Разине и Ем. Пугачеве.

Всем этим, ваше величество, я хочу сказать, что недовольство Правительством — естественный результат противоречия здравых человеческих понятий с тем, что происходит на самом деле; это недовольство будет продолжаться до тех пор, пока Правительство будет чуждо тех мнений, которые начинает высказывать возрождающееся общество; пока наше отечество не будет иметь такого государственного устройства, при котором и Правительство, и общество будут составлять одно целое, пока ваше величество не даст представителям общества законную меру участия в правительственных делах.

Этим делом ваше величество положит самую крепкую основу для будущего развития нашего отечества и приобретет себе имя великого из великих. Но до сих пор это недовольство повсеместно, — мы выносим его прямо из жизни, а потому оно, действительно, сначала неопределенное, без ясного сознания и настоящей причины этого чувства, средств к разумному его удовлетворению, впоследствии вырастает в то болезненное чувство отчаяния, которое порождает заговоры, не имеющие никакой опоры, никакой почвы ни в обществе, ни в самой жизни. До сих пор, по крайней мере, было так”.

”Если я с самого начала сказал, что оставил отечество вследствие обстоятельств, то и в этом случае и не могу, и не должен оправдываться перед вашим величеством; я только могу просить вас не требовать от меня полного признания в этом деле. Проехав в Куопио, я переменял свое платье и пешком стал пробираться к шведской границе, которую и перешел через четыре недели. Очутясь на чужой земле, я принял твердое намерение отправиться в Италию к Гарибальди, во-первых, потому, что это прямо соответствовало моим военным наклонностям, а во-вторых, что в неаполитанском восстании были все задатки для будущего восстания турецких славян. Не хочу скрыть от вашего величества и того, что поддержка и сочувствие нашего Правительства к Бурбонской династии была одна из причин искренно желать падения Франциска II. Поддержка таких личностей, как Фердинанд и его сын, если не была со стороны России делом бесславным, то, во всяком случае, возмутительным. Если принцип законности — хорош сам по себе, то уж лучше совершенное невмешательство, чем приложение его к таким несчастным случаям, как поддержка Неаполя и Австрии. Если народные симпатии и антипатии не всегда могут руководить политикой правительства, то, с другой стороны, эта политика не должна возмущать чувства народной гордости. Под чужим именем я успел через два месяца пройти Швецию, а в конце октября был уже в Англии. Вашему величеству известно, что в Лондоне есть Русская Типография, в которой печатают такие вещи, которые, к глубокому сожалению, не могут печататься в нашем отечестве. Во главе этого заграничного литературного движения стоят две личности, соединяющие громадные духовные силы с самым горячею любовью к России. Оправдывать Герцена и Огарева перед лицом вашего величества было бы с моей стороны делом слишком смелым, да навряд ли они

нуждаются в оправдании и защите. Скажу только, положи руку на сердце, что я бы от всей души желал, чтобы в нашем отечестве было бы побольше людей, в которых было бы столько же любви к России, столько же бескорыстного участия к ее будущности. Два раза порывался я отправиться из Англии в Италию, и оба раза неудачно. Тогда я сделался наборщиком в Русской Типографии. Все мои мысли обратились исключительно на то дело, которое по воле вашего величества должно было составить эпоху в нашей истории, — на великое дело освобождения крестьян. При этом не могу не сознаться вашему величеству, что если во всем ходе крестьянского вопроса Правительству принадлежала, бесспорно, сторона правого, если оно создавало великую основу будущности русского народа, то, с другой стороны, во всех обстоятельствах, сопровождающих его решение, были все причины к энергической оппозиции со стороны депутатов от дворянства: было много таких уклонений со стороны самого Правительства, что все это могло заставить лопнуть терпение, самое верноподданническое. Реформы должно вести решительно, и полумеры только раздражают. Наконец, самый февральский манифест, которым ваше величество объявляло России великую радость, поселил во мне решительное убеждение, что только сильная оппозиция дворянства могла заставить правительство принять реформу государственного устройства нашего отечества. Но оппозиция одного дворянства в настоящее время не мыслима, она не имеет почвы в народе, а потому бессильна: только сильным народным восстанием можно было дать этой оппозиции и жизнь, и силу. И я решился на самый подлый поступок для достижения своей цели. Он известен вашему величеству, и я не буду о нем распространяться; да и сил не хватает. В одном могу уверить ваше величество, что изобретение всего плана принадлежит исключительно мне и никто из русских, живущих в Лондоне, не только не знал об нем, но и настоящее место моего отправления из Англии, в мае месяце, осталось неизвестным. В мае я приехал в Норвегию и через Лапландию отправился к границам Финляндии, которые и перешел в июле месяце. Начать дело я предполагал между раскольниками Архангельской губернии, во-первых, потому, что необозримые леса — очень хороший театр для партизанских действий, а во-вторых, потому, что здесь, за неимением помещиков, восстание переставало быть движением социальным и получало характер восстания против

правительства. Я думал так: самое главное в этом деле начало, и если рано или поздно придется сложить голову, то, во всяком случае, можно очень много сделать. Но вашему величеству известно, что и самое начало дела не удалось: я был бесславно остановлен в Финляндии. Дело рушилось, и я решил лучше стоять до конца, чем подло оправдываться в чем бы то ни было. Мне оставалась одна позорная смерть, и я не задумался замаскировать настоящее дело сознанием в покушении на дорогую жизнь вашего величества. Все это было не так — я должен сознаться, но в моем положении не было из чего выбирать. Скоро тому минет полтора года, в это время много было с моей стороны напрасного упрямства, много лишних слов, но, решившись откровенно сознаться вашему величеству, я бы почел преступлением скрыть что бы то ни было. Сделанного дела не воротишь — я это знаю, знаю также, что позднее раскаяние совершенно бесполезно. Но лучше поздно, чем никогда. Для полноты исповеди перед вашим величеством, я должен сознаться, что, находясь в постоянных столкновениях с польскими эмигрантами в Англии, я вынес отсюда полную симпатию к этому народу и искреннее желание самостоятельного возрождения Польши как начала возрождения западных славян.

Вот и все, что я могу, положа руку на сердце, сказать вашему величеству. Судить в вашей воле.

Вашего императорского величества верноподданный
12 января 1863 г.

М и х а й л о Б е й д е м а н”.

Письмо Бейдемана было доложено царю 26 января, оставлено без всяких последствий и подшито к делу.

8.

Дело Бейдемана оставалось незаконченным и беспокоило III Отделение гораздо сильнее, чем царя. Генерал Потапов продолжал посещать Бейдемана в равелине и выяснять преступление Бейдемана. И он, вождь III Отделения, пришел к заключению, что необходимо внести изменение в положение Бейдемана. 11 июля 1864 года Потапов обратился к царю с запиской о Бейдемане*. Изложив вкратце известный нам ход дела Бейдемана со времени его ареста, Потапов напоми-

* Эта записка стала мне известной в недавнее время (после появления моей работы) и в настоящем издании цитируется впервые.

нает последний этап — царскую резолюцию: "Не предавая его покуда военному суду, оставить в заключении в крепости" и переходит к обсуждению текущего момента в жизни Бейдемана:

"С того времени протекло почти три года.

В предположении, не выскажется ли Бейдеман более определенно, ему разрешаемо было, время от времени, излагать свои объяснения на бумаге; в первое время все написанное им свидетельствовало о неукротимом его ожесточении и злобе. Но в последнее время стало заметно, что тяжкое заключение и безвыходность его положения подействовали на него морально и физически. Почти юноша, ему теперь еще 23 года, он в заточении совершенно потерял все волосы на голове, наружный вид его безжизненный. Что же касается до нравственного перелома, то это доказывается представленною им рукописью, изложенною благонамеренно, об устройстве государственного Совета, также верноподданническим письмом на имя государя императора, в котором, не дерзая молить об облегчении участи, он раскаивается в своих преступлениях и дал новые показания, а именно: что он намерен был из Швеции отправиться в Италию к Гарибальди, но не исполнил сего по неимению средств; что кроме Швеции и Норвегии, был в Англии, а в Лондоне состоял наборщиком в типографии Герцена и, наконец, что изложенное им в первом письменном его показании сознание о намерении посягнуть на цареубийство вымышлено им по легкомыслию и самообольщению в том, однако, предположении, что совершенные им преступления столь велики, что возведение на себя небывалого намерения только скорее решит его участь.

Последние мои посещения еще более убедили меня в перемене, происшедшей в сем арестанте. Взамен прежнего упорства и скрытности, он объявил мне следующее относительно своей жизни, которое частью скрывал из тщеславия быть только интересным политическим лицом: любя одну девицу, он встретил соперника, вызвал его на дуэль и для сего отправился в Финляндию. При виде убитого врага он понял всю тяжесть совершенного им преступления, а потому, желая избежать кары закона, а с другой стороны, волнуемый ревностью и честолюбием, решился скрыться в Швецию и оттуда отправиться в Италию с тем, чтобы поступить на службу в ряды Гарибальди. Неимение средств остановило это предприятие. Тогда он переехал в Англию, где содержал себя работою

у Герцена. Но и эти занятия не обеспечивали его существования. Безвыходность положения ожесточила его сердце, и тогда в уме его зародилась мысль сделаться государственным возмутителем. Первым шагом его на этом поприще было написание вышеизложенного манифеста, с которым он и прибыл обратно в Финляндию, поставив себе задачею пробраться в Архангельскую губернию и начать свою пропаганду с тамошних раскольников; но намерения его посягнуть на царевубийство решительно у него не было никогда, и показание об этом вымышлено им уже в крепости”.

”Если можно верить этим последним, по-видимому, более откровенным и спокойным, объяснениям Бейдемана столько же, сколько могут заслуживать доверия первые его показания, написанные им тотчас же по лишении свободы и, положительно, в раздраженном, ненормальном состоянии души, то преступность Бейдемана не представляется уже в таком ужасающем виде, какой он придал себе первоначально. Тем не менее и в этом случае фактическая сторона его обвинения — помимо добровольных сознаний — побег и укрывательство, а также найденный у него возмутительный манифест делают его преступником весьма тяжким. По смыслу нашего военного законодательства даже за одни эти последние преступления, если, впрочем, они учинены в военное время, виновный подвергается смертной казни, т.е. тому же самому наказанию, которому Бейдеман, судя по заметному ослаблению его организма, весьма может, хотя и не так быстро, подвергнуться, находясь в заключении; но при этом нельзя не обратить внимания на то важное обстоятельство, что до настоящего времени и эти преступления Бейдемана недостаточно еще выяснены: причины и поводы его побега, самые обстоятельства его жизни совершенно неизвестны Правительству; с другой стороны, молодые его годы, болезненное физическое состояние и упадок нравственных сил, совершенная безнадежность и отчаяние от трехлетнего одиночного заключения, наконец, преступление, совершенное, так сказать, вслед за оставлением скамьи в заведении, где Бейдеман, при даровитых способностях, отличался скромным поведением, — все эти обстоятельства, по смыслу наших законов, суть обстоятельства, увеличивающие или уменьшающие меру наказаний”.

”Обращаясь затем к этой статье закона, по которой Бейдеман за совершенное преступление подлежит смертной казни, не следует упустить из виду и той статьи, в силу коей, он,

по свойству его преступлений, подлежит только военному суду, решение которого предоставляется на высочайшее утверждение, и от воли и милосердия его величества зависит прекращение или дарование жизни лицам подобной категории.

Впрочем, что бы ни ожидало Бейдемана по суду, казалось бы, что закон и справедливость были бы более удовлетворены, если бы заслуженное им наказание, хотя и смертная казнь, совершено было бы над ним в силу закона, а не исполнено бы над ним от внешних причин заточения, оказывающих разрушительные влияния на его организм.

Руководствуясь такими соображениями и имея в виду вышеприведенную высочайшую резолюцию "не придавая его Бейдемана по к у д а военному суду, оставить в заключении в крепости", я осмеливаюсь решение участи Бейдемана вновь повергнуть на всемилостивейшее воззрение государя императора".

Очевидно, результатом всемилостивейшего воззрения явился следующий документ в деле о Бейдемоне — подписанная князем Долгоруковым маленькая записочка на почтовом листке: "Государь император высочайше повелеть соизволил: поручика Михаила Бейдемана оставить в Алексеевском равелине впредь до особого распоряжения".

9.

Следующее хронологическое известие о Бейдемоне мы получаем не из дела, а из источника литературного — воспоминания Н.В.Шелгунова*. Н.В.Шелгунов был посажен в Алексеевский равелин 15 апреля 1863 года и сидел здесь до 29 ноября 1864 года. Здесь он имел возможность перестукиваться с Бейдеманом; приведем это ценное для биографии Бейдемана сообщение: "В армии Гарибальди было не мало русских, не только мужчин, но и женщин... Припоминаю еще, что из одной финляндской деревни, в которой стояли русские уланы, в одно прекрасное утро исчез русский офицер; после него остался чемодан с военной формой. Загадочное исчезновение офицера заставило много говорить, называли и фамилию его, но никто не знал, куда он делся. Так эта история и замолкла. В апреле 1863 года я был заключен в Алексеевский равелин. Не успел

* Юбилейный сборник Литературного Фонда. 1859—1909. Из воспоминаний Н.В.Шелгунова, стр. 380—381; а также в отд. издании: Воспоминания Шелгунова. Ред. А.А.Шилова²⁴.

я еще хорошенько основаться в новой для меня обстановке, как сосед с правой стороны начал вызывать на разговор энергическим стучанием. Из неукротимости, с какою сосед барабанил в стену, я понимал, насколько он желает установить сношение, а потому-то и не отвечал ему. После нескольких дней бесплодных вызываний на разговор сосед стучать перестал. Так прошло месяца три-четыре. Раз меня привезли в суд. В первом зале, в ожидании допроса, стояло уже несколько человек и между ними, у противоположной мне стены, молодой артиллерийский офицер, а рядом с ним два часовых с ружьями (у меня были такие же ассистенты). Для меня до сих пор остается секретом, каким наитием офицер этот узнал, откуда я; но, порывисто отделившись от стены, он быстрым, военным шагом подошел ко мне в упор, и вот — наш разговор, который кончился прежде, чем часовые успели прийти в себя.

— В котором №? — спросил меня офицер.

Я ответил.

— Чернышевский сидит в таком-то №.

— А кто со мной рядом? — спросил я артиллериста, проникнувшись уважением к его авторитетному всезнанию.

— Бейдеман. Вы за что?

Я ответил.

— А вы?

— За то-то.

”И так же порывисто офицер повернулся и стал между своими часовыми”.

«Как только я вернулся к себе, я самым энергическим и дружеским образом стал стучать к соседу. Он оказался незлопамятным и отозвался. Когда прошел первый порыв обмена чувств, сосед, сделав короткую паузу, ударил в стену один раз: ”тук”, затем, через паузу, два раза — ”тук-тук”, потом три раза. Я понял, что сосед учит меня азбуке, приостановил его, взял карандаш и бумагу, затем опять вызвал его и записал всю азбуку, которую он мне простучал. Соседом оказался тот самый офицер Бейдеман, который так таинственно исчез из Финляндии. Он убежал к Гарибальди, сражался за освобождение Италии, но был схвачен, арестован и заключен в Алексеевский равелин. В 1863 году Бейдеману было 23 года. В 1864 году меня освободили так внезапно, что я не успел проститься с Бейдеманом, и не знаю ничего об его дальнейшей судьбе».

Итак, Бейдеман перед III Отделением и царем отрицал то, что он сражался в войсках Гарибальди, но признавал это в разговоре через стену с Шелгуновым и в письме к родным. Последнее признание представляется нам более достоверным, чем первое отрицание, но необъяснимо, почему Бейдеман счел нужным скрывать гарибальдийский эпизод своей жизни. Любопытно, что после категорического заявления, сделанного Шувалову лично 5 октября 1861 года о том, что он в южной Италии не был из-за отсутствия денег и несмотря на крайнее свое желание, Бейдеман письменно через 3—4 дня как будто хотел изменить свое категорическое утверждение: "Что же касается до отправления моего к Гарибальди, то на этот счет я вам дам личное объяснение", — писал Бейдеман. Ведь если не был у Гарибальди, так и объяснять нечего. Знать же, почему не был, Шувалову было вовсе не интересно. Кажется, Бейдеман по намекам Шувалова (а намеки основывались на очень общем известии письма, дошедшего до начальника таможни) не мог выяснить, что именно ему известно о его гарибальдийской эпопее, и потому был в выжидательном положении, продолжая отрицать и готовя признание. На всякий случай свое сообщение письма к родным о поездке к Гарибальди Бейдеман готовился истолковать как заявление о ж е л а н и и ехать, но приходил в раздражение при мысли, что могут беспокоить получивших его письмо. 26 октября он с прежней категоричностью утверждал письменно, что предположение его об экспедиции к Гарибальди не оправдалось. Повторяю, если Бейдеман сражался в войсках Гарибальди, то для нас совершенно непонятно настойчивое отрицание этого факта*.

10.

Мы исчерпали все данные, которыми располагали Александр II и шеф жандармов в деле Бейдемана. К единственному

* Ср. дальше сообщение о Бейдемани в "Колоколе" от 1 августа 1853 г. Вероятно, в воспоминаниях Кельсиева речь идет о Бейдемани, но назван он здесь Дубровиным. Вот рассказ Кельсиева: "В конце 1860 года явился Дубровин, простодушный и очень симпатичный мальчик, прямо со школьной скамьи (бывшего Дворянского полка), который прошел пешком всю Финляндию, Швецию и часть Норвегии, с переполоху, что его арестуют за какое-то письмо политического содержания, — я не понимаю, что он мог написать политического, — должно быть, какие-нибудь бредни тогдашней молодежи. С Герценом он как-то не сошелся, мучился тоской по родине и кончил тем, что не пропущенный во Францию, поехал в Норвегию, чтобы пробраться через

источнику истории его жизни — архивному делу — мы могли присоединить только одно фактическое сведение в воспоминаниях Н.В.Шелгунова. Но скудные указания архивных листов, восторженные и резкие прокламации Бейдемана, смелое исповедание им революционной веры надо вдвинуть в рамки исторической эпохи 1858—1861 годов, надо овеять дыханием ликующего возбуждения, которое охватило всю нашу литературу, изящную и прикладную, победно неслось через рубеж до столбцов "Колокола", и образ Бейдемана оживет в нашем воображении, заблещет яркими красками. Возбуждением эпохи был создан духовный человек в Бейдемани.

Первоначальное образование он получил в Киевском Владимирском кадетском корпусе. Он поступил сюда 5 сентября 1857 года. До осени 1857 года кадетский корпус был неранжированным и только осенью 1857 года был развернут в корпус полного состава. Новое военно-учебное заведение привлекло особое внимание высшего военно-учебного начальства и самого монарха. Они очень старались о привитии настоящих кадетских традиций к новому корпусу. Уже в октябре 1857 года корпус, как выражались в былое время, был осчастливлен посещением царя и великого князя Николая Николаевича. Молодой кадет лицеизрел своего обожаемого монарха. В апреле 1858 года корпусу было пожаловано знамя. Отсюда шли патриотические настроения. С открытием корпуса была обновлена учебная сторона дела. В преподаватели были приглашены профессора Киевского университета*. Из них следует упомянуть об энтузиасте-словеснике А.И.Селине, свойственнике Герцена (они были женаты на родных сестрах), об А.И.Линниченко, об известном юристе Незабитовском. Быть может, их уроки дали первый толчок размышлениям Бейдемана об окружающей его русской действительности, сообщили высокий тон его настроениям. Из Киева Бейдеман перешел в Петербург. 16 июня 1859 года он был зачислен в Константиновское военное училище, и через год 16 июня 1860 года он был выпущен поручиком из отделения генерального штаба 3-го специального класса. По аттестации начальства во время годичного пребывания в училище Бейдеман вел себя весьма скромно и поведения был хорошего. По успехам был отнесен

нее в Россию — и пропал без вести". — Исповедь Кельсиева в "Архиве русской революции". Берлин, 1923, т. XI, стр. 196.

* Н.П.Завадский. Владимирский Киевский кадетский корпус (1851—1901). Исторический очерк. Киев, 1908.

в первый разряд. Просматривая списки преподавателей училища, мы не находим среди них таких, влиянию которых мы могли бы приписать развитие свободолюбия в Бейдемане. Но в 1859—1860 годах не школа, а жизнь была рассадником свободных идей и чувств.

Канун освобождения был эпохой великого общественного возбуждения. Шестидесятые годы были в полном цвету. Нам нет надобности останавливаться на их характеристике. Мы не знаем жизненной обстановки Бейдемана, не знаем его петербургских связей, знакомств, отношений к лицам, нам известным, но если делать выводы из полного молчания о нем в литературе мемуаров, в современных документах, то не нужно ли заключить, что юноша Бейдеман принадлежал к разряду одиноких, думающих про себя, замкнутых мечтателей. Главнейшим, а быть может, и единственным возбудителем его мысли была литература. Излагая в первом своем признании политическую исповедь, Бейдеман заканчивал ее словами: "Все, что здесь написано, было давно высказано с необыкновенным талантом, со всей страстью негодования, с любовью к России и ее будущему, с великой гражданской силой людьми, которые погибли и гибнут от правительственного гнета". Здесь не названы проповедники передовых идей, но позднее, в письме к царю, Бейдеман назвал их имена: "Во главе заграничного литературного развития стоят две личности, соединяющие громадные духовные силы с самой горячей любовью к России. Оправдывать Герцена и Огарева перед лицом Вашего Величества было бы с моей стороны делом слишком смелым, да навряд ли они нуждаются в оправдании и защите. Скажу только, положив руку на сердце, что я бы от всей души желал, чтобы в нашем отечестве было бы побольше людей, в которых было бы столько же любви к России, столько же бескорыстного участия к ее будущности".

Герцен и Огарев были властителями дум Бейдемана; под влиянием их пылкой проповеди сложилось его политическое мировоззрение.

"Из "Колокола" он почерпнул и фактический материал для размышлений над русской действительностью и самую оценку его. Критикуя неправду русской общественной жизни, Бейдеман опирался не столько на собственный свой опыт, которого, пожалуй, у него и не могло еще быть на 21-м году жизни, сколько на сообщения "Колокола". Анализируя все известные нам его заявления, писанные в Алексеевском равелине,

мы можем возвести к статьям "Колокола" и все приводимые Бейдеманом указания фактического характера, и все его политические рассуждения. С полной категоричностью можно утверждать, что вся политическая исповедь Бейдемана, за одним исключением, укладывается в статьях "Колокола". У Бейдемана нет ни одной темы, за исключением одной, которая не была бы разработана в "Колоколе", нет ни одной подробности, новой по сравнению с "Колоколом"*. Мелкая подробность: бичуя разврат и тупость представителей высшей власти, Бейдеман для иллюстрации называет ряд фамилий (Адлерберг, Панин, Долгоруков, Строганов, Гагарин, Игнатьев, Бутков, Муравьев и т.д.); среди них нет ни одного имени, которое не встречалось бы с приличествующей ему характеристикой на столбцах "Колокола".

В прямой зависимости от статей Герцена находятся и общие взгляды Бейдемана на самобытность русского развития, на роль немцев в нынешней русской истории, на прогрессивное значение славянофильства, нашедшее изложение в его статье "Славянофильство, как принцип". Исповеданное здесь славянофильство Бейдемана было славянофильством самого Герцена.

Двадцатилетний Бейдеман ушел из дому и перешел русскую границу через две недели по окончании курса в закрытом учебном заведении. Что толкнуло его на этот решительный шаг? Бейдеман сначала отказался ответить на этот вопрос своим тюремщикам, но на пятом месяце заключения дал категорический ответ: "Причина, побудившая меня оставить отечество, та же самая, которая побудила меня возвратиться в него: желание уничтожения настоящего правительства, современных государственных и общественных форм, и твердое намерение, на обломках этого уродливого здания, содействовать к устройству такого государства, таких общественных отношений, которые были сообразны бы с правдой, с здравым смыслом и с настоящими и будущими потребностями русского народа". В письме к царю, писанном на 15 месяце заключения, Бейдеман глухо и неясно писал о том, что оставление отечества было результатом тяжелых обстоятельств, что полная исповедь на этот счет была бы свыше его сил и что это — та сторона его сердца, которая тяжело и трудно раскры-

* См. выше аналогии, указанные в примечаниях к запискам Бейдемана.

вается. Очевидно у Бейдемана были мотивы очень личного и интимного характера, для нас неясные*.

Возбуждение, царившее в русском обществе и литературе, требовало от отдельного человека кипучей деятельности во имя блага страны, народа, участия в освободительной работе. Одиноким юноша мечтал о подвигах грандиозных, об уничтожении правительства, о полном разрушении современных государственных и общественных форм — на меньшее он не пошел бы! Но как реально приступить к совершению подвига? Обыденность, пошлость окружавшей жизни была невыносима, служба в армейской кавалерии в Кашине сулила тусклые сумерки. Можно ли было, питая в душе великие замыслы, хоть на одну минуту уйти в эту жизнь? Надо было при первой возможности, сейчас же, немедленно порвать все связи с действительностью! А на западе герой подвига мог найти приложение своим силам. Борьба за свободу кипела в это время в Италии, вождем ее был Гарибальди. Об итальянских делах, о походе Гарибальди Бейдеман читал обстоятельнейшие статьи Н.Г.Чернышевского в отделе "Политика", ежемесячно помещавшемся в "Современнике". В руках Бейдемана до его отбытия из России были свежие книжки "Современника" с отчетом о начале выступления Гарибальди. В мае 1860 года начался поход знаменитой тысячи — подвиг безумного риска и смелости. К итальянцам — волонтерам Гарибальди — примыкали иностранцы, которых привлекал идеалистический порыв борьбы за свободу и необычайная отвага предприятия. Выпущенный из военного училища офицер мог найти удовлетворение в этой борьбе и жажде героических дел, и специфическим интересам военного человека.

Понятно, воодушевление Бейдемана нашло исход в решении бросить все в России и уйти в войска знаменитого итальянского патриота.

За границей Бейдеман окунулся в водоворот революционных идей. О том, что он делал там, мы знаем только из его рассказов, но все равно, сражался он в войсках Гарибальди, или только работал в типографии "Колокола", вдыхая вместе с пылью свинцовых литер свежую бодрость вольного русского слова, или, наконец, в течение года успел и побывать в Италии, и

* Крайне неясен и рассказ Бейдемана Потапову о дуэли, которую он имел в Финляндии. По версии Потапова, Бейдеман убил своего противника, но в письме к царю Бейдеман говорит, что он не сделался убийцей благодаря слепому случаю.

пожить в Лондоне, все равно идея революционной борьбы росла и крепла в его душе, принимала осязательные формы. Крестьянскую волю, данную 19 февраля 1861 года, он пережил за границей острее, чем оставшиеся на родине соотечественники. Бейдеман разделил мнение незначительного меньшинства о крайней неудовлетворительности, половинчатости и фальшивости великой реформы. В развитии взглядов Бейдемана на крестьянскую реформу "Колокол" сыграл большую роль.

Был один момент — самый первый, когда Герцен и Огарев приветствовали реформу Александра II (в передовой статье № 95 от 1 апреля 1861 года "Манифест"). "Александр II сделал много, очень много; его имя теперь уже стоит выше всех его предшественников. Он боролся во имя человеческих прав, во имя сострадания, против хищной толпы закоснелых злодеев — и сломил их! Этого ему ни народ русский, ни всемирная история не забудут. Из дали нашей ссылки мы приветствуем его именем, редко встречавшимся с самодержавием, не возбуждая горькой улыбки, — мы приветствуем его именем о с в о б о д и т е л я! Но горе, если он остановится, если усталая рука его опустится. Зверь не убит, он только ошеломлен! Теперь, пока стоголавая гидра, которой каждая голова или Муравьев или Гагарин, не совсем опомнилась, надо покончить ее и освободить, вместе с русским крестьянином, новую русскую государственную мысль — и от немецких колодок, и от русских татар, тучных нашей кровью, нашими слезами, нашим изнурением".

Но очарование продолжалось всего один момент. Очень скоро "Колокол" перешел к критике начал реформы. Ей посвящены статьи Огарева "Начало русского освобождения" (осторожная и сдержанная статья в № 96 от 15 апреля) и "Разбор нового крепостного права" (в №№ 101—106). Основной тезис провозглашен им в первой статье (№ 101 от 15 июня): "Крепостное право не отменено. Народ царем обманут!" Крестьянские бунты, вспыхнувшие сейчас же по объявлении воли, и беспощадное подавление их правительством — в особенности восстание в селе Бездне, Казанской губернии, открыли глаза Герцену и Огареву на сущность реформы. "С 19 февраля до 8 мая, — писал Огарев, — прошло 78 дней; обстоятельства обозначились. В феврале подписан манифест, в апреле льется кровь безоружных крестьян, в мае циркуляр нового министра внутренних дел предписывает

губернаторам объяснить народу, что барщина не есть барщина. Такого уродливого хода дел мы и не ожидали. Итак комитет под председательством Константина Николаевича оттерт на задний план; теория государственного развития поручена Бутковым, а практика Апраксиным. Стало быть, ожидать, чтобы комитет "для устройств сельского состояния на общих и единообразных началах" помог делу, исправил бы или переделал "Положения о крестьянах", — было с нашей стороны мечта, которую мы, из жажды блага народного, лелеяли не один день. В то время правительство, казалось, стало во главе русского освобождения; его положение было необычайно светло и счастливо: оно его утратило разом, и наконец, надежда на него, вера в него рушилась окончательно. Упавши в кровь, оно упало в грязь — и вынуждено объяснить народу, что черное не черное, что два не два, что барщина не барщина. Какая ложь и какое бессилие! Причины такого хода дел разгадать не трудно: их две: 1) Правительство в освобождении народа не искренно, т.е. в сущности, государь не хочет никакого освобождения; 2) оно совершенно бездарно, т.е. не умеет ничего понять и ничего сделать. Разрыв с этим правительством для всякого честного человека становится обязательным".

За пролитую крестьянскую кровь Огарев объявлял виновным Александра II: "Вам захотелось поиграть в освобождение, и вы не пожалели мужицкой крови, Александр Николаевич? Ну! Смотрите — как бы вам ею не захлебнуться!.. Читая летопись дурно прикрытого военно-чиновничьего злодейства, нам приходит на ум: неужели Александр II, когда остается один, ну, хотя бы воротясь с медвежьей охоты, или после путешествия с императрицей по монастырям, — неужели в минуту уединения и раздумья он никогда не подумал, что он убийца и палач? И что тут — нечего извиняться — я-де не сам, из собственного ружья, расстреливаю и не собственной высочайшей рукою порю?.. Неужели при этой мысли он никогда внутренне не содрогнулся, особенно вспомнив, что виновата не жертва, а бестолковость царских законов? Неужели у него никогда не навернулась горькая слеза и он не почувствовал к себе глубочайшего презрения? Если мысль, что он палач и убийца, приходит ему в голову и мучит его, — пожалуй, в нем еще отыщется доблесть — просить у народа прощенья. Ну, а если она ему никогда не приходит в голову?.. Тогда он просто жалкий и ничтожный человек, в то время, когда сам льет

неповинную кровь народа и награждает крестами своих наемных злодеев”.

Критикуя положение 19 февраля 1861 года в своих признаниях из крепости, Бейдеман находился, несомненно, под влиянием статей Огарева. В частности, те моменты, которые подчеркивал Бейдеман, нашли яркое освещение у Огарева: установленное актом 19 февраля переходное состояние, добровольные соглашения и любовные сделки, нарушение принципа общинного землевладения, открытие грабительских возможностей для чиновничества. Не входя в подробное сравнение мнений Бейдемана и взглядов “Колокола”, ограничимся лишь утверждением в общей форме.

Расправы над крестьянами, чинимые под руководством специальных посланцев, генерал- и флигель-адъютантов, наполнили слезами и ужасом Герцена и Огарева так же, как, несомненно, и Бейдемана. Но еще раньше известий о подавлении крестьянских бунтов пришли за рубеж вести о подавлении мирных польских манифестаций в Варшаве, о расстреле мирного населения. Рука, готовая поднять тост за освободителя, опустилась. “Через новую кровь, пролитую в Варшаве, наш тост не мог итти. Преступление было слишком свежо, раны не закрылись, жертвы не остыли, имя царя замерло на губах наших”, — писал Герцен в № 96 “Колокола” от 15 апреля (статья “10 апреля и убийства в Варшаве”). “Как все изменилось в такое короткое время? Где надежды, приподнявшие головы, где светлый взгляд? Опять страшно встретить свободного человека, все кажется, что он нас упрекает. Неужели и в нас отбрызнула кровь с грязью?” (в статье “*Mater dolorosa*”²⁶ в № 97, от 1 мая). События в Варшаве поразили и потрясли Бейдемана, у которого были, по его признанию в письме к царю, теплые отношения с эмигрантами-поляками, жившими в Лондоне.

Расстрелы крестьян, расстрелы мирного польского населения, пролитие крови польской и русской довели до высшей степени нервную раздражительность Бейдемана, завершили процесс создания революционной идеологии и вывели его на дорогу активного революционного выступления. По полному отсутствию каких-либо сообщений о Бейдемани, идущих из-за рубежа, и в полном согласии с его категорическим отрицанием каких-либо единомышленников и сообщников, мы можем заключить, что он опять был одинок в своих решениях, он не делился ни с кем своим подвигом, он один брал на свои

плечи дело величайшей трудности, поднятие народного восстания. Он, двадцатилетний русский офицер, выступал мстителем за народную кровь. Он продолжил те выводы, которые сделал "Колокол" из русских обстоятельств 1861 года: от крушения надежд на мирное преуспевание он перешел к новым и твердым надеждам на народную революцию, от мысли о необходимости разрыва с гнусным правительством он перешел к мысли об уничтожении правительства и о поражении его главы.

Одинокий, замкнутый в себе и исполненный отважной решимости, русский офицер-революционер обрел своего врага, ощутил и почувствовал. Он стоял перед самодержавием, тем чудищем, которое мучило чувства лучших русских людей. Самодержавие, нелепое, всеподавляющее, ничего не знающее, не видящее, не понимающее, слепое, ни на что не способное, рабское, тупое — это все эпитеты, которыми Бейдеман старался разъяснить заколдованное чудовище. Но это огромное и косное, почти мифическое, становилось простым и обыкновенным в своем земном, русском олицетворении. Монарх, освободитель — вершина власти! Принцип и лицо были в чудесном слиянии. Уничтожение лица казалось и уничтожением принципа. Цареубийство представлялось великим делом, после которого — казалось Бейдеману — откроется новая, чудесная жизнь. Цареубийство несло бы полное уничтожение помещичьего права, было бы коренным переломом в русской жизни, дало бы знак восстанию народному, положило бы начало тому движению, которое так или иначе разрушило бы настоящий порядок вещей. Но что бы ни принесло цареубийство, оно уже было, до всяких результатов, актом мести за крестьянскую кровь, актом мести, который мог быть, по глубокому убеждению Бейдемана, только благословен народом. Вот мысли, которые выносил в сердце и голове Бейдеман. Когда люди из III Отделения спрашивали у него о сообщниках и о возбудителях, подстрекнувших его, и намекали на то, что он был не самостоятелен и являлся лишь орудием, Бейдеман загорался негодованием и с чувством оскорбленного одиночества отталкивал эти намеки. "Я только желал, желаю и буду желать счастья и человеческих условий общественного быта своему народу... Я убедился, хорошего ожидать нечего, что крестьянская кровь требует отмщения, и что только тогда рухнет вся гадость нашей жизни, когда народ встанет на ноги... Помочь моей родине было единственным и самым сильным моим желанием".

В то время, когда Бейдеман приходил к конечным выводам революционного мирозерцания, над разрешением вопроса о том, что же делать русской оппозиции, работала мысль Н.В.Шелгунова и М.Л.Михайлова. Шелгунов дал ответ в прокламации "К молодому поколению". В июне 1861 года текст этого воззвания был привезен Михайловым в Лондон и отпечатан в типографии "Колокола" в количестве 600 экземпляров. В середине июля Михайлов привез эту прокламацию в Петербург и в августе и сентябре распространил ее при содействии Шелгунова, Михаэлиса и А.Н.Серно-Соловьевича. 14 сентября Михайлов был арестован и в декабре того же года был осужден, за принятое им на себя составление и распространение прокламации, к шести годам каторжных работ. Прокламация Шелгунова была написана под влиянием пропаганды того же "Колокола", но шла в своих выводах дальше. Шелгунов прямо ставил вопрос о грядущей революции. В своих позднейших воспоминаниях Шелгунов, припоминая содержание прокламации, писал: "Там говорилось, что напрасно так бояться революции, что войны истребляют миллионы людей, если смертью можно купить благо народа. Это место было ли центром тяжести прокламации, не помню, но оно вышло центром тяжести обвинения (в деле Михайлова). Пойди мысль еще на шаг вперед, и Михайлов был бы приговорен к смерти"*.

— "Императорская Россия разлагается, — писал Шелгунов. — Если Александр II не понимает этого и не хочет добровольно сделать уступку народу — тем хуже для него... Если царь не пойдет на уступки, если вспыхнет общее восстание, недовольные будут последовательны: они придут к крайним требованиям"***. Мысль о цареубийстве только намечается. Бейдеман пошел на шаг вперед; он зафиксировал эту мысль и отказался связывать ее с мыслью о возможных уступках со стороны царя. Те прокламации, которые Бейдеман писал в Алексеевском равелине, совпадают во многих подробностях с воззванием Шелгунова. Конечно, такое совпадение может свидетельствовать о единстве революционного настроения. Шелгунов хорошо разъясняет это: "Александр II сам разжигал революционное чувство, возбуждая

* "Голос минувшего", 1918, № 4—6, стр. 66. Из воспоминаний Н.В.Шелгунова и отд. издание.

** Текст прокламации см. в сборнике В.Базилевского "Государственные преступления". Второе приложение. Париж, 1905 (стр. 2—15).

преувеличенные ожидания. Освобождение совершилось в такой тайне, и общее внимание было так напряжено, что каждый ждал гораздо большего, чем получил. Неудовлетворение вызвало недовольство, а недовольство создало революционное брожение. Вот источник этих прокламаций. Кому принадлежит первая (в 1861 году) прокламация, неизвестно, но прокламации точно по уговору явились все в одно время. Все они принадлежат очень небольшому кружку людей, действовавших отдельно и в глубокой тайне. Паника и надежды были гораздо сильнее, чем бы им следовало быть. И правительство преувеличивало опасность, и молодость ошибалась насчет силы, за которой она готова была идти"...* Но если Бейдеман перед отъездом в Россию работал в типографии "Колокола", то позволительно предположить, что ему была известна эта прокламация, и совпадение в таком случае может допускать и иное объяснение, кроме ссылки на одинаковые условия эпохи.

Решение было принято. Бейдеман перешел шведскую границу. Орудия восстания и царевубийства были при нем: манифест от имени Константина первого и пистолет с испорченным замком. Мы отмечали своеобразный подход к пропаганде народного восстания: народ должен восстать во имя царя и по призыву подложного манифеста. В истории революционных движений этот метод обманной пропаганды, как известно, не давал годных результатов и был негодным оружием. Восстанавливая по клочкам манифест, мы вряд ли ошибемся, указав на влияние статьи Огарева в № 59 "Колокола" от 1 января 1861 года "На новый год". Бейдеман проектировал в манифесте установление областного самоуправления; Огарев как раз и развивал тему разделения России по областям. Любопытно, что, перечисляя титулы императора Константина первого, Бейдеман придерживался областных границ, очерченных Огаревым: так, у него вслед за Огаревым явилась область Беломорская, Белорусская, Заднепровская, Закавказская и т.д.

Пистолет тоже оказался негодным оружием и не сослужил пользы Бейдеману. Через полтора года заключения Бейдеман заявил, что он оговорил себя в замысле на царевубийство, но он так часто и так подробно в своих признаниях развивал возможные мотивы царевубийства, что у нас не остается сомне-

*"Голос минувшего", указ. кн., стр. 64-65.

ний, что мысль о цареубийстве владела им и была на грани ее воплощения, с трудом создаваемой самим Бейдеманом.

Остальное нам известно. Планы Бейдемана потерпели полное крушение, и, когда он очутился в Алексеевском равелине с клочками манифеста царя Константина, ему оставалось одно — не опустить своего взора перед чудовищем, которое он собирался сразить, и утвердить свое революционное я в дерзком и смелом заявлении своих мыслей и замыслов. Одно удовлетворение было достижимо для него: сказать всю правду, назвать сановных грабителей России настоящими именами, бросить в лицо могущественному врагу неслыханные оскорбления! Этого удовлетворения Бейдеман добился, но какой ценой?..

11.

Мы знаем все объяснения, написанные Бейдеманом в Алексеевском равелине в течение полуторалетнего заключения. С резкой определенностью он отстаивал перед тюремщиками свое революционное право на восстание и на цареубийство; правда, в последнем заявлении — письме к царю — он отрицался от последнего замысла, но сохранил ту же независимость тона и суждений. Все это время он ждал суда, готовился к нему, все посылал записки и объяснения, боясь, как бы его намерения не подверглись неверному истолкованию. Но как раз ставить Бейдемана на суд не хотели ни III Отделение во главе со своим шефом, ни сам Александр II. Мы уже указывали на некоторые колебания царя в деле Бейдемана. 2 ноября князь Долгоруков записал на памятном листке, что "государь император высочайше повелеть соизволил поручика Михаила Бейдемана оставить в Алексеевском равелине впредь до особого распоряжения". В декабре III Отделение занялось рассмотрением вопроса о судьбе Бейдемана при наличии такого повеления. Сохранилась не получившая движения записка — удивительный образец иезуитизма. Содержание ее непередаваемо, и она должна быть воспроизведена полностью. Мы просим читателя вдуматься в эту записку:

"Находясь уже в Алексеевском равелине, Бейдеман в собственноручной записке высказал свой преступный образ мыслей и открыл при этом бывший у него умысел на цареубийство с целью ниспровергнуть настоящий образ правления в России".

"Обнаружение этого, без всяких посторонних побудитель-

ных причин к тому, без всяких обстоятельств, вызывавших его на такую откровенность, ожесточение, с каким он излагал свои мысли по этому предмету, — все это доказывает раздраженное состояние его души, свидетельствующее в некоторой степени ненормальность умственных его способностей. Состояние это, с оставлением его в крепостном заключении, едва-ли может измениться к лучшему и, вероятно, будет иметь следствием умопомешательство”.

”Для предупреждения этого и в видах законности, равным образом и для предупреждения нарекания со стороны общества, требующего во всем законного и гласного направления дел и осуждающего обыкновенно административные меры правительства, — хотя бы они были, как чаще случается, с пользою для лиц, против которых меры сии принимаются, — желательно было бы, чтобы Бейдеман предан был законному суду, которого он и сам просит. — Суд неминуемо приговорит его к тяжкому наказанию, тем более что он не показывает ни малейшего раскаяния; это также признак ненормального состояния ума, но, как бы строг ни был судебный приговор, наказание, определенное судом, ограничивается известным сроком, в продолжение коего преступник побуждается заслужить своим добрым поведением облегчение участи, не лишается надежды в будущем и имеет цель жизни; тогда как в заключении на неопределенный срок безнадежность может довести до отчаяния и в Бейдемане непременно увеличит ожесточение”.

”При этом представляется вопрос — сколько времени предполагается содержать Бейдемана в заключении и как поступить с ним, если после нескольких лет государю императору угодно будет обратить на него свое милосердие? — Бейдеман еще очень молод, чрез 10 лет он не достигнет еще вполне того возраста, в котором рассудок в состоянии будет взять верх над его заблуждениями и увлечениями, а между тем десятилетнее заключение усилит в нем еще более раздражение, и в таком положении души он не в состоянии будет оценить снисхождения, как это доказал теперь Бакунин”*.

Извольте понять из этой записки, что же предлагает III От-

*Бакунин был освобожден из Шлиссельбургской крепости в 1857 году. Приблизительно в то время, когда писалась эта записка, Бакунин, окончательно оценив снисхождение правительства, совершал побег из Сибири.

деление? Заключение на неопределенный срок, как ожесточающее Бейдемана, не отвечает цели, но наказание по суду ограничивается определенным сроком. Но ведь и чрез 10 лет Бейдеман будет еще очень молод и вряд ли исправится, а, кроме того, десятилетнее заключение усилит в нем еще более раздражение и т.д., и т.п. Без какой-то тягостной тоски нельзя вдумываться в резоны, выставляемые этой запиской.

Никаких новых фактических объяснений от Бейдемана более не последовало. Никаких разысканий по делу Бейдемана III Отделение не делало ни в течение первого полуторалетнего периода его заключения, ни впоследствии. Он сам себе был и нож и рана. Никакого следствия по его делу не велось, никакого суда не было. Его судьба была решена уже помянутым нами листком для памяти, на котором записано 2 ноября 1861 года изящнейшим канцелярским почерком высочайшее повеление об оставлении Бейдемана в Алексеевском равелине впредь до особого распоряжения и скреплено аккуратно круглою подписью князя Долгорукова.

Особого распоряжения при жизни Александра II по делу Бейдемана не последовало.

12.

С момента заключения в равелин Бейдеман оставался единственным узником в течение полутора месяцев, а затем равелин наполнился заключенными и не пустовал в 1861—1866 годах. За этот период в равелине побывали лица, отделавшиеся легко и вышедшие на волю. Бейдеман, который сидел в величайшем секрете, втайне от всех, без переписки и свиданий, нашел возможность передать через одного из выпущенных, что он "умоляет родных хлопотать об его освобождении, для избавления его от сумасшествия, что пусть лучше сошлют его в солдаты или даже в каторжную работу — лишь бы выпустили на свет божий". Такие вести от Бейдемана пришли осенью 1864 года. От имени сестры Бейдемана Виктории Степановны Степановой была составлена докладная записка следующего содержания:

"Поручик Драгунского Военного Ордена полка Михаил Степанович Бейдеман, три года тому назад без вести пропавший, оказался содержащимся в С.-Петербургской крепости. Мать его в сентябре минувшего 1863 года умерла на пути из Бессарабии в Крым для испрошения у государя императора помилования ее сыну. Тетка Бейдемана Феодосия Яковлев-

на* до сих пор не смела обратиться с просьбою о помиловании его, пока не прибыла сюда из Бессарабии родная сестра его Виктория, которая, по братской любви, надеется, что брат ее Михаил обратится к полному раскаянию в своем поступке. Сестра заключенного в крепости Бейдемана Виктория, уверенная в благодушии вашего сиятельства, осмеливается испрашивать единственной милости дозволить навещать Бейдемана в его заточении”.

Эту записку профессор Николаевской академии генерального штаба Н.П.Глиноецкий, находившийся в родстве с Бейдеманом, передал генералу Петру Кононовичу Менькову и просил его похлопотать за Бейдемана у Н.В.Мезенцева. Из письма Глиноецкого процитированы нами переданные на волю мольбы Бейдемана. Препровождая записку сестры вместе с письмом Глиноецкого, П.К.Меньков писал 5 ноября 1864 года Н.В.Мезенцеву:

”Приветствую тебя, мой добрый друг Николай Владимирович! Зная готовность твою на все доброе и честное, я обращаюсь к тебе с покорнейшей просьбою, буде возможно, помочь несчастной семье, жалобы коей изложены в прилагаемой у сего записке. Генерального штаба полковник Глиноецкий, профессор Николаевской академии, в письме своем просит за родственника своего. Понятно, что, являясь посредником в этом деле, я знаю только полковника Глиноецкого, как отличного и во всех отношениях надежного офицера, и ничего не ведаю ни о его семье, ни о родственниках. Мать несчастного Бейдемана умерла с горя и лишений”.

”Пожалуйста, друг мой Николай Владимирович, — сделай возможное для несчастных, насколько допускают долг и человечность. Уведомь меня несколькими словами”.

Единственной милости дозволить навещать Бейдемана в его заточении просила сестра. Сделать возможное для несчастных родных, насколько допускают долг и человечность, просил Меньков.

Просьба родных с приложением всех документов была доложена князю Долгорукову. Князь надписал 14 ноября 1864 года на записочке: ”Доложено е. в-ву, что просительнице дан ответ неимением возможности сказать ей что-либо о ее брате. Принять это за правило и на будущее время. Оно передано мною ген.-лейт. Сорокину (коменданту крепости)”...

*Она была матерью художника А.Е.Бейдемана.

Биться головой об стену, вымаливать хоть одно слово о брате и услышать: нет возможности сказать что-либо...

Волна горячих слез разбилась о холодную и безмолвную скалу III Отделения...

Еще один запрос был сделан о Бейдемане. В № 201 от 1 августа 1865 года "Колокол" спрашивал: "Правда ли, что русский офицер Бейдеман, принимавший участие в итальянской войне и выданный австрийцами в Россию, с тех пор, т.е. третий год содержится в каземате, без суда, следствия и, стало быть, приговора?*. Разумеется, III Отделение не снизило до ответа.

Бейдеман был забыт в Алексеевском равелине. Нет, не забыт. Каждый месяц, 1 числа, комендант крепости представлял царю рапорт, нарисованный изящнейшим канцелярским почерком: "Вашему императорскому величеству всеподданнейше представляю при сем список лицам, содержащимся в Алексеевском равелине С.-Петербургской крепости за январь, февраль и т.д. месяц". В списке были графы: кто именно, с которого времени содержится, по чьему повелению, № камеры. В графе "по чьему повелению" неизменно писалось "по высочайшему повелению". И каждый месяц царь смотрел эти доклады, ставил на них знак рассмотрения и сдавал для секретного хранения в III Отделение. В течение многих лет, когда Бейдеман был один в равелине, комендант писал в докладе, что он представляет с п и с о к л и ц у. Значит, Бейдеман не был забыт... По меньшей мере двенадцать раз в год вспоминал царь об узнике, заключенном по его величайшему повелению...

13.

Глубокое молчание хранят листы архивного дела о втором периоде заключения Бейдемана. Пропал человек без вести, забыт, забыт!

Два раза могильную тишину равелина прорезали вопли Бейдемана.

*Это единственное сообщение Герцена о Бейдемане. Ошибки, сделанные в нем (выдача австрийцами, содержится третий год и т.д.), представляются нам нарочитыми из соображений осторожности. Понятно, Герцен не мог говорить о каких-либо своих отношениях к Бейдеману. Осторожностью объясняется и полнейшее отсутствие каких-либо упоминаний о Бейдемане в сочинениях и письмах Герцена. Весть о Бейдемане дошла до Герцена, очевидно, от тех освобожденных из равелина, которые могли войти в сношения с Бейдеманом.

18 октября 1868 года из рavelина до дворца донеслось "всеподданнейшее" прошение*:

"Великий государь!

В надежде, что ваше величество удостоите внимания эти строки, которые я решился написать после долгого обсуждения моего настоящего положения, я беру на себя смелость прежде всего уверить ваше величество, что побуждением к этому странному с моей стороны поступку, — после всего того, что произошло в те семь лет, которые я провел в уединении Алексеевского рavelина, — никак не желание переменить так или иначе мою настоящую обстановку на другую — худшую или лучшую — это решительно все равно, но искренний шаг гражданина, которому то бесполезное бездействие, на которое я обречен в настоящее время — кажется в одно и то же время и лишним и предосудительным с моей стороны — если бы я не употребил того единственно честного средства, которое остается у меня — для того, чтобы выйти из него с чистою совестью и спокойным сознанием. — Если бы я хоть на минуту мог сомневаться, что то, что я решил в настоящую минуту, — есть презренная сделка со своими убеждениями, то, ваше величество, можете быть уверены, что я никогда не осмелился бы утруждать вас этим письмом, продиктованным мне искренним чувством и написанным без всякой задней мысли. — Я никогда не перестану настаивать на неизменности своих прежних политических убеждений, которые, как я осмеливаюсь думать, — небызывестны вашему величеству и которые я никогда не старался ни перед кем скрывать — хотя может быть их и не следовало выражать в такой резкой и вызывающей форме. — В этой излишней и подчас не извинительной резкости, особенно в тех местах, где дело шло об интересах вашего величества — как монарха и Человека, — я приношу искреннее раскаяние и глубокое сожаление, тем более, что высокоспокойное благородство души вашего величества стоит выше всяких сарказмов, всяких запальчивых выходок. Припоминая теперь все прошлое, я — как человек, не могу не чувствовать глубокого угрызения совести, при мысли того, что я мог когда-нибудь написать такие вещи, которые могли бы зародить в вашем прекрасном и благо-

*Это прошение стало мне известно в недавнее время и в настоящем издании моей работы появляется впервые. Оно извлечено мной из бумаг коменданта крепости генерала Сорокина, хранящихся в Государственной Публичной Библиотеке в Ленинграде.

родном сердце чувство презрительного недоумения. — Ставя себя на место вашего величества, я не могу не удивляться вашему высоко-человеческому долготерпению; не могу не благоговеть перед этою спокойною твердостью; не могу не уважать глубоко ту нравственную стойкость, свободную от всяких страстей. — Я не умею говорить комплиментов и не хочу никому льстить, поэтому то, что написано сейчас мною, — ваше величество может принять не как излияние верноподданных чувств, а как выражение чувств гражданина, которому не чуждо понимание нравственной красоты и высоких человеческих достоинств и которому поэтому страшно-тяжело подумать, что он мог когда-нибудь слепо оскорблять и эту красоту, и эти достоинства, и каков бы не был результат этого послания, ваше величество, можете быть уверены, что я навсегда сохраню эти чувства. Но, оставаясь безусловно при своих прежних политических верованиях и надеждах, я в то же время, оставляя в стороне пустое самолюбие, — глубоко убежден и в том, что всякому человеку свойственно ошибаться — особенно в сфере политических и государственных вопросов; а потому я и не настаиваю на непреложность и безошибочность тех предположений, которые, как я осмеливаюсь думать, также небезызвестны вашему величеству, и представляю времени уяснить и пользу и уместность этих предположений в настоящее время; — все, что я желаю теперь, — это убедить ваше величество, что с того дня, когда все прошлое будет предано полному забвению, условие — по моему мнению, совершенно необходимое и неизбежное, — вы найдете во мне — искреннего и непритворно преданного гражданина, который никогда не позабудет добра и никогда не вспомнит того, что было скорбного и тяжелого.

Вашего величества верноподданный

18 октября 1868 года.

М. Бейдеман".

А.Р.

Ответа не последовало. Мера унижения еще не была выполнена. Прошло восемь месяцев, и Бейдеман решился еще раз напомнить о себе "всепопданнейшим" прошением.

"Великий государь!"

"Прошло около восьми лет с тех пор, когда я, заарестованный в Финляндии, как беспаспортный бродяга, был наконец привезен в Петербург и заключен в Петропавловскую крепость как важный политический преступник, имевший самые

преступные замыслы против особы вашего величества, против безопасности граждан и против спокойствия государства. На первых порах я, действительно, каждым своим шагом только подтверждал свое первоначальное письменное показание, исполненное необыкновенной резкости и непростительной заносчивости в выражениях о таких предметах, которые должны быть дороги и священны для мало-мальски хорошего подданного, — а потому и должен был окончательно поколебать всякое сомнение насчет характера и свойства своей личности. Признаюсь вашему величеству, что я никак не ожидал такой снисходительности к себе — после всего того, что было сказано и написано мною, в продолжение первого времени моего пребывания в Алексеевском равелине, — и как я ни был глубоко убежден в благородстве и доброте вашего величества, — все-таки не мог ожидать такого, по истине ангельского, долготерпения с вашей стороны, но прошлого не воротишь, — и мне остается только всею своею будущею жизнью стараться искупить свои прошлые грехи и оказаться достойным того высоко-благородного самообладания, которым ваше величество ответили на все те вызывающие, недостойные ни честного человека, ни честного гражданина выходки, при воспоминании о которых я не могу не чувствовать самое глубокое угрызение совести и самое искреннее раскаяние. Было бы слишком дерзко с моей стороны, если бы я постарался хоть чем-нибудь оправдать или объяснить свое прошлое поведение в отношении к вашему величеству, да этого я и не желаю — это было бы ниже меня и моих убеждений о человеческих заблуждениях и ошибках; к тому же это значило бы поднимать на ноги то прошлое, от которого я не могу не отворачиваться всем своим существом — с негодованием и презрением. Но если нельзя окончательно истребить из своей памяти прошлый позор, — то можно и должно подумать о своем будущем, которым я имею возможность — хотя отчасти — загладить это прошлое, — а потому я и осмеливаюсь просить ваше величество, чтобы оно позволило мне посвятить всю свою будущую жизнь на верное и безрасчетное служение вашему величеству, — на преданную и неизменную деятельность в интересах вашей власти и вашей славы; и могу уверить ваше величество, что, как бы ни сложились обстоятельства в будущем, я никогда не заслужу упрека ни в неблагодарности, ни в измене своим уверениям и обещаниям, данным в такую минуту, когда

вся моя будущность вполне зависит от доброй воли вашего величества.

Вашего императорского величества верноподданный
8 июля 1869 г. А. Р.

М и х а и л Б е й д е м а н

Эта мольба, этот вопль бесконечно несчастного человека, схороненный в пожелтевших листах архивного дела и донесшийся до нас только теперь, в лето по Р.Х. тысяча девятьсот девятнадцатое, тягостным волнением наполняет современное сердце*. Душа умирала в стенах рavelина и билась в предсмертных муках. Внутренний свободный человек в Бейдемане был сломлен, уничтожен. Его уверения — полная противоположность всем его утверждениям первого года заключения. Он обещает всю жизнь отдать в интересах царской власти и славы. Он распростерся во прахе уничтожения и просит пощады. Но эта просьба, проникнутая сервилизмом, неизбежным спутником раскаяния, еще хранит остатки чувства собственного достоинства в самом тоне; есть еще некоторая в нем независимость, несоответствующая унижительному содержанию. У нас нет данных для суждения о степени искренности обращения Бейдемана, да они и не нужны, эти данные. Одною мерою измеряется в наших глазах глубина душевной драмы заточенного.

Крик о пощаде, возникший в мраке рavelина, донесся до высоты русского престола. Всеподданнейшее прошение было доложено его величеству 12 июня 1869 года и не вызвало никакого, хотя бы малейшего, движения по делу Бейдемана, не привело ни к какому, хотя бы малейшему, облегчению его участи. Глас вопиющего! Крик о пощаде поднялся из казематов крепости, донесся до вершин и стих.

И снова книга жизни Бейдемана обрывается. Целое десятилетие со времени обращения к царю не оставило ни одной страницы, ни одной строчки памяти в архивном деле. Документы молчат об этом десятилетии. Мы только знаем, что, после казни Каракозова и после перевода из рavelина каракозовцев Худякова и Ишутина 4 октября и офицера Кувязева 15 октября 1866 года, в рavelине остался один Бейдеман. С этого времени и до 28 января 1873 года — дня появления в каземате С.Г.Нечаева — в течение 6 1/2 лет Бейдеман был е д и н с т в е н н ы м у з н и к о м рavelина. Когда в рavelи-

*Напоминаю, что работа моя впервые появилась в свет в 1919 году.

не были заключенные, Бейдеман порою мог вступить хотя бы в немое общение с соседями; стук в стену давал известное облегчение; наконец, когда нельзя было поддерживать общение и таким образом, все же оставалось скрашивающее тоску одиночества сознание, что тут рядом или через камеру, или через коридор есть такой же страдающий человек. Но после 15 октября 1866 года и этого сознания не было. Один, один, заброшенный в каземате, забытый небом и людьми! На девятом году заключения в рavelине и третьем году абсолютного одиночества не выдержала и дрогнула душа, а второго десятилетия не вынес, изменил человеку и разум.

14.

Книга жизни Бейдемана разворачивается перед нами на записи 1879 года. Минуло 17 1/2 лет с момента заключения в рavelине, прошло десять лет со времени обращения с просьбой о пощаде. 30 января 1879 года Бейдеман обратился с просьбой к смотрителю рavelина майору Филимонову командировать к нему для объяснений по его делу доверенное лицо от III Отделения. Комендант крепости барон Е.И.Майдель, который, кажется, был человеком сердобольным и самым обходительным из всех комендантов, в тот же день явился в камеру Бейдемана и выслушал от него ту же просьбу. В тот же день о его желании комендант написал начальнику III Отделения А.Р.Дрентельну²⁷ и, чтобы преклонить ухо сановника к мольбе заключенного, закончил свое письмо следующим сообщением: "Смотритель рavelина майор Филимонов довел до моего сведения, что, по показанию часовых, стоящих в коридоре при арестантских комнатах, в последние дни были случаи, когда Бейдеман ночью, лежа на постели, рыдал"...

Дрентельн предложил своему товарищу П.А.Черевину съездить в крепость и посетить Бейдемана. На письме коменданта имеется пометка: "Ген.-майор Черевин лично доложил главному начальнику о результатах своего посещения арестанта. 31 января 1879 года". И этими строками исчерпывается все, что мы знаем о посещении... Решительно никакими последствиями для Бейдемана оно не сопровождалось.

Затем — снова молчание архивных листов на полтора года, но некоторые сведения о состоянии Бейдемана приносит нам другой источник — те сообщения, которые Нечаев из рavelина отправлял на волю народовольцам и которые были напечатаны

далеко не в подлинном виде в 1883 году в № 1 "Вестника Народной Воли"²⁸. Известно, что Нечаеву удалось распропагандировать своих стражей и через них завязать сношения с волей, когда в равелин был посажен 10 ноября 1880 года народоволец Степан Шириев²⁹. Из писем Нечаева народовольцы получили первые вести о равелине, о режиме заключения, о сидевших здесь. Нечаев сообщил, между прочим, и потрясающие данные о своем товарище по заключению. "Несчастный узник, томящийся в заключении более 20 лет и утративший рассудок, бегаёт по холодному каземату из угла в угол, как зверь в своей клетке, и оглашает равелин безумными воплями. Проходя мимо ворот равелина в тихую морозную ночь, обыватели крепости слышат эти вопли. Этот безумный узник — бывший офицер-академик Шевич, доведенный тюрьмой до потери рассудка".

Мы лишены возможности точно установить тот момент, когда Нечаеву удалось собрать через своих часовых сведения о своем товарище по заключению или войти с ним в сношения. Но ясно, во всяком случае, что в этот момент Бейдеман уже не владел рассудком, даже фамилии его не мог узнать Нечаев. В настоящее время на основании пересмотра всех дел архива Алексеевского равелина и всех ежемесячно представлявшихся царю рапортов коменданта со списками заключенных мы можем с полной достоверностью утверждать, что, кроме Бейдемана и Нечаева, за время 1873—1879 годов в равелине не было никого и сообщения Нечаева могут относиться только к Бейдеману. Непонятно, почему Нечаев называет Бейдемана Шевичем. Для объяснения этого факта позволительно привести догадку: не нашел ли Нечаев записанной на стенах фамилии Шевич, который действительно сидел по ничтожному обвинению в украинском сепаратизме в Алексеевском равелине с 12 сентября по 31 декабря 1862 года? Или в безумии сам Бейдеман стал считать себя Шевичем?

В добавление к сообщению Нечаева в письме к народовольцам следует привести и красноречивые строки из подлинного прошения Нечаева на имя директора департамента государственной полиции барона Велио от 25 августа 1880 года о разрешении пользоваться письменными принадлежностями: "Проводя скучные, мучительные дни в хождении из угла в угол по каземату, как зверь в своей клетке, — проводя еще более мучительные бессонные ночи в слушании безумных воплей несчастного соседа, доведенного одиночным заключе-

нием до ужасного состояния, содрогаясь при мысли, что и меня в будущем ждет такая же участь, если не изменятся условия праздной жизни, расслабляющей физические и умственные силы, — я обращаюсь с просьбой” и т.д.

Человек сравнительно новый в департаменте полиции, не ввязавшийся в дело политического розыска, барон Велио против строк Нечаева о воплях безумного соседа написал: ”Разве нельзя их разместить?” Сам Нечаев, а быть может, дешифровщики его писем считали преднамеренным такое сближение двух заключенных и дали ему ужасное истолкование: ”Шевич (т.е. Бейдеман) не опасен для правительства; мучить его также не имело бы смысла; почему же держать несчастного в заключении? На этот вопрос политика... дает объяснение, ужасающее своим бесчеловечием: безумного Шевича держат в тюрьме, потому, что его пример, его вопли и припадки бешенства производят потрясающее действие на других арестантов молодых, мыслящих, еще не доведенных до отчаяния. Праздное одиночество в сыром склепе, грязное, непромытое белье, паразиты, негодная пища, адский холод, оскорбления и поругания, побои, веревки, колодки, цепи, кандалы — всего этого достаточно, чтобы искалечить человека, чтобы разрушить физические силы, но сила нравственная не всегда может быть раздавлена этим гнетом, и палачи ищут для этого других средств”.

У нас нет данных считать такое объяснение верным, но нет и данных для его опровержения. Но с полной убежденностью мы говорим: да, такое объяснение возможно. Действительность его допускает.

Несомненно, к Бейдеману относятся и те рассказы, которые Кенан собрал от жандармов, служивших в рavelине и сосланных на поселение в Сибирь за содействие Нечаеву в его сношениях с волей. По словам Кенана³⁰, ”в 1882 году в Петропавловской крепости содержался в одиночном заключении офицер, который в конце концов перестал отвечать на вопросы. Призванный к нему врач констатировал, что он впал в идиотизм. Он мог еще есть, пить, но в его усталых стеклянных глазах погас последний луч сознания, и он почти все время проводил, не двигаясь, на постели. Ни имя его, ни совершенное им преступление никому не известны. О существовании его дали некоторые сведения жандармы, служившие в 1882 году в Алексеевском рavelине и в августе этого года сосланные в Сибирь за то, что они помогали переписке заклю-

ченных с их друзьями. По их словам, этот офицер, сделавшийся в конце концов сумасшедшим и известный только под номером занимаемой им камеры, был привезен на много лет раньше, чем его впервые увидели рассказавшие об этом жандармы**.

Прошло еще полтора года. 1 марта 1881 года был убит Александр II, затем произошла перемена властей. Министром внутренних дел был назначен граф Игнатьев, директором департамента полиции — В.К.Плеве. 20 июня 1881 года Александру III был представлен доклад о Бейдемане. Доклад заключал краткое изложение известных нам моментов, заканчивавшееся упоминанием об обращении Бейдемана на высочайшее имя; доклад не предлагал никаких соображений о том, как поступить с Бейдеманом. Граф Игнатьев записал решение царя: "Доложено 20 июня в Петергофе. Высочайше повелено, если узник пожелает, выпустить и свезти в далекие и малолюдные места Сибири на жительство".

15.

После царской резолюции, казалось бы, следующая страница книги жизни Бейдемана должна раскрыться на рассказе о его освобождении. Но воля не была ему суждена. Тот же Плеве 29 июня доложил своему шефу графу Игнатьеву: "В виду имеющихся указаний на ненормальное состояние умственных способностей Бейдемана полагалось бы, предварительного приведения высочайшего повеления в исполнение, поместить его на испытание в Окружную лечебницу всех скорбющих в Казани". Плеве не нашел возможным освободить безумного Бейдемана, а граф Игнатьев пошел дальше Плеве: стены дома сумасшедших казались ему ненадежными, и он положил резолюцию на докладе Плеве: "Согласен, но надо принять меры, чтоб он там не общался с людьми, могущими его эксплуатировать во вред правительству". Не совсем ясно, что хотел сказать граф Игнатьев, но ясно, что он требовал сугубого надзора за Бейдеманом даже и в больнице для умалишенных. Так была приведена в исполнение высочайшая воля: "Если узник пожелает, выпустить"...

1 июля департамент полиции сделал исполнение по делу Бейдемана. Были отправлены три бумаги с сакраментальной

*Ср. сообщение А.Макаревского о рассказах Топышева, одного из солдат, окарауливавших равелин, в журнале "Пути революции", кн. II, стр. 227—228.

пометкой сверху: "Совершенно секретно. По высочайшему повелению". № 3937 предписывал коменданту крепости сдать Михаила Бейдемана начальнику с.-петербургского жандармского управления ген.-майору Комарову; № 3939, адресованный генералу Комарову, был следующего содержания.

"Имею честь просить вас, милостивый государь, принять содержащегося в Петропавловской крепости 14, 46, 35, 40, 66, 35, 17, 66, 18, 13, 35, 67, 13, 67, 15, 13, 27, 13* от коменданта крепости и сделать распоряжение о препровождении его под самым бдительным надзором двух надежных унтер-офицеров, в отдельном помещении, при полном разобщении с окружающими лицами, по железной дороге в г. Нижний Новгород и далее на пароходе в г. Казань, где означенное лицо должно быть сдано в распоряжение Казанского губернатора для помещения в Окружную лечебницу всех скорбящих".

Казанскому губернатору министр внутренних дел по департаменту государственной полиции (№ 3938) писал:

"Имею честь, ваше превосходительство, сделать зависящее распоряжение о принятии имеющего прибыть в г. Казань под надлежащим конвоем арестанта 14, 46, 35, 40, 66, 35, 17, 66, 18, 13, 35, 67, 13, 67, 15, 13, 27, 13 для помещения в Окружную лечебницу всех скорбящих на предмет испытания состояния его умственных способностей, поручив Директору лечебницы доктору Фрезе лично произвести тщательное исследование состояния здоровья упомянутого лица, обязав его представить вам подробное заключение свое о результатах исследования, с подробным определением как формы умопомешательства арестанта, так и приблизительного срока его выздоровления, если таковое предвидится. Независимо от сего, имею честь просить вас, м. г., принять все меры к тому, чтоб названный арестант во все время пребывания в лечебнице находился в совершенно отдельном помещении, из коего отнюдь ни под каким предлогом выпускаем не был, при полном разобщении с окружающими лицами, оградив его притом от сообщения с людьми, могущими его эксплуатировать во вред правительства. Сообщая о вышеизложенном, имею честь просить ваше превосходительство о последующем не оставить уведомлением".

4 июля Бейдеман был выдан из рavelина генералу Комарову, а 8 июля отбыл для принятия казанским губернатором

*Цифрами зашифрована фамилия Бейдемана.

для помещения в больницу. Губернатор извещал, что "о результатах исследования состояния его умственных способностей им будет представлено особое сообщение, по получении надлежащих сведений от г. директора лечебницы Фрезе".

Губернатор выдал жандармскому унтер-офицеру Габедулле Абраимову две квитанции: первую в том, что принят им секретный пакет и арестант, который претензий не заявлял, вторую в том, что приняты вещи, белье, бархатная красная шапочка и евангелие.

Счеты равелина с Бейдеманом закончились тогда, когда был разрешен вопрос о судьбе собственных его вещей, взятых у него при заключении в равелин. По описи значилось: полукафтан форменный кавалерийский черного сукна с погонами, шаровары сине-сероватого сукна, рубаха полотняная, фуражка форменная, каска без султана, кавалерийская, в кожаном футляре, сапоги со шпорами и штиблеты, галстук с манишкой форменный, носки нитяные, саквояж, эполеты кавалерийские, погоны, шарф, португя кавалерийская, лядунка с перевязью, китель холщевый с погонами, панталоны летние, пистолет двухствольный (испорченный), нож в деревянном черешке. Все эти вещи, по донесению коменданта, пришли в разрушение.

Еще бы, с 1861 года, за 20 лет! За это время и человек пришел в разрушение.

Департамент полиции ответил коменданту, что вещи в виду ветхости их подлежат уничтожению. Комендант предписал смотрителю равелина "уничтожить вещи сожжением в присутствии двух жандармских унтер-офицеров а металлические вещи, как-то: пистолет, шашку и проч. сломать в куски и бросить в Неву, в чем составить акт, за общими подписями участвовавших. 20 июля вещи были сожжены, а металлические вещи сломаны в куски и брошены в реку Неву".

О вещах, конечно, было больше забот и хлопот, чем о человеке...

16.

Опять перерыв, опять молчат архивные листы. И наконец, книга жизни Михаила Бейдемана раскрывается сразу на последней странице...

Казанский губернатор отвечал 8 июля 1881 года департа-

менту полиции, что о результатах медицинского исследования им будет представлено особое донесение. Следующее по времени сообщение казанского губернатора было отправлено им ч е р е з 6 1/2 лет. И тут забыли Бейдемана. 10 декабря 1887 года (№ 1022) губернатор писал в департамент полиции: "На отношение от 1 июля 1881 года за № 3938, имею честь уведомить департамент полиции, что находившийся в Казанской окружной лечебнице во имя божией матери всех скорбящих на испытании в состоянии умственных способностей арестант из государственных преступников № 14, 46, 35, 40, 66, 35, 17, 66, 18, 13, 35, 67, 13, 67, 15, 13, 27, 13 — 5 сего декабря умер".

Цифрами зашифрована фамилия — Михаил Бейдеман...

Для истории последних шести с половиной лет жизни Бейдемана нашелся — уже после первого появления в печати настоящей работы — необычайный материал в архиве казанской больницы для умалишенных. Был разыскан "скорбный лист" — история душевной болезни Бейдемана*. Веет подлинным трагизмом от этой истории безумия. Считаю необходимым привести несколько отрывков из "скорбного листа". Редкие вспышки памяти о былом, отмеченные здесь, дают несколько любопытных штрихов к биографии Бейдемана.

«Июль, 8, 9. Среднего роста, посредственного, почти слабого телосложения; голова образована правильно, без следов наружных повреждений, очень немного, только на висках и нижней части затылка покрыта волосами светло-русыми, с проседью, зрачки серо-голубых глаз немного медленно реагируют на свет, по временам неравномерны; передних зубов недостает, десны разрыхлены, видимые слизистые оболочки слегка цинготичны; кожа бледна, покрыта довольно значительно волосами, особенно с внутренней передней стороны. Мускулатура значительно атрофирована, подкожный жир — также. Волосы на усах и короткой окладистой бороде с небольшой проседью, белокурые.

На вопросы отвечает: передал, что он родился в 1837 году, содержался в Алексеевском равелине с 1861 года в одиночном заключении, и в это время говорил очень немного с прислугой, которая входила на короткое время (около 1/4 часа) для уборки в комнате. Большей частью прислуга эта, по словам

*"Звезда", 1925 г., № 5 (11), "М.С.Бейдеман в Казани", статья Н.И.Иванова.

М.С.Б., часто менялась, и только один раз был, в течение семи лет, один и тот же служитель. Аппетит исправный и сон нормальный.

1881. Июль, 11. По его словам, он начинал учение в Петербурге в Ларинской гимназии и перешел там из 1-го класса во 2-й, потом продолжал в Кишиневской гимназии, до конца курса в 56 году. По окончании курса он был два года экстерном в Киевском кадетском корпусе. Потом на один год поступил в Константиновское военное училище и вышел оттуда поручиком в Драгунский Военного ордена полк. Когда содержался в крепости (с 1861 г.), то в первые десять лет пребывания случались головные боли, но теперь уже 10 лет, как ощущает только одну приятную свежесть в голове и во всем теле. 23 года назад — сифилис и бобыны в левом паху, правый зрачок шире левого, оба слегка сужены.

28. Ходит по комнате вокруг постели или ложится по временам на нее, но чаще все-таки ходит, подходя и присматриваясь к окошку. Выражал постоянно отказ на предложение ему чтения, письма или рисования, и только очень недавно удалось добиться того, что он стал, рисуя на бумаге часть свода, фермы и т.д., говорить, что он постоянно занят собственными планами и соображениями, для которых карандаш и бумага совершенно лишни. Пишет и рисует очень мало и большею частью дня он ходит, как бы что-то соображая и постоянно чем-то поглощенный, он произносит речь невнятно, скороговоркой одно и то же, как бы заучивая фразу или афоризм, который он выдумал или к которому пришел. Количество движений уменьшено против нормального, и они крайне однообразны, а некоторые из них автоматичны, как, например, покачивание вперед и назад головой иногда в такт его речи, иногда же скорей и почти конвульсивно, как в хореических движениях. Эти движения тоже как бы заученные, как и ходьба взад и вперед по комнате, из которой больной почти не выходит и чаще запирается сам в нее. Ест и пьет больной весьма удовлетворительно.

Август, 4, 11, 18, 25 и 31. В. т.* 138, 138, 134, 139, 141. Постоянно, очень вежливо раскланиваясь и пожимая руку врачу, он встречает и провожает его одними и теми же фразами. Пускается иногда в очень ограниченные расспросы относительно личного препровождения времени врача в виде одних и тех же ежедневно повторяемых шаблонных вопросов: "что нового

*В.т. — вес тела в фунтах.

в городе?" и, предлагая этот вопрос, он как бы мало интересуется этим, и без того зная, как бы сам, все, или что ничего по ту сторону стены не могло произойти нового, и все идет как вчера, так и сегодня, и, главное, все для него (как он и сам это говорил) известно и неинтересно.

— Лет десять назад, — говорит он, — я совершенно прекратил чтение и только занимаюсь своим делом. Я совершенно не знаю скуки, ничего не знаю о родных, не переписывался с ними. Я — инженер и постоянно занят инженерными проектами.

Говорит, что он турецкого происхождения: Бейдеман или Деманбей; "ман" по-турецки значит — топор, "де" — два, "деман" — значит двойной топор. По производстве в поручики уехал за границу, по его словам, за тем, чтобы открыть параллель, проходящую через Стокгольм, Гетеборг и Лондон, чтобы определить угол. Чтобы уменьшить поверхность планеты, надо вступить в борьбу с центром, который охраняет целостность планетного измерения. (В другое время о причине поездки говорит иначе или говорит, что это — глубокая тайна).

Сентябрь, 8, 15, 22, 29. В. т. 140, 143, 141, 140. Высказывается, что он не политический, а государственный преступник, что он обвиняется по первым пяти основным статьям государственных законов. За отступление от них (сказано один раз) или в другой раз говорил, что за нарушение 5 пунктов он обвинял только сам себя, но их не нарушил, в действительности не нарушал эти пункты:

1. Перемена образа правления (монархического на республику) в пределах государства.

2. Лишение бытия лица государя императора с целью произвести смуты, бунты и мятежи в пределах государства.

3. Истребление сословий, законом учрежденных, и установленных.

4 пункт (только для военных служащих). Поголовное истребление всей армии и гвардии в пределах своего государства, т.е. Российского государства.

5 (только для служащих во флоте). Сожжение всего российского флота, в каких бы водах он ни находился.

Октябрь, 6, 13, 20, 27. В. т. 137, 137, 135, 138.

Припоминал врачей, навещавших его во время заключения в Алексеевском равелине — Федора Петровича Окель (он же и врач в Максимилиановской лечебнице), крепостной врач — Вильмс. Говорил, что первое время заключения было действи-

тельно тяжело, но потом привык; в другое же время уверял, что ему никогда не было скучно одному, что одиночество никогда не тяготило его, что он, как стал себя помнить, постоянно один и дружбы, товарищества или особенных привязанностей не имел.

«У меня не было друзей, а было только строгое отношение к своей совести». Говорит, что он давно уже не видел себя в зеркале, но и не желает, так как, по его словам, "постоянно себя в самом себе вижу"...

«Осужден за нарушение закона пяти пунктов. Я не нарушал, а только сделал заявление о нарушении пяти пунктов, но искреннего желания нарушения у меня не было: это моя тайна. Но большая разница запереться самому или быть заперту во имя закона».

«Огромное богатство заключается во флаконе собственной крови, которую, — говорил он в другой раз, — надо разводить водой в корыте и мешать щепкой, чтобы определить кровяное начало».

«Кровяные капли зарыты около Петербурга там же, где происходит, по словам больного, "мертвый рост"; рождения детей от матери он не допускает и говорит, что таким путем рождаются только те уродцы, которых держат в музеях в банках со спиртом».

Ноябрь, 3, 10, 17, 24. В. т. 134, 134, 134, 133.

«Я скуки совсем не знаю, — заниматься надо своим делом — и все пройдет. Я все знаю, что происходит везде и в городе». И если не может, по его словам, сказать, находится ли в настоящую минуту губернатор в городе или в отъезде, то только потому, что мало занимается этим, и скоро переходит к разговору о том, что "повышение и понижение почвы зависят от осевого движения земли, оттого и уменьшение средств человеческого бытия сопровождается понижением почвы".

По его понятию, люди рождаются на определенном участке земли около Петербурга; в парке большого дворца есть квадрат человеческого рождения, на котором подымается сфероид, быстро увеличивается, и появляется человек в белой оболочке, которая потом разрешается облаком, а человек выходит во весь свой рост.

1882. Январь, 4, 12, 19, 26. В. т. 132, 130, 131, 130.

Перестал почти совсем разговаривать с врачом и только, вежливо раскланиваясь, отнекивался от всяких предложений и заявлений каких бы то ни было желаний, стараясь как бы

скорее отделаться от лишнего человека и оставался один в комнате долее.

При разговоре в это время часто не смотрел на говорящего, а, стоя против и держа голову прямо, отводил глаза в сторону и кверху на одну и ту же точку. Делал это с значительным напряжением глазных мышц. По временам старался как бы не смотреть, в глазах накапливались слезы, и он, вежливо раскланиваясь, отговаривался и уходил, видимо, тяготясь разговорами.

Апрель, 6, 13, 20, 27. В. т. 134, 134, 133, 136. Написал "Господину Начальствующему Каз. Гор. Полицией".

"Извещаю Вас о своем желании по обстоятельствам дела, — быть переведенным в Алексеевский Равелин Санктпетербургской Петропавловской крепости. Честь имею быть состоящим в Каз. Гор. Больн. Матери всех Скорбящих.

Поручик кавалерии на особом праве Мих. Бейдеман".

18 апр., гор. Казань.

В остальное время молчит или дает только самые короткие ответы, вежливо раскланиваясь.

Август, 3, 10, 17. В. т. 137, 133, 134. Молчаливый, равнодушный ко всему окружающему. Не читает. Не пишет. Отвечает только привычные, вежливые, короткие ответы врачу, и этим как бы совсем исчерпывается его сообщение с окружающими больного. Он и "не желает ничего, все хорошо, очень благодарен". Оставаясь один, он большей частью ходит вокруг своей постели, по временам громко кричит и рассуждает сам с собой, но что — разобрать нельзя, и он тотчас останавливается, когда хоть сколько-нибудь заметит, что за ним наблюдают.

Сентябрь, 8, 14, 21, 23, 24—31. В. т. 134 и 132 ф. В. т. 138, 139, 138 и 139 ф. Ничем не занимается. Уверяет, что ему весело и он чувствует себя так хорошо, как никогда. Уверяет, что занимается своим делом. Часто разговаривает вслух и по ночам нередко кричит — все это больной настойчиво отрицает.

Скверную погоду называет самой лучшей, прекрасной.

Октябрь, 1—16. В. т. 140 и 139... Переводится в отделение беспокойных.

Ноябрь, 2, 9, 16, 23, 30. В. т. 140, 140, 140, 143, 139. С переменной обстановки он как бы оживился, реже стал ходить в своей комнате по одному и тому же направлению (хотя это все еще бывает, особенно вечером, перед сном, при этом он часто громко разговаривает сам с собой). В его настроении

духа и выражении лица стали наблюдаться более частые колебания, по временам проглядывало выражение как бы очень тяжелого горя, и на глазах бывали слезы. Но больной, крайне несообщительный и замкнутый, по-прежнему уверял врачей, что у него все обстоит очень хорошо, "он здоров и доволен и не скучает, скуки не знает совсем".

Декабрь, 7, 14, 21, 28. В. т. 140, 140, 140, 140. Замкнутый, несообщительный, он как бы желает отделаться от посещения врача и вперед говорит, что он совершенно здоров, что ему ничего не нужно, у него все есть, и, вежливо откланившись, опять погружается в грустно-молчаливое, недоверчивое настроение и ходьбу взад и вперед, которой теперь сравнительно меньше, чем было в отделении для буйных больных.

1883. Июль, 5, 12, 19, 26. В. т. 140, 142, 142, 145. По временам в разговоре с прислугой говорит о контракте, заключенном у него с богом; по этому контракту (который есть тайна) бог открывает ему все тайны, и таких, как он, в каждом государстве поставлено по одному.

Ноябрь. В. т. 141, 142, 142, 142. Жалуется на боль в зубах (кариозных), наблюдается periost нижней челюсти с левой стороны, на месте большей частью раскрошившихся зубов, при этом вспоминает, что большей части зубов он лишился, когда был уже в Алексеевском равелине; лысина же была до этого и стала образовываться в молодости. При воспоминании своего детства он припоминает своих товарищей по Кишиневской гимназии и учителей вполне, по-видимому, нормально вместе с окружающей обстановкой.

1884. Январь, 3, 10, 17, 24, 31. В. т. 142, 143, 142, 143, 143. В своих воспоминаниях о пережитых гимназических годах, поездке в Петербург он случайно высказал, что у него есть брат Иван Степан., который служит в Модлинском полку (записано назв. полка другими чернилами, очевидно, после повторного расспроса Бейдемана) и вышел из 5 класса гимназии, тогда как он по окончании курса в гимназии и кадетск. корп. отправился в Петербург по существовавшему в то время шоссе и, приехав в СПб., поступил в Константиновское военное училище. Ест и спит он лучше, чем прежде.

Февраль, 7, 14, 21, 28. В. т. 145, 145, 143, 144. Большая часть его нормальных и иногда точных воспоминаний, относящихся к жизни в Кишиневе в гимназический период, передается им в разговоре, так же, как это сделал бы всякий здоровый человек его лет, относясь к этому периоду

своей жизни. Ест и спит хорошо. Спит даже спокойнее и крепче.

Март, 6, 13, 20, 27. В. т. 145, 145, 145. Говорит в своих воспоминаниях о знакомой акушерке и о брате, который на 2 года моложе его, совершенно нормально.

Май, 1, 8, 15, 22, 29. В. т. 148, 147, 149, 149. Передавал врачу, что он отправится по выходе из лечебницы в свое имение, которое для него купил опекун недалеко Одессы, "Ланжероновку", бывшее имение графа Ланжерон. Купил он его за 600 000 и ежегодно в течение 36 лет высылал на его улучшение по одному миллиону в год, прибавив, что от отца он ничего не имел. Отказался в пользу брата и сестры. Получила после отца сестра (замужем за почтмейстером близ австрийской границы в каком-то местечке).

Август, 7, 14, 21, 28, 31. В. т. 142, 140, 144, 141. Целые дни ровно ничего не делает, на скуку не жалуется, отказывается даже посмотреть рисунки какого-либо иллюстрированного журнала. Ходит в своей комнате из угла в угол и постоянно, даже на прогулке, шепчет что-то про себя. Когда больному заметят, что он шепчет, старается уверить, что никогда этого не делает, при чем, видимо, волнуется. Изредка, по просьбе больных, пишет письма или какие-либо кляузные бумаги, при чем в подобном письме постоянно встречаются противоречия, которые, видимо, больной при письме не замечает.

Ноябрь, 6—12—20. В. т. 147, 148, 148. Терпеливо и с охотой разграфлял тетради для взвешивания тела больных, делая в большинстве отчетливо каждую графу, цифру и проч. Занят, как и в предыдущее время, разного рода проектами. И особенно проектом всеобщего отопления.

...Рассказывает о своих проектах с оживлением, при чем почти через слово начинает употреблять "нечто", в обыкновенной же речи этой приставки не замечается.

Больному не скучно, так как, окончив один проект, он займется другим. Написать о проекте не хочет, так как, по его мнению, его проекты и вообще всякое улучшение быта людей только приносит вред человечеству, так как оно вследствие этого начинает лениться и ничего не делает для мировой пользы, о значении которой, однако, объяснить не может.

1885. Май, 25. С видом знатока занимается устройством мостков у выхода.

Июнь, 11. Приводит в порядок дворик. Питается хорошо, спокойный.

Апрель, 1887. Настроение духа больного добродушное, всегда вежлив, учтив, к окружающему миру относится правильно, обманов восприятия не существует. Проводит время обычно в ходьбе по комнате, заложив руки назад и слегка наклонив голову, как бы ни о чем не думая.

При разговоре больной сам выбирает темы в роде того: "Что нового?", "Как живете?" и пр.

Но на какой бы то ни было вопрос отвечает охотно.

Из разговоров выяснилось, что у больного существует целая система бреда, которую он отстаивает упорно, с силой убеждения. О себе передает, что он принял перед военным законом обязательство искупить наложенное на Финляндский полк наказание за его измену во время 1812 года похода Наполеона I. Он последний из офицеров этого полка, который решился добровольно своим пожизненным заключением сгладить историю своего полка, перед ним был целый ряд офицеров, которые несли то же наказание, что и больной, по одному году, согласно жребию. Чтобы выполнить принятое на себя обязательство, он объявил себя государственным преступником, отвергнув первые пять основных законоположений свода Российских законов. По уверению больного, военный закон может объявить ему смертный приговор; но, в силу договора его с военным законом, пуля в тот самый момент, как она готова пронзить грудь, превратится во влажное облако. Это превращение пули в облако есть великая тайна военного закона.

Больной обладает целым лексиконом своеобразных терминов, что придает его речи образность, внешнюю связь; хоть речь по содержанию делается малопонятною.

Больной олицетворяет такие понятия, как дух России, утверждая, что это особое лицо, имеющее свою дачу в Российской земле, на ряду с этим говорится, что существуют особые плотники, которые имеют целью, чтобы все сохраняли закон и никто не мог бы его нарушать.

Больной для каждого города, каждой губернии признает своего духа, лицо с тою же действительностью, как и все другие люди.

Май... Придает ценность только теоретическим исследованиям, которые, по его мнению, непоколебимы.

...Всю группу знания больной разделяет по следующим 3 теориям:

1) Теория всемирного горения — все естественно-исторические знания;

2) теория центрального воспламенения (?) — военные науки, и

3) теория плавающего тела — все морские знания.

У больного есть в высокой степени странные понятия, напр. метафизика, есть теория касательного удара к поверхности шара.

На все свой ответ, свое определение.

Чувствую себя: "чудно, хорошо".

Июль, 26. Сидит больше у себя.

Август, 13. Утверждает, что было много Петров I (до 85), Екатерин I (до 55). Различные лица надевали на себя воштаную куклу Петра Великого по найму членов верховной власти. Много из царствующих Петров Великих были повешены, разрублены на куски по приказанию членов Российского замка.

Российский замок, по словам больного, находится недалеко от Царского Села, в лесу, найти его и войти в него могут только те лица, которые по своим убеждениям, чувствам, мыслям слились с теми задачами, какие преследует Русский замок.

Всякий же другой человек проникнуть туда не может, так как он найдет противодействие в алмазном сфероиде, находящемся в центре Российского замка. Центр алмазного сфероида блестит, он изображает собою закон. У больного в речи очень много им самим придуманных слов, в роде "пустование", "камневание", "пластование" и проч.

Ноябрь, 3. Сообщителен.

Ноябрь, 12. Установлено заболевание легких, $t^{\circ} 39,2$.

— х — 14. $t^{\circ} 40,5 C^{\circ}$.

— х — 16. t° упала до $37,8 C^{\circ}$.

— х — 18—20. t° скачет, но не выше 39.

К концу месяца повышается 40,1, 40, 39,5.

По-видимому, врач его не совсем удовлетворяет, с 29/XI другой врач.

3/XII. Переведен в отделение трудных больных.

4/XII. $t^{\circ} 38^{\circ}$ утром, п. 138, опятен.

В 3 часа пополуночи умер.

По вскрытии найден туберкулез легких, при чем в левом легком, в верхушке его, маленькие каверны. Отек мозга... Цирроз печени».

5 декабря 1887 года закрылась навсегда книга жизни Михаила Бейдемана*.

17.

Перед нами прошла вся его жизнь.

Один год (1860—1861) восторженных порывов, благороднейшего одушевления и пылких мечтаний. Благо народа, слава подвига, факел народного восстания!

И через год сразу Алексеевский рavelин. Вошел уверенным в себе, пылким и дерзким энтузиастом. Он не поддастся, не изменит себе, не пожертвует самой ничтожной долей своих убеждений, своего я!

Пережить редкое и острое удовлетворение — бросить в лицо все резкие оскорбительные слова, прямо в лицо!

Затем медленное, разлагающее, засасывающее действие рavelина. Попытка напомнить о себе, крикнуть: авось услышат! Мучительный вопль о пощаде. "Я весь ваш, только пустите!" Трепетное ожидание — услышат!.. Нет, нет, нет.

И за громким воплем, затихнувшим у высоты престола разумным воплем, — безумные, дикие вопли, слышные часовым да соседям по камере. Из угла в угол, точно зверь в клетке, вопит и бьется головой об стену. А по ночам в затишье, быть может, в светлые моменты сознания — слезы на кровати.

20 лет заключения в рavelине.

Увезен лишенным рассудка. И еще 6 1/2 лет той же жизни сумасшедшего в больнице.

26 1/2 лет заключения за год революционных восторгов.

1919. Май—Июль.

*Основное дело о Бейдемани — Архив III Отделения, 1 эксп., 1860, № 282. Сведения о пребывании в рavelине — в деле № 10, управление коменданта с.-петерб. крепости по Алексеевскому рavelину (по описи деп. пол., № 159). Формулярный список о службе Бейдемани в Лефортовском архиве (1 моск. отд. III секции Г.А.Ф.). Доклад министра финансов с донесением начальника Скулянского таможенного округа в деле III Отд. 1 эксп., 1861, № 54, см. также в Отчете о действиях III Отд. собств. е. и. в. канцелярии за 1861, стр. 1—3. На основании настоящего исследования был сделан в 1923 году (при участии О.Д.Форш) сценарий для кинофильма "Дворец и крепость", а затем эта работа использована и в романе О.Д.Форш "Одеты камнем".

С.Г.Нечаев в раверлине
1873—1882

1.

С.Г.Нечаев, арестованный в Швейцарии и выданный швейцарским правительством как преступник уголовный, 19 октября 1872 года в 9 ч. утра был доставлен в крепость и заключен в Трубецкой бастион. Он внушал такое опасение, что по распоряжению III Отделения к нему в камеру был поставлен "подчасок". Только 15 ноября III Отделение предложило снять внутренний караул в камере, "так как в этом не представляло более надобности".

7 декабря комендант крепости был оповещен, что ему надлежит допустить к Нечаеву для производства следствия прокурора московской судебной палаты Манасеина, прокурора московского окружного суда и судебного следователя, прибывших из Москвы. Нечаев обратился с просьбой о разрешении ему свидания с проживающей в Петербурге сестрой его Анной Прибыльской. Прокурор палаты отозвался, что разрешение зависит от III Отделения. III Отделение в свидании отказало; на отношении коменданта положена резолюция управляющего III Отделением: "Переговорив с прокурором, я предложу Нечаеву написать сестре". 19 декабря министр юстиции обратился к испр. должн. шефа жандармов с просьбой распорядиться перевести Нечаева в Москву и сдать его судебному следователю 5-го участка г. Москвы колл. секр. Спасскому, так как "дальнейшее производство следствия требует, чтобы он находился в Москве". 22 декабря в 5 1/2 ч. дня Сергей Нечаев был взят жандармским майором Ремером для отправки в Москву. Майору было предписано сдать его судебному следователю, но в то же время оставаться в Москве

сколько потребуется и иметь наблюдение за Нечаевым и сопровождать его в суд.

23 декабря Ремер уже телеграфировал товарищу шефа жандармов графу Н.В.Левашеву: "Прибыли благополучно, помещение удобное и хорошее". Удобное помещение было приискано в особой камере при Суцевской части. Постоянный надзор за Нечаевым осуществлял генерал Слезкин, начальник московского жандармского управления. Для охраны Нечаева был выставлен от московского жандармского дивизиона караул: 1 офицер, 1 унтер-офицер и 10 рядовых.

27 декабря генерал Слезкин в частном письме сообщал следующие подробности: "Нечаев здоров, с прокуратурой обращается весьма свободно; на предложение прокурора ему прочесть следственное дело об убийстве Иванова отвечал, что не имеет в этом надобности, не подчиняясь русским законам, считает себя к ним лицом индифферентным, но если это уже необходимо, то он готов слушать то, что ему будет прочтано; таким образом, судебный следователь исчитал ему дело: в конце концов было то, что Нечаев отозвался прокурору, что не признает себя виновным в убийстве Иванова и считает себя т о л ь к о политическим преступником". Нечаев и не мог, и не должен был считать себя уголовным преступником¹: это была первая из основных идей, определявших его поведение.

Новая сцена разыгралась при вручении Нечаеву обвинительного акта. О ней подробно сообщил бессменный охранитель Нечаева майор Ремер: "28 декабря прокурор здешнего окружного суда, совместно с членом суда, в 4 часа пополудни приезжали в Суцевскую часть, где содержится Нечаев, и вытребовали его в квартиру местного пристава для вручения ему обвинительного акта, но Нечаев означенного акта не принял и не согласился в получении оного выдать расписки, объяснив при этом, что судить его по русским законам не имеют права, так как он политический преступник. На вопрос члена, кого он желает иметь защитником, и если он такого никого не знает, то ему будет назначен судом, отвечал, что он ни в каком защитнике не нуждается и сам защищаться не будет; затем, когда он был отведен в камеру, то обвинительный акт положили к нему на стол. Нечаев взял его со стола и бросил на пол; часовой, находящийся в камере, поднял его, тогда Нечаев закричал: "Что ты хочешь, чтобы я его опять кинул?" На шум явился караульный офицер и просил Нечаева не

шуметь, на что он с запальчивостью ответил: "Я ведь сказал, что не возьму обвинительного акта, то к чему же его мне кладут!" В 12 часов ночи прочел обвинительный акт. — Вообще, как во время производства следствия, так равно и теперь держит себя весьма дерзко. Суд над Нечаевым предполагается назначить 8 или 9 января. За Нечаевым имеется самый строгий и неотступный надзор".

III Отделение не упускало из сферы своего внимания Нечаева ни на шаг. 5 января граф Левашев заботливо указывал Слезкину, что он должен доставить Нечаева из части в здание судебных установлений ночью с воскресенья на понедельник 8 января и ночью же вывезти после суда обратно в часть, где он должен оставаться под тем же караулом и при том же майоре Ремере. Предполагалось немедленно после суда увезти Нечаева из Москвы, но III Отделение забыло, что существует двухнедельный срок для подачи кассационной жалобы. Генерал Слезкин запрашивал поэтому, как ему быть: отправить Нечаева в Петербург сейчас же по объявлении приговора или ожидать особого приказа. На бумаге Слезкина пометка, свидетельствующая о недоуменном положении: "После этого Нечаев едва ли может быть доставлен обратно в Петербург немедленно по объявлении вердикта". Это сомнение было разрешено ни много ни мало... высочайшим повелением оставить Нечаева в Москве в течение апелляционного срока.

Нечаев оставался верен себе в бойкоте судебной власти и доставил ей новое беспокойство 4 января. В этот день "по распоряжению товарища председателя московского окружного суда частный пристав Сушевской части выдавал содержащемуся в этой части преступнику Нечаеву повестку о вызове его в суд 8 января, к 10 часам утра, и список судей и присяжных заседателей, но Нечаев ни повестки, ни списка не принял, отозвавшись, что к делу, в котором его обвиняют, он относится индифферентно, что с тех пор, как сделался эмигрантом, он не принадлежит к подданству России и не признает русских законов и что его силой взяли и привезли сюда из Швейцарии, точно так же возьмут силой и привезут в суд". Повестка с надписью о непринятии ее Нечаевым препровождена приставом к товарищу председателя суда с уведомлением, что Нечаев будет представлен в суд в назначенное время, а список судей и присяжных заседателей оставлен в арестантской камере Нечаева, согласно распоряжению товарища председателя окружного суда.

На суде Нечаев продолжал держаться той же тактики упорного и решительного протеста против суда, отрицания за ним какого-либо права судить его. В свое время в "Правительственном Вестнике", а отсюда и в других газетах помещались стенографические отчеты о заседаниях, перепечатанные в первом томе известных сборников В.Базилевского-Богучарского².

Отсылая читателей к этому отчету, мы восстановим картину суда на основании другого источника, не менее документального, но зато впервые оглашаемого — жандармских сообщений. Генерал Слезкин в тот же день дал огромную срочную телеграмму с отчетом о процессе и отправил почтой подробное донесение следующего содержания:

«8 января в 12 ч. дня открыто было заседание московского окружного суда, под председательством г. Дейера, по делу об убийстве слушателя Петровской академии Иванова мещанином г. Шуи Нечаевым, в сообществе с другими лицами. Преступник Нечаев, введенный в залу заседания жандармами, вошел с наглым видом, держа руки в карманах панталон своих, и тотчас же сел на скамью подсудимых. Когда председатель сделал ему вопрос об имени, то он, вместо ответа, сказал: "Я не признаю этого суда, я эмигрант, не признаю русского императора и здешних законов". Председатель приказал за это удалить Нечаева, и, когда жандармы повернули его к двери, вся публика закричала ему несколько раз "вон"; по выводе Нечаева председатель пригласил публику к порядку, высказав предостережение, что публика на суде не судит и если позволит себе еще раз сделать какое-нибудь заявление, то будет удалена из камеры. После этого водворилась тишина, не прерывавшаяся во все заседание».

«По проверке председателем списка присяжных заседателей, был, по его распоряжению, вновь введен Нечаев и на вопрос председателя, не желает ли отвести кого-либо из присяжных заседателей, закричал: "Да здравствуют земские законы!", за что тотчас же был снова выведен из залы».

«Затем председатель сказал речь присяжным заседателям, приглашая их, невзирая на выходки подсудимого, успокоиться, отнестись к выходкам этим с презрением и произнести приговор только на основании обстоятельств дела, которые будут представлены им. По окончании этой речи был прочитан обвинительный акт и затем был снова введен Нечаев, которому

г. Дейер предложил вопрос о том: признает ли он себя виновным в убийстве Иванова; на это Нечаев сказал, что преступление, о котором его спрашивают, чисто политического характера... г. Дейер остановил его, допросил свидетеля слушателя Петровской академии Мухортова о башлыке его, найденном на месте убийства, и затем приказал секретарю читать документы из дела об убийстве Иванова, как-то: осмотры местности и трупа, отзыв медицинской конторы и показания осужденных уже по этому делу Успенского, Кузнецова, Прыжова и Николаева³, а также и других лиц. Во время этих чтений и вообще в течение заседания Нечаев сидел большею частию задом к судейскому столу, облакачивался, принимал разные небрежные позы, подбоченивался, крутил усы, пощипывал свою бородку и всячески старался выказывать наглость и презрение. Когда же после обвинительной речи прокурора суда г. Жукова председатель спросил Нечаева, не может ли он сказать что-нибудь в свою защиту, то Нечаев ответил: "Считаю для себя унижительным отвечать на подобную речь; я уже сказал в Петербурге графу Левашеву, что у меня могут отнять жизнь, но честь никогда" — и при этом ударил себя в грудь».

«После этого председатель обратился к присяжным заседателям с разъяснением всех обстоятельств дела и когда, перейдя к правам присяжных по произнесению приговора, упомянул о высочайшем манифесте, при котором изданы судебные уставы 1864 года, и привел слова манифеста "да милость царствует в суде", то Нечаев произнес было: "а меня обвиняют без..."*, но председатель не дал ему окончить фразы; по окончании же речи председателя Нечаев выразился: "а здесь Шемякин суд", но был удален».

«После этого присяжные заседатели удалились для совещания и чрез несколько минут вынесли обвинительный приговор, который тут же был объявлен введенному в залу суда Нечаеву, и затем председатель, согласно заключению прокурора, прочитал приговор суда в окончательной форме о том, что Нечаев присужден к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы на 20 лет, по прошествии которых — на вечное житье в Сибири. Выслушав этот приговор, Нечаев

*Нечаев произнес не эти слова, а другие: "А меня бил жандармский офицер". В дальнейшем станет понятным такое извращение действительности.

закричал: "Да здравствует Земский собор, долой деспотизм!", и был выведен из суда, сопровождаемый смехом публики.

"Заседание окончилось в 5 часов пополудни".

Рассказ генерала Слезкина был бы совсем точен, если бы в нем было упомянуто о том, что при первом удалении из зала заседания Нечаев был избит жандармами под руководством и с рукоприкладством поручика Потулова. Нечаев на суде вернул реплику о побоях как раз во время напутственного слова председателя, после его обращения к сакраментальной фразе: "Да царствует милость в судах". Перебивая председателя, Нечаев крикнул: "А меня бил жандармский офицер!" После суда Нечаев обратился с заявлением к графу Левашеву и указал на поведение жандармов. Генералу Слезкину, пересылавшему заявление Нечаева, пришлось выкручиваться и дополнительно дать объяснение. Слезкин написал по этому поводу частное письмо управляющему III Отделением А.Ф.Шульцу, а затем оправдывался и в официальном донесении, а майор Ремер написал и от себя частное письмо. Но оправдания Ремера как раз и подтверждают заявление Нечаева, придают ему силу. Ремер весьма безграмотно, но довольно живо изобразил сцену, как тащили Нечаева, упиравшегося с необыкновенной энергией. Это описание дает еще лишний штрих для характеристики неукротимого темперамента Нечаева: «Когда Нечаев выводился, вследствие разных неприличных с его стороны выходок, а именно: когда Нечаев был введен в первый раз в залу заседания и начал неистово кричать и делать выходки самого возмутительного свойства, то публика начала кричать: "вон, вон его", и председатель суда приказал его удалить из залы заседания, то два жандарма, при нем находившиеся, взяли его под руки и повели, но встретили со стороны Нечаева весьма сильное сопротивление, так что должны были употребить силу; по выводу же его в коридор Нечаев бился в руках жандармов, упирался, неистовствовал, кричал, был при этом в сильном раздражении и волнении, так что он от жандарма, державшего его за левую руку, освободился, и тогда при этом находившийся жандармский офицер схватил его обеими руками за руку, но тут Нечаев совершенно вытянул вперед ноги и упорствовал, так что надо было употребить силу, дабы его вести; когда же он был таким образом доведен до залы судебной палаты, где было назначено ему ожидать, то при входе в эту залу в узком проходе между двумя столами Нечаев этим воспользовался, собрал

все свои силы и не хотел идти вперед, так что жандармский офицер и жандарм должны были тащить его силой и посадить на скамью лишь только одним толчком сзади. — Нечаев находился в таком раздражении, что даже черты лица его исказились, и он начал ругать жандармов, называя их будочниками николаевских времен, и, обращаясь к офицеру, крикнул ему: "а ты, палач Мезенцева, вспомнишь меня!" — Тогда я подошел к Нечаеву, велел подать ему воды и старался его успокоить, что мне и удалось, — вот все, что было».

Несомненно, и судившие и нарядившие суд чувствовали известную фальшь, подтасовку в ограничении судебного следствия и потому с особенной охотой подчеркивали неприличие несдержанного поведения Нечаева, несоответствие его дерзкого образа тому представлению о революционере железной воли, которое предшествовало Нечаеву. Консервативная печать — "Московские Ведомости", "Современные Известия"⁴, конечно, только поддерживали такое отношение к Нечаеву. Это надо помнить при чтении статьи в газете Каткова, приводимой нами с целью запечатлеть внешний образ Нечаева, его последнюю маску, с которой он ушел в свое последнее земное убежище — Алексеевский равелин.

"Наступила минута напряженного ожидания. Между приказанием председателя о вводе подсудимого Нечаева и появлением его прошло минут около 10, и это еще более напрягло нервы публики. Наконец, в сопровождении двух жандармов с обнаженными саблями появился подсудимый".

"Вошел он задравши голову и какой-то неестественной, автоматической походкой, точно плохой мелодраматический актер. Был он бледен, как труп, и безобразничал нестерпимо. Он, видимо, был страшно взволнован... Войдя, немедленно, точно торопился, сел на скамью и с вызывающим видом, покручивая усы, подбоченясь, стал взирать на публику".

"Обвиняемому 25 лет, роста он небольшого. Фигурка его пред двумя рослыми и здоровыми жандармами кажется совсем тщедушной. Одет он в люстриновый черный пиджак и брюки, цветом светлее, под пиджаком свежее белье, но под бельем грубая фуфайка. Наружность его не представляет ничего замечательного — такие лица попадаются довольно часто среди франтоватых мещан. Довольно густые, но не длинные каштановые волосы зачесаны назад; узенькие, глубоко провалившиеся глаза, с бегаящими зрачками, тоненькие усики с просветом под носом и подкрученными концами, жиденькая

бородка, расходящаяся по щекам еще более жиденькими баками. И усики и бородка светлее волос на голове. Профиль довольно правильный, но en face⁵ широкий лоб и скуластость делают облик лица квадратным и дают ему вульгарный вид”.

«Не успел председатель обратиться к обвиняемому с обычными первыми вопросами суда, как он, неестественно подняв голос и как-то странно жестикулируя левою рукой, точно отбивая темп, объявил, перебивая председателя, что он не признает за русским судом права судить его. Это заявление он повторял потом не раз, сопровождая его разными неуместными выходками, до того надоевшими публике, что ее, наконец, взорвало, и послышались крики: ”Вон, вон его!” Публика была остановлена строгим замечанием председателя. Это был единственный раз, что председатель позволил себе высить голос и выйти из тона полного спокойствия. Но он несколько раз был принужден приказывать, чтобы подсудимого вывели».

”Во время судебного следствия и чтения показаний неявившихся свидетелей подсудимый сидел молча, аффектируя пренебрежение к суду, повернувшись к нему спиной и прозито е л ь н о взглядываясь в публику. Когда говорил прокурор, он оттенял некоторые особенно не нравившиеся ему места речи то злобною усмешкой, то закусыванием губ, то как-то странно раскачиваясь и вертясь на скамье. Впрочем, по большей части он только покручивал усики и бородку, свертывая ее в косичку, поправляя волосы, или бесшумно барабанил пальцами по решетке; другою рукой, левою, он подпирал закинутую назад голову, обращенную в сторону публики”.

«Когда прокурор кончил свою речь, Нечаев сказал с величайшим эмфазом: ”Русское правительство может лишить меня жизни, но честь останется при мне”, — и он ударил себя в грудь».

3.

10 января утром Нечаев потребовал лист бумаги, чтобы писать графу Левашеву, в полдень попросил дать еще лист, сказав: ”Я расписался”, и вечером передал майору Ремеру письмо с просьбой ”содержания никому не объяснять, а отправить его генералу Слезкину для представления графу”. Письмо любопытное по протестующему тону и по яркому исповеданию революционной веры.

«Граф! когда я сидел в крепости, вы желали получить от

меня объяснение существенной стороны нашего дела для "смягчения моей участи". Именно поэтому я и отказался дать это объяснение. Теперь, когда участь моя уже решена, я счел бы возможным отчасти удовлетворить ваше желание и восстановить факты в их настоящем виде, опровергнув искажения и ошибки, которыми наполнено следствие г. Чемадунова и обвинительный акт г. Половцева. Слова человека, приговоренного к 20-летней каторге, могут иметь надлежащий вес, и никто не в праве сомневаться, что в них скрывается что-либо, кроме желания восстановить истину. Но в настоящем письме я ограничиваюсь тем, что прошу вас обратить внимание на факт, который вряд ли может соответствовать административной системе даже самой нецивилизованной страны. Факт этот следующий: когда в зале суда раздались рукоплескания публики и председатель решил меня удалить, — меня вытащили сперва в коридор, а потом в пустую залу; здесь жандармский караульный офицер начал бить меня сперва руками в спину, а потом ногой... Это дикое поведение г. офицера было тем возмутительней, что я никогда не оказывал ни малейшего сопротивления жандармам и был всегда хладнокровен и вежлив со всеми. Как ни был раздражен подобным поступком, тем не менее я не заявил об этом безобразии на суде, когда снова был введен в залу заседания. Говоря откровенно, меня удержало от этого заявления единственно нежелание бросить слишком невыгодную тень на жандармских офицеров вообще, потому что другие обращались со мной довольно деликатно. Я спросил фамилию палача, он не сказал. Узнать ее, конечно, не трудно, так как этот самый офицер находился в карауле, в Суцевской части, в день приезда моего в Москву, и уже тогда обращался со мной в высшей степени грубо, безобразно, хотя тогда он еще не позволял себе прибегать к кулакам».

«Я не думаю, чтобы какое-либо правительство, как бы оно ни было абсолютно, могло гордиться тем, что имеет своими офицерами рыцарей кулачного права. Я знаю хорошо, что факты, вроде приведенного мною, не составляли исключения лет 5—6 тому назад, при вашем предшественнике г. Мезенцеве, но я полагал, что реформы, произведенные за последние три года, как бы они ни были поверхностны, во всяком случае сделали невозможными кулачное самоуправство. Неужели я ошибся?»

«Граф, если политические соображения заставили прави-

тельство прибегнуть к тому, чтоб взвести на меня, преступника исключительно политического, обвинение в преступлении уголовном, если ваш предшественник г. Мезенцев видел единственную возможность помешать моей деятельности этим ложным обвинением и потому приказал произвести следствие об убиении Иванова отдельно от следствия о заговоре, чтобы иметь возможность требовать моей экстрадиции от иностранных держав, — во всем этом видна, по крайней мере, цель, желание устранить меня как "беспокойную личность". Можно удивляться политическому легкомыслию г. Чемадунова, производившего следствие в продолжение 2-х лет и не сумевшего отличить существенное от внешнего, — можно удивляться бестактности г. Половцева, который в своем обвинении представил нелепый катехизис как образчик убеждений заговорщиков, не обращая внимания на то, что никто из этих заговорщиков не только не был знаком с содержанием катехизиса, но и не мог читать шифр, которым он был напечатан. При всем этом неоспоримо, что если г.г. следователи и г. прокурор не отличались политической дальновидностью, то руководились искренним желанием нанести удар так называемой "революционной гидре", загрязнивши, оклеветавши и уронивши для этого в общественном мнении молодых людей, вздумавших заниматься общественными интересами. Если эта последняя цель не была достигнута, если русское общество не поверило обвинению, а, напротив, с большим уважением отнеслось к жертвам политики, не соответствующей духу времени, — то причиной этому уже, конечно, не недостаток усердия г. г. обвинителей. Итак, как ни предосудительны были приемы, употребленные против меня и моих товарищей, как ни мало они достигли цели, все-таки эта цель у правительства была — это желание парализовать деятельность оппозиционных элементов. Но теперь я уже в ваших руках, лишен возможности продолжать мое дело, осужден за преступление, которого не совершал, приговорен к 20-летней каторге, к высшей мере наказания, возможной по условию с Швейцарией. К чему уже еще бить меня? Зачем это зверское обращение?..»

"Я пишу к вам, граф, и позволяю себе думать, что поведение жандармского офицера не получит вашего одобрения. Я надеюсь, что мне не предстоит в будущем подвергаться ряду подобных оскорблений, которые столь же бесцельны, сколько позорны для самих оскорбителей. Я позволяю себе

по поводу этого факта высказать вам, граф, несколько общих соображений. Участь моя решена или почти решена, — я иду в Сибирь, в словах моих не может быть ничего, кроме правды, которую вам, вероятно, приходится слышать нечасто в вашем высоком положении. Государственный пост, который вы занимаете, дает вам возможность видеть состояние современных дел. Оставляя в стороне мечтателей и приверженцев утопий, нельзя все-таки не сознаться, что Россия теперь — на кануне политического переворота. Всегда и всюду в обществе были сторонники известных передовых стремлений более или менее радикального, разрушительного характера, всегда были мелкие конспирации, ничтожные заговоры, — но все это прежде было лишь результатом брожения немногих умов, а потому могло быть подавлено репрессивными мерами до поры до времени.

Теперь дело стоит иначе: в России уже образовались стремления, присущие целому обществу, — стремления гораздо более определенные, более настоятельные и потому более возможные для осуществления. Подобные стремления составляют не и з б е ж н у ю принадлежность известной степени общественного развития. Как у ребенка, пришедшего в возраст, неизбежно прорезываются зубы, так и у общества, достигнувшего известной степени образованности, неизбежно является потребность политических прав. Правительство, хотя бы оно состояло из гениев, может только немного задержать, затормозить осуществление этих стремлений, и то рискуя при этом быть низвергнуто и самому, но уничтожить политические идеи, пустившие корни в обществе, оно не в силах. Словом, Россия находится на кануне к о н с т и т у ц и о н н о г о переворота. Это ясно для всякого развитого человека, который дает себе труд хотя немного, но внимательно проследить за состоянием умов”.

”Я не буду здесь предрешать вопрос о том, как свершится эта государственная перестройка, — путем ли исключительно революционным, или по инициативе самого правительства, которое решится отказаться от абсолютизма? Может быть, что т о т ж е, кто заявил по поводу крестьянского вопроса, что ”о с в о б о ж д е н и е с в е р х у предпочитает о с в о б о ж д е н и ю с н и з у”, возьмет на себя и инициативу переделки государственного устройства, если во-время успеет убедиться, что против силы возрастающего общественного мнения итти нельзя”.

”Насколько удобоисполнима правительственная инициатива, это здесь разбирать неуместно. Несомненно только то, что, как бы это ни свершилось, это не обойдется без общественных потрясений. Я сын народа! Самая первая и главная цель моя — счастье, благосостояние масс. Зная по опыту жизнь простого класса как в России, так и за границей, я знаю также, что всякое общественное потрясение, какой бы оно исход ни имело, не только вредит интересам высших классов общества, но вместе с тем вначале ложится тяжелым бременем на народ. Если, с одной стороны, Разин и Пугачев отправляли на виселицу дворян в России, а во Франции их отправляли на гильотину, то, с другой стороны, как там, так и здесь массы народа валились под картечью, сжигались селения и пр.; разрушение и истребление — спутники всякого переворота, по крайней мере, из тех, которые нам указывает история, — они с одинаковой силой поражали как высший класс общества, так и толпу. Задача всякого честного правительства состоит в наш бурный век в том, чтобы, при неизбежности общественных волнений, по крайней мере, предотвратить повторение ужасов, подобных тем, которыми сопровождались кровопролитные восстания Разина и Пугачева. А эти ужасы непременно воспоследуют, если не будет положен конец дикому самоуправству и зверским мерам в администрации. Правительство, допуская подобные меры, тем самым кладет семена будущего революционного террора, оно вотрит лезвие на свою голову. Когда политические идеи встречаются отголосок в самых отдаленных закоулках русской земли, тогда рыцари кулачного права могут оказывать своим усердием самую дурную услугу правительству, — они только усиливают озлобление в среде недовольных и возбуждают и без того весьма разгоряченные страсти”.

”Пусть правительство льстит себя надеждой, что еще далеко до бурных дней. Пусть оно изобретает поверхностные реформы и надеется ими усыпить общественное внимание”.

”Общество уже пробудилось и скоро потребует отчета. В России могут быть такие наивные государственные люди, для которых всякое общественное движение представляется результатом конспирации двух или трех десятков агитаторов; могут быть и такие, которые надеются заглушить новые идеи репрессивными мерами, вместо того, чтобы встать под знамя этих идей, руководить обществом по пути прогресса и получать благословения вместо проклятий. Несомненно, что много

еще лиц, в числе заведывающих судьбами великого русского народа, придерживается поговорки Людовика XV: "Après nous le deluge"⁶. Но для всех без исключения должно быть ясно, что всякая репрессия вызывает ожесточение, порождает новых врагов, поэтому бесцельное варварство вредно, нелепо, бессмысленно".

Эмигрант Сергей Нечаев, превращенный г. Мезенцевым из политического в уголовного преступника.

«Еду в Сибирь с твердой уверенностью, что скоро миллионы голосов повторят этот крик: "Да здравствует Земский собор!"».

Сравнивая это заявление Нечаева с аналогичными тюремными исповеданиями революционной веры декабристов, петрашевцев, каракозовцев, необходимо отметить полнейшую независимость тона, отсутствие в какой-либо степени раболепства, свидетельствующего в этих условиях о падении духа, смелый и сильный язык. Чувство собственного достоинства, которым проникнуто заявление Нечаева, выражено в нем без чрезмерных преувеличений и подчеркиваний, отличавших выступление Нечаева на суде. Эта особенность письменного обращения Нечаева к власти бросает свет и на его поведение на суде; явной становится тенденциозность отношения к Нечаеву со стороны прессы и пущенного по билетам в залу суда избранного общества. Этому чувству собственного достоинства Нечаев никогда не изменял, и, несомненно, эта черта его характера действовала на его тюремщиков. Я затрудняюсь указать в жизни революционеров, западных и русских, хоть один пример такой революционной непреклонности и выдержки до конца. Враг существующего порядка, Нечаев не мирился с этим порядком ни в каком положении; мало того, — он кричал о своей непримиримости. Обычно протестовавший до суда революционер на суде как бы смирялся перед церемониальной торжественностью последней жизненной трагедии; со спокойным мужеством встречал (или хотел бы встретить) самый тяжкий приговор, но, отрицая за судом право, редкий революционер заявлял об этом на суде, а если и заявлял, то делал это в большинстве случаев в приемлемых для общественного приличия формах, а не с назойливой настойчивостью Нечаева. Выслушав приговор, революционер, уступая железной неизбежности кары, запасался обычно величайшим терпением. Примеры протеста были (процесс 193-х)⁷, но, повторяю, по длительности, непримиримости революцион-

ный протест Нечаева был единственным. Если о поведении Нечаева на суде мы могли судить по опубликованному в свое время стенографическому отчету, то о дальнейшем его поведении мы не знали ровным счетом ничего, и все, что мы рассказываем дальше, впервые становится известным русскому читателю.

4.

После судебного следствия должна была быть совершена еще одна формальность, тягостная и беспокойная для начальства, — Нечаева надо было предать гражданской казни*. Тайно этого сделать было нельзя, следовательно, приходилось опасаться демонстраций со стороны самого Нечаева и зрителей. Избранное-то общество в судебном заседании кричало "вон", а что будет кричать народ в ответ на возгласы Нечаева? Генерала Слезкина сильно беспокоил обряд торговой казни, и он изложил свои сомнения перед III Отделением:

"Судебный приговор над преступником Нечаевым должен быть исполнен по вступлении его в законную силу, на основании 963 ст. уст. угол. суд. с соблюдением изложенного в этой статье порядка, т. е. позорного поезда с осужденным на площадь, где прочтется ему приговор суда и преступник должен простоять у позорного столба 10 минут. Чтобы устранить большие сборища народа при проследовании преступника Нечаева на место объявления судебного приговора на возвышенных черных дрогах, хотя прокурорский надзор и предполагает сделать публикацию об исполнении сказанного приговора в самый день исполнения его, но мера эта, по мнению моему, не может устранить сборищ народа".

«Вообще, появление на улице позорного поезда с преступником и следование его почти чрез всю Москву, по самым людным улицам, как известно, и без предварительной публикации привлекает толпу народа, которая при проезде Нечаева и словах в толпе: "везут преступника Нечаева" может собрать целую массу народа».

«Преступник Нечаев, рассчитывая на сочувствие к нему и его идеям публики, позволил делать весьма дерзкие и преступные выходки во время заседания суда, и нет никакого сомнения, что Нечаев, как пропитанный мыслью, "что Россия

*Об "обряде публичной казни" — любопытные подробности в книге Н.В.Муравьева: "Из прошлой деятельности", Спб., 1910, т. I, стр. 1—58.

теперь накануне политического переворота", будет кричать и обращаться с разными выходками к народу. При громадном же собрании сего последнего, преимущественно из простого класса, выходки Нечаева могут вызвать особое озлобление к нему, а затем и тот беспорядок, который едва ли может быть прекращен обыкновенными мерами».

"О вышеизложенном считаю долгом донести Вашему Превосходительству в тех видах, что не будет ли признано возможным испросить высочайшего соизволения на объявление преступнику Нечаеву судебного приговора каким-либо другим порядком".

Но III Отделение не вняло мольбе генерала Слезкина и решило поступить по закону и торговую казнь совершить, но оно решило в то же время, что это публичное выступление Нечаева будет последним, а затем Нечаев должен быть восхищен от зрения зрителей, подобно Елисею-пророку от очей учеников. III Отделение разработало, дoloжило царю и получило его одобрение на следующий подробный план дальнейших действий в деле Нечаева.

"Относительно исполнения приговора московского окружного суда над Сергеем Нечаевым и дальнейшего поступления с этим преступником предполагается следующее:

I. Исполнение приговора, или торговая казнь.

Приговор суда обратить к исполнению в один из ближайших дней по вошествии оного в законную силу. Ввиду большого расстояния от Сушевского съезжего дома, где содержится Нечаев, до места исполнения приговора, — Конной площади⁸, перевести его вечером, накануне дня казни, в ближайший к означенному месту Серпуховский съезжий дом, где учредить жандармский караул.

На рассвете, в восьмом часу утра, вывезти Нечаева, установленным в законе порядком, на площадь, до которой переезд может продолжаться около четверти часа. При конвое, который будет сопровождать дроги, находиться трем барабанщикам и бить поход до приезда дрог с преступником на середину площади, где, вокруг эшафота, расставить заблаговременно обширное карре, оцепленное конвоем и усиленным нарядом от городской полиции и жандармского дивизиона.

Вышеизложенные наружные меры совершенно согласны с общепринятыми в подобных случаях. Во внутреннем же дворе здания Серпуховской части находится полуэскадрону жандармов.

Опубликование в газетах времени совершения казни последует в то же утро.

II. Дальнейшие распоряжения.

После обряда казни повезти Нечаева обратно в Сущевский съезжий дом не городом, а вдоль Камер-Коллежского вала, в закрытой четырехместной карете, в которой с ним находится одному офицеру и двум жандармам.

Дабы не подать повода к толкам о неточном исполнении приговора и ввиду того, что в настоящее время каторжники вообще отправляются в три пункта, а именно: в Илецкую защиту, Харьков и Вильну, где существуют каторжные тюрьмы, то отправить Нечаева под жандармским конвоем из Москвы по направлению к Вильне, в арестантском вагоне при курьерском поезде до Динабурга, где вагон этот отцепить и ему ожидать курьерского поезда, следующего из-за границы. Этот последний поезд захватит упомянутый вагон и доставит его до Царского Села, и оттуда Нечаев в приготовленном заранее экипаже будет препровожден в С.-Петербургскую крепость?

Этот план действий начальник III Отделения сообщил совершенно конфиденциально (20 января, № 141) московскому генерал-губернатору князю В.А.Долгорукову. "Хотя законом установленная обрядность должна быть в точности соблюдена, но дерзкое поведение этого преступника во время судебного процесса требует, чтобы исполнение приговора было обставлено мерами, которые предотвратили бы возможность каких-либо обращений Нечаева к толпе с неуместными возгласами и выходками и в то же время не придали бы ему в глазах зрителей преувеличенного значения", — писал граф Шувалов. Изложив известный нам план, граф Шувалов совершенно конфиденциально обманул князя Долгорукова, сообщив ему, что затем Нечаев будет подлежать отправлению, под жандармским конвоем, в каторжную тюрьму в Вильне. Это была ложь в официальном документе, но таковы условия официальной конспирации.

Власти были правы в своих предположениях. Нечаев остался верен раз усвоенной манере поведения и продолжил дело революционного протеста. История приведения в исполнение приговора обстоятельно изложена в совершенно конфиденциальном письме московского генерал-губернатора графу П.А.Шувалову.

Эта страница жизни Нечаева становится нам известной только из этого письма.

“Вследствие отношения прокурора московского окружного суда, за № 6, о приготовлении всего необходимого для исполнения торговой казни над преступником Сергеем Нечаевым и о назначении для этого дня, 23 января был на основании ст. 93 уст. уголов. судопр. приглашен в Сушевский съезжий дом, где содержался Нечаев, священник тюремного замка для приготовления его к исповеди и св. причащению, но Нечаев отказался от принятия священника, сказав, что он считает это совершенно лишним, и выразил сожаление частному приставу, что он обязан был исполнить это предложение”.

“24 января, в 11 часов вечера, преступник Нечаев перевезен из Сушевского в Серпуховский съезжий дом, в карете, в сопровождении сидевших с ним жандармов, майора Ремера, поручика Попова и одного унтер-офицера. Нечаев был покоен, по улицам провоз его никем замечен не был. В Серпуховском съезде доме он был помещен в отдельной камере за жандармским караулом”.

«Сегодня же, 25 января, в 8 часу утра, по прибытии в Серпуховский съезжий дом конвоя и всех лиц, назначенных для публичного объявления приговора преступнику Нечаеву, он был выведен из камеры во двор съезжего дома в арестантской одежде и, взойдя очень бодро на стоявшую у дверей позорную колесницу, сел на скамейку, подпершись в бок руками, и начал осматриваться кругом с таким же нахальством, как делал это на суде. Когда же палач приступил к привязыванию рук его к колеснице, то он закричал, обращаясь к присутствовавшим: “Когда вас повезут на гильотину, то и вас будут вязать ремнями. Я иду в Сибирь и твердо уверен, что миллионы людей сочувствуют мне. Долой царя, долой деспотизм! Да здравствует свобода! Меня, политического преступника, сделали простым убийцею! Позор новому русскому суду; это не суд, а шуллерство!” Дальнейшие слова его были заглушены барабанным боем, при котором колесница двинулась на улицу. Во всю дорогу Нечаев кричал изо всех сил, говоря о деспотизме и о свободе русского народа и присовокупляя: “Долой царя, он пьет нашу кровь!”; но слова его были слышны не все, так как во всю дорогу продолжался барабанный бой».

«По прибытии на Конную площадь, Нечаев отказался выслушать напутствие священника и при входе на эшафот закричал: “Тут будет скоро гильотина, тут сложат головы те, которые привезли меня сюда! Небось, сердца бьются; подо-

ждите два, три года, все попадете сюда!" Когда же он был привязан к позорному столбу, то во все время кричал из всех сил, оборачиваясь в стороны: "Долой царя! Да здравствует свобода! Да здравствует вольный русский народ!"»

«По окончании обряда казни Нечаев молча сошел с эшафота, но, садясь в приготовленную для него карету, закричал кучеру: "Пошел!" Затем, в сопровождении севших с ним жандармских офицеров, тотчас же отправлен в Сущевский съезжий дом»

"На улицах, во время следования колесницы, и на Конной площади было народу немного, и тот находился от эшафота в значительном расстоянии".

"Уведомляя о вышеизложенном, имею честь присовокупить, что в исполнение высочайшей воли, сообщенной мне вашим сиятельством в отношении от 18 сего января, за № 141, при следовании Нечаева на торговую казнь и при самом совершении ее были приняты все предположенные меры предосторожности. Я сам в отдалении присутствовал при совершении этой казни, дабы наблюсти лично, какое впечатление произведет она на народ. Я твердо был уверен, что Нечаев не возбудит в народе никакого к себе сочувствия, напротив, мог опасаться, чтобы общее негодование против него не послужило поводом к каким-либо беспорядкам, в которых могло бы выразиться это негодование, но порядок нигде не был нарушен, хотя дерзкие выходки Нечаева возбудили в присутствовавшем народе общее негодование к преступнику, при чем многие высказывали сожаление, что ему не предстояло более строгого наказания"*.

Конечно, еще до получения письма кн. Долгорукова III Отделение известилось о совершении обряда из краткой телеграммы кн. Долгорукова, отправленной 25 января, и из подробной, на 150 слов, шифрованной телеграммы генерала Слезкина, посланной 26 января. Разбор последней был доложен Александру II. Прочитав ее, царь положил резолюцию: "После этого мы имели полное право предать его вновь уголовному суду как политического преступника, но полагаю, что пользы от этого было бы мало и возбудило бы

*Протокол исполнения обряда публичной казни над Нечаевым, подписанный товарищем прокурора и помощником секретаря, опубликован в "Красном архиве", т. 1⁹, стр. 280—281.

только страсти, и потому осторожнее заключить его **на всегда в крепость**”*

Резолюция царя свидетельствует о том, что и он сознавал некоторую нелепость комедии якобы уголовного суда, если чувствовал необходимость в каком-то новом суде, на какой русское правительство было бы вправе. Но нельзя не отметить низкой ступени развития чувства законности в русском монархе. Нечаев был присужден как уголовный преступник к **каторжным работам** и, следовательно, должен был быть обращен в обычную уголовную каторгу. Вместо каторги, отбываемой в общей тюрьме, Нечаева отправили в **строжайшее одиночное заключение**. Нечаев был осужден к **срочному наказанию** — 20-летней каторге, которая на практике сводилась приблизительно к 12—14 годам тюремного общего заключения; вместо этого царь полагает осторожнее заключить его **навсегда в крепость**.

Перевод Нечаева из Москвы в Петербург был совершен с крайними предосторожностями и в величайшем секрете. III Отделение было в беспокойстве и все время по телеграфу инструктировало и наводило справки. 25 января граф П.А.Шувалов телеграфировал Слезкину: “Повторите Ремеру и прочим о неусыпном надзоре за Нечаевым в пути, будет сопротивляться или кричать, разрешаю связать”. По утвержденному графом Шуваловым проекту Слезкина, Нечаев должен был быть отправлен в отдельном арестантском вагоне по Смоленской жел. дороге на Смоленск, отсюда почтовым поездом в Витебск, из Витебска с пассажирским в Динабург (Двинск) и из Динабурга с почтовым в Царское Село. Вагон с Нечаевым должен был быть прицеплен к поезду вне Москвы. 26 января в 8 ч. 5 м. утра Ремер с Нечаевым выехали из Москвы. Из Смоленска Ремер телеграфировал в ночь на 27-е: “Прибыл благополучно. Поезд опоздал на два часа, поэтому ночью, далее поеду 8 ч. 45 м. утра, дано знать всюду”. Управляющий III Отделением А.Ф.Шульц надписал на телеграмме: “Увидим, что будет далее; на всякий случай я предупредил коменданта крепости, что Нечаева привезут, быть может, ночью”. 27 января в 1 ч. 30 м. Ремер телеграфировал из Витебска, что он выедет оттуда в 3 ч. 50 м. пополудни. “Теперь есть надежда, что Ремер приедет в определенное вре-

*Слово “навсегда” подчеркнуто царем.

мя в Царское Село", — написал Шульц. 28 января Ремер телеграфировал: "Прибыл благополучно Динабург, откуда выеду сегодня ночью". Из Динабурга вместе с Нечаевым выехал местный жандармский полковник Жидков, который 28-го телеграфировал: "Нечаев привезен с вечерним поездом. Привезу его в Царское в воскресенье половина восьмого вечера".

При чтении этих депеш моментами начинает казаться, что императора не ждали с таким напряженным нетерпением, с каким Нечаева ожидало III Отделение.

27 января доверенный чиновник III Отделения Филиппеус подготовил коменданта "совершенно секретным" письмом: "Милостивый государь, Николай Дмитриевич. Ввиду существующего, кажется, общего распоряжения, что после девяти часов вечера ворота крепости запираются, долгом считаю покорнейше просить ваше высокопревосходительство отдать приказание, чтобы завтра вечером меня впустили в крепость чрез Невские ворота. Я приеду около 10 часов, и несколько минут после моего приезда чрез те же ворота доставят известного арестанта". После подписи следовала приписка по-французски: "Офицер, который вручит это письмо, не посвящен в секрет".

Наконец, тревоге III Отделения пришел конец. 28 января в 9 3/4 часов вечера Сергей Нечаев был доставлен в крепость вместе с предписанием III Отделения (от 26 янв. № 209, по высочайшему повелению), принят комендантом и заключен в каземат № 5. Алексеевского рavelина. Об этом радостном для правительства событии комендант, следуя обычаю, рапортовал в тот же день царю (№ 20) и начальнику III Отделения (№ 21).

5.

В то время, когда Нечаев начинал новый период своей жизни в Алексеевском рavelине, комендантом Петропавловской крепости был генерал от кавалерии Николай Дмитриевич Корсаков, старик 74 лет от роду (умер 1 мая 1876 года), а смотрителем рavelина был корпуса жандармов майор Игнатий Михайлович Пруссак. Ему было за 50, и в должности он состоял недолго, с 1871 года (умер 19 апреля 1873 года). А под его началом несли караульную службу солдаты из местной инвалидной команды. В момент заключения Нечаева в рavelине находился только один заключенный — "таинст-

венный узник" равелина, несчастный Бейдеман, сидевший в номере 15 равелина.

Комендант, конечно, был предварен, да и сам мог догадаться, что к Нечаеву как преступнику совершенно выдающемуся должны быть применены меры самого тщательного надзора. Случай был исключительный, небывалый еще в практике равелина, и комендант счел нужным обратиться с нарочитым наставлением к смотрителю Алексеевского равелина майору Пруссаку — и преподать ему следующую инструкцию, конечно, совершенно секретную:

"Заключенного вчера по высочайшему повелению в Алексеевский равелин, лишенного всех прав состояния, бы в шего мещанина города Шуи, Сергея Нечаева* предписываю содержать в отдельном каземате под № 5, под самым бдительным надзором и строжайшею тайною, отнюдь не называя его по фамилии, а просто номером каземата, в котором он содержится, и расходовать на продовольствие его по 50 коп. в день".

"При чем в дополнение к имеющимся у вас правилам относительно наблюдения за заключенными в равелине считаю долгом подтвердить к точному и неупустительному исполнению:

1. Ключи от номеров арестованных хранить лично при себе.
2. Вход к арестованным утром для уборки, подачи чая, обеда, ужина и во всех других случаях производить не иначе как в своем личном присутствии.
3. Посещая арестованных, каждый раз обращать особенное внимание на окна, железные решетки, полы и печи и на прочность замка у дверей.
4. При каждом номере, в котором содержатся арестованные, иметь отдельные посты и, кроме того, к окну последнего доставленного преступника ставить с наружной стороны на ночь часового.
5. Заключенного вчера преступника ни в сад, ни в баню без личного моего приказа не выводить.
6. Стрижку, в случае надобности, волос производить также с личного моего разрешения в вашем присутствии и непременно одним из людей равелинной команды.
7. Обратит строгое внимание на нравственность и увольне-

*Набранные разрядкой слова в подлинном предписании тщательно зачеркнуты.

ние со двора нижних чинов, отпуская их не иначе как с соблюдением указанного в инструкции порядка”.

”Что же касается лично вас, то я убежден, что, сознавая всю важность занимаемого места и то особенное к вам доверие, вы, конечно, не позволите себе не только выхода без разрешения моего из крепости, но и отлучек из самого рavelина, исключая служебных случаев”.

Инструкция была затребована в III Отделение и по просмотре не встретила возражений.

Но в тот порядок содержания заключенных в рavelине, который определялся этой инструкцией, были внесены изменения введением нового института окарауливания. Появление столь прославленного революционера в Алексеевском рavelине заставило власти насторожиться и подтянуться. Тот надзор, который был установлен для рavelина и осуществлялся часовыми из местной команды, отряженной в рavelин, под непосредственным наблюдением смотрителя и его помощника, показался высшему начальству недостаточным, и оно ввело новое звено в ту цепь, которая сковывала заключенного: учредило в рavelине институт т.н. присяжных унтер-офицеров. Они были подчинены смотрителю, но им принадлежал прямой и неуклонный надзор и за арестованными, и за теми, кто их караулит, т.е. часовыми, — в сущности, они наблюдали и за смотрителем*.

Присяжные несли суточное дежурство. Дежурный унтер-офицер должен был неотлучно находиться в рavelине и помещаться в одной из комнат, в сущности, в камере рavelина; подежурный должен был выходить с арестованными на прогулку и в баню, а остальное время неотлучно пребывать в помещении для команды, находившемся при рavelине, и быть наготове заменить дежурного в случае его болезни. Присяжный обязан был смотреть за часовыми и за дневальными, наблюдать чистоту и порядок в доме; следить за действиями арестованных ”с большой осторожностью и незаметным для них образом чрез стекла, устроенные в дверях арестантских помещений”. Присяжному строжайше запрещено было входить в разговор с арестованными и принимать от них какие-либо заявления. Ключи от камер были у смотри-

*Для Петропавловской крепости наблюдательная команда за внутренним порядком в арестантских помещениях крепости, состоявшая из 12 присяжных унтер-офицеров, была учреждена по высочайшему повелению 23 февраля 1870 года.

теля, и без смотрителя двери камер не открывались. Инструкция рекомендовала вообще не открывать камеры более трех раз в сутки: утром для уборки, днем для обеда и вечером для вечернего чая. Все эти операции производились в присутствии смотрителя; вывод заключенного на прогулку в садили в баню производился самим смотрителем при дежурном присяжном. Если в камеру входил кто-либо из лиц, имеющих на то право (шеф жандармов, комендант, доктор, священник), то, кроме смотрителя, их должен был сопровождать и присяжный и оставаться в камере; только получив специальное приказание смотрителя, он мог оставить арестованного и ждать окончания визита за дверью. Вот вкратце обязанности присяжных унтер-офицеров по специально составленной для них инструкции.

Для осуществления жандармского надзора были назначены в марте 1873 года унтер-офицеры: Захар Федоров, Афанасий Мартынов, Александр Александров, Николай Исаков. Последние два прослужили в равелине вплоть до катастрофы, которая разрушила равелин и сломала их личную жизнь.

Для того, чтобы общий очерк условий заключения вышел полным и картина жизни в равелине законченной, к той характеристике уклада заключения, которую дает только что приведенная инструкция, остается добавить немного.

На заключение в равелине и на освобождение из равелина требовалось специальное высочайшее разрешение. Сношения заключенного с внешним миром обрывались, лишь только он переступал мост, отделявший равелин от остальных помещений крепости. Заключенный должен был забыть, что за стенами равелина у него оставались друзья, родные. Лишь в исключительных случаях, вызывавшихся нарочитыми соображениями, давались свидания и дозволялась переписка — всякий раз с высочайшего разрешения. Самое употребление письменных принадлежностей позволялось в силу особого разрешения; как правило, они не допускались в камере. Чтение тоже должно было быть разрешено, но для удовлетворения этой потребности существовала библиотека равелина, в которой держались преимущественно книги духовно-нравственного содержания¹⁰. Правда, давались книги и из библиотеки Трубецкого бастиона, но это делалось не всегда, да и там библиотека долгое время не пополнялась. Вход в камеры равелина, помимо служащих в самом равелине, был дозволен шефу жандармов, коменданту, врачу и священнику; последним двум — "в крайнем случае, с личного приказа коменданта".

Первый обряд по заключению в рavelин — сдача казенных вещей, которые были на Нечаеве, и прием от него собственных — был выполнен на другой же день. Собственных вещей было немного: шапка теплая с бобровым околышем, шляпа летняя поярковая, пальто черного сукна, пиджак, полусапожки, брюки драповые, жилет, рубаха, подштанники, пара запонок к рубашке медных. На описи вещам собственноручная запись Нечаева: "Читал и нашел верным. № 5".

Казенные вещи, снятые с Нечаева, были препровождены в III Отделение при рапорте коменданта. На рапорте пометка: "Уведомить о получении, но вещи передать покуда в денежную кладовую для хранения, не обнаруживая, чьи они". Очевидно, начальство III Отделения хотело сохранить пребывание Нечаева в крепости в секрете даже от своих чиновников*. Когда был прислан первый, по заключении Нечаева, отчет о денежном расходе по рavelину, то отдано было приказание не передавать ведомость, по заведенному порядку, в дело-производство, ведавшее приходом и расходом, так как на ведомости значилось вместо одного (Бейдемана) два заключенных, и легко было догадаться, кто второй. С этого момента все бумаги по рavelину хранились особо секретно непосредственно у управляющего III Отделением.

Граф П.А.Шувалов решил на экстраординарную меру, очень огорчившую коменданта крепости. Он потребовал, чтобы подчиненный коменданту смотритель рavelина майор Пруссак сделал ему личный доклад о положении Нечаева в ближайшую пятницу и затем еженедельно по пятницам утром представлял ему через управляющего III Отделением донесения о состоянии Нечаева. Комендант крепости был крайне встревожен и обижен таким обращением к майору Пруссаку помимо него и имел объяснения с управляющим Отделением. От имени графа П.А.Шувалова было написано ему письмо, золотившее пиллюлю. Кроме того, комендант был приглашен к графу Шувалову и для личных изъяснений 8 февраля в 4 1/2 часа дня. В результате объяснений еженедельные записки представлялись не прямо смотрителем, а комендантом**.

*Впоследствии, 27 апреля, вещи были возвращены коменданту.

**Часть записок сохранилась и в оригиналах смотрителя, и в воспроизведениях канцелярии коменданта. По большей части комендант

Такие еженедельные бюллетени о здоровье и времяпровождении Нечаева представлялись в течение длинного ряда лет; А.Ф.Шульц, покидая должность управляющего III Отделением, обратился 16 ноября 1876 года с письмом к коменданту крепости барону Е.И.Майделю, в котором просил его "известные письма, которые он в продолжение стольких лет адресовал на имя его, Шульца, совершенно секретно и в собственные руки, посылать впредь на имя товарища шефа жандармов свиты е. в. ген.-майора П.А.Черевина".

В архивных делах сохранилось незначительное количество этих записок; быть может, со временем, с приведением к концу разбора всех разрозненных бумаг и дел архива департамента полиции найдутся и остальные записки. Но и сохранившихся бюллетеней достаточно для того, чтобы оценить и совершенную исключительность отношения русского правительства к Нечаеву и своеобразный высокий интерес этих документов для воссоздания жизни Нечаева в рavelине. Мы не можем вспомнить из истории, русской и западной, аналогичного примера столь хронической мемуарной деятельности тюремщиков.

Нельзя сказать, что все эти меры принимались исключительно в целях предупреждения побега. За целостность Нечаева ручались крепкие стены, двойные — крепости и равелина, — и начальство могло быть спокойно: отсюда еще никто не убежал. В осторожности начальства было много внимательности, быть может, даже с оттенком некоторой боязливости: что же, Нечаев человек отчаянный и на все может решиться! Но чем диктовалось внимание предупредительное, отношение снисходительное, необычное в строе равелинной жизни? Казалось бы, начальство бросило Нечаева в каземат, крепко заперло... чего же больше? Враг раздавлен: о нем можно было бы и забыть! Ведь был же забыт Бейдеман, который и равняться не мог с Нечаевым в ранге активного революционера. Нет, начальство — от смотрителя до шефа жандармов и царя — носилось с Нечаевым, по пятницам имело удовольствие читать бюллетени о его здоровье, заботилось о его чтении, приобретало ему книги, проявляло даже некоторую ревность друг к другу, как было в рассказанном случае обиды коменданта. Объяснения такого отношения могут быть даны только в плоскости построений психологических.

воспроизводил рапорты смотрителя буквально или, изменяя немного текст, обычно смягчал его.

Правительство употребило все силы к тому, чтобы дискредитировать личность Нечаева, представить его человеком ничтожным, бездарным, беспринципным, безнравственным, но про себя оно так не думало; по крайней мере, не думали так, не могли думать так те высшие представители власти, которые приходили в непосредственное соприкосновение с Нечаевым. В боязливом и почтительном изумлении они должны были убедиться в том, что вера Нечаева в свой революционный идеал была безгранична и непоколебима, исключительна до фанатизма. Люди III Отделения не верили в православного бога так, как Нечаев верил в русскую революцию: в частности, в судебном своем деле он верил в свою правоту — и эта его вера свосей глубиной, громадностью и непреложностью смущала его следователей, судей, высоких тюремщиков — что бы они там ни декламировали о Нечаеве и как бы ни старались от самих себя скрыть такое воздействие фанатической личности, — смущала до такой степени, что они теряли при обращении с Нечаевым свой обычный тон, свою манеру. Правительство в лице III Отделения хотело бы только уничтожить Нечаева и не решалось сделать это сразу и окончательно, хотело бы только забыть о нем и боялось отдаться забвению, хотело бы все свои чувства к нему заключить в одном — чувстве презрения, и не могло. В отношениях III Отделения к Нечаеву не было спокойствия и выдержки; на протяжении его заточения оно не раз нервничало: уж не заражалось ли оно нервностью Нечаева? От послаблений режима начальство с каким-то сладострастием переходило к ожесточению, к мучительству. Осудив Нечаева, бросив его в крепкие и верные казематы рavelина, одержав победу, правительство должно бы успокоиться и выйти из состояния войны с Нечаевым, но мы можем с полной определенностью утверждать, что оно не прекратило войны и продолжало вести ее с Нечаевым, заточенным, заключенным, и вело ее до самой смерти Нечаева. В безмолвной тишине рavelина шла самая подлинная война. Враг был захвачен, связан, но не был побежден, ибо не было в нем тени раскаяния, не было атома признания власти победителя, ни в малейшей доле он не поступился своими убеждениями. III Отделение набило руку, работая над живым материалом, над душой и совестью человека; оно считало свою работу конченной не тогда, когда открывало корни и нити, а тогда, когда приводило к раскаянию, к душевному ослаблению своих пленников, пусть только временному, на время

следствия, заключения. Сколько их прошло, начиная с декабристов, молодых, пылких, убежденных, и сколько из них, попадая в неволю III Отделения, испытывало чувство унижения своего Я, несло какой-то ущерб своей цельной духовной личности, выходило с каким-то моральным изъяном. Нечаев не изменил своей революционной цельности, и эта непреклонность не могла не раздражать, не волновать специалистов по психологии из III Отделения, не вызывать и не питать стремления сломить этого упорного человека. Положение Нечаева было иное: он не считал себя побежденным, ибо так же блистательно, как и на свободе, светило ему солнце грядущей русской революции, и он был готов вести войну в твердой надежде, что победа будет за ним. Этой войной была заполнена вся его жизнь в равелине.

7.

9 февраля смотритель равелина представил первое донесение следующего содержания:

”Арестованный в доме Алексеевского равелина под № 5 с 2 по 9 февраля вел себя покойно и был вежлив. Встает утром постоянно с 7 и ложится спать вечером около 1/2 10-го час., кроме 2 февраля, в которое утром встал 3/4 8-го и лег спать в 1 1/2 час. ночи. Спит вообще хорошо”.

”В продолжение всего времени днем читает ”Военный Сборник” 1869 г., часто ходит по комнате и редко ложится на кровать; в последнее время более стал приветлив, лицом веселее и начал смотреть в глаза, тогда как прежде избегал встреч, отвечал отрывисто, резким тоном, с опущенными глазами и понуренной головой”.

«Кроме изложенного, 4 февраля утром обратился к смотрителю Алексеевского равелина с просьбой дать ему клочок бумаги, чернил и перо для написания каталога книг, которые, как выразился, желал бы прочитать, а после обеда объявил: ”Я не так утром передал мое желание насчет книг: так как я участвовал прежде в разных изданиях и привык к умственному труду, то прошу испросить позволение снабдить меня нужными книгами с французско-немецко-русским словарем, а равно бумагой, чернилами и пером для литературных занятий; я очень хорошо понимаю свое положение, может быть, я здесь и жизнь кончу, но все-таки хотелось бы не оставаться без всякого дела; согласитесь, рассудок потерять надобно;

будьте добры, попросите коменданта, я уверен, что и III Отделение в этом мне не откажет».

«6 февраля, когда был подан обед, снова повторил вышеупомянутую просьбу, дополнив: "Я очень доволен и сознаю, что я не в Турции, а в России, уверяю, что ничего либерально-го писать не желаю, а хочу заняться чем-либо историческим, потому и прошу материала, иначе с ума сойдешь"».

Следующий бюллетень за неделю с 9 по 16 февраля не сообщил ничего нового о жизни Нечаева:

«Арестованный в доме Алексеевского равелина под № 5 с 9 по 16 февраля вел себя покойно и вообще вежлив. Регулярно вечером ложится спать в 10 и утром встает в 7 часов, ночи спит хорошо и здоров. Уборка № производится без изменения прежним порядком. Утром в 8 1/2 часов — чай, в 12 1/2 ч. обед, а в 6 вечера — чай; аппетит всегда особенно хорош. Днем и вечером до сна читает "Военный Сборник" за 1870 год, ходит и редко ложится на кровать, — все благополучно»*.

И первый, и второй бюллетени были доложены царю.

Все просьбы Нечаева были удовлетворены самым предупредительным образом. Граф Шувалов словесно через коменданта разрешил Нечаеву заниматься литературным трудом. В камеру Нечаева были выданы письменные принадлежности, и III Отделение взяло на себя заботы о доставке ему книг.

9 февраля комендант переслал в III Отделение написанный Нечаевым следующий список книг, нужных ему для работы: "Словарь Рейфа (часть немецко-русская), Всеобщая история Вебера (пространное издание), Политическая экономия Джона Стюарта Милля, Статистика Кольба, История XIX столетия Гервинуса, История восемнадцатого века Шлоссера, Русская история Соловьева, *Histoire de la Revolution Française* par Louis Blanc, *Histoire de la Revolution de 1870-71* par Jules Claretie"¹¹.

Прошла неделя, никакого движения по делу Нечаева не было, и комендант счел нужным обратиться к управляющему III Отделением А.Ф.Шульцу с новым побуждением: "Милостивый Государь, Александр Францевич. Вследствие словесного разрешения его сиятельства графа Петра Андреевича на дозволение известному арестанту заниматься литературным трудом, я при отношении от 9 февраля за № 35 препроводил к ва-

*Мы привели бюллетень в редакции майора Пруссак; в изложении коменданта он вышел короче.

шему превосходительству каталог книг, которыми он просит снабдить его для означенной цели. Не получив на это ни уведомления, ни книг, я имею честь покорнейше просить вас, милостивый государь, не признаете ли возможным поставить меня в известность о том, какое по сему предмету последовало распоряжение со стороны III Отделения, присовокупляя, что если будет разрешено выдать книги, то из числа просимых им имеется в библиотеке равелина 16 томов истории России Сергея Соловьева и 5 томов Истории цивилизации Англии Бокля”.

Граф Шувалов положил резолюцию: ”Известному арестанту могут быть отпущены те книги, которые упоминаются в каталоге, за исключением разве сочинения Louis Blanc, о чем и уведомить ген. от кав. Корсакова”. Но как же быть с книгами, которые были в списке Нечаева и которых не было в библиотеке равелина? На докладной записке с изложением недоумения граф Шувалов написал: ”В случае затруднения мы можем выручить, и в этом смысле может быть написан ответ коменданту”. 20 февраля ”в этом смысле” было написано коменданту, что он может распорядиться купить для Нечаева нужные ему книги с отнесением их стоимости на сумму, отпускаемую на содержание секретных арестантов.

Пока шла переписка о книгах, птичка показала коготки. Пресытись, очевидно, чтением ”Военного Сборника”, Нечаев возвысил свой голос. Произошло первое столкновение, о котором царь и III Отделение осведомились из третьего бюллетеня.

«Арестованный в доме Алексеевского равелина под № 5 с 16 по 23 число сего февраля вел себя покойно, читал ”Военный Сборник” за 1871 год, все благополучно, кроме 19 числа, в первый день поста, когда был подан ему обед постный, на каковой, взглянув, подобно хищному зверю, отозвался дерзким и возвышенным голосом с презрительной улыбкой: ”Что это меня хотят приучать к постам и, пожалуй, говеть? Я не признаю никакого божества, ни постов, — у меня своя религия; прошу вас, дайте мне тарелку супу, кусочек мяса, и я буду доволен” — почему в ту же минуту был остановлен и сделано строжайшее напоминание с тем, если на будущее время позволит себе такой наглый разговор, будет возвышать голос и выражаться дерзко, то к укрощению подобного зачерствелого невежества будут приняты меры. ”Что же касается супу и мяса, ты получишь! Но помни, это последняя снисхо-

дительность", — после чего совершенно молчалив, держит себя воздержаннее и вежлив. 21 вечер постоянно ходил, часто поднимал руки на голову, был задумчив и лег спать только в 1/2 2-го часа пополуночи**.

Инцидент не получил дальнейшего развития. За это время пришли, наконец, книги, и в представленном 9 марта бюллетене содержались известия утешительного характера: «Известный арестант продолжал вести себя покойно и все более и более осваивался с своим положением, до 8 марта занимался чтением журнала "Русский Вестник", а теперь приступил к рассмотрению переданных ему книг для литературного труда. С вчерашнего числа в комнате его находятся чернила, перо и бумага, появлением которых он очень обрадовался и объявил, что будет писать историю государственного права».

"Письменные принадлежности будут оставаться у него в комнате до сумерок, в это время по окончании чая будут отбираемы и вновь вносимы утром, в 9 часов".

Но безоблачность настроения исчезла, лишь только в равелине появился новый элемент: жандармы. Мы уже говорили о том, что до появления Нечаева равелин охранялся постоянной командой из нижних чинов крепостного гарнизона; для вящей уверенности III Отделение в дополнение к ним назначило еще также постоянную команду из жандармских унтер-офицеров. Вспомним то впечатление, которое осталось у Нечаева после столкновения с жандармами на суде в Москве, и мы поймем его настроение, о котором сообщал бюллетень за неделю с 9 по 15 марта:

"Известный арестованный с 9-го марта вел себя спокойно,

* Мы привели бюллетень в редакции майора Пруссакса. В представленном в III Отделение отчете комендант значительно смягчил краски, наложенные простодушным майором. Комендант не хотел, чтобы этот инцидент привлек внимание III Отделения, и потому дал ему следующее изложение: "Нечаев, взглянув на кушанье, с презрительной улыбкой и возвышенным голосом обратился к смотрителю: "Что это значит? Меня хотят приучить к постам и, пожалуй, к говению? Я должен вам сказать, что не признаю никаких религий, у меня своя вера, прошу дать мне тарелку супу и кусочек мяса, и я буду доволен". Затем, после сделанного ему смотрителем замечания быть умеренным в претензиях и выражать свои желания более скромным образом, был подан мясной обед, то он начал извиняться". Таким образом, III Отделение не узнало о манере обращения смотрителя, но зато комендант заключил инцидент извинениями Нечаева, о которых смотритель в своем докладе не сообщал ничего.

был весел и вежлив, 11 же числа, когда утром при уборке комнаты в первый раз вошел к нему дежурный жандармский унтер-офицер, то, видимо, был поражен появлением новой личности”.

”После чего сделался задумчив и раздражителен и стал относиться к смотрителю с недоверием. 13 числа вечером объявил, что чувствует себя не совсем хорошо, почему был приглашен к нему доктор, который, не найдя ничего особенного, предложил поставить горчичник и дать касторового масла. 14 числа ничего не ел и не пил чая, из опасения, что его хотят отравить, при чем выразил настоятельное желание видеть коменданта, объявив, что до тех пор, пока не переговорит с ним, не будет принимать никакой пищи”.

”Вследствие чего 15 марта утром он был посещен комендантом, которого встретил почтительно и, выслушав с полным доверием и покорностью сделанные ему увещания, успокоился и по-прежнему стал принимать пищу и заниматься чтением”.

”Доктор Окель, посещавший его в течение этого времени два раза, признал необходимым выводить его по временам на прогулку, почему он при хорошей погоде будет пользоваться таковою в равелинном саду ежедневно около часа”.

Но посещение и беседа коменданта, очевидно, не успокоили Нечаева, и очень скоро случилось новое столкновение с новым смотрителем, жандармским майором Бобковым*. Из безграмотного донесения сего майора нам не ясны ближайшие поводы к столкновению, но оно было вызвано жизненными интересами Нечаева, ибо в результате он объявил голодовку. Вот что писал Бобков:

”С 28 марта по 4 апреля уборка №, подача чаю, обеда была в обыкновенное время, на прогулку в сад ходили во время хорошей погоды под надлежащим присмотром”.

”Сего 1 апреля при подаче обеда в № 5 арестованному, который от него отказался, при входе же моем в № я его спросил: чего он хочет; он начал меня ругать неприличными словами, схватил стул, бросил его в меня, но дежурный жандармский унтер-офицер не допустил его и получил удар по левой руке, на которой образовалась опухоль, и в это время начал произносить разные слова про государя императора, — что меня оклеветали противу государя императора, будто бы я

*Майор Пруссак в 1873 году умер.

посягал на его жизнь, — меня посадили сюда не для того, чтобы морить с голода, а ожидать конституции, которую обещал государь дать через год, и тогда меня из каземата выпустят”.

”С 1 же по 5 апреля не употребляет никакой пищи и ни чая”.

Сообщая о новом столкновении Нечаева, комендант в своем докладе в III Отделение смягчил опять краски, умолчав, например, о восклицаниях Нечаева по адресу царя, в то же время в объяснение раздражительности комендант сообщил некоторые данные и представил свои извинения.

”Содержащийся в Алексеевском равелине известный преступник, — писал комендант графу Шувалову, — с некоторого времени находится в крайне раздражительном состоянии: он с 1 апреля упорно лишает себя пищи под предлогом недоброкачества и выражает неудовольствие на смотрителя майора Бобкова, обращаясь к нему с бранью и упреками, что его посадили в заточение с исключительною целью уморить голодом, но что в этом ошибутся, так как он скорее сам покончит с собою. При чем он 1 апреля при входе смотрителя в номер бросил в него стулом, но жандармский унтер-офицер успел устранить полет оного. Кроме того, пользуясь дозволением заниматься в номере литературными занятиями, написал записку, наполненную претензиями и преступными выражениями”.

”При посещении моем 4 апреля вместе с доктором Окелем означенного преступника, я нашел его в утомленном состоянии и с полною претензией на грубое обращение с ним смотрителя”.

”Доведя о сем до сведения вашего сиятельства, имею честь доложить, что претензии преступника на неудовлетворительность пищи не заслуживают никакого внимания, так как таковая готовится из самых свежих продуктов в числе 3 разнообразных блюд, так равно нельзя допустить вероятия и в грубом обращении с ним смотрителя, который по характеру своему скорее может быть снисходителен, чем строг”.

И это столкновение не сопровождалось никакими последствиями для Нечаева. Не следует ли приписать этому столкновению временную замену майора Бобкова капитаном Соболевым? Нельзя выяснить, последовало ли улучшение пищи в ответ на заявление Нечаева о ее недоброкачестве.

Главный интерес и главная поддержка Нечаева в его заключении были книги. Борьбу за книги он вел во все время своего пребывания в равелине и настойчиво требовал от комен-

данта и III Отделения удовлетворения своих просьб о книгах. Он прибегал для этого к недозволенным способам обращения с начальством, а именно: на бумаге, выдаваемой ему для литературных работ, Нечаев... о ужас!.. осмеливался писать свои просьбы о книгах. О таком дерзком поступке, с извинениями за его допущение, писал комендант 20 апреля 1873 года: "Содержащийся в Алексеевском равелине арестованный под № 5, воспользовавшись выданною ему по счету бумагою для литературного труда, написал на мое имя прилагаемое у сего заявление о снабжении его дополнительно к искупленным по первой его просьбе еще новыми книгами, которое и передал состоящему в должности смотрителя капитану Соболеву во время утренней уборки комнаты и подачи чая".

"Препровождая означенное заявление на усмотрение вашего превосходительства, имею честь присовокупить, что мною сделано строгое внушение, чтобы он на будущее время отнюдь не позволял себе без разрешения пользоваться бумагою для написания каких бы то ни было заявлений или просьб, предупредив при этом, что в противном случае он будет лишен возможности иметь у себя в нумере письменные принадлежности".

"Незаконное" прошение Нечаева было следующего содержания:

"Г. Коменданту Петропавловской крепости. Генерал! Если сочтено, на основании каких-либо соображений, неудобным доставить мне книгу Луи-Блана "Histoire de la Revolution Francaise", то позвольте просить вас заменить оную следующими сочинениями, допущенными в России:

"Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften" von Robert von Mohl",

"La guerre et la paix" par Proudhon,

"Revue des deux Mondes"¹² за первую половину 1872 года, в книжках которого помещались мои статьи, весьма нужные мне теперь для работы, мною начатой".

«Мне доставлены только 2, 3 и 5-й томы "Истории XIX века" Гервинуса; если остальных нет в русском переводе, то для меня все равно, или еще удобнее иметь их на немецком. Это сочинение озаглавлено в оригинале так: "Geschichte der XIX Jahrhunderts"».

"Позвольте надеяться, генерал, что эта просьба не встретит отказа и я не буду лишен возможности продолжать литературный труд, единственно привязывающий меня к жизни, и до

окончания которого у меня только и хватит сил дотянуть мое существование”.

”У моей сестры должна находиться небольшая библиотека русских и французских книг, оставшихся после меня, когда я отправился в эмиграцию. Так как мне не было дозволено да же и в и д е т ь с я с сестрой, то я не знаю, в целости ли теперь эта библиотека. Неужели окажутся препятствия для того, чтобы навести справки относительно этих книг и доставить их мне, если они целы? Если препятствий нет, то я прошу у вас позволения отправить к сестре маленькую записочку касательно этого предмета”.

”Узник С. Н е ч а е в”.

Отношение коменданта было доложено царю. Граф Шувалов предоставил А.Ф.Шульцу разрешить книги по своему усмотрению. Шульц милостиво нашел возможным допустить все книги, а против просьбы о *”Revue des deux Mondes”* написал: ”Я пришлю свои 12 книжек 1872 года”.

Соответственное разрешение было отправлено коменданту 27 апреля 1873 года. О дозволении написать сестре, конечно, не было и помину.

Бюллетень от 25 мая гласил: ”С содержащимся в Алексеевском равелине под № 5 никаких изменений не произошло, он приступил к чтению доставленных из III Отделения собственной е. и. в. канцелярии французских книг”.

Таково было начало жизни Нечаева в Алексеевском равелине.

8.

Дальше источники становятся скудными. По-видимому, скудость сведений соответствует отсутствию каких-либо осложнений. Нечаев сидел тихо, много читал и много писал.

От 1873 года сохранились еще два известия. 10 мая комендант представил краткий бюллетень: ”Содержащийся в Алексеевском равелине известный арестант по-прежнему сидит спокойно. 16 сего мая, при выставке зимних рам и для освежения занимавшей (sic!) им комнаты он перемещен из 5-го в 7-й номер. ”Этот бюллетень был переправлен за границу, где в это время был царь и начальник III Отделения, и ”доложен его величеству” в Штутгарте.

2 октября угроза наводнения нарушила налаженную жизнь равелина, и комендант доносил главному начальнику III Отделения 3 октября (№ 203): ”Вчера, по случаю возвышения

в р. Неве воды свыше 9 футов и угрожавшей вследствие этого опасности нижним этажам крепостных зданий, содержащиеся в Алексеевском рavelине известные вашему сиятельству два арестанта по распоряжению моему, в 10 часов вечера были переведены, под личным наблюдением смотрителя рavelина майора Бобкова и караула рavelинной команды, каждый порознь, в вновь отстроенное здание Трубецкого бастиона, где они и оставались в отдельных номерах, под личным наблюдением майора Бобкова, людей Алексеевского рavelина и жандармских унтер-офицеров, до 6 часов утра сего 3 октября. Долгом считая донести об этом вашему сиятельству, имею честь присовокупить, что означенное перемещение арестованных из Алексеевского рavelина в арестантское здание Трубецкого бастиона и обратно в рavelин произведено с строжайшею тайною и полным спокойствием”.

От 1874 года сохранилось только одно известие — бюллетень от 19 апреля: ”С содержащимся в Алексеевском рavelине известным арестантом никаких перемен не произошло: от стал вести себя по-прежнему покойно и занимается чтением и письмом”. Этому донесению предшествовал все-таки период, когда известный арестант вел себя беспокойно. Бюллетень был доложен царю.

За 1875 год сохранился тоже только один бюллетень от 18 июля: ”С содержащимся в Алексеевском рavelине известным арестантом никаких перемен не произошло”. Но из поданного в январе 1876 года прошения царю мы знаем, что в июне 1875 года III Отделение пожелало просмотреть бумаги Нечаева и ознакомиться с образом его мнений, и Нечаев изложил свои политические взгляды для представления Александру II. Это изложение до нас не дошло, и о содержании его мы можем судить, во-первых, из отзыва чиновника, разбиравшего бумаги, во-вторых, из сообщений Нечаева народовольцам в той неподлинной и не всегда соответствующей действительности форме, в какой они печатались в ”Вестнике Народной Воли”. По отзыву чиновника, письмо Нечаева ”не есть изложение политических убеждений автора, каким оно выставляется, а изложение ближайших политических целей, которые автор преследовал, и в сем последнем смысле оно довольно искренне”. По сообщению же, появившемуся в ”Вестнике Народной Воли” в июне 1875 года, комендант ”просил Нечаева от имени правительства изложить свой образ мыслей и взгляд на положение русских дел вообще. Нечаев в ответ

написал большое письмо царю Александру II, где, указав на главные язвы политического и социального строя России, назвал этот строй отжившим и разлагающимся; он указал неминуемую близость революции, разрушительный характер которой может быть ослаблен только немедленным введением либеральных конституционных учреждений и созванием представителей народа для пересмотра основных законов". Почти так же он излагал содержание своего заявления в том прошении, с которым он обращался к Александру III и которое в "Вестнике Народной Воли" передано не в точной копии, а скорее в пересказе: "В 75 году, когда правительство предложило мне изложить свой взгляд на положение дел, я в подробной записке на высочайшее имя заявил вашему августейшему родителю, что абсолютизм отжил свой век, что все основы неограниченной монархии окончательно расшатаны и только дарованием конституции державная воля может спасти Россию от ужасов революции. Я говорил, что неотлагательное введение либеральных представительных учреждений в дорогом отечестве может помешать развитию внутренних смут и дерзких покушений, которые ни перед чем не остановятся. Я говорил, что через несколько лет, может быть, уже будет поздно. Ход событий последнего времени подтвердил мои предположения".

К 1875 году относится один инцидент. О нем совершенно молчат архивные источники, и знаем мы о нем только из сообщений самого Нечаева, воспроизведенных по его письмам в "Вестнике Народной Воли".

"На третий год одиночного заключения в рабеллине, — читаем в начале этой публикации, — с гнусными предложениями (составить записку для III Отделения о составе, численности и средствах революционной партии) приезжал к Нечаеву шеф жандармов генерал Потапов¹³. На этот раз ответом было выражено презрение к правительству в более резкой форме, а когда Потапов стал грозить Нечаеву телесным наказанием, как каторжнику, тогда он в ответ на эти угрозы заклеил Потапова пощечиной. в присутствии коменданта генерала Корсакова, офицеров, жандармов и рядовых: от плюхи по лицу Потапова потекла кровь из носу и изо рта. Нечаева схватили, но не били". В упомянутом прошении к Александру II Нечаев об этом столкновении писал в следующих выражениях: "У меня был другой (кроме Мезенцева) враг, генерал Потапов. Он оскорбил меня на словах, я за это заклеил

его пощечиной. Он имел право меня ненавидеть, но и он не мстил мне...”* Быть может, в словах Нечаева есть некоторая доля преувеличений, но по всей ситуации такое происшествие было возможно. Отсутствие каких-либо указаний о нем в документах дела совершенно понятно: кому же стал бы доносить о нем пострадавший Потапов? Понятно и его решение не мстить Нечаеву, ибо мщение сейчас вслед за происшествием было бы равносильно открытому признанию факта, о котором Потапов, конечно, предпочел бы хранить молчание. Но через некоторое время он мог дать выход своей злобе по иным поводам. Известная доля недоумения все же остается. По рассказу Нечаева, предложению Потапова рассказать о составе революционной партии хронологически предшествовало предложение коменданта от имени правительства дать изложение политических взглядов. После эффекта, какой вызвало первое предложение, кажется странной решимость коменданта, да и сама целесообразность его обращения к Нечаеву. Но что Нечаев при его характере мог нанести оскорбление действием столь высокопоставленному лицу, в этом нет сомнения. А затем те страдания и тяжкие лишения, которым он подвергся в следующем 1876 году, могут служить не прямым, но достаточно убедительным доказательством правильности рассказа Нечаева. Правда, кары, постигшие Нечаева, были как будто вызваны иными обстоятельствами, но тут же надо сказать, что аналогичные обстоятельства ранее не сопровождались подобными результатами**.

В начале 1876 года, по тем или иным поводам, тюремный роман Нечаева с русским правительством кончился. III Отделение тоже показало свои когти.

*Любопытно, что редакция "Вестника Народной Воли", т.е. Тихомиров, хорошо знавший все подробности сношений Нечаева с волей со слов служащего в равелине, отрицает утверждение Нечаева и передает, что он подвергся жестоким побоям за оскорбление Потапова, "во всяком случае он был после этого скован по рукам и ногам и, сверх того, прикован к стене каземата. Все это передали как служащие в равелине, между которыми было несколько свидетелей пощечины, так и сам Нечаев в письмах, ныне уже утраченных". Мы увидим дальше, что наложение оков имело место, но значительно позже и по другому поводу. В этих сообщениях со слов служащих важно только подтверждение инцидента в Потаповым.

**Подтверждение рассказу Нечаева о пощечине Потапову находим неожиданно в дневнике А.Н.Куропаткина (Красный Архив, т. II, стр. 32). Под 17 февраля 1903 года он записал разговор с Плеве¹⁴: "Плеве рассказал, что Потапов начал уже быть не в своем уме. Он

30 января 1876 года исполнилось трехлетие со дня заключения Нечаева в рavelине. В этот день он представил коменданту обширное прошение на высочайшее имя. С некоторою торжественностью оно было вложено в обложку, на которой Нечаев написал: "Господину коменданту

Петропавловской крепости
от заключенного в оной крепости
эмигранта Сергея Нечаева".

"Для представления
на высочайшее имя прошение"

Само прошение, написанное* аккуратным почерком, без помарок, было следующего содержания:

«Его императорскому величеству
Александру Николаевичу,
государю императору
русского народа.

Государь,

По истечении т р е х лет одиночного заключения в крепости, со дня приговора, н е з а к о н н о произнесенного надо мной московским окружным судом, я, эмигрант Сергей Нечаев, не считаю себя вправе оставаться долее в положении выжидательном и обращаюсь к в а ш е м у и м п е р а т о р с к о м у в е л и ч е с т в у, как к высшему авторитету правосудия и законности в государстве абсолютно-монархическом, с формальным прошением о соблаговолении повелеть подвергнуть правильному и беспристрастному судебному пересмотру "дело об убиении студента Иванова".

В основание сего прошения необходимо изложить перед вами, Государь, те важные причины, которые не позволили мне признать себя подсудимым перед представителями юстиции Империи в начале 1873 г., причины, заявление которых не было выслушано от меня московским окружным судом, что и лишило приговор надо мной всякого юридического значения.

однажды вошел к Нечаеву в камеру и получил от него пощечину. Что же он сделал? Упал на колени перед Нечаевым и благодарил за науку". Нельзя не признать Плеве авторитетным свидетелем!

*Текст прошения воспроизводится с буквальной точностью, но без сохранения орфографии. Разрядкой взяты слова, подчеркнутые или написанные крупно Нечаевым.

Я, эмигрант Нечаев, арестованный в окрестностях города Цюриха в августе 1872 года, до сих пор не знаю, на каких условиях выдало меня швейцарское правительство в руки российского правосудия.

Я был увезен из цюрихской тюрьмы ночью, неожиданно, без всякого предупреждения и объяснения, неизвестными личностями, на которых даже не было полицейского мундира, — я был увезен из тюрьмы в отсутствие директора местной полиции г. Пфеннингера, в отсутствие всякого представителя швейцарской власти, напутствуемый единственно смотрителем тюрьмы, который отказался дать мне какое-либо объяснение.

Доставленный в цепях в баварский пограничный город Линдау, я объявил начальнику встретивших меня там русских агентов г. Севастьянскому, что считаю себя жертвой произвола и беззакония, противного основным принципам публичного права, — и бо не знаю, выдала меня Швейцария, или меня "украли из Швейцарии", подобно тому, как некогда граф Орлов похитил из Ливорно несчастную княжну Тараканову.

Привезенный в С.-Петербург, в Петропавловскую крепость, я повторил то же заявление явившемуся ко мне чиновнику III Отделения, г. Филиппеусу.

Про прошествии двух месяцев я был вызван из каземата к прибывшим в крепость для производства следствия по делу "об убийении студента Иванова" следователю г. Спасскому и прокурору московского окружного суда. В качестве эмигранта отказавшись давать какие-либо показания по этому делу, как делу исключительно политическому, — я снова заявил, что правительство швейцарской республики не только не выслушало моих объяснений, но не сообщило мне даже, на каких условиях меня выдало российской полиции.

Прокурор и следователь, в силу известных им соображений или инструкций, не сочли нужным обратить надлежащее внимание на это крайне важное заявление и не приостановили производства следствия, хотя для них, как сведущих юристов, должно было быть ясно, что тем самым они лишают дальнейший ход дела и самый судебный процесс всякого юридического основания и легального значения.

Перевезенный, в конце 1872 года, в Москву, я и там, на вопросы следователя и прокурора, отказался давать показания,

еще раз заявив, что "считаю выдачу меня швейцарским правительством вопиющей несправедливостью".

В Москве мне было прочитано следователем предписание министра юстиции прокурору московского окружного суда: узнав из одного, что Повелитель "80-ти миллионов р у ч а л с я своим Императорским словом" (пред швейцарским правительством) за правильность и беспристрастность суда надо мной, я решился уклониться от всякого резкого выхода и держаться твердо почвы исключительно юридической. Поэтому я отказался принять обвинительный акт и воспользоваться правом иметь защитника. Точно так же, несколько дней спустя, в присутствии двух свидетелей и частного пристава Суцевской части, я отказался принять повестку от суда и список присяжных заседателей.

Приведенный в залу заседаний московского окружного суда, я, на первый вопрос председателя, буквально объявил:

"Я, эмигрант Нечаев, права судить меня за русским судом не признаю и подсудимым себя не считаю; если суду угодно знать причины этого заявления, то я сочту своим долгом их суду объяснить".

Слова мои были покрыты рукоплесканиями присутствовавшей публики, а председатель вместо того, чтобы выслушать мои объяснения, имевшие столь важное юридическое значение, приказал жандармам меня удалить.

Представ в т о р и ч н о пред трибуналом, на вопрос председателя: — "желаю ли я, чтобы меня судили с участием присяжных заседателей?" — я отвечал отказом и был немедленно в т о р и ч н о удален прежде, чем успел высказать причины, побуждавшие меня отказаться.

Введенный жандармами в т р е т и й раз в залу заседания суда, на вопрос председателя: "признаю ли себя виновным в убиении студента Иванова и з л и ч н о й н е н а в и с т и?" — я возразил:

"Убиение Иванова есть факт чисто политического характера и составляет лишь часть "д е л а о з а г о в о р е", которое разбиралось в суде в Петербурге".

Председатель снова прервал меня; не позволив мне продолжать моих объяснений и снова приказал меня удалить.

Вступив, в ч е т в е р т ы й раз, в заседание, на вопрос председателя: — "допускаю ли выслушание свидетелей?" — я отвечал:

"Для меня все равно: я уже имел честь объявить, что

права судить меня за вами не признаю и подсудимым себя не считаю”.

Так как председатель начал немедленно процедуру приведения единственного свидетеля г. Мухортова к присяге и допроса оному, — то я, Нечаев, не переставал возражать о т р и ц а н и е м п р а в а с у д и т ь м е н я до тех пор, пока председатель не произнес категорической фразы: ”Н у , т а к м о л ч и т е !”

После этих слов я повернулся спиной к трибуналу и ограничился молчанием, вполне уверенный в отсутствии всякого юридического основания в продолжавшемся судебном разбирательстве. Тем не менее в конце заключительной речи председателя я громко объявил московский окружной суд ”с у д о м Ш е м я к и н ы м”.

На другой день по произнесении надо мной приговора, лишённого, по вышеизложенным причинам, всякого юридического основания и легального значения, я обратился с письмом к Начальнику III Отделения собственной В а ш е г о И м п е р а т о р с к о г о В е л и ч е с т в а канцелярии, графу Левашеву; в этом письме, говоря о возмутительном поступке со мною московских жандармских офицеров и высказывая несколько общих политических соображений, я не преминул заявить, что ”с ч и т а ю с е б я п р е с т у п н и к о м п о л и т и ч е с к и м , о б р а щ е н н ы м м о с к о в с к и м о к р у ж н ы м с у д о м в о б ы к н о в е н н о г о у г о л о в н о г о”, что смотрю на себя, как на жертву клеветы и вопиющего беззакония. — То же самое заявление включил я, между прочим, и в изложение моих политических мнений, составленное мною в июне 1875 года для представления В а ш е м у И м п е р а т о р с к о м у В е л и ч е с т в у на основании выраженного III Отделением желания — ознакомиться с образом моих мыслей посредством просмотра моих бумаг.

Что же касается до обращения в кассационный департамент сената, в форме, установленной для сего русскими судебными уставами, то я, Нечаев, не мог и не должен был воспользоваться этим правом русского легального протеста, так как выше объясненные, противно-юридические условия выдачи меня швейцарской полицией ставили меня вне области законов Российской империи. — В качестве эмигранта, не признав себя подсудимым пред судом Империи, — я тем менее мог подчиниться формальностям апелляции, указанным в русском кодексе. Я должен был дать объяснения

только гласному суду. Суд не выслушал меня: и мне оставалось страдать и ждать, пока мне позволяло состояние моих физических сил.

Высшие соображения, отчасти указанные мною в изложении моих политических мнений, побудили меня удержаться от всякого иного более резкого выхода, на который давала мне полное право вопиющая несправедливость, на меня обрушившаяся.

От формального же на Высочайшее Имя прошения о пересмотре моего дела я считал своим долгом удержаться в продолжение нескольких лет.

Пока то позволяло мне состояние моего здоровья, я, томясь в неволе и одиночестве, решился выждать известный период времени, достаточно продолжительный для того, чтобы дать возможность представителям швейцарской демократии самим исправить несправедливость своих олигархов: — устранить нарушение основных принципов публичного права, и требованием судебного пересмотра моего дела снять позорное пятно, положенное произволом цюрихской полиции на честь и достоинство республики.

Отрезанный от хода политической жизни, как бы погребенный заживо в келье Петропавловской крепости, — я не могу знать, какими софизмами швейцарские олигархи объясняли выдачу меня без суда и следствия тому правительству, против которого я составлял заговор; — не могу знать, какими заявлениями отвечали они на лишенный всякого юридического основания судебный процесс и на незаконно произнесенный надо мною приговор. Но тем не менее трехлетний срок был слишком достаточным для всестороннего рассмотрения дела; и если представители швейцарского народа и швейцарская демократия вообще не воспользовалась им, то я не могу и не должен оставаться долее в положении выжидательном, какие бы последствия не произошли от сего для национальной чести и достоинства республики.

Теперь, по прошествии трех тяжких лет одиночного заключения, я обращаюсь с прошением о судебном пересмотре моего дела к Вашему Императорскому Величеству, как высшему авторитету правосудия в Империи, как прямому источнику и блюстителю закона в монархии неограниченной, как законодателю, по мысли которого: "правда и милость должны царствовать в судах".

Я, Нечаев, теперь, как и тогда, в 1873 году, готов признать себя подсудимым не только пред русским судом, но даже пред судом турецким или китайским, если только предварительно соблюдены будут все легальные условия, требуемые публичным правом; — если правительство Швейцарской республики, на почве которой я был арестован, возьмет на себя прямую юридическую ответственность за правильный исход процесса, — то есть: объявит мне предварительно (в присутствии чиновника русского посольства): — н а к а к и х о с н о в а н и я х и п р и к а к и х у с л о в и я х м е н я в ы д а е т Р о с с и и, и снабдит меня копией с своего решения по этому поводу, — копией, формально засвидетельствованною печатью республики и надлежащими подписями членов правительства.

Излагая сие прошение сообразно с формами, которые обуславливают существенные свойства юридических документов подобного рода, — для более удобного сообщения его, в случае надобности, в кассационный департамент сената, — я остаюсь в уединении каземата, в ожидании решения В а ш и м И м п е р а т о р с к и м В е л и ч е с т в о м по этому поводу, с надеждой на возможность правосудия в моем отечестве, во второй половине XIX века.

Узник, в силу беззакония и вопиющего произвола швейцарских олигархов, ч е т в е р т ы й год томящийся в келье Петропавловской крепости.

Э м и г р а н т
учитель Сергей Нечаев.

1876 года, января 30-го дня.

Р.С. При сем я присовокупляю мою просьбу к В а ш е м у И м п е р а т о р с к о м у В е л и ч е с т в у о позволении мне видаться с моими родственниками, с которыми я расстался в о с е м ь лет тому назад и которых не допустили ко мне в 1872 году, когда я был привезен из-за границы в Петербург, в крепость».

На щеголеватой обложке, в которую Нечаев вложил свое прошение, генерал-адъютант Потапов 7 февраля 1876 года записал следующее решение царя: "Государь император высочайше повелеть соизволил прошение оставить без последствий и воспретить преступнику Нечаеву писать и написанное им до сего времени от него отобрать и рассмотреть, заниматься же чтением книг не возбраняется". Первая часть резолюции находится в прямом несоответствии со второй: выходит так, что

прошение Нечаева, как видим, не только не было оставлено без последствий для него, но, наоборот, сопровождалось решительной и тягостной переменой в строе его тюремной жизни: ему запретили писать, и это запрещение осталось в силе уже на все время его заключения в равелине.

7 же февраля А.Ф.Шульц на словах передал коменданту резолюцию царя для исполнения, а 9 февраля последовало исполнение ее на деле. Об исполнении узнаем из сохранившегося обычного бюллетеня, представленного 14 февраля: «9-го сего февраля у содержащегося в Алексеевском равелине известного преступника во время прогулки в саду отобраны все письменные принадлежности и исписанные им бумаги. При объявлении ему о том по вводе в номер, он с внутренним волнением подчинился такому распоряжению, сказав только с ожесточением: "хорошо!" Затем ночью, около 4-х часов, начал кричать и ругаться, при чем находящуюся у него оловянную кружку с водою выбил из окна 12 стеклом; тогда на него тотчас надели смирительную рубашку и, переведя в другую комнату, привязали к кровати. В таком положении он оставался, пока не успокоился, затем днем его отвязали с кровати, оставив на нем, для лишения свободы рук, ту же смирительную рубашку, которую под словом, что он не повторит подобного буйства, приказано снять только сегодня утром».

По силе реакции, которую вызвало в Нечаеве запрещение писать, можно судить о всем жизненном значении этой жесточайшей меры. Реакция Нечаева повлекла новые последствия. В бюллетене 20 февраля комендант доложил: "Сего числа, в 8 часов утра, на содержащегося в Алексеевском равелине известного арестанта надели ножные и ручные кандалы при полном спокойствии. Затем он переведен в другой номер, в оконной раме которого с внутренней стороны, устроена железная решетка".

Любопытно, что первый приведенный бюллетень о буйном протесте Нечаева царю не был доложен (на нем имеется пометка Потапова "к сведению"), а второй был доложен. В следующем бюллетене 27 февраля комендант сообщил о благодетельном результате закования Нечаева: "Содержащийся в Алексеевском равелине известный арестант, после наложения оков, ведет себя совершенно спокойно". А Потапов положил на этом докладе резолюцию: "Иметь в виду".

Некоторое облегчение в положении Нечаева наступило

только в мае месяце. За это время произошла смена комендантов: вступил в должность коменданта, вместо заболевшего и умершего 1 мая 1876 года Н.Д.Корсакова, барон Е.И.Майдель. Барон Е.И.Майдель, по-видимому, был самым снисходительным комендантом; по крайней мере, Нечаев, беспощадный в своих отзывах и письмах к народовольцам, помянул добрым словом "уважаемого" барона Майделя. Бюллетень от 14 мая сообщал: "С содержащимся в Алексеевском рavelине известным арестантом никаких перемен не произошло. При посещении его вновь назначенным комендантом, генерал-адъютантом бароном Майделем, вел себя довольно сдержанно и, кроме просьбы о дозволении ему прогулки в сад, находящемся в стенах рavelина, никакой особой претензии не объявил".

Быть может, к этому косвенному ходатайству барон Майдель присоединил и прямое, словесное, но, как бы там ни было, следующая отчетная неделя принесла Нечаеву известное облегчение. 21 мая бюллетень гласит: "Содержащийся в Алексеевском рavelине известный арестант ведет себя спокойно. С него сняты ножные оковы и дозволена прогулка в саду рavelина".

Но оковы на руках Нечаева были оставлены: так боялось III Отделение его свободных рук.

10.

Тем временем бумаги Нечаева просматривались в III Отделении. Разбор их затянулся, так как бумага оказалось много. Результаты просмотра изложены в пространной докладной записке, представленной шефу жандармов Потапову и доложенной им царю 24 апреля 1876 года. "Высочайше повелено все рукописи преступника Нечаева уничтожить", — написал на записке Потапов. А управляющий III Отделением А.Ф.Шульц тут же отметил: "Хранить эту записку при деле; бумаги же будут мною сожжены". Так из огромного нечаевского архива, созданного им в рavelине, и не дошло до нас ни одной бумаги. Об этой потере приходится сожалеть в высшей степени, ибо, судя по перечню бумаг и краткому их изложению, сделанному в докладе, мы лишились важного и интересного источника и для истории эпохи, и для истории революционного движения, и для характеристики самого Нечаева. Можно сказать, записка III Отделения, возбуждая крайнее любопытство, оставляет его совершенно без удовлетворения. Мы

не можем определить автора этой записки, но в некоторых литературных вкусах ему нельзя отказать. Интересно, что он, по долгу служебной обязанности призванный хулитель Нечаева, не мог не отдать должное ему: он признает за ним недюжинную натуру, энергию, привычку рассчитывать на себя, полное обладание тем, что он знает, обаятельное действие на тех, кто не справился с положением, подобно ему. Автор, изучивший все высказывания Нечаева по его рукописям, не мог не остановиться с некоторым удивлением перед необычайной твердостью революционных верований Нечаева: полагая, что он преуменьшает авторитет личности Нечаева, автор записки готов признать в нем революционера по темпераменту скорее, чем революционера по убеждению. Очевидным диссонансом звучит провозглашаемое автором записки отрицание той дозы уважения к Нечаеву, в которой нельзя отказать врагу. Это утверждение — явная уступка обстоятельствам. За всеми этими оговорками нельзя отрицать важного интереса, представляемого запиской анонимного критика из III Отделения. Для истории внутренней жизни в равелине записка имеет первоклассное значение. Мы можем определить с ее помощью, чем заполнялись равелинные досуги Нечаева.

Приводим полностью эту записку:

«Рассмотренные бумаги, по содержанию их, следует разделить на четыре разряда.

К п е р в о м у отношу два письма государю императору и первоначальную редакцию одного из них, уже доложенные его величеству. Об них можно сказать, по внимательном их рассмотрении с другими бумагами, что первое письмо не есть изложение политических убеждений автора, каким оно выставляется, а изложение ближайших политических целей, которые автор преследовал, и в сем последнем смысле оно довольно искренне.

К о в т о р о м у разряду я отношу некоторые публицистические статьи, которые отчасти содержат в себе апологию деятельности автора как главного двигателя известной политической пропаганды между учащейся молодежью, отчасти личные его думы и впечатления. Об этом отделе, ваше высокопревосходительство, будете вернее судить по некоторым выдержкам. Сюда относятся письма из Лондона о задачах современной демократии, политические думы, впечатления тюремной жизни (Живая Могила) и самая замечательная из всех разобранных статей — о характере движения молодежи в конце 60-х годов.

К третьему разряду относятся беллетристические произведения: 1) отрывки из довольно объемистого романа из времени падения Второй империи во Франции, озаглавленного "Жоржетта", 2) отрывки другого романа из быта студенческих кружков, заграничных эмигрантов и русских путешественников за границей, под именем: "Кому будущее", "На водах", интереснее и "Une vieille connaissance"¹⁵, 3) отрывки "Воспоминания о Париже", где рассказываются сцены из падения Второй империи, 4) кажется, также относящиеся к роману "Жоржетта" наброски: "В царстве буржуазии" — падение коммуны и "В бельэтаже и мансарде" — приготовление к действию интернационалки, 5) объемистый, но весьма бесцветный отрывок романа "У липован" и 6) маленький отрывок "Школа Миловзорова", где представляется в гнусном виде школа грамотности старинного направления, содержащая дьячком. В этом разряде интереснее других роман "Жоржетта" и отрывки "Кому будущее" и "На водах".

"Жоржетта" — есть история небогатой француженки, которую, несмотря на воспитание в монастыре, влияния старого республиканца-отца и молодого человека, которого она любила, сделали республиканкой самого красного оттенка. Ее возлюбленный оказывается одним из главных вождей интернационалки и внушает любовь одной из знатных дам Второй империи, в высшей степени развращенной. Вождь интернационалки, после того, как Жоржетта отказывается сделаться его любовницей, впредь до провозглашения республики, вступает в связь с знатной дамой, а во время осады Парижа делит время между нею и Жоржеттой. В день взятия Парижа Мак-Магоном он убит на баррикаде, а Жоржетта, натерпевшись всяких страданий и унижений, умирает в Версале. На этой канве узорами выступают довольно многочисленные эротические сцены, на которых автор останавливается с особенной любовью, имеющей, кажется, физиологический источник в его летах и одиночном заключении. Кроме того, много экзальтированных социалистических и гуманитарных тирад. Мысль, что любящие друг друга не должны тратить сил на удовлетворение своего чувства, пока они нужны для решения социальных задач, очень горячо и длинно развивается и в этом романе и в отрывке "Кому будущее". Но в последнем героиня, наконец, решает, что энергического человека не расслабят эротические наслаждения, и отправляется к нему в спальню. В обоих романах женщины более высокого общественного

положения представлены чудовищами разврата. Картины его в отрывке "На водах" доходят до самого грязного цинизма. Впрочем, цинизм и намеренная площадная грубость отличают язык и "борцов за новые идеи". Если в статьях, отнесенных выше ко второму разряду, нельзя иногда отказать автору в уважении его начитанности и силе мысли, то в беллетристических произведениях поражает полнейшее отсутствие всякого нравственного чувства.

К четвертому разряду относится большая половина разобранных бумаг, которую решусь назвать хламом, ни для кого, кроме автора, не интересным. Это разные выписки, наброски романов, списанные, отрывки стихов и прозы на немецком, французском и английском языке, вокабулы, выписки и *resumés* разных читанных книг и журнальных статей, перевод статей Маколея: "William Pitt" и "Atterbury"¹⁶, отдельные заметки и т.д. Конечно, все это дает намеки на мнения и наклонности автора, но и те и другие гораздо подробнее и точнее известны из других источников.

Вообще говоря, нельзя назвать автора личностью дюжинной. Всюду сквозит крайняя недостаточность его первоначального образования, но видна изумительная настойчивость и сила воли в той массе сведений, которые он приобрел впоследствии. Эти сведения, это напряжение сил развили в нем в высшей степени все достоинства самоучки: энергию, привычку рассчитывать на себя, полное обладание тем, что он знает, обаятельное действие на тех, кто с той же точкой отправления не могли столько сделать. Но в то же время развились в нем и недостатки самоучки: презрение ко всему, чего он не знает, отсутствие критики своих сведений, зависть и самая беспощадная ненависть ко всем, кому легко далось то, что им взято с бою, отсутствие чувства меры, неумение отличить софизм от верного вывода, намеренное игнорирование того, что не подходит к желаемым теориям, подозрительность, презрение, ненависть и вражда ко всему, что выше по состоянию, общественному положению, даже по образованности. Даже служение тем же целям, которые преследуются автором, не спасает таких лиц: они клеймятся подозрением в их искренности, где нельзя, — называются тупоумными, дилетантскими, и против этих союзников проповедуется подозрение и презрение. Один автор и люди его кружка, одних с ним происхождения и образа мыслей, признаются за слуг народа и за пользующихся народным сочувствием и

доверием. Все остальное, выдвигающееся из народа, выставляется как враги народа, и эра плодотворного развития, мирного и многостороннего, начнется лишь с их уничтожением.

Особенно характерно отношение автора к идее о насильственном перевороте. Неоднократно он ее отвергает, как не созидающую ничего прочного и, напротив, вызывающую реакцию. Но не признает искренности в обращении высших классов к служению народу, считает их помехой, которую надо удалить во что бы то ни стало, признает, что перевороты еще неминуемы и что стройное развитие общественности дело будущего. В то же время считает ненависть одной из нужнейших сил общественного деятеля. Не нахожу возможным во всем этом видеть бессознательное противоречие, а скорее маску умеренности, с которой автор не справился.

Весьма часто люди в положении автора достоинством своего поведения заслуживают уважения тех, которые враждебно относятся к их деятельности и образу мыслей. Подобного чувства уважения не внушает личность автора, насколько она отразилась в его бумагах. Они писаны не для распространения их в публике, между тем он себя рисует окруженным лишениями, которых не испытывал, искренности в объяснении побудительных причин того или другого действия нет и в помине. Напр., поведение на суде объясняется уважением к достоинству Швейцарии и т.д. Признания прав победителей на самозащиту, что было так нередко между декабристами, в авторе вовсе не заметно. Какое-то самоуслаждение в созерцании силы своей ненависти ко всем достаточным людям, намеренное развитие в себе непроверенных в своей основательности и законности инстинктов, ставящих его во вражду с существующим порядком, почти слепую, — все это черты революционера не по убеждению, а скорее по темпераменту, каким автор сознает себя не без некоторого самодовольства. Может быть, им он обязан частью своего влияния на людей, еще меньше развитых и привычных критически относиться к своим мнениям, — но, конечно, эти черты не усилят в беспристрастном человеке уважения к автору — даже того, в котором нельзя отказать даровитому врагу».

11.

1876 и 1877 годы, несомненно, были самыми глухими в тюремной жизни Нечаева. Он влачил существование с оковами на руках. Не имел возможности писать что-либо и каким-либо

способом, он мог читать, но книги из библиотеки равелина были давно прочитаны им. Он был абсолютно один в равелине, ибо с другим жильцом равелина Бейдеманом, сидевшим в другом фесе треугольной тюрьмы, он не приходил в соприкосновение, да если бы и мог прийти, эти соприкосновения не доставили бы ему утешения, ибо в это время Бейдеман, кажется, потерял рассудок.

Только в декабре 1877 года Нечаеву были развязаны или, вернее, раскованы руки. Шеф жандармов Н.В.Мезенцев¹⁷, сменивший Потапова, представил царю 1 декабря следующий доклад, подписанный А.Ф.Шульцем: "Два года тому назад, вследствие буйства преступника Сергея Нечаева, комендант с.-петербургской крепости вынужден был надеть Нечаеву ручные и ножные кандалы. Впоследствии, когда Нечаев смирился, то ножные кандалы были сняты. Ныне кандалы, хотя и обшитые кожей, произвели на руках Нечаева язвы, которые, несмотря на лечение, не заживают. В виду сего и во внимание к хорошему поведению Нечаева, совершенно успокоившегося, комендант испрашивает разрешение на освобождение Нечаева и от ручных кандалов. Комендант с.-петербургской крепости не входил по настоящему предмету с письменным представлением, а лично заявил об этом мне".

14 декабря 1877 года (№ 4033) III Отделение уведомило коменданта о последовавшем высочайшем согласии на снятие ручных кандалов с Нечаева. Осталась, таким образом, невосстановленной одна льгота: Нечаев вновь не получил права иметь в камере письменных принадлежностей.

Отныне Нечаев поставил две ближайших задачи той напряженной борьбе за существование, которую он вел в стенах равелина: добиться права писать и права читать то, что он хочет.

С чтением дело обстояло так: нам пришлось уже упоминать о том, что незначительная библиотека Алексеевского равелина была прочитана Нечаевым насквозь. Нечаеву давали книги и из библиотеки при Трубецком бастионе, но эта библиотека была также ничтожна, и, кроме того, передача книг отчасти имела свои специфические неудобства, ибо книги могли послужить средством сообщения. Так это и было в действительности*. Третий книжный источник — журналы, получавшиеся

*Немного позже, 5 сентября 1880 года, барон Велио писал коменданту: "В Департ. гос. пол. получено сведение, что содержащаяся

в комендантском управлении; наконец, французские и немецкие книги доставляло Нечаеву III Отделение. Конечно, Отделение не проявляло сколько-нибудь тщательного внимания к подбору книг: посылало по несколько раз одни и те же книги, посылало совершенно неинтересный для Нечаева хлам и делало все это с большими промежутками. Все это огорчало и приводило в раздражение Нечаева. А тут еще начальство — и рavelинское и отделенское — не прочь было приохотить его к духовному чтению. Когда Нечаев просил книг, смотритель рavelина предлагал ему книги духовные. И даже III Отделение тоже покушилось на стойкость Нечаева и вознамерилось соблазнить его духовным, душеспасительным чтением. На бескнижии и богословие на что-либо полезно: вдруг великий революционер увлечется духовным красноречием и вступит на путь морального исправления — так мнилось III Отделению — и вот оно сделало наивный опыт. 28 марта 1878 года (934) комендант получил следующее оригинальное предложение: "Имею честь покорнейше просить ваше в. пр-во не оставить сделать распоряжение, чтобы прилагаемые при сем (в особом пакете) книги духовного содержания были положены незаметным образом в камеру известного вам, м. г., находящегося в Алексеевском рavelине арестанта N, и о последствиях этого распоряжения почтить меня уведомлением".

Опыт, конечно, не удался, и следующий рапорт коменданта управляющему III Отделением дает несколько тонких штрихов к духовному облику Нечаева в Алексеевском рavelине. Комендант уведомлял 30 марта 1878 года (№ 67).

«Препровожденные книги и брошюры духовного содержания, числом 18, положены в комнату содержащегося в Алексеевском рavelине известного арестанта.., вчера утром, во время прогулки его в саду. Когда он возвратился в камеру,

в доме предварительного заключения осужденная Ольга Н а т а н с о н рассказывала, что во время нахождения ее в Петропавловской крепости она узнала, что государственный преступник Нечаев жив и не в Сибири, а содержится в отдельном помещении крепости и что сведение это добыто ею из книг, которые она получала для чтения из крепостной библиотеки.

Вследствие сего имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство, не изволите ли признать возможным сделать зависящее с вашей, милостивый государь, стороны распоряжение, дабы при выдаче из крепостной библиотеки книг для чтения арестованным было обращено кем следует серьезное внимание на различные в них пометки, делаемые заключенными для переговоров между собой, и таковые немедленно уничтожались".

то тотчас же обратил внимание на них, так как до того времени у него в комнате на столе находился только один номер журнала "Русская Старина", и как бы догадавшись, что книги эти духовного содержания, которые ему незадолго до того были предлагаемы смотрителем и от чтения коих он отказался, стал усиленно ходить по комнате с судорожными движениями, не прикасаясь к книгам.

Затем, когда смотритель спустя несколько времени вошел к нему в камеру, то N спросил, что вы от себя положили эти книги или вам приказано, и когда майор Филимонов ответил, что положил их так себе, в том предположении, что в виду настоящих великих дней он, может быть, и пожелает прочесть их. Тогда N сказал, что все в них написанное сочинено русскими попами, все знают, что он неверующий и что, наконец, он не желает лицемерить.

«При подаче после того вечернего чая, он был также несколько в возбужденном состоянии, при чем под впечатлением гнева на смотрителя не сделал ему обычного привета "добрый вечер", которым в последнее время всегда его встречал, но книги, сколько смотритель мог заметить, были им просмотрены, так как они лежали не в прежнем порядке».

При Мезенцеве книжный вопрос не получил благоприятного разрешения, и после его смерти барон Е.И.Майдель решил поставить вопрос о чтении заключенных в рavelине во всей широте перед новым шефом жандармов А.Р.Дрентельном¹⁸. 29 ноября 1878 года Майдель обратился к нему со следующим письмом: «Содержащиеся в Алексеевском рavelине преступники, при отсутствии письменных и других занятий, все время проводят в чтении книг, вследствие чего они, а в особенности известный преступник, перечитал все имеющиеся в библиотеке Алексеевского рavelина книги, так что в настоящее время по необходимости приходится ограничиться выдачею ему не более двух-трех книг в месяц из выписываемых комендантским управлением журналов: "Вестник Европы", "Русская Старина" и "Русский Вестник", и то в таком лишь случае, если в них не заключается рассуждений о политических преступлениях, что конечно, вызывает его к постоянным жалобам».

"Хотя при комендантском управлении крепости имеется еще небольшая библиотека собственно для арестованных в крепости, сформированная из некоторых исторических и учебных книг, повестей, романов и журналов прежних лет,

пожертвованных благотворительными лицами, но и она, как не обновляемая новыми книгами, не может удовлетворить его на продолжительное время. Притом же передача из Трубецкого бастиона в Алексеевский рavelин и обратно книг, читаемых политическими арестантами, при их изобретательности наносить неуловимые простым вниманием условленные между ними знаки над буквами, может послужить к преступному переговору и вообще к обнаружению существования в крепости известного преступника. Сознывая существенную потребность для заключенных в рavelине в чтении как единственном развлечении при отсутствии других занятий, я имею честь представить обстоятельство это на усмотрение вашего высокопревосходительства на тот конец, не изволите ли признать возможным возложить на III Отделение собственной е. и. в. канцелярии доставление в Алексеевский рavelин ежемесячно нескольких экземпляров книг или периодических журналов за прошедшее время, которые по прочтении арестантами будут комендантским управлением возвращаемы обратно”.

На это обращение Майделя последовал ответ лишь через 1 1/2 месяца. А.Р.Дрентельн ответил, что из вверенного ему учреждения будут доставляемы по мере надобности книги и журналы и что выдача книг из крепостной библиотеки заключенным в рavelине должна быть прекращена (13 января 1879 года).

Но книжный вопрос не устраивался и после таких разрешений. 6 апреля 1880 года комендант, отсылая просмотренные “известным арестантом” книги, писал Дрентельну: “В виду постоянных в последнее время претензий известного лица на высылку ему старых книг, не имеющих по содержанию никакого интереса, и нередко из читанных им, имею честь просить ваше превосходительство, не изволите ли признать возможным приказать доставлять ему, вследствие убедительной его просьбы, из более новых книг и, если возможно, то каталог, по которому бы он мог выбирать”.

Негодование Нечаева росло и вылилось в своеобразные и резкие формы протеста. Надо припомнить, что Нечаеву не давали письменных принадлежностей и писать он не мог. Как же довести до сведения высшего начальства о чинимых ему обидах? Нечаев придумал совершенно оригинальный способ, о котором комендант доносил управляющему III Отделением Никите Кондратьевичу Шмидту 14 апреля 1880 года:

”По передаче содержащемуся в Алексеевском равелине известному арестанту (N...) доставленных в последний раз, при отношении от 10 апреля за № 2864, восьми книг на французском и немецком языках, он на другой же день, т.е. 12 числа, не читая, возвратил их, объявив, что некоторые из этих книг он уже читал, а остальные настолько бессодержательны, что чтение их было бы для него тяжелым моральным трудом. Под впечатлением преднамеренного, как он себе объясняет, лишения его возможности чтения новых книг и журналов, смотритель равелина вчера утром застал его в слезах, затем в течение целого дня он ничего не ел, и когда подан был ему чай, то серебряною чайною ложкой он написал на стене, окрашенной охрою, заявление на имя государя императора, содержание которого смотритель равелина подполковник Филимонов во время вывода его на прогулку в сад списал на бумагу и представил мне”.

”Препровождая означенный снимок с написанного сказанным арестантом ложкою на стене вашему превосходительству, имею честь покорнейше просить, не найдете ли возможным, как я уже просил отношением от 6-го текущего апреля за № 82, приказать доставлять ему книги и журналы из более новейших изданий и еще лучше, если бы ваше превосходительство, для устранения всяких с его стороны претензий, приказали выслать ко мне раз навсегда каталог книгам и журналам, имеющимся в библиотеке III Отделения собственной е. в. канцелярии или возможным к приобретению, с тем, чтобы таковой, каждый раз по прочтении им прежних, был предъявляем ему для выбора новых книг”.

А вот то прошение, которое списал со стены равелинной камеры смотритель Филимонов:

”Его императорскому величеству государю императору
Александру Николаевичу.

Государь.

В конце восьмого года одиночного заключения, III Отделение, без всякого с моей стороны повода, лишило меня последнего единственного занятия — чтения н о в ы х книг и журналов. Этого занятия не лишал меня даже генерал Мезенцев, мой личный враг, когда он два года терзал меня в цепях. Таким образом, III Отделение обрекает меня на расслабляющую праздность, на убийственное для рассудка бездействие. Пользуясь упадком моих сил после многолетних тюремных страданий, оно прямо толкает меня на страшную дорогу к сумасшествию или к самоубийству.

Не желая подвергнуться ужасной участи моего несчастного соседа по заключению, безумные вопли которого не дают мне спать по ночам, я уведомляю вас, государь, что III Отделение канцелярии вашего величества может лишить меня рассудка только вместе с жизнью, а не иначе.

Вербное воскресенье 1880 г.

С. Нечаев”.

Но охрой ли не стене писал Нечаев и не собственной ли кровью? Не из чувства ли деликатности смотритель Филимонов не узнал крови и принял ее за охру, а может быть, и узнал, да счел неудобным докладывать о подобной неловкости! В письмах к народовольцам из крепости есть указание на то, что одно из заявлений царю Нечаев, действительно, писал кровью.

Нечаев последнюю фразу своего обращения к царю подкрепил и активным делом: он начал голодать, поставив условием прекращение голодовки разрешение читать ему новые книги. Решение Нечаева вызвало большой переполох. Секретарь коменданта Денежкин поскакал к Шмидту, власти заволаговались, барон Майдель пообещал Нечаеву удовлетворение его просьбы. Обо всем этом узнаем из следующего письма барона Майделя к Шмидту от 18 апреля (№ 91):

”В дополнение личного доклада вашему превосходительству, по поручению моему, секретарем комендантского управления Денежкиным о намерении содержащегося в Алексеевском равелине известного арестанта лишить себя жизни неприятием пищи, имею честь уведомить, что он с воскресенья 13-го числа до утра сего 18-го апреля, оставаясь непреклонным в своем намерении, в час дня, когда, по принятому порядку, подавался ему на всякий случай обед, лежа в постели, объявил, что будет просить принести ему обед в 3 часа, а теперь просит чаю и молока, последнее из которых и выпил с хлебом.

Согласие его на принятие пищи он объяснил надеждою получить книги новейших изданий и в особенности журналы текущего времени, прибавив, что жизнь его дорога потому, что она нужна для общества.

При чем имею честь возобновить пред вашим превосходительством просьбу о скорейшем доставлении ко мне каталога книгам, по которым бы известный арестант мог выбирать их для чтения, так как я, основываясь на переданном мне секретарем Денежкиным отзыве вашего превосходительства, еще

вчера поручил объявить известному арестанту, что ему будет предоставлен более просторный выбор книг, для чего и вышлется III Отделением каталог”.

Протест Нечаева подействовал, и III Отделение на другой же день переправило для Нечаева 10 книг на французском и немецком языках и каталог французских книг.

В связи с протестом Нечаева, надо думать, находится посещение равелина в канун Пасхи (19 апреля) графом Лорис-Меликовым, который был незадолго до того назначен главным начальником верховной распорядительной комиссии. Он обещал Нечаеву новые французские книги, но на просьбу его о записной книжке и карандаше ответил обещанием подумать и дать ответ.

А барон Майдель тем временем придумал компромиссное решение вопроса о письменных принадлежностях. 28 апреля 1880 года (№ 99) он писал Н.К.Шмидту:

”Из числа содержащихся в Алексеевском равелине арестантов, двое последние заключенные постоянно обращаются с просьбами о выдаче им письменных принадлежностей, как-то: бумаги и чернил, или, вместо последних, карандаша, для записывания заметок при чтении ими книг и вообще умственных развлечений.

Сообщая о таковой просьбе означенных арестантов вашему превосходительству для соответствующих распоряжений, имею честь присовокупить, что я, со своей стороны, полагал бы возможным удовлетворить их просьбу выдачею, вместо бумаги и карандаша, аспидной из папки-доски¹⁹ с грифелем, что может отчасти удовлетворить их желание и вместе с тем отнимет возможность в попытке с их стороны злоупотребить бумагою и карандашом”.

”Два последних заключенных” — это Нечаев и Мирский, который с 28 ноября 1879 года стал товарищем Нечаеву по равелину.

29 апреля Шмидт уведомил Майделя, что граф Лорис-Меликов признал возможным предоставить аспидную доску с грифелем арестанту под № 2 Нечаеву, но предоставление подобной льготы арестанту под № 3 Мирскому не нашел возможным.

Но Нечаев реагировал на компромиссное изобретение барона Майделя неожиданным образом: он отправил коменданту обратно грифельную доску, написав на ней следующее заявление:

”Его высокопревосходительству г-ну коменданту
Петропавловской крепости.

Генерал!

Излагая мою просьбу о позволении мне пользоваться новыми книгами и журналами, я просил ваше высокопревосходительство ходатайствовать о том, чтобы мне предоставлена была возможность заниматься серьезно и читать систематически сочинения по философии, истории и политике. Но подобное чтение может быть плодотворным только при возможности делать выписки из научных сочинений и заметки о прочитанном; если III Отделению не угодно доставить мне письменных принадлежностей, которыми позволял мне пользоваться граф Левашев в первые годы одиночного заключения, то я просил, в крайнем случае, дать мне хотя записную книжку, куда бы я мог вносить самые краткие необходимейшие заметки для справок при дальнейшем чтении серьезной литературы.

Неделю тому назад я получил сочинение философа, профессора Ланге *”Histoire du matérialisme”*²⁰ и другие сочинения 5 томов, а вчера, 3 мая, мне была прислана аспидная доска и грифель!

Принося искреннюю благодарность за доставление мне прекрасного сочинения Ланге, позволяя себе надеяться, что и впредь мне можно будет пользоваться не только новыми книгами, но и журналами, как я говорил о том графу Лорис-Меликову, — я прошу ваше высокопревосходительство довести до сведения III Отделения, что присланную мне аспидную доску я возвратил смотрителю равелина как вещь в моем положении совершенно не нужную, которая оставалась бы у меня без всякого употребления.

Примите уверение, генерал, в моем глубоком к вам уважении.

4 мая 1880 г.

Сергей Н...”

Майдель обиделся и, посылая текст заявления Нечаева в III Отделение, присовокупил, что, ”в виду его нежелания пользоваться предоставленной льготой, он полагал бы настойчивость его о дозволении иметь при себе письменные принадлежности оставить до времени без внимания”.

Нечаеву оставался прежний способ переписки — писать на стене, что он и сделал. 21 июля смотритель Филимонов списал со стены новое заявление Нечаева:

”Господину коменданту Петропавловской крепости.

Генерал!

Графу Лорис-Меликову при посещении меня перед Пасхой угодно было предоставить мне пользоваться новыми французскими книгами из магазина Мелье, по моему свободному выбору. К моему великому удивлению, это обещание первого, после императора, лица в государстве приводится в исполнение более чем небрежно. — Мне присылают по 4 и даже только по 3 тома в месяц; а так как их едва достает на 7 дней, то большую часть времени, в продолжение двух и даже трех недель в месяц, я остаюсь совершенно безо всякого чтения. Подобное отсутствие занятий в тяжелые длинные летние дни и на девятом году одиночного заключения становится положительно невыносимой пыткой.

Я прошу вас, генерал, при свидании с шефом жандармов, довести до его сведения о всей несообразности такого доставления книг и просить о том, чтобы заведывание доставкой оных было поручено управлению вверенной вам крепости. Если же управляющий III Отделением считает нужным держаться того правила, чтобы всякая новая книга попадала ко мне только после того, как она пройдет через его руки, то пусть он в таком случае делает распоряжение, чтобы книги присылались ко мне в большем количестве, дабы их хватило для чтения в продолжение по крайней мере месяца. Если обмен книг связан с такими затруднениями и требует продолжительного времени, то присылать по три тома совершенно недостаточно.

Русских журналов я до сих пор никаких не получал, хотя генерал Черевин не находил препятствий для чтения периодических изданий за прошлый год и пребывал, кажется, в уверенности, что я ими уже пользуюсь.

Утро 21 июля 1880 года.

С. Н е ч а е в".

В тот же день комендант представил П.А.Черевину заявление Нечаева и при этом присовокупил: "Написанное известным арестантом таким же порядком на стене прежней камеры, о чем я передал вам, милостивый государь, вчера при свидании, заключалось в разных заметках из читанных им книг, которые, как не имеющие никакого значения, я приказал стереть и объяснить ему, чтобы на будущее время он не марал стен".

Под влиянием приставаний Нечаева и, надо думать, Мирского, барон Майдель довольно настойчиво проталкивал разре-

шение вопроса о книгах для Алексеевского равелина. Он лично доложил П.А.Черевину, в то время товарищу главного начальника III Отделения, о неудовлетворительности равелинской библиотеки и добился от него разрешения пополнить ее путем приобретения исторических и иных книг. 5 июня 1880 года (№ 133) Майдель отправил каталог книг, которые, по его мнению, желательно было иметь в библиотеке равелина. В этом каталоге было поименовано книг на сумму по тому времени немалую — на 677 р. 35 к. Были классики, были произведения современных писателей, книги по истории, путешествия. Не дождавшись ответа, барон Майдель через месяц напомнил Черевину о своем ходатайстве и объяснил: "Я дал заключенным в равелине надежду на возможность в близком времени пользоваться для чтения новыми книгами, вследствие чего они с нетерпением и ждут этих книг".

В конце июля книги были, наконец, присланы в крепость. Новые книги совсем не удовлетворили Нечаева, и 6 августа 1880 года комендант крепости, возвращая прочитанные Нечаевым французские книги, уведомил, что, "несмотря на доставленные в библиотеку Алексеевского равелина новые книги, каталог которых был предъявлен ему, он все-таки просит не прекращать высылки для него книг на французском языке из помеченных им на возвращенном в III Отделение собств. е. и. в. канцелярии каталоге".

В ответ на отношение коменданта директор департамента государственной полиции барон Велио отправил в крепость каталог французских книг книжного магазина Мелье с отметками на нем Нечаева и предложил истребовать от него "собственноручную выписку на отдельном листе тех из числа отмеченных им в каталоге сочинений, которые он желает получить для чтения".

26 августа Майдель отослал вместе с каталогом выписку книг, сделанную Нечаевым, но вместе с этим отправил и прошение, которое Нечаев написал, воспользовавшись чернилами, пером и бумагой, которые ему дали для составления выписки.

"Господину директору департамента
государственной полиции.

Барону Велио.

Генерал!

Каталог, доставленный мне новым учреждением государственной полиции империи, присылается сюда уже в т р е т и й

р а з. — Накануне Пасхи, когда граф Лорис-Меликов, посетив меня, позволил мне пользоваться новыми французскими изданиями, я отметил в присланном каталоге около с т а сочинений. III Отделение, доставив мне из оных только д е с я т ь томов в три месяца, в начале июля опять прислало тот же каталог. Я и отметил в т о р и ч н о те же произведения французской литературы. Но на этот раз из всех отмеченных мною книг мне не доставили даже и десятка, а прислали только о д н о сочинение (в 3 томах). По возвращении же его в III Отделение, после прочтения, я с нетерпением ждал около месяца и дождался не книг, а опять присылки того же самого каталога уже в т р е т ь и й раз.

Таким образом, обещание графа выполнялось, вероятно, вопреки его желанию, более чем небрежно: книги доставлялись мне крайне редко и неисправно, и я большую часть времени, по три и по четыре недели, пребывал лишь в тщетном их ожидании. Тяжелые, длинные, летние дни я вынужден был владать, на д е в я т о м году одиночного заключения, по-прежнему в убийственной для тела и духа праздности, оставаясь без всяких занятий, так как письменные принадлежности были отобраны у меня генералом Мезенцевым еще в начале 1876 года, когда он приказал заковать меня в ручные и ножные кандалы. Хотя оковы и цепи, по истечении двух лет, и были с меня сняты, но бумаги и пера мне более уже не давали.

Я лично просил графа Лорис-Меликова позволить мне иметь хотя бы записную книжку, в которую я мог бы вносить заметки о прочитанном; граф обещал прислать ответ, и я его пока еще все жду. Проводя скучные, мучительные дни в хождении из угла в угол по каземату, как зверь в своей клетке, проводя еще более мучительные, бессонные ночи в слушании безумных воплей несчастного соседа, доведенного одиночным заключением до ужасного состояния, содрогаюсь при мысли, что и меня в будущем неизбежно ждет такая же участь, если не изменятся условия праздной жизни, расслабляющей физические и умственные силы, — я обращаюсь к г. директору департамента государственной полиции с просьбой довести до сведения г-на министра о вышеизложенном — крайне неудовлетворительном и совершенно несообразном — способе снабжения меня е д и н с т в е н н ы м занятием — чтением. Я уверен, что граф, разрешая мне пользоваться новыми сочинениями, не имел в виду, чтобы излишние

стеснительные формальности и небрежность исполнителей ослабляли все живительное для меня значение этого позволения. Может быть, его сиятельству угодно будет, в видах облегчения доставки новых книг, поручить заведывание этим делом прямо канцелярии г. коменданта крепости. Если же это почему-либо найдено будет неудобным, если каждый том, от меня и ко мне, необходимо должен будет проходить чрез департамент государственной полиции, то в таком случае пусть, по крайней мере, доставляются мне книги в большем противу прежнего количестве, дабы менять их приходилось реже, коль скоро этот обмен сопряжен с затруднительными формальностями и ожиданиями по целому месяцу. В виду последнего соображения я и самую выписку из каталога (прилагаемую здесь на отдельном листе) расположил, разделив отмеченные сочинения на отделы, содержащие по 10 томов.

Граф Лорис-Меликов точно так же, как и шеф жандармов генерал Черевин, не находил препятствий для доставления мне периодических изданий за прошлый год; из объяснений с ними я заключил, что они оба пребывали в уверенности, что я этими изданиями уже пользуюсь. А между тем никаких прошлых годовных журналов сюда не доставляется с тех пор, как в 1876 году мне было запрещено брать их от смотрителя Трубецкой тюрьмы из общей крепостной библиотеки. Если это запрещение не может быть снято, то не будет ли позволено комендантскому управлению снабжать меня прошлыми и периодическими изданиями другим способом.

Обо всем этом я прошу вас, генерал, ходатайствовать пред господином министром внутренних дел. При сем, предполагая, что новое учреждение проникнуто и духом новым, я льщу себя надеждой, что теперь все дозволенное мне высшей властью не будет уже ограничиваемо и парализуемо превратным пониманием и небрежностью исполнителей.

Заключенный в Алексеевском равелине Петропавловской крепости,

25 августа 1880 года.

Сергей Нечаев”.

Это обращение не дало осязательных результатов.

12.

Но в то время, когда правительство в лице Третьего отделения и крепостного начальства торжествовало, казалось,

свою победу над пленником Алексеевского равелина, когда оно довело утеснение его до последних пределов скорби, пленник, скованный по рукам и ногам, не сдавался. Правда, он замолк, притих, но в могильной тишине каземата он готовил новое восстание против власти. Там, где не должно было раздаваться человеческой речи, где молчание равелина по временам прорезывали безумные вопли Бейдемана, там, где беззвучно двигались по коридору тени часовых и присяжных, обреченных на безмолвие так же, как и находившиеся под их присмотром узники, Нечаев нашел, наконец, друзей. Под властным влиянием гневных, горячих и полных человеческой правды речей узника таяли и исчезали тени, двигавшиеся бесшумно и автоматически, и под серыми солдатскими мундирами оказывались люди, облеченные плотью и кровью, способные отдаться чувству сострадания и ощутить суровую справедливость дела жизни заключенного. Часовые, по инструкции, не смели говорить с арестованными, присяжные унтер-офицеры не имели права "принимать от него какие-либо разговоры и вступать с ним в разговор". Но ни жандармы, ни солдаты не в состоянии были вынести заклатья молчанием; тянулось время, и они начали уступать настояниям узника и входить с ним в разговоры. Этого было довольно для Нечаева.

Мы не можем сказать, когда впервые была сорвана с уст тюремщиков печать молчания. "Начало разговоров, — читаем мы в актах следствия, — с государственным преступником камеры № 5 (Нечаевым) установить не представляется возможным, так как арестант, склоняя каждого вновь поступившего в равелин солдата, выражался, что с ним со времени его заключения говорят все и всегда. Но, соображаясь с ходом преступных действий, выясненных дознанием, можно почти безошибочно определить, что начало разговоров между арестантом и некоторыми нижними чинами относится к 1877 году", т.е. как раз к тому времени, когда руки Нечаева стали загнивать от кандалов.

Быть может, именно это необычное, беспримерное отягчение участи узника привлекло к нему особое внимание карауливших его солдат и сообщило особенную остроту их размышлениям. И Нечаев воспользовался таким настроением. Тихомиров, писавший о заключении Нечаева по его сообщениям из крепости и по рассказам солдат равелина, носивших на волю эти сообщения, дает психологический очерк воздейст-

вия Нечаева на солдат*. "В рavelине не сменяются несколько лет. Нечаев имел возможность присмотреться к каждому и, пользуясь этим, наметить много лиц, пригодных для его планов. Еще сидя на цепи, он умел лично повлиять на многих из своих сторожей. Он заговаривал со многими из них. Случалось, что, согласно приказу, тюремщик ничего не отвечал, но Нечаев не смущался. Со всей страстностью мученика он продолжал говорить о своих страданиях, о всей несправедливости судьбы и людей. "Молчишь... Тебе запрещено говорить. Да ты знаешь ли, друг, за что я сижу!.. Вот судьба, — рассуждал он сам с собой, — вот, будь честным человеком: за них же, за его же отцов и братьев погубишь свою жизнь, а заберут тебя да на цепь посадят, и этого же дурака к тебе приставят. И стережет он тебя лучше собаки. Уж, действительно, не люди вы, а скоты несмышленные..." Случалось, что солдат, задетый за живое, не выдерживал и бормотал что-нибудь о долге, о присяге. Но Нечаев только этого и ждал. Он начинал говорить о царе, о народе, о том, что такое долг и т.д.; он цитировал священное писание, основательно изученное им в рavelине, и солдат уходит смущенный, растроганный и наполовину убежденный. Иногда Нечаев употреблял другой прием. Он вообще расспрашивал всех и обо всем и, между прочим, узнавал иногда самые интимные случаи жизни даже о сторожах, его самого почти не знавших. Пользуясь этим, он иногда поражал их своею якобы прозорливостью, казавшейся им сверхъестественной. Пользуясь исключительностью своего положения, наводившею солдат на мысль, что перед ними находился какой-то очень важный человек, Нечаев намекал на своих товарищей, на свои связи, говорил о царе, о дворе, намекал на то, что наследник за него... Когда с него сняли цепи, Нечаев умел это представить в виде результата хлопот высокопоставленных покровителей, начинающих брать силу при дворе. То же самое повторилось при истории с книгами и задним числом распространилось на потаповскую оплеуху. Конечно, Нечаев ничего не говорил прямо, но тем сильнее

*"Вестник Народной Воли", № 1, Женева, 1883, стр. 138—158. Нужно принять во внимание, что цитируемые здесь письма Нечаева не дают точного и буквального воспроизведения текста. Нечаев писал своим шифром, сокращенно и очень сжато на маленьких кусочках бумаги, и немало оказалось мест или плохо прочитанных или совсем не разобранных. Желательно было бы найти подлинники писем Нечаева. Не хранятся ли они в заграничном архиве народовольцев?

работало воображение солдат, ловко настроенное его таинственными намеками. Впоследствии, когда положение Нечаева улучшилось и он стал получать книги, газеты, когда разговор с ним перестал быть преступлением, влияние его сделалось чрезвычайным. Его, действительно, не только считали важной особой, не только уважали и боялись, но нередко трогательно любили; некоторые из солдат, например, старались доставить ему удовольствие, покупая ему газеты или что-нибудь из пищи на собственный счет; особенно привязанные прозвали его "орлом". "Наш орел", так называли они его между собою. Покушение Соловьева²¹ чрезвычайно подняло фонды Нечаева. Он давно говорил, что партия наследника (к которой сам будто бы принадлежал) сгонит с престола Александра II. Он предвидел дальнейшие покушения и говорил об этом своим сторожам. Он тут начал прямо показывать некоторым из них, будто у него есть сношения с волей, будто другие сторожа уже перешли на сторону наследника и служат ему, Нечаеву. Когда люди, особенно его любившие, привыкли таким образом к мысли о возможности служить Нечаеву, он стал им это прямо предлагать, и первый, согласившийся на это, был вполне уверен, что он чуть не последний и что чуть не вся крепость принадлежит уже Нечаеву".

С этим рассказом надо сопоставить и сделанный во время следствия по делу о сношениях рavelина с волей "тщательный анализ причин, породивших столь прискорбное явление в среде военнослужащих"*.

"Таких причин не много, но вполне достаточно для того, чтобы сбить с толку полу-солдата, полукрестьянина, мало развитого, безграмотного, не успевшего себе усвоить в короткое время службы высокого назначения солдата, обязанностей караульной службы и своего долга, человека с смутным пониманием о мере той законной кары, которая ожидает его за нарушения. Такой субъект, иногда не прослужив года в части, попадает в состав команды рavelина, без всякой подготовки к тем обязанностям, которые он должен выполнять. Что же из этого выходит: озлобленный преступник. камеры № 5 зорко высматривает, кого бы из солдат можно эксплуатировать в свою пользу, для задуманных им преступных целей. — Сначала приступает к стоящему у двери

*Такой анализ сделан в составленной жандармским майором Головиным "записке из дознания о беспорядках, бывших в Алексеевском рavelине". Эта записка при всеподданнейшем докладе была представлена графом Игнатьевым Александру III 10 марта 1882 года.

камеры часовому с обыкновенными вопросами: "который час", "которое число", требует дежурного жандарма за каким-нибудь делом и если видит, что солдат податлив, то дело слаживается скоро. Арестант начинает выставить себя страдальцем, мучеником за простой народ, т.е. их и их отцов; представляет будущее в заманчивом для крестьянина свете, уверяет, что такое время наступит скоро; будет полное равенство и общее благосостояние. Солдат слушает через форточку двери камеры хитрые речи, и времени для этого у него достаточно. Камера № 5 помещается в большом коридоре; дежурная комната пуста, жандарм от скуки ушел в караулку; смотритель рavelина — далеко, в другом коридоре. Если и было время, что на другом флесе того же коридора стоит другой часовой, то ведь то товарищ, ему какое дело, а может он и сам, когда придется стоять у этой камеры на часах, не прочь послушать, что предсказывает страдалец; а нет, так можно урезонить и пригрозить ему по-товарищески, дабы не проговаривался перед кем не следует. Если же арестанту попадался солдат, не желающий его слушать, то этот человек пускал в ход угрозы, что он его выдаст как лицо, само заводящее с ним разговоры, или убьет, и т.п.; а товарищи, со своей стороны, убеждали, угрожали, и все, конечно, достигали цели; а раз вступив на эту дорогу, приходилось идти дальше... Привычка к месту и однообразным действиям, хотя бы то было и дело наблюдения, вообще притупляет энергию, а вследствие того и надзор незаметно ослабевает. Всем этим пользуется арестант; солдаты, не видя над собою строгого глаза, совершенно поддаются влиянию арестанта, слушаются беспрекословно его приказаний, а тот является как бы начальствующим лицом в рavelине, имеет толпу слуг, готовых исполнять его требования".

Приведенные нами характеристики пропагандистских методов Нечаева отличаются только в оттенках оценки: там пытаются уяснить себе механизм нечаевского воздействия революционер, вообще отрицательно относящийся к Нечаеву, здесь опытный жандарм-следователь старается понять, как заключенный околдовал солдат; но фактическая основа обеих характеристик одна и та же, и совпадение многих подробностей говорит за их полное соответствие действительности. Именно так из чужих и даже враждебных людей Нечаев делал своих людей, а когда все эти часовые и жандармы стали своими, тогда открылась для горячих убеждений прямая дорога к их уму и сердцу.

Содержание продолжительных разговоров, которые вел заключенный № 5 с своими часовыми, в актах следствия, по показаниям отданных под суд солдат (Юшманова, Тоньшева, Борисова, Дементьева, Губкина, Бызова, Березина, Архипова, Колодкина, Кузьмина, Орехова), было таково: Нечаев говорил, "что они, т.е. нижние чины, темные люди, ничего не знают, но что теперь близко то время, когда все узнают, за что страдает он и его сообщники. Он страдает безвинно, за правду, за них, мужиков, и за их отцов. Солдат и мужиков теперь обижают; но скоро настанет другое время. Такие люди, как и он, произведут переворот, бунт, убьют царя, перебыют начальство. Тогда царь не будет управлять так, как теперь. Цари будут выборные, от народа, как в других государствах, например во Франции, будут на отчете, а не самодержцы, и если царь будет хорошо распоряжаться, то и будет царствовать, а если нет, то выберут другого. Кроме того, он и его сообщники отберут землю от помещиков и разделят ее поровну между крестьянами; фабрики же и заводы станут принадлежать рабочим. После покушения взорвать императорский поезд на Московско-Курской железной дороге, Нечаев высказывал сожаление, что не удалось убить государя, и говорил, что скоро взорвут дворец, а когда не удался и взрыв Зимнего дворца, то уверял, что "товарищи его все равно где-нибудь изловят государя и непременно убьют его". После же 1 марта говорил: вот видите, царя убили, я вперед говорил вам это, а когда кончится год, если ныне царствующий император ничего не сделает для мужиков, то и его убьют. Далее, стараясь убедить нижних чинов, что он страдает за них, преступник говорил, что и они должны стараться за него, должны держаться его и его товарищей*.

Как воспринимали стражи рavelина пропаганду Нечаева, до какой степени сознательности она подымала их, об этом свидетельствует история рavelина в 1879—1881 годах и два судебных процесса, к которым были привлечены все охранявшие рavelин в эти годы. Сам Нечаев характеризовал так распропагандированных им солдат: "В бога они не верят, царя считают извергом и причиной всего зла, ожидают бунта, который истребит все начальство и богачей и установит народное счастье всеобщего равенства и свободу".

*Сводка бесед Нечаева сделана в обвинительном акте по делу Е.А.Дубровина и др., напечатанном в "Вестнике Народной Воли", № 1, стр. 187—203.

Для Нечаева началась двойная жизнь. Он воевал с начальством, требовал книг, письменных принадлежностей и, не получая последних, писал жалобы кровью на стене. Он жаловался на лишения, приводившие его в нервное раздражение, но в действительности солдаты, под влиянием его гневных и страстных речей, уже носили ему газеты ("Новое Время", "Голос" и др.), уже снабжали его карандашиком и бумажкой. Неведомый и таинственный рavelин стал таким знакомым и своим. Жизнь и нравы крепости, ее верхов и низов, стали известны Нечаеву до косточки. Теперь легко стало вступить в сношения с товарищами по заключению, но товарищ оказывался только один, и он был уже не в своем уме. Нечаеву не удалось узнать ни его имени, ни его истории. Оставалось завязать сношения с волей, с революционерами, которые на воле вели свою подпольную борьбу с правительством, но Нечаев так давно был изъят из жизни, что утратил все свои связи: ему не к кому было послать из рavelина солдат, уже ставших оружием в его руках.

Но вот 28 ноября 1879 года в рavelин был внедрен новый узник — третий заключенный — Леон Мирский. Его появление в стенах рavelина сыграло огромную роль в жизни Нечаева, и на его личности надо остановиться подробнее.

13.

13 марта 1879 года Леон Мирский стрелял — совершенно неудачно — в шефа жандармов ген.-ад. А.Р.Дрентельна. Обстановка покушения была необычайна. Генерал ехал в карете по Лебяжьему каналу. Карету нагнал скакавший во весь опор на прекрасной английской кобыле молодой человек в костюме спортсмена с изящными аристократическими манерами. Он выстрелил через стекло кареты; пуля разбила только стекло. Генерал остался цел и невредим и погнал своих лошадей в погоню за удалявшимся всадником. Всадник очень ловко и хладнокровно скрылся от погони и был арестован только через три месяца. Дело Мирского было продолжением дела Кравчинского²², убившего предшественника Дрентельна — шефа жандармов Мезенцева, и произвело немалое впечатление, между прочим, и романтическими своими особенностями.

Н.А.Морозов в своих воспоминаниях рассказал историю покушения Мирского и набросал характеристику Мирского, которого он видел и до покушения и сейчас же после него*.

*Н.А.Морозов. Повести моей жизни. Т. IV. М., 1918, стр. 212 и сл.

Стройный и красивый молодой человек с изящными аристократическими манерами, чрезвычайно смелый и решительный, идейный и героический по натуре, рыцарь турниров — вот с какими эпитетами Мирский вошел в воспоминания Н.А.Морозова. Но Н.А.Морозов не скрыл и интимных подробностей, характеризующих психологические мотивы действия Мирского. Леону Филипповичу Мирскому, сыну польского шляхтича, было всего двадцать лет, когда он совершил покушение, и прошло только два месяца со дня его освобождения из Петропавловской крепости. Он был влюблен. Н.А.Морозов описал невесту Мирского — молоденькую и хорошенькую девятнадцатилетнюю девушку с тонкой талией, изнеженную, по имени Лилиан де-Шатобрен. Н.А.Морозов и А.Д.Михайлов навестили эту самую Лилиан де-Шатобрен и по обстановке комнат убедились в ее аристократических связях, а по разговору с ней — в ее аристократических изысках. На самом деле аристократическая квартира была всего-навсего квартирой секретаря поземельного банка Григория Левенсона, а барышня, лениво протянувшая ручку отважным и восторженным революционерам, — невеста Мирского, Елена Андреевна Кестельман. Вот эта-то "Лилиан де-Шатобрен" была важным звеном в цепи мотивов, толкнувших Мирского на покушение. Он боготворил ее, а у нее был чисто романтический восторг перед Кравчинским. "Не это ли романтическое преклонение перед подвигом Кравчинского внушило Мирскому идею сделать подобный подвиг?" — так подумал А.Д.Михайлов. Конечно, так оно и было. Мирский должен был явиться в образе, поражающем романтическое воображение, ну, а какой же образ более подходил? Мирский был хороший наездник и перед покушением он брал практические уроки езды в татерсале. Ему дали лучшую скаковую лошадь. Он совершал на ней прогулки по городу. "Один раз, — вспоминает Н.А.Морозов, — проходя по Морской улице в те часы, когда там толпится фешенебельное общество, я видел его проезжающим под видом молодого денди на стройной, нервной английской кобыле. Он был очень эффектен в таком виде, а все светские и полусветские дамы, медленно проезжавшие в эти часы в своих открытых колясках, заглядывались на него в свои лорнеты". Разве это не очаровательная картинка и разве могла устоять "Лилиан де-Шатобрен" — Елена Андреевна Кестельман тож? И когда после неудачного покушения Мирский скрылся в квартире А.Д.Михайлова,

его первым желанием было повидаться с Лилиан, и это желание было священным для отважных и восторженных революционеров А.Д.Михайлова и Н.А.Морозова. Пренебрегая опасностью, рискуя целостью организации, благороднейший "дворник" побежал к Лилиан, но эффект получился неожиданный: Елена Андреевна Кестельман не вынесла эффекта романтического подвига и забилась в истерику, и о свидании нечего было и думать. Нельзя не отметить в поведении Леона Мирского и Елены Кестельман бессознательного подражания той среде, с которой они думали бороться. А впрочем, ведь и сами они были плоть от плоти этой самой среды. В крови у них дух авантюризма, отличающий феодальную среду и характеризующий русского помещика из состоятельных. Бесшабашность, лихость, плоское рыцарство²³. В террористических предприятиях конца 70-х годов — до организованных — было много от этой среды. Освобождение Кропоткина, вооруженные сопротивления, киевские действия тоже окрашены в авантюрные цвета.

Нам надо было остановиться на обстановке дела Мирского, на мотивировке его поступка, чтобы показать, что революционный момент в этом деле играл далеко не первую роль и что Мирский, чуждый сурового ригоризма и крепкой стойкости революционера, не имел революционного закала и в этом смысле являлся как бы антиподом Нечаеву.

Дело Мирского разбиралось в петербургском военно-окружном суде 15—17 октября 1879 года, и Мирский был приговорен к смертной казни, а обвиняемый в его укрывательстве прапорщик Тархов к каторжным работам на срок 13 лет и 4 месяца. Генерал-адъютант Гурко, бывший в то время с.-петербургским временным генерал-губернатором, "по рассмотрении приговора, принимая во внимание несовершеннолетие обоих преступников и их полное раскаяние, изложенное в поданных ими прошениях, первым (т.е. Мирским) о помиловании, а вторым — о смягчении наказания, на основании высочайше предоставленной ему власти, определил: Мирского и Тархова, по лишению всех прав состояния, сослать: первого — в каторжные работы в рудниках без срока, а второго — в крепость на десять лет*. Дрентельн, очень интересовавшийся делом Мирского, бывший в то время в поездке

*Приговор и конфирмация с указанием на прошения о помиловании были опубликованы в "Правит. Вестнике".

с царем, получал сведения о ходе его от управляющего III Отделением Н.К.Шмидта. Шмидт 20 ноября телеграфировал Дрентельну о состоявшейся конфирмации и сообщил мотивы, руководившие Гурко: несовершеннолетие Мирского, подача им просьбы о помиловании и безрезультатность покушения. Любопытно, что Дрентельн телеграфно 21 ноября предложил Шмидту "отправлением Мирского повременить до его приезда".

В эти дни Мирский пережил ужас смертного приговора, радость возрождающейся жизни и безнадежную горечь при мысли о п о ж и з н е н н о й каторге. Ему был всего 21 год; за ним, на воле, была его обожаемая Лилиан, его жена, которая ждала ребенка. Юноша без стойкости и выдержки, с огромной жадной жизни, революционер только по склонности к романтическим эффектам, Леон Мирский не выдержал и пал духом.

21 ноября он обратился к коменданту крепости с следующим прошением:

«Мне дарована жизнь, но жизнь, которая должна служить наказанием. Что меня ждет впереди — я определенно не знаю. Но безнадежность, безысходность моего горя лежат в самой сущности назначенного мне наказания ("...без срока").

Молодость, обилие жизненных сил, жажда и любовь к жизни, все это — вещи, которые на каждом шагу будут заявлять свои законные требования, как бы я ни старался подавить их голос, как бы ни желал переносить все терпеливо, безропотно, спокойно. Противопоставить этим позывам и влечениям у меня решительно нечего. Всякая реальная идея не может служить поддержкой там, где для нее нет почвы, нет применения.

После зрелого обсуждения я всей душою желаю найти утешение в божественной, христианской идее, которая одна, будучи высоко нравственной, вполне отвлеченной и "не от мира сего", может оказывать свое благотворное влияние всегда и везде. Моя же больная душа ищет опоры, поддержки, надежды на светлое будущее.

Ко мне был прислан католический священник-доминиканец. Он меня не удовлетворил, не удовлетворил потому, что, при всем своем желании воспринимать непосредственно сердцем, я не могу отрешиться от моей головы. К счастью или к несчастью, но всякая идея, которая мною овладевает, необходимо должна пройти сквозь фильтр разума и выдержать его

критику. В силу этого мне было бы желательно, чтобы представитель божественного учения говорил со мною языком для меня понятным, употреблял бы доводы, имеющие силу в глазах человека, привыкшего рассуждать и анализировать.

С этой точки зрения и в этом смысле я бы желал побеседовать с православным священником, известным за человека умного, образованного и искреннего, т.е. такого, с которым бы я мог говорить по душе.

Моя просьба к вам, ваше высокопревосходительство, заключается в доставлении мне свидания с подобным человеком».

Какой ответ был дан на прошение, воспринял ли Мирский утешение религии от православного священника, на эти вопросы наши архивные поиски не дали ответа. Но в его судьбе произошел переворот. Он должен был быть отослан на каторгу, но вместо этого, с соблюдением полной конспирации, он был в 2 1/2 часа ночи 28 ноября перемещен из Трубецкого бастиона в Алексеевский равелин. Шмидт указал в собственноручном письме от 28 ноября коменданту, что официально в переписке с министерством и прочими учреждениями значатся отправляемыми ночью для следования в Восточную Сибирь преступники Мирский и Тархов, а фактически будут отправлены Тархов (№1) и Ванштейн (№2). По наущению Шмидта комендант должен был учинить подлог в официальных документах, и, действительно, перед нами два отношения коменданта в III Отделение: в одном отношении написано, что Мирский посажен в равелин, а в другом — что он в то же самое время отправлен в Восточную Сибирь!

Смотрителю же Алексеевского равелина комендант дал следующее предписание (от 28 ноября 1879 года, № 217).

”Препровождаемого при сем по высочайшему повелению, приговоренного к бессрочным каторжным работам, государственного преступника Леона Мирского предписываю принять и заключить в отдельный покой и содержать наравне с прочими заключенными в полнейшей тайне и под бдительным надзором, отнюдь не называя его по фамилии ни в донесениях, ни при входе к нему в номер... При чем предписываю поместить его в одну из комнат переднего фасада, так чтобы ни он, ни другие арестанты, при выходе на прогулку в сад, не могли и догадываться о существовании друг друга, и без личного моего разрешения не выдавать ему никаких письменных принадлежностей, ограничь выдачею только книг для чтения из имеющейся при равелине библиотеки”.

Так был внедрен в Алексеевский равелин Леон Мирский, человек молодой, с обилием жизненных сил и бесконечной любовью к жизни.

14.

С появлением Мирского деятельность Нечаева получила дальнейшее развитие. Мирского посадили в камеру № 1, бывшую в другом коридоре. Через часовых Нечаев завязал с ним письменные сношения, освежил свои знания о революционной борьбе, но почему-то особенно близко с Мирским Нечаев не сошелся. По-видимому, он не открыл ему всей своей организации среди команды равелина и не получил, а может быть, не считал возможным воспользоваться его указаниями для установления сношений с волей. А может быть, и сам Мирский, надевшийся на иные пути спасения, отнесся с большой сдержанностью к предложениям Нечаева и не сообщил ему тех явок, тех адресов, которые он мог дать. Правда, в деле, которое потом возникло, есть указание, что "вероятно, вследствие письменных указаний № 1-го, № 5-й летом, в 1880 году, склонял рядового Кира Бызова сходить на Охту, к Пороховым складам, с запискою к обер-фейерверкерам Емельянову и Филиппову, спрося предварительно их адрес в мелочной лавочке, но Бызов не пошел. Лавочка эта, по предположению отделения по охранению порядка и общественной безопасности в С.-Петербурге, принадлежит отставному обер-фейерверкеру Глуховскому, человеку неблагонадежному в политическом отношении, бывшему в близком знакомстве с отставным прапорщиком Люстигом и сыном подполковника Богородским". Сношения Нечаева оживились, но не привели еще к вожделенному концу — прорыву сквозь крепостные стены и установлению правильной связи с волей, с действующей революционной партией.

Вождедения Нечаева, наконец, исполнились, когда в равелин был заточен один из виднейших представителей партии "Народная Воля" Степан Григорьевич Ширяев, стойкий и выдержанный революционер. Он родился в 1857 году. Крестьянин по происхождению, он учился в саратовской гимназии и на школьной скамье начал работать в революционном движении. В 1876—1878 годах был за границей и работал слесарем по заводам английским, французским и немецким. В 1878 году вернулся в Россию и вплотную занялся революционными делами. Он был одним из основателей "Народной

Воли" и членом Исполнительного Комитета. Обладая техническими знаниями, он принял ближайшее участие в устройстве мины под полотном Московско-Курской железной дороги. Был арестован 4 декабря 1879 года и по процессу 16-ти (25—30 октября 1880 года) был приговорен к смертной казни. Смертная казнь была заменена бессрочными каторжными работами, и 10 ноября 1880 года Ширияев был внедрен в Алексеевский рavelин, в камеру № 13. Ширияев был тем человеком, который был нужен Нечаеву. Он сейчас же завязал с ним письменные отношения, получил от него полную и точную информацию о революционной деятельности "Народной Воли" и дал ему возможность вступить в сношения с Исполнительным Комитетом. Ширияев дал Нечаеву адрес своего земляка, студента Военно-медицинской академии Е.А.Дубровина, жившего недалеко от крепости. В начале декабря 1880 года рядовой местной команды, служивший в рavelине, Андрей Орехов доставил Дубровину письмо Нечаева. Дубровин был чернопеределец, работал на периферии революционного движения и передал письмо своему хорошему знакомому Г.П.Исаеву²⁴, виднейшему революционеру и члену Исполнительного Комитета. В.Н.Фигнер²⁵ передает в своих воспоминаниях о впечатлении разорвавшейся бомбы, которое было произведено письмом Нечаева. В один морозный январский вечер в конспиративную квартиру, доступную только членам Исполнительного Комитета и занятую Г.П.Исаевым и В.Н.Фигнер, "явился запущенный инеем Исаев, подошел к столу, у которого сидела Фигнер и несколько членов из Комитета, и, положив перед ними маленький свиток бумажек, сказал спокойно, как будто в этом не было ничего чрезвычайного: "От Нечаева, — из рavelина". От Нечаева, который после суда исчез бесследно, о котором никто из революционеров не знал, что было с ним дальше, ни где он, ни того, жив ли он, или мертв".

«Письмо Нечаева, — рассказывает В.Н.Фигнер, — носило строго деловой характер: в нем не было никаких излияний, ни малейшей сентиментальности, ни слова о том, что было в прошлом и что переживалось Нечаевым в настоящем. Просто и прямо он ставил вопрос о своем освобождении. Он писал, как революционер, только что выбывший из строя, пишет к товарищам, еще оставшимся на свободе. Удивительное впечатление производило это письмо: исчезло все, темным пятном лежавшее на личности Нечаева, вся та ложь, которая

окутывала революционный образ Нечаева. Оставался разум, не померкший в долголетнем одиночестве застенка; оставалась воля, не согнутая всей тяжестью обрушившейся кары; энергия, не разбитая всеми неудачами жизни. Когда на собрании Комитета было прочтено обращение Нечаева, с необыкновенным душевным подъемом все мы сказали: "Надо освободить"».

Равелин вступил в правильно организованные сношения с революционным центром. С тщанием и любовью организовывал это дело Нечаев. Не все солдаты участвовали в передаче записок на волю, а только более надежные, отборные. Достаточно было сойти с рук первой попытке общения через рядового Орехова, с одной стороны, и студента Е.А.Дубровина, с другой, а там конспиративный обмен установился сам собой. Дубровин свел Орехова с народовольцами, Орехов познакомил с ними своих товарищей и т.д. К передаче писем на волю были привлечены и служившие раньше в равелине, а потом возвращенные в петербургскую местную команду Вишняков и Колыбин. Посредниками оказались и обер-фейерверкеры Порохового завода Филиппов и Иванов. Встречи происходили на условленных заранее местах, на улице, и не только на улице. Удобным пунктом для сношения оказалась, например, вольная квартира отслужившего свой срок и уволенного из равелина в марте 1881 года в запас армии рядового Кузнецова (М.Пушкарская ул., д. 17—19) и запасного рядового Штырлова. Бывали солдаты и на конспиративной народовольческой квартире, в которой проживали Гесья Гельфман²⁶ и Макар Тетерка. Само собой разумеется, солдаты не знали настоящих фамилий революционеров и знали их под вымышленными именами. Когда позднее на следствии солдаты должны были назвать тех, с кем они встречались и обменивались письмами, они показали, что они имели дело с "черненьким" (он же "Антон Иванович"), с "рыженьким" (он же "Григорий Иванович"), с "Алексеем Александровичем" (высокого роста, плотный, с небольшой черной бородой и закрученными вверх усами) и, наконец, с просто "неизвестным господином". В рыжевatom Григории Ивановиче солдаты на следствии по карточке признали Исаева, а в Антоне Ивановиче — отставного мичмана А.П.Буланова. Впрочем, Штырлов отрицал тождество Антона Ивановича и Буланова, но Буланов, действительно, принимал участие в сношениях равелина

с волей*. По воспоминаниям народовольцев мы знаем двух членов Исполнительного Комитета, которым были поручены сношения с равелином, это — Исаев и, после его ареста, Савелий Златопольский.

С своей стороны Нечаев принимал тоже меры конспирации, писал он записочки своим шифром, не легко поддавшимся разбору; солдатам он тоже дал клички, и даже двойные: одну для внутреннего употребления в равелине, другую — для иностранных сношений. Конспиративная организация Нечаева была сшита крепкими нитками и не скоро провалилась.

В разгар сношений равелина с волей команда была, по официальному выражению, развращена поголовно, начиная с заслуженных жандармских унтер-офицеров, срок службы которых в равелине был почти равен сроку заточения здесь Нечаева, и кончая последним, только что вступившим на службу рядовым местной команды. "Развращать" солдат Нечаеву было тем легче, что начальство равелина проявило величайшую небрежность и халатность в отправлении своих обязанностей. Подполковник Филимонов, шестидесятилетний старик, принял равелин в свое смотрение 24 декабря 1877 года. Обремененный многочисленной семьей — 11 человек детей, — он проводил время в своей квартире, помещавшейся в Никольской куртине, в равелин заглядывал редко, только в положенные часы, и заботился об отоплении своего местечка, скапливая гроши и копейки на питании немногочисленного населения равелина и умножая свою семью.

Надзор за караульной командой он свалил на своего помощника, молодого поручика Андреева. Андреев не касался порядков равелина, но он не занимался своей командой. В казармы он не заглядывал и сложил, в свою очередь, все свои обязанности на старшего ефрейтора, а ефрейтор ведь тоже не прочь был поговорить с узником № 5.

Не все, конечно, солдаты были "развращены" Нечаевым в одинаковой мере. Когда следствию пришлось впоследствии разбираться в солдатских индивидуальностях, солдаты были разбиты по группам: в первую группу были отнесены "действовавшие сознательно, с убеждениями если не в правоте своих деяний, то вследствие полного сочувствия преступным советам арестанта № 5; во вторую — "совершившие преступ-

*Сообщение О.К.Булановой, жены А.П.Буланова.

ные деяния под влиянием бывших перед глазами примеров" (вследствие корысти и перспективы легкой наживы, по мнению следователей), в третью — "действовавшие под влиянием подговоров и угроз товарищей без мысли о корысти и последствиях". По действиям следствие разделило солдат тоже на три группы: в первую входили все принимавшие участие в разговорах с заключенным (а принимали участие все!), во вторую — переносившие записки из камеры в камеру, служившие, следовательно, для внутренних сношений, и в третью — передававшие записки на волю, т.е. служившие для внешних сношений.

Следует назвать здесь имена безвестных в истории нашего революционного движения "отважных помощников" Нечаева. Все они, конечно, русские крестьяне, уроженцы сурового Севера, почти все из Архангельской и Вологодской губерний. В скобках поставлены те клички, которые дал им Нечаев. Вот и они: рядовые Платон Вишняков (Волог. губ., "Добрый человек", "Аннушка"), Тимофей Кузнецов (Арх. губ., "Молоток", "Трактирщик"), Иван Тоньшев (Арх. губ., "Сокол"), Прокофий Самойлов (Арх. губ., "Петух", "Блины", "Дедушка"), Иван Губкин (Волог. губ., "Шапка"), Яков Колодкин (Волог. губ., "Барыня", "Староста"), Адриан Дементьев (Волог. губ., "Пастушок", "Аграфена"), Влас Терентьев (Волог. губ., "Портной", "Бабушка"), Кир Бызов (Арх. губ., "Пила"), Федор Ермолин (Арх. губ., "Ангел"), Кузьма Березин (Арх. губ., "Дуняша") и Доронин ("Лебедь"). Все они следствием были отнесены по их сознательности и убежденности в первую группу. Во вторую группу были занесены запасные рядовые: Егор Колыбин (Арх. губ., "Дьякон"), Григорий Юшманов (Арх. губ., "Орел"), Иван Штырлов (Влад. губ., "Булочник"), Андрей Орехов (Волог. губ., "Пахом", "Каленые орехи"), Ефим Тихонов (Влад. губ., "Слесарь"), Василий Попков (Волог. губ., "Купец"), Григорий Петров (Волог. губ., "Мальчик", "Горох"), Федор Степанов (Псковск. губ., "Старичок"), Иван Мыркин (Арх. губ., "Мороз"), Кирилл Никифоров (Псковск. губ., "Сосед", "Певчий"), Иван Тихонов (Псковск. губ.), Михаил Ульянов (Арх. губ., "Голубь"), Алексей Леонов (Псковск. губ., "Мастер"), Василий Иванов (Псковск. губ., "Налим"). И, наконец, в третью группу были записаны: Леон Архипов (Псковск. губ., "Кушак", "Околоточный"), Сила Андреев (Псковск. губ., "Дядя"), Адриан Чернышев (Новг. губ.,

"Граф", "Музыкант"), Дмитрий Яковлев (Новг. губ., "Солнышко"), Василий Кузьмин (Новг. губ., "Дружок"), Павел Сергеев (Новг. губ., "Табак"), Дмитрий Иванов 2-й (Новг. губ., "Правда"), Яков Шарков (Новг. губ., "Зайчик"), Емельян Борисов (из солдатских детей, "Именинник", "Извозчик"), Илья Ильин (Псковск. губ., "Топор").

15.

Нечаев предложил Исполнительному Комитету устроить освобождение заключенных в равелине себя, Ширияева, Мирского и потерявшего разум Бейдемана. Он представил и свой план побега, основанный на содействии распропагандированных им солдат равелина. Об этом плане мы не располагаем точными и исчерпывающими данными. Показания авторитетных свидетелей, знавших суть дела, — членов Исполнительного Комитета, — расходятся. Вот что рассказывает о плане Нечаева первый писавший о нем по свежей памяти (в 1883 году) Лев Тихомиров, у которого под рукой была и часть присланных из равелина писем Нечаева, частные сведения и, наконец, его собственные воспоминания об этом деле; ведь он тоже был членом Исполнительного Комитета и присутствовал при начале сношений с равелином. "План у Нечаева был очень широкий. Бегство из крепости казалось ему уже недостаточным. Изучив тщательно крепость (он знал ее изумительно, и все через перекрестные допросы своих людей и через их разведчиков), состав ее войск, личности начальствующих и т.д. и рассчитывая, что с течением времени ему удастся спропагандировать достаточное число вполне преданных ему людей, он задумал такой план: в такой-то день года, когда вся царская фамилия должна присутствовать в Петропавловском соборе, Нечаев должен был овладеть крепостью и собором, заключить в тюрьму царя и провозгласить царем наследника... Этого фантастического плана не мог одобрить Ширияев, несмотря на то, что был очарован силой и энергией Нечаева".

Приблизительно так же рассказывает о плане Нечаева не менее авторитетный свидетель — В.Н.Фигнер:

"Верный своим традициям, Нечаев предполагал, что освобождение его должно происходить в обстановке сложной мистификации. Чтобы импонировать воинским чинам стражи, освобождающие должны были явиться в военной форме, увешанные орденами; они должны были объявить, что совершен государственный переворот: император Александр II

свергнут и на престол возведен его сын-наследник, и именем нового императора они должны были объявить, что узник равелина свободен. Все эти декорации для нас, конечно, не были обязательны и только характерны для Нечаева”.

Но этот смелый и фантастический план Нечаева в версии Тихомирова и Фигнер соответствовал ли его действительным, реальным предположениям, или же и для Нечаева он был тоже увлекательной фантазией, которой он поделился с членами Исполнительного Комитета? А эта фантазия подходила к тому, определенно отрицательному мнению о Нечаеве, которое еще с так называемого нечаевского дела сложилось в головах наших передовых революционеров. Я не позволил бы себе ни на секунду сомневаться в правильности передачи практических планов Нечаева, исходящей от Тихомирова и Фигнер, если бы не располагал еще одним свидетельством. О способах, какими предполагалось осуществить побег Нечаева из равелина, мы запросили бывшего члена Исполнительного Комитета “Народной Воли” А.П.Корбу-Прибылеву²⁷. Приводим ее ответ нам *in extenso**. “Нечаев выработал два плана, которые передал на рассмотрение Комитета. Первый был основан на том, что в садике, где гулял Нечаев, находилась чугунная крыша водосточной трубы. В отверстие этой трубы Нечаев предполагал спуститься внезапно во время прогулки под наблюдением преданных ему жандармов и часового. Выход трубы находился на берегу Невы, невысоко над водою. Желябов отправился осматривать местность и выходное отверстие. Ввиду длины канала и возможности задохнуться для беглеца при его прохождении, этот план был отвергнут. Другая версия состояла в том, чтобы приверженцы Нечаева в крепости, т.е. солдаты и жандармы, преданные ему, дали бы ему возможность переодеться и вывели бы его за ворота. Помощь Комитета в этом случае состояла бы в снабжении заговорщиков всем необходимым для побега, включая денежные средства, увозе Нечаева в момент появления его за воротами крепости, обеспечении ему пристанища и проч.”

Эти предложения Нечаева далеки от фантазии и представляются удобоисполнимыми. Как же отнесся к ним Исполнительный Комитет? “Надо освободить!” — с необыкновенным душевным подъемом воскликнули народовольцы — члены Комитета, прочитав обращение к ним Нечаева и ознакомившись

*полностью, в подробностях (лат.).

с его предложениями. Но какие силы они могли выделить на это дело, — они, на руках у которых было огромное дело, такое, как устранение Александра II? Этому делу они отдали почти все свои активные силы: в момент возникновения сношений равелина с "Народной Волей" у Комитета была в полном ходу новая попытка покушения, по счету седьмая. "В магазине на Малой Садовой, — рассказывает В.Н.Фигнер, — шла торговля сырами, и каждую ночь несколько членов Комитета и его агентов работали в подкопе, действуя заступом и буравом и наполняя землею бочки, предназначенные для сыров. Приостановить эту опасную работу — значило бы рисковать успехом всего дела. Чем скорее закончились бы приготовления, тем увереннее можно было смотреть вперед: обстановка магазина с недостаточным запасом сыров, неопытность импровизированных торговцев, изменение маршрута при поездках Александра II по воскресеньям в Михайловский манеж, — все это могло сделать бесполезным весь труд. Необходимо было спешить, не оглядываясь по сторонам, не отвлекая внимания ни на что другое. Все вместе заставило Комитет откровенно и прямо сообщить Нечаеву, что предпринятые приготовления к покушению на царя требуют всех наших сил и ставить два дела одновременно мы не в состоянии. Поэтому дело его освобождения может быть организовано лишь после того, как кончится начатое против царя. В литературе я встречала указание, будто Комитет предоставил Нечаеву самому решить, которое из двух дел поставить на первую очередь, и будто Нечаев высказался за покушение. Комитет не мог задавать подобного вопроса: он не мог приостановить приготовлений на Малой Садовой и обречь их почти на неминуемое крушение. Он просто оповестил Нечаева о положении дел, и тот ответил, что, конечно, будет ждать". Впрочем, В.Н.Фигнер вспоминает, что все же постановлено было поручить устройство побега военной организации партии "Народная Воля" под руководством Н.Е.Суханова (но ведь Суханов тоже работал в это время в подкопе!). Но по рассмотрении местных условий Комитет нашел более удобным совершить экспедицию на остров на лодках, т.е. летом.

С рассказом В.Н.Фигнер расходится сообщение Льва Тихомирова²⁸: "К несчастью для Нечаева, новое покушение на жизнь царя сталкивалось с этим освобождением. Очевидно было, что освобождение, может быть даже вооруженной рукой, из такого государственного тайника, как Алексеевский

равелин, должно было возбудить в правительстве панику и сделать надолго невозможным нападение на царя. Нечаеву и Ширяеву было предоставлено самим решить, какое из двух предприятий ставить в первую очередь, и они подали свои голоса за 1 марта, несмотря на то, что Желябов уже лично осмотрел равелин и признал побег, при хорошей помощи извне, не только осуществимым, но даже не особенно трудным. Отказываясь от свободы, Нечаев имел деликатность в своих письмах сохранить самый веселый тон и усиленно доказывал, что дело их, заключенных, ничего не проиграет от отсрочки, хотя сам Желябов был уверен в противном, и нет сомнения, что такой ловкий человек, как Нечаев, должен был прекрасно понимать всю справедливость опасений Желябова". С рассказом Тихомирова гармонирует и рассказ А.П.Корбы в упомянутом выше ответе на мой запрос. "Пока шли эти переговоры, начались приготовления к 1 марта. По мере их развития силы партии напрягались в высшей степени, и для Исполнительного Комитета становилось ясным, что побег Нечаева в предполагавшееся время не мог состояться. С другой стороны, у членов Комитета являлось опасение, что отсрочка побега может быть роковой и поведет к крушению всего этого плана. Эта мысль очень тревожила Комитет. Он горячо желал освобождения Нечаева, но убеждался более и более, что одно предприятие повредит другому, а может быть, погубит его. Вследствие столкновения интересов этих двух предприятий Комитет решил предоставить Нечаеву самому выбрать одно из двух и привести в исполнение то из них, на котором остановится его выбор. Это постановление вытекало из сознания, что даже отсрочка побега в сущности равняется смертному приговору Нечаеву, а произнести его Комитет не хотел и не мог. Ответ Нечаева можно было предвидеть. Он отказывался даже от мысли о равноценности обоих предприятий и писал: "Обо мне забудьте на время и занимайтесь своим делом, за которым я буду следить издали с величайшим интересом"*.

*Из рассказов Л.Тихомирова и А.П.Корбы видно решительное личное участие во всем этом деле Желябова. Он лично осмотрел местность, чтобы проверить возможность побега. В.Н.Фигнер считает "чистейшим вымыслом рассказ, будто Желябов посетил остров равелина и был под окном Нечаева. Этого не было, не могло быть". Недопустимость подобного факта В.Н.Фигнер мотивирует соображениями об ответственной роли Желябова в предстоящем покушении. В случае

Примирить соображения Л.Тихомирова и А.П.Корбы, с одной стороны, и В.Н.Фигнер, с другой, можно, кажется, только допустив, что Комитет не мог, конечно, бросить дело покушения ради устройства освобождения, но, предвидя ответ Нечаева и Ширияева, все же нашел возможным узникам равелина поставить на выбор: освобождение или покушение. Само сознание, что дело революции они своей волей предпочли своему освобождению, должно было укрепить их дух.

Так или иначе, но народовольцы были правы, считая отсрочку освобождения губительной для дела побега, губительной от сочетания во времени с покушением на царя. Понимал это и Нечаев. Ответил ли он на вопрос Комитета, как передают Тихомиров и Корба, или же только принял к сведению предложение обождать, он взял себя в руки, призвал свой дух к новому подчинению судьбе, но работы своей внутренней в равелине он не оставил и сношения с волей не прекратил. Благодаря оживленной переписке с Комитетом и "вообще с разными народовольцами" (по словам Тихомирова), он был в курсе событий общественных вообще и революционных в частности. По отзыву Тихомирова, он высоко ценил деятельность "Народной Воли" и не оставлял даже и своими советами. Л.Тихомиров знакомит нас с фантастическими планами Нечаева и с его предложением пустить в ход подложные царские манифесты. Впрочем, эта фантастика тоже не была далека от действительности. Дейч²⁹, Стефанович и товарищи этой фантастикой воспользовались. Таков был дух времени и настроения революционной романтики. Только у Нечаева было больше воображения и выдумки, чем у Дейча и его товарищей. Стоит привести сообщение Тихомирова об этих плодах тюремного воображения: «Нечаев предложил выпустить сперва для местностей, где сильна вера в царя, подложный царский манифест, в котором царь будто бы объясняет своим верноподданным: "По совету любезнейшей супруги нашей государыни императрицы, а также по

неудачи разрывных снарядов Желябов должен был кончить дело вооруженный кинжалом. "Возможно ли, — пишет В.Н.Фигнер, — чтобы при таком плане Комитет позволил Желябову отправиться к равелину, не говоря уже о том, что провести его туда было вообще невозможно? И разве сам Желябов пошел бы на такой бесцельный и безумный риск не только собой и своей ролью на Садовой, но и самим освобождением Нечаева? Никогда!" Все это так, но все это ведь доказательства от формальной логики, а не от фактической действительности, полной иногда даже невероятных противоречий...

совету князей, графов и т.д. и по просьбе всего дворянского сословия, мы признали за благо возратить крестьян помещикам, увеличить срок солдатской службы, разорить все старообрядческие молельни и т.д.»» В то же время должен быть разослан и священникам подложный же "секретный указ" Святейшего Синода, где сказано, что всемогущему богу угодно было послать России тяжелое испытание: "Новый император Александр III заболел недугом умопомешательства и впал в неразумение", вследствие чего священники должны тайно воссылать с алтаря молитвы о даровании ему исцеления, никому не открывая сей важной государственной тайны: расчет был, конечно, на то, что священники именно разболтают всем скандальное известие. После этих подготовлений нужно было распустить манифесты от якобы какого-то "великого земского собора всея великие, малые и белые России"; во-первых, к крестьянам, во-вторых, к "православному русскому воинству, гвардейским, гренадерским и армейским полкам, коннице и артиллерии, гарнизонным войскам и местным командам". В первом объявляется, что царя больше нет, старый убит, а новый с ума сошел; далее, что собор решил произвести передел земли и освободить солдат от службы, и потом говорится, что "по получении сего манифеста, не медля ни мало, во всех селениях собирать мирские сходы и приступать к справедливому переделу всей земли... прежде всего отрешить от должности всех прежних волостных старшин и писарей, а на место их для распоряжения делами выбрать добросовестных людей... приводя их к крестному целованию и т.д. Всех помещиков и т.д., которые сему манифесту воспротивятся, хватать и представлять в мирские сходы, а мир должен творить с ними строгую и короткую расправу... Всех исправников, становых и т.д. хватать, где кого пришлось, и немедленно предавать смерти..." В конце манифеста, довольно длинного, помечается, что составлен он "на великом земском соборе, по совету и приговору излюбленных русских людей, мирских выборных ото всех крестьянских обществ", предписывается всюду развозить манифест и исполнять, а в конце концов подписано "быть по сему"...

16.

Исполнительный Комитет "Народной Воли" довел до конца свое основное дело: 1 марта 1881 года Александр II был

убит, и вслед за сим начался разгром революционной партии. Один за другим стали сходить в недра смерти и заточения все видные представители партии. 27 февраля был арестован Желябов. В его бумагах оказалась зашифрованная записка. С содержанием этой записки знакомит нас официальный документ (всепопданнейший доклад от 4 декабря 1881 года), отчасти в изложении, отчасти в подлинной цитации:

«В записке говорилось, что она будет вручена лично, известною под кличкой Петух, и далее сообщалось следующее:

”От вас вчера, в четверг, получено: один лист шифра, пятый номер ”Воли” и двадцать пять рублей. Сообщение об ротных ершах вам было сделано еще в декабре; повторяю его вкратце: в бога они не верят, царя считают извергом и причиной всего зла, ожидают бунта, который истребит все начальство и богачей и установит народное счастье всеобщего равенства и свободу”.

”Дьякон всех умнее, молодец, всех преданнее и скромнее (секрет сохранит свято); Пила — парень ловкий, но задорный и больше других любит выпить. Притом Пила был часто на замечании, его заподозрили и удалили из рavelина ранее других в роту за частые отлучки по ночам.

Молоток и Пила — порядочные сапожники; следовательно, если вы намерены нанять для них квартиру, то они могут для виду заниматься починками сапогов рабочих где-нибудь на краю Питера близ заводов и фабрик. В их квартире могут проживать под видом рабочих и другие лица, к ним же могут ходить и здешние ерши из роты.

Дьякона можно сделать целовальником в небольшом кабачке, который слыл бы притоном революционеров в рабочем квартале на окраине Питера. Дьякон был бы очень способен на такую роль, но необходимо, чтобы ими руководил человек с сильным характером, который бы мог при случае за неисправность сильно распечь и вообще умел бы держать в страхе, по их выражению, как их держал Трепов. Главное, не оставляйте их без дела, в праздности: они непременно запьянствуют. Обременяйте их поручениями, поддерживайте в них сознание, что они приносят пользу великому делу. Платите исправно скромное жалованье, никак не более двадцати рублей, и делайте подарки за ловкость, но требуйте и исправность, и удачность. Тот, кто приобретет на них влияние, может вести их куда хочет; они будут хорошими помощниками в самых от-
важных предприя-
тиях, и если вначале дело с ними пойдет

хорошо, то количество их может быть увеличено по мере надобности. К ним же надо присоединить и Пахома, который первый с вами познакомился. Рекомендую разжалованного унтера Штыклова”».

Записка, взятая у Желябова, была самым подлинным и собственноручным письмом Нечаева из равелина к народо-вольцам. Мы привели ее целиком, во-первых, потому, что это подлинный документ, а во-вторых, потому, что она служит прекрасной иллюстрацией к рассказу о тех отношениях, которые установились у Нечаева к охранявшим его солдатам, и о той пропаганде, которой он их подверг. В записке Нечаев говорит об Орехове (“Петух”), который первый из солдат завязал сношения с волей, о Кобылине (“Дьякон”), Кире Бызове (“Пила”), Кузнецове (“Молоток”) и Штырлове (“Штыклов”). Любопытны даваемые Нечаевым советы, как подойти к этим солдатам и как действовать на их психику. Последние слова записки приложимы прежде всего к самому Нечаеву: “Тот, кто приобретет на них влияние, может вести их куда хочет; они будут хорошими помощниками в самых отважных предприятиях...” Такими помощниками Нечаеву они и оказались.

Записка Нечаева попала в руки властей, и следовательно не уразумели ее содержания: они не догадались о происхождении и авторе записки и не поняли ее содержания. Желябов, понятно, отказался от каких-либо показаний в связи с запиской. Какие-то неясные подозрения, не имеет ли записка касательства к страже, охраняющей равелин, возникли у властей; были предприняты кое-какие выяснения, но положительных результатов они не дали.

10 марта была арестована С.Л.Перовская; при ней была взята шифрованная записка. Вот как была она разобрана в ночь на 12 марта:

”Кобылин Егор Дьяков к обедне звонят Бобков Василий купец вот тебе на водку. Кузнецов Ефим Молоток. Молоток прощай Ануфриев. Василий Попадья Прасковья, попадья обедать села. Бызов и Кирил Пила курица яйца несет. Юшманев Григорий Орлов высоко орлы летают. Тихонов Ефим Павловский слесарь Старовер скоро выйдут Доронин и Никанор Лебедь Дарья деньги прислала кровельщик знает Питер он вероятно сменит портного, как Почтальон, а Портной познакомит с Петухом Горохом, Шапкой, Капустой Ярославцем. Дьякон познакомит с Пилой или с Попадьей, Пила по-

дозреваетсЯ начальством Пахом или Портной познакомят с Молотком через которого пойдет другая нить Петруха познакомит с Писарем Александром Дубровиным Щука Исаков Николай Александрович имеет любовницу Анну Степановну на Зверинской улице дом тридцать второй квартира без номера, Щука Александров женат и семейный живет на Зверинской дом пятый квартира вторая оба бедны первый храбр второй труслив оба с женами занимаются портняжеством. Порох. Полиц. Ефим Иванов небольшого роста. В Иванове; Александр Зубков, учитель Алексей Осипов Капачинский”.

Если происхождение записки, взятой у Желябова, было затруднительно выяснить ввиду отсутствия фамилий, то записка, найденная у Перовской, такого затруднения не представляла. Тут назван целый ряд фамилий, принадлежавших солдатам и жандармам Алексеевского равелина. И что же? Следователи так и не догадались, в чем тут дело*. Они решили, что в записке ”упоминаются фамилии пяти рабочих, их прозвища и лозунги, с которыми следует к ним обращаться по делам конспирации, и, кроме того, намечаются средства для приобретения действительных сношений, очевидно, в той же рабочей среде”. Правда, фамилии писаря Александра Дубровина и щук (жандармов) Исакова и Александрова приводили к крепости и равелину; правда, они были допрошены, у них был произведен обыск, но... ”не было обнаружено никаких оснований, дающих право подозревать их в сношениях с членами революционной партии”. Вот до чего слепы оказались следователи, во главе с самим В.К.Плеве, из доклада которого выписана последняя фраза!

Слепота эта свидетельствует только о том, что равелин был действительно замкнут, действительно в полном смысле слова отрезан от всего мира: даже те, которые, по роду своей службы розыскной, жандармской, должны были в какой-либо мере быть осведомлены о равелине и его порядках, не имели об этом никакого, решительно никакого, представления; исключена была даже мысль о возможности обнаружения тайны равелина.

17.

Итак, правительство в марте 1881 года было на следах сношений Нечаева с народовольцами, но не раскрыло их и только переполошилось и насторожилось.

*См.: ”Былое”, № 10—11, 1918, апрель—май, стр. 35, 37.

Сменились верховные распорядители судеб Нечаева: царем стал Александр III, министром внутренних дел граф Н.П.Игнатьев и директором департамента полиции В.К.Плеве. Узда реакции была натянута крепкой рукой, а революционная партия, потерявшая в начале года больше двух третей своего состава, задыхалась от бессилия. Сменилось и крепостное начальство Нечаева. 20 марта 1881 года умер барон Егор Иванович Майдель, наименее жестокий из крепостных комендантов, а на его место был назначен генерал-адъютант Иван Степанович Ганецкий, 70-летний старик, прославленный герой Плевны, человек твердый и жестокий. Режим, установленный и утвержденный Ганецким в Петропавловской крепости, оставил злую по себе память, столь же выпуклую и яркую, как и та память, которой верны военные историки, рассказывающие с упоением о знаменитом поражении Осман-Паши и взятии Плевны. Грудью наступал непреклонный Ганецкий на турок, осажденных в крепости Плевны, и так же рьяно и неукротимо до конца века своего (на 77 году от рождения) наступал он грудью на осажденных в Петропавловской крепости русских революционеров. Он поставил целью подтянуть крепость и рavelин, пришедшие в распущенное состояние при бароне Е.И.Майделе, и действительно подтянул. Время вступления его в должность коменданта совпало к тому же с моментом возникновения первых подозрений о каком-то предательстве вокруг крепости. Пошли строгости, надзор был усилен, тюремный режим ухудшен. В камерах рavelина заделали душники, замазали оконные стекла, через которые можно было видеть кусочек неба. Время прогулки было сокращено, и одно время даже совсем не выводили на прогулку в маленький садик, расположенный внутри рavelина, в несколько шагов пространством, с полдюжиной тощих берез и десятком кустов. "Клочок неба сверху, шелест зеленых листьев, чирикание залетевших воробьев, жужжанье насекомых доставляло отраду узникам, задыхавшимся в убийственном воздухе запертого каземата, и нужно быть в самом деле зверем в душе, надо быть русским царем, чтобы лишить несчастных даже этого". Ганецкий начал борьбу с репутацией Нечаева, с его исключительным положением. Нужно считать верной картину жизни в Алексеевском рavelине, которую нарисовал Нечаев в прошении к Александру III. Это прошение Нечаев написал своей кровью, ногтем. Копию прошения он передал на волю народовольцам при следующей

записке*: "Я не мог отправить этого письма через коменданта, потому что он, угнетая арестантов и делая их положение невыносимым, боится им показаться на глаза и не является к ним даже тогда, когда они его просят притти (я, например, три раза бесполезно звал его выслушать меня). Он приходит в тюрьму только за тем, чтобы любоваться на мучения заключенных в щелку двери. Передать письмо смотрителю я также не мог, потому что был уверен, что он его уничтожит, ничего об нем не сообщив. Я должен был ждать, пока не представится благоприятный случай, когда я мог вручить его постороннему честному лицу. В рavelине начались работы: под окном проходят и останавливаются разные мастеровые, приказчики, подрядчики, инженерные офицеры. Я пользуюсь оплошностью начальства, которое позабыло поставить часового у будки, у окна, и вручаю это письмо судьбе: нашлись добрые люди, которые обещали доставить это послание через канцелярию градоначальника или министра".

Неясно, каким путем Нечаев рассчитывал довести это письмо до царского сведения, но вполне очевидно, что до Александра III оно, конечно, не дошло. В архивных документах о Нечаеве нет и намек на такое прошение, но, пожалуй, не внушает сомнений ни существование прошения, ни указанная возможность передачи его на волю.

Если, действительно, такое прошение Нечаевым было написано и передано на волю; то остается еще нерешенным вопрос, в какой мере текст подлинного заявления тождествен с текстом копии в известной нам редакции, напечатанной в "Вестнике Народной Воли". Должно только с решительностью отметить, что тон его не отличается от тона документально известных нам нечаевских обращений, а содержание прошения ни в какой мере не противоречит, наоборот, находит полное подтверждение в известных нам фактах и подробностях. С этими оговорками мы можем процитировать этот замечательный документ. Первая часть прошения нам нужна именно теперь, при характеристике изменений режима, но, дабы не ослаблять впечатления письма и не возвращаться к нему впоследствии, приводим здесь письмо полностью:

"Государь! Вступив в управление крепостью, новый комендант Ганецкий произнес речь служащим в рavelине по пово-

*Лев Тихомиров указывает, что на этой записке было обозначено: "Пишу кровью, ногтем, в книге, на чистом листке, возле перештета".

ду событий 1-го марта. Характер этой речи, а также то обстоятельство, что произнесена она была не в отдельном помещении, а в открытом коридоре, неподалеку от дверей каземата, громовым голосом, ясно показали мне, что содержание ее главным образом предназначалось для моих ушей, которые и слышали отчетливо каждое слово. Интимидация эта цели не достигла. Косвенные угрозы генерала Ганецкого меня не уstrasили, а показали только, что под влиянием событий последнего времени даже крупнейшие представители администрации потеряли голову и утратили чувство собственного достоинства. Я не обратил бы внимания на выходку его превосходительства, если бы эта речь не повела к отягчению моего и без того нелегкого положения и не сделала его, без всякого с моей стороны повода, окончательно невыносимым.

Алексеевский равелин — тюрьма секретная. Никакой ревизии не допускает, в ней и прежде происходили злоупотребления, невозможные ни в каком отдаленном остроге. Но покойный комендант, уважаемый барон Майдель, понимал это, сдерживал до некоторой степени хищника-смотрителя Филимонова и, исполняя суровый долг, не мучил заключенных из личной жестокости. Теперь же, после речи Ганецкого, хищник Филимонов нагло отнимает у нас последний кусок, бесстыдно заявляя при этом, что поступает так по приказанию коменданта. Я уже просил начальство, чтобы мне позволено было пользоваться пищей из солдатского котла: грубые щи и каша, несмотря на все их недостатки, при существующих злоупотреблениях были бы все-таки питательнее тех обедов из негодной провизии, которые поставляет Филимонов. Все служащие в равелине после вступления коменданта считают отягчение политических заключенных вернейшим средством заслужить благосклонность начальства и поступают в силу этого соображения самым наглым, вызывающим образом. Прежде мне позволяли выходить подышать чистым воздухом два раза в день. Теперь мою прогулку сократили с двух часов до 20-ти минут. Мало того, меня по целым месяцам совсем не выводили из душного каземата, в котором Ганецкий даже приказал заделать душики, будто с целью лишить меня возможности достать сажу для составления чернил. — Верхнее стекло оконной рамы у меня было чистое, позволявшее мне видеть клочок неба. Нужно знать ужасы долголетнего одиночного заключения, чтобы понять, какую отраду доставляет узнику вид проходящего облака и сияние звезд ночью.

Два коменданта: генерал Корсаков и барон Майдель, шесть шефов жандармов, начиная графом Шуваловым и кончая генералом Черевиным, сам председатель верховной комиссии генерал Лорис-Меликов, посещая меня, видели чистое стекло и не находили опасным для государства тот факт, что я...* подследственный в течение недель и месяцев. Но я не подследственный узник, и вот уже десятый год, как я лишен свободы, следовательно, отягчение моей участи вызывается не высшими политическими соображениями, а лишь одним бесчеловечным произволом лица, которому в. в. вверили управление крепостью. У меня был личный враг — генерал Мезенцев; он два года терзал меня в цепях, но и тот не закрывал для меня вида неба. У меня был другой враг — генерал Потапов. Он оскорбил меня на словах, я за это заклеил его пощечиной. Он имел право меня ненавидеть, но и он не мстил мне. Он знал, что мстить человеку, лишенному свободы, можно, только имея душу зверя, а генерал Потапов был человек. — Свойственны ли гуманные чувства генералу Ганецкому, я не знаю, но, судя по тому, что он посещал рavelин только затем, чтобы по часу стоять у дверей каземата и любоваться в щель на отягченное им положение узников, судя по этому, следует думать, что созерцание чужих страданий доставляет ему удовольствие, которое человеческим назвать нельзя. Не надеется ли он довести меня до отчаяния, чтобы видеть слезы и муки бессильного бешенства, чтобы слышать безумные крики ярости, подобные тем, которые доносятся из каземата моего несчастного соседа по тюрьме, доведенного долголетним заключением до сумасшествия. О нет! Я не доставлю Ганецкому такого удовольствия. Я желаю ему сохранить хоть сотую долю моего спокойствия и самообладания, когда его самого поведут на эшафот.

В семьдесят пятом году, когда правительство предложило мне изложить свой взгляд на положение дел, — я в подробной записке на высочайшее имя заявил вашему августейшему родителю, что абсолютизм отжил свой век, что все основы неограниченной монархии окончательно расшатаны и только дарованием конституции державная воля может спасти Россию от ужасов революции. Я говорил, что неотлагаемое введение либеральных представительных учреждений в дорогом отечестве может помешать развитию внутренних смут

*Пропуск в рукописи. Примеч. ред. "Вестника Народной Воли".

и дерзких покушений, которые ни перед чем не остановятся. Я говорил, что через несколько лет, может быть, уже будет поздно. Ход событий последнего времени подтвердил мои предположения. Реакция после катастрофы первого марта была неизбежна. Это в порядке вещей, но размеры реакции и ее продолжительность могут быть также неизбежно губительны для существующего строя, если государственные деятели в такое напряженное общественным ожиданием время будут заниматься добыванием лежащих. Будучи жертвой величайшей юридической несправедливости, я был осужден московским окружным судом при полном нарушении основных формальностей судопроизводства. Ко мне не только не допустили избранного мною защитника, но даже не выдали мне копии с дела, так что, введенный в заседание гласного суда, я не знал, в чем меня обвиняют. Чтобы добиться нужного для правительства приговора присяжных (всех подчиненных обвинительной власти), мне буквально не дали говорить, — и как только я открывал рот, чтобы дать объяснения, меня тотчас же выталкивали из залы заседания по знаку председателя в коридор, где жандармские офицеры били меня в голову — до потери сознания. Приговорив меня к 20-летней каторге на основании голословных обвинений прокурора, вопреки фактическим данным, всей России известным, суд предоставил мне, по-видимому, право апелляции. В действительности же лишил меня всякой возможности воспользоваться этим правом, не выдав мне копии с приговора и запретив мне давать чернила и бумаги для писания жалобы. Переведенный тайно ночью, прямо с эшафота (окольными путями, исколесив половину России) в Петропавловскую крепость, я был заживо погребен в стенах Алексеевского рavelина, где, заточенный в одиночное заключение при таких исключительных обстоятельствах, я не ожидаю от нового правительства облегчения своей участи, не удивлюсь, если это письмо еще более ухудшит мое положение. Людовик XVI также понял все ужасы страданий узников Бастилии только тогда, когда сам попал в государственную тюрьму. Но так как нигде в мире произвол представителей администрации не достигает таких размеров, как в России, так как ни в одной стране доля и желание главы не искажаются до такой степени, как у нас, я и счел своим долгом довести до сведения вашего величества об отягчении условий моей тюремной жизни, без всякого с моей стороны повода. Теперь всякое дальнейшее угнетение

меня будет уже совершаться с вашего высочайшего ведома, в силу вашей царственной воли. Я буду безропотно выносить всевозможные лишения, коль скоро буду знать, что подвергаюсь им по распоряжению высшей власти. Но быть жертвой бесчеловеческого произвола его превосходительства и молчать... Я не в состоянии... Пишу кровью, ногтем”.

В этом письме следует обратить внимание на одну маленькую деталь, которую не выдумать. Нечаев говорит, что Ганецкий приказал заделать душники с определенной целью лишить Нечаева возможности добывать сажу для составления чернил. С этой подробностью гармонирует и приводимое ниже сообщение самого Ганецкого о нечаевском способе писать, сделанное им в письме к В.К.Плеве от 19 июля 1881 года:

”Заключенный в Алексеевском равелине, лишенный всех прав состояния Сергей Нечаев на находящейся у него из библиотеки Алексеевского равелина для чтения книге написал спичкою копотью от лампы с примесью, как нужно полагать, керосина, заявление на имя вашего превосходительства, заключающееся в жалобе.

Препровождая снятую с означенного заявления копию к вашему превосходительству, имею честь уведомить, что Нечаев в высшей степени раздражителен, груб и дерзок со всеми, имеющими к нему служебные отношения, и претензия его на неудовлетворительность пищи не заслуживает никакого внимания, так как, кроме существующего в Алексеевском равелине строгого контроля за свежестью покупаемых продуктов, в качестве пищи я удостоверяюсь лично. Что же касается жалобы на сделанное ему, по моему приказанию, смотрителем Алексеевского равелина предупреждение о том, что если будет продолжать вести себя буйно, т.е. обращаться дерзко с предпоставленными над ним лицами, бросать на пол книгу и рвать в озлоблении предлагаемое ему на смену белье, как он это сделал на днях, то будет лишен чтения книг и закован в кандалы, — то это действительно было, и я намерен последнее привести в исполнение, если он повторит дерзкое обращение с смотрителем или дежурным жандармским унтер-офицером”.

Текст самого заявления Нечаева в деле не сохранен, но оправдания Ганецкого по поводу заявлений о недоброкачественности пищи дают подтверждение достоверности дошедшего до нас в народовольческой редакции письма к Александру III.

Но, несмотря на осложнения, вызванные делом 1 марта 1881 года, сношения Нечаева с волей продолжались. 1 апреля был арестован Исаев, но оставался свободен Дубровин, через которого и была получена связь с Исполнительным Комитетом в лице Исаева. Мы знаем, что Исаева в его сношениях заменял Савелий Златопольский. По-видимому, после ареста Исаева произошел какой-то перерыв, ибо на Пасху Нечаев искал новых связей и отправил солдат Петрова и Самойлова к Филиппову и Иванову, обер-фейерверкерам Охтенского порохового завода. Филиппов свел посланных Нечаева с "Антоном Ивановичем"; это был отставной мичман А.Буланов. Савелий Златопольский вел сношения с Нечаевым до своего отъезда в Москву, связанного с переводом Исполнительного Комитета из Петербурга. Уехал же он, надо думать, в октябре 1881 года. Кто заменил Златопольского, мы не знаем. Тут обрываются сведения, идущие от авторитетных свидетелей — членов Исполнительного Комитета. В середине 1881 года уже не до сношений было с равелином! Исполнительный Комитет под ударами правительства разваливался; чтобы как-нибудь удержаться на поверхности, он бросился в Москву, но удары настигали и здесь. Надо думать, что в это время Комитет сам оборвал или, точнее, вынужден был оборвать опасные сношения с крепостью. Если же от Нечаева и шли письма на волю, то получались они маломощными сочувственниками народо-вольческого движения.

Обострение тюремного режима, известие об успехах правительственной реакции, несомненные затруднения и сокращение сношений с революционным центром — все это, конечно, тяжело действовало на заключенных в равелине, и на Нечаева прежде всего. Надежды на освобождение выцветали и блекли. 3 июля 1881 года из равелина увезли в Казанскую больницу для умалишенных несчастного Бейдемана, а 18 августа умер Степан Григорьевич Ширияев.

Из одного цитированного уже нами письма Нечаева к народо-вольцам мы знаем, как действовали первые месяцы заключения на Ширияева. Привезли его зимой (10 ноября 1880 года), посадили в отсыревший холодный каземат, который не отапливался, по крайней мере, в течение десяти лет, и у Ширияева очень скоро началось кровохаркание. О смерти С.Г.Ширияева Тихомиров, очевидно, по сообщению Нечаева, писал в 1883 году следующее: "Страшный надзор связывал

руки всем. С.Ширяев не в состоянии был выдержать этой ужасной жизни; когда заключенных перестали пускать гулять и заколотили их окна и душники, у него быстро развилась чахотка. 16 сентября 1881 года (дата неверна!) он умер в каком-то странном состоянии: был в страшном возбуждении, вскакивал на стол, как в горячечном бреду, говорил что-то такое; наконец, громко закричал и упал мертвый. Нечаев предполагал, что его отравили каким-то возбуждающим средством, данным ему для того, чтобы выпытать у него какие-то сведения. Не имеем никаких данных судить об основательности этого предположения". От этого сообщения пошла легенда о насильственной смерти Ширяева. Мы можем привести еще официальный документ — рапорт доктора равелина Вильмса за № 235 от 18 августа 1881 года. "Содержащийся в № Алексеевского равелина в течение всей весны сего года страдал катарром легких, осложнившимся неоднократно повторявшимся кровохарканием. Несмотря на все медицинские пособия, в начале июля у больного появились признаки бугорчатки, воспаления всего левого легкого, от какой-то болезни означенный больной сего числа 18 августа 1881 года в 6 часов утра скончался"*.

После 18 августа 1881 года в Алексеевском равелине осталось всего два заключенных: Нечаев и Мирский. Мирский был перемещен в камеру Ширяева № 13, а Нечаев оставался в своем № 5.

Опять Нечаев был предоставлен самому себе, собственной энергии и страсти. Правда, он был окружен "хорошими помощниками в отважных предприятиях" — преданными ему солдатами и жандармами равелина, но нельзя было рассчитывать на помощь с воли, нельзя было положить надежды на Исполнительный Комитет, казавшийся ослепительно могущественным в начале года. Нечаев во главе своей команды должен был добиваться освобождения своею собственной рукой. Он перестроил свой план освобождения, но не отказался от него. Подробностей нового плана мы не знаем, — мы только можем догадываться, исходя из обстоятельств времени и места. План строился без расчета на помощь извне: об этом свидетельствует решительное отсутствие каких-либо

*Хотя в рапорте Вильмса не указаны ни № камеры, ни фамилия умершего, документ, несомненно, относится к Ширяеву. Он находится в деле Ширяева, и в конце в скобках рукой смотрителя вписана его фамилия.

показаний и воспоминаний современников о каком-либо содействии к устройству побега из крепости во второй половине 1881 года. Если же помощи не было извне, то побег должен был быть устроен солдатами; они должны были вывести Нечаева. Такой побег не исключал, конечно, возможности вооруженного выступления и столкновения. К такому побегу энергично готовился Нечаев после смерти Ширияева. Крепостное начальство, натягивавшее узду тюремного режима, по-прежнему не подозревало о том, что делалось у него под носом, в стенах самой секретной государственной тюрьмы. Смотритель Филимонов, занятый семейными обязанностями, ухудшал главным образом пищу арестованных, а его помощник Андреев, не обязанный следить за заключенными, вообще ничего не делал. Если бы кто из начальства неожиданно нагрязнул в равелин, он мог бы остолбенеть от изумления. В дежурной комнате галдеж. Солдаты читают не только газеты, но и свежие прокламации и последние номера "Народной Воли", некоторые из них учатся шифровать письма по рецепту Нечаева*; по коридору без всякой субординации ходят дежурные, а около двери комнаты № 5, вынеся стул из дежурной, сидит жандармский унтер-офицер и наслаждается рассказом узника № 5. Или же узник № 5, который был лишен права писать и писал свои жалобы по начальству за неимением чернил собственной кровью, усидчиво писал и зашифровывал за своим столом записочки на волю, а конвойные охраняли его: не ровен час! А с вечера ходившие за старших в караул ефрейтор Колодкин и рядовой Тоньшев выписывали из наряда фамилии часовых, которые должны будут на другой день стоять на часах у камеры № 5, и передавали списочек Нечаеву. Нечаев обдумывал списочек и давал наряд на работу. По временам производилась уплата гонораров солдатам. Нечаев получал деньги с воли, но сам не раздавал их: передавал кому-либо из солдат, сам выдавал билетки с обозначением суммы, а казначей выдавал деньги предъявителю билетика.

Вот какие картины мог бы наблюдать посетитель равелина, если бы он явился без предупреждения, врасплох! В такой об-

*Следы пропаганды обнаруживались даже после дознания. Так, штабс-капитан Соколов 8 апреля 1882 года представил по начальству номер 6-й "Народной Воли" от 23 октября 1881 года, оказавшийся в тюфяке одного из арестованных нижних чинов.

становке с лихорадочным напряжением готовил побег Нечаев силами своими и своих помощников солдат.

Летом 1881 года был арестован рядовой Иван Губкин, служивший в рavelине с 17 сентября 1879 года. Он был одним из деятельнейших помощников Нечаева. Его заподозрили в сношениях с вольными людьми, но и тут следствие оборвалось безрезультатно. Губкин отперся ото всего и ничего не выдал. Мысль о том, что рavelин может общаться с волей, решительно не укладывалась в головах начальства, и арест Губкина не имел последствий для уклада тюремной жизни. Насторожиться должен был Нечаев, который не мог не понимать, что налаженная им "организация" может провалиться каждый день, что каждый день можно было ждать катастрофы.

И она случилась в один из дней поздней осени 1881 года. Листы архивного дела комендантского управления "о беспорядках в Алексеевском рavelине", начатого 16 ноября 1881 года, хранят воспоминание о внезапной, налетевшей, как вихрь, тревоге, охватившей все начальство.

19.

16 ноября комендант крепости получил какие-то чрезвычайные известия о работе Нечаева по подготовке побега. Столь тщательно укрываемая до сих пор тайна приоткрылась начальству. В рavelине что-то готовилось, что-то очень серьезное; о серьезности положения можно было судить по распоряжениям коменданта, конечно, "совершенно секретно", данным им смотрителю рavelина подполковнику Филимонову, с одной стороны, и, с другой — жандармскому капитану Леснику, "временно заведующему арестантскими помещениями". Лесник заведовал тюрьмой Трубецкого бастиона, соседившего с рavelином. Васильевские ворота, находившиеся в нескольких саженьях от бастиона, отделяли последний от рavelина.

16 ноября 1881 года (№ 317) комендант дал следующее предписание капитану Леснику:

"Предписываю вашему благородию часовому, выставленному в калитке деревянного забора, расположенного у Васильевских ворот, вменить, между прочим, в строгую обязанность прислушиваться к шуму и крику по направлению к Алексеевскому рavelину, и если бы он что-либо подобное услышал или услышал бы ружейный выстрел, то немедленно

дал знать о том начальнику караула, а этот последний вам. Ввиду сего обязываю усилить в настоящее время вашу бдительность до последней возможности и быть ночью в таком положении, чтобы тотчас по получении вышеозначенного извещения могли сделать, не теряя ни минуты, следующее:

1. Дать мне знать через присяжного унтер-офицера и в тот же момент с 10 человеками рядовых от караула Трубецкого бастиона бежать в Алексеевский рavelин, имея ружья заряженными, оставив Трубецкой бастион под наблюдением остальных чинов караула, жандармов и присяжных унтер-офицеров.

2. Если на звон колокольчика, имеющегося при Васильевских воротах, не будет моментально отворена калитка, а между тем в рavelине будет происходить шум или особое движение, то выломать калитку и, взойдя в оную, оказать содействие команде Алексеевского рavelина, приказав при действительной надобности употребить против злоумышленников огнестрельное оружие, и

3. Если встретится надобность для ограждения арестантов рavelина от освобождения их вторгнувшимися туда злоумышленниками, то, действуя против последних, не терять из виду и арестантов, при которых усилить караул и в случае опасности вывести их оттуда в нумера Трубецкого бастиона под строгим присмотром”.

18 ноября (№ 319) комендант дал дополнительное предписание тому же Леснику:

”Предписываю вашему благородию с сего числа и впредь до приказа ружейного часового, выставлявшегося до сего времени в калитке деревянного забора, расположенного к Васильевским воротам, ставить ежедневно в 8 часов вечера под Васильевские ворота крепости, ведущие в Алексеевский рavelин, с тем:

1. Чтобы он, оставаясь у сих ворот до 7 часов утра, имел наблюдение за тем, чтобы ворота и калитка оных были закрыты с внутренней стороны на ключ.

2. Чтобы с того времени решительно никого не выпускал из рavelина, а равно и не впускал туда, кроме смотрителя онoгo, отдельного корпуса жандармов подполковника Ф и л и м о н о в а и то не иначе как по вызову к себе из помещения присяжных, фельдфебеля наблюдательной команды Б ы с т р и ц к о г о и удостоверения последним, что желающий выйти или войти обратно есть действительно подполковник Филимонов.

3. Для чего вы обязываетесь перед 8 часами вечера фельдфебеля Быстрицкого ежедневно предъявлять всем сменам часовых означенного поста с целью ознакомить их с наружным видом Быстрицкого, и

4. Чтобы часовой этот, оставаясь под Васильевскими воротами, бдительно вслушивался, не происходит ли в Алексеевском рavelине шума или особого движения, и если что-либо подобное услышит, а тем более выстрел, то немедленно звонить в устроенный у забора в караул Трубецкого бастиона колокольчик, по которому начальник караула обязан сию же минуту доложить вам, и вы стремительно направляетесь в рavelин с людьми и поступаете согласно вышеприведенного предписания моего за № 317".

Смотрителю рavelина 18 ноября (№ 320) комендант дал следующее предписание: "В дополнение к инструкции, предписаниям и словесным моим подтверждениям, предписываю:

1. Ключ от калитки Васильевских ворот, ведущих в рavelин, так равно и от всех других ворот рavelина, долженствующих быть запертыми всегда на замок, хранить лично при себе, с тем, чтобы днем, при надобности пропустить кого-либо из людей команды рavelина или выпустить кого-либо из лиц, имеющих право входа в рavelин, он был выдаваем поддежурному жандармскому унтер-офицеру, обязанному совместно с разводящим на часы сопровождать входящего и впускать входящих в рavelин.

2. С 8 часов вечера, когда все чины рavelина должны быть на местах и когда помещение это, с окончанием обычных служебных занятий, обращается в полную тишину, ключи от ворот безотлучно должны храниться при вас, и всякий выход и вход в рavelин должен быть прекращен для всех и каждого.

3. Если вы сами, ввиду чрезвычайного служебного случая, встретите надобность на короткое время выйти после 8 часов вечера из рavelина, то это вам лично не воспрещается, но при этом вы обязаны дать знать голосом часовому, стоящему с наружной стороны у Васильевских ворот и ожидать, пока он вызовет к себе фельдфебеля наблюдательной команды Быстрицкого для удостоверения вашей личности.

4. Часовым от местной команды, выставляемым на ночь на стену Алексеевского рavelина с целью обзора окружающей местности, иметь револьверы заряженными.

5. Вменить им в обязанность зорко следить за окружностью и, если заметят приближение к рavelину яликов

с пассажирами, столпившихся людей на противоположном берегу или на проливе, когда он замерзнет, немедленно давать знать в караул, а этому последнему вам.

6. По получении такового сведения обязаны стремительно отправиться на стену равелина с частью людей от караула и поступить, смотря по обстоятельствам, с полной осторожностью.

При чем присовокупляю, что на днях вы получите от меня указание относительно нового порядка увольнения людей со двора и топки для них равелинной бани; что же касается наблюдения за людьми команды, увольнения их со двора и наряда в должности по равелину то это, как я не раз вам подтверждал, остается по-прежнему на вашей личной ответственности и распоряжении. Помощник же ваш, подпоручик Андреев, отвечает лишь за хозяйство в команде, т.е. за продовольствие и обмундирование ее".

19 ноября комендант дал еще новое предписание (№ 321).

"В дополнение к предписаниям моим, последовавшим с 18 числа текущего месяца, предписываю:

1. Под окном камеры заключенного под № 5 иметь часового от равелинного караула постоянно, днем и ночью.

2. Чтобы в дежурной комнате, смежной с означенной камерой, с 8 часов вечера находились два жандармских унтер-офицера: один дежурный и другой поддежурный.

3. Чтобы дежурный унтер-офицер по возможности чаще патрулировал по коридорам с целью наблюдения за бдительностью часовых при арестантских камерах и надзирал по временам в стекло, устроенное в дверях камер, за действием арестантов, делая это по возможности незаметным для них образом.

4. Дежурного и поддежурного вписывать в постовую книгу, имеющуюся в карауле для записывания смен часовых, и удостоверить оную ежедневно своею подписью*".

Чего же ждал комендант и что он знал? В эти дни (16—22 ноября) комендант узнал, что у арестанта № 5, Нечаева, есть сношения с волей, что он готовит побег, что для устро-

*В предписаниях 19 ноября (№ 322), 20 ноября (№ 325) и 22 ноября (№ 326) комендант дал указания о новом порядке продовольствования команды непосредственно из местной крепостной команды, о порядке приема пищи для заключенных в непрестанном присутствии смотрителя, о порядке увольнения нижних чинов, о топке бани и стирке белья нижних чинов в стенах равелина.

ва побега может быть устроено нападение на островок равелина, причем нападавшие могут перебраться на яликах через Невку или перейти по льду. Относительно результатов пропаганды Нечаева среди конвойных комендант пока еще не знал: он считал команду верной и думал, что на нее можно положиться в случае нападения извне на равелин. Но тянулись дни, сведения из достоверного источника все умножались, и тайна нечаевской организации была раскрыта во всей полноте.

17 декабря (№ 358) комендант рапортовал министру внутренних дел о том, что он, комендант, вследствие обнаруженного в Алексеевском равелине беспорядка признал необходимым: 1) подвергнуть это дело строжайшему дознанию, а всех состоящих при равелине 4 жандармских унтер-офицеров и петербургской местной команды 1 унтер-офицера и 29 рядовых заключить под стражу впредь до выяснения виновности каждого из них; 2) петербургскую местную команду, составляющую караул в равелине, сменить, если не всю, то по крайней мере 75 человек; 3) до освежения команды временно назначить в равелине, сверх новых 4 жандармских унтер-офицеров, еще 27 жандармских рядовых при одном унтере. Вместе с сим 18 декабря (№ 359) "в дополнение личного доклада о неудобстве оставлять на службе смотрителя Филимонова", комендант просил министра удалить его и назначить на его место избранного министром штабс-капитана Соколова. Все предположения коменданта удостоились одобрения и осуществления.

20.

Но от кого почерпнуло начальство чрезвычайные сведения о равелине, кто явился их источником?

Когда по раскрытии нечаевской "организации" началось производством жандармское дознание, директор департамента полиции В.К.Плеве весьма доверительно сообщил руководившему дознанием жандармскому генералу А.Н.Никифоруки имевшиеся в департаменте данные: "Из имеющихся в департаменте государственной полиции, добытых негласным путем, сведений видно, что письменное сообщение арестантов равелина при посредстве нижних чинов началось с декабря 1879 года; затем, в конце 1880 года, с помещением в равелине государственного преступника Ширяева, были заведены письменные сношения с городом, согласно указаниям этого последнего, сообщенные им, по-видимому, государственному преступнику Нечаеву, который руководил непосредственно

как внутренней, так и внешней перепиской и склонял посредством денег, получавшихся из города тем же путем, нижних чинов к передаче писем и записок. Не все нижние чины принимали одинаковое участие в указанной передаче. В город посылались лишь самые доверенные (нижние чины: Березин, Борисов, Дмитрий Иванов и в особенности Губкин), большая часть занималась передачей внутренних записок, покупкой газет, и затем, по-видимому, безусловно все вступали в разговоры с арестантами, сообщая им слухи и новости, источником коих служили обыкновенно разговоры унтер-офицеров в караульной комнате, где эти последние, не стесняясь присутствием нижних чинов, передавали друг другу об известных им распоряжениях и слышанные новости от смотрителя. Из числа жандармских унтер-офицеров Александров также проносил несколько раз письма Нечаева к государственному преступнику Мирскому; остальные трое отличались болтливостью, лишь разговорами и передавали новости. К сему имею честь присовокупить, что источнику, доставившему изложенные сведения, должно быть оказано известное доверие, так как указания эти находят себе подтверждение как в производившемся уже летом сего года дознании по обвинению вышеупомянутого рядового С.П.Б. местной команды Губкина в доставлении государственным преступникам средств сношения с посторонними лицами, так и ввиду раскрытых производством расследования по делу 1 марта обстоятельств, именно, обнаружения у казенного государственного преступника Желябова зашифрованного письма, по разбору содержания коего не представляется ныне сомнения в том, что такое писано арестантом в равелине”.

Сведения, добытые негласным путем... Источнику, доставившему эти сведения, должно быть оказано известное доверие... Но кто же мог сообщить эти сведения, в такой форме и в таком объеме? Уж, очевидно, не солдат и не жандарм! Их фамилий скрывать не стали бы.

Граф П.А.Валуев в своем дневнике, под 15 февраля 1883 года, записал: ”Слышал вчера от товарища министра внутренних дел, что совершенно справедлив давнишний рассказ о том, что едва не удался побег всех арестованных из Алексеевского равелина. Один из них выдал тайну. Сторожевая команда и жандармы были переносителями и пособниками”*. Речь идет,

*Гр. П.А.Валуев. Дневник 1877—1884. Пг., 1919, стр. 223.

конечно, о нашем случае. Один из заключенных выдал тайну. Но в ноябре месяце 1881 года (после увоза Бейдемана и смерти С.Г.Ширяева) в равелине было всего два заключенных: Нечаев и Мирский. Итак, выдал тайну сношений и подготовлявшегося побега Мирский. Но достаточно ли доказательств за подобным утверждением?

Я располагаю рукописными воспоминаниями Мирского, присланными им в 1917 году в редакцию "Былого" и написанными в третьем лице. Эпизод пребывания в равелине изложен следующим образом:

"Когда в 1879 году привезли Мирского, изъятого из вольной жизни только несколько месяцев тому назад, то настала новая эпоха для равелинских узников, которых было три, да и то один больной, впавший в тихое помешательство.

Завязалась оживленная переписка "с волей", получались газеты, делились впечатлениями и, между прочим, подумывали о побеге. Нечаев составил такой план: в крепость каким-то образом проникнут 20—25 вооруженных людей с воли. Навстречу им выйдут заключенные, солдаты и жандармы. Эти соединенные армии должны были каким-то образом прорваться через многочисленные посты и иные препятствия. Пишущему эти строки* известно, что Мирский отнесся отрицательно к этому плану, и план был отстранен, так как пришлось считаться с реальным фактом, имевшим важные последствия. На воле при обыске нашли шифрованное письмо; долго бились над дешифровкой этого письма жандармы, и был слух, что только в министерстве иностранных дел отчасти его дешифровали и тогда узнали, что письмо из Алексеевского равелина. Это произвело переполох. Как! Письмо из равелина! Из этой наисекретнейшей тюрьмы! Чтобы узнать, кто проносит письма, комендант крепости издал приказ, чтобы пропускать в город не более 4 солдат одновременно из равелинного караула. За каждым солдатом следовала тень в виде сыщика, а если это не удавалось, то солдатик возвращался, не исполнив поручения! Так как все солдаты, по мнению сыщиков, лавировали, чтобы скрыться от них, то начальство пришлось к заключению, что вся равелинская стража неблагонадежна. И вот в один прекрасный день Алексеевский равелин был окружен войсками. Смотритель тюрьмы, 4 жандарма и 30 солдат были арестованы и препровождены в военную

*Т.е. Мирскому.

тюрьму. Смотрителем тюрьмы назначили офицера Соколова, грубого, жестокого бурбона. Заключенных перевели на каторжный режим: утром 2 1/2 ф. черного хлеба, в обед баланда с 32 золотниками³¹ мяса; вечером жидкая кашлица. В среду и пятницу еще более скудная п о с т н а я пища. От такой пищи у Мирского появилась цинга в сильнейшей степени. Его перевели в дом предварительного заключения для излечения, а в июле 1883 года отправили в Кару вместе с прочими каторжанами”.

В своих воспоминаниях Мирский только всего и вспоминает, что он отнесся к нечаевскому плану побега отрицательно, и поэтому план был отстранен, но о каких-либо своих действиях и поступках, направленных против этого плана, он ни единым словом не заикается. Да и как об этом написать! Но у нас есть документальные данные о предательстве, совершенном Мирским. Каким-то чудом сохранилось дельце управления коменданта с.-петербургской крепости по Алексеевскому равелину “О заключении в Алексеевский равелин секретного государственного преступника М.” (начато 28 ноября 1879 года — день вступления Мирского в равелин, кончено 18 июля 1883 года). В дельце есть собственноручная записка и письма Мирского к коменданту Ганецкому. Эти человеческие документы свидетельствуют о падении Мирского и о мотивах, толкнувших его на выдачу. Мотивы мелкоэгоистичные, ничтожные. Маленькие льготы в режиме, послаще пища, получше табак и чтение книг. Вот и все. Даже не верится, но это так.

27 ноября (№ 337) Ганецкий сообщал Плеве о том, что «содержащийся в Алексеевском равелине государственный преступник М. обратился с просьбой о высылке ему для чтения журнала “Отечественные Записки” за 1880 год», и от себя “покорнейше просил не отказать, если возможно, удовлетворить его ходатайство и о последующем не оставить уведомлением”. Эта, столь необычная для коменданта, просьба, которая сейчас же и была удовлетворена, могла бы навести на некоторые догадки; но еще больший простор догадкам дает следующее письмо Мирского к коменданту, писанное 7 января 1882 года.

“Ваше высокопревосходительство. Считаю своим приятным долгом от всего сердца поблагодарить вас, многуважаемый г. комендант, за сделанные вами распоряжения, весьма благоприятно отозвавшиеся на внешних условиях моей жизни.

Ваше великодушное желание облегчить сколько-нибудь мою тяжкую участь, рядом с любезною готовностью г. зрителя выполнить ваши распоряжения в точности, сделали мое положение вполне сносным.

Ободренный вашей добротой и вниманием, беру на себя смелость обратиться к вашему высокопревосходительству еще с некоторыми просьбами.

1) В прошлом году, до составления нынешнего расписания кушаньев, бывший зритель г. Филимонов, расходуя деньги по своему усмотрению, каки-то образом достигал того, что к воскресенью сберегалось несколько лишних копеек, на которые, в прибавление к обыкновенному обеду, покупался еще десерт в виде пары апельсин или кисти винограда, или же каких-нибудь ягод (летом). Давался также стакан кофе, от которого, впрочем, я отказался, ввиду возбуждающих свойств этого напитка, но десертом я дорожил в высшей степени. При подавляющем однообразии тюремной жизни, при неумолимо-неизменной последовательности и размеренности всего тюремного обихода, этот десерт-сюрприз имел значение даже нравственное, нарушая обычное течение жизни. Все это отменено покойным комендантом под влиянием неосновательных жалоб известного вам "капризного" человека, который добился составления нынешнего расписания, не справляясь, конечно, со вкусами других*. Если в настоящее время ваше высокопревосходительство найдете возможным, так или иначе, доставить мне прежнее недорогое лакомство, то этим заставите меня лишний раз сказать вам искреннее спасибо.

2) Получаемый мною табак — рублевый. При нынешних ценах на этот товар, за рубль дают нечто среднее между махоркой и так называемым турецким табаком. Хотя за два года я попривык к своему табаку, но тем не менее его вредное влияние на грудь не подлежит сомнению, а для устранения этого неудобства требуется расход в шестьдесят копеек ежемесячно — не более...

3) Я, ваше высокопревосходительство, как вам, вероятно, неизвестно, пользовался четырьмя ежемесячными журналами, выписываемыми вашей канцелярией. С настоящего января месяца доставка этих журналов, по неизвестным мне причинам, прекратилась. Если в канцелярии вашего высоко-

*"Капризный" человек — это, конечно, Нечаев.

превосходительства имеются какие-нибудь периодические издания за прошлый 1881 год, — то, я надеюсь, вы позволите мне воспользоваться ими. Это тем более необходимо, что "Отеч. Зап." я уже дочитываю, а в здешней библиотеке мало найдется книг, мною не прочитанных. По этому делу (т.е. на счет книг вообще) мне, вероятно, придется обратиться к господину министру, но я сделаю это уже при личном свидании, которого ожидаю со дня на день, согласно прежним намерениям его сиятельства.

С чувством искренней преданности и глубочайшего уважения имею честь быть вашего высокопревосходительства почтеннейший слуга

Л.М."

Когда читаешь это письмо, диву даешься. На все пойду, — только бы сохранить эту жизнь, только бы сберечь себя, сберечь здоровье прежде всего! Вот куда завела молодого человека с избытком жизненных сил бесконечная любовь к жизни!

Такие просьбы тюремному начальству мог адресовать только оказавший какие-то немаловажные услуги и считающий себя в силу этого на это вправе. Нельзя не подчеркнуть, что Мирский вступил в хорошие отношения не только со зрителем (а ведь это был "Ирод"!) и комендантом, но и с министром, графом Н.П.Игнатьевым, который лично навестил его в равелине.

Забегая вперед, я должен привести письмо Мирского к коменданту от 1 ноября 1882 года. В это время в равелине уже царил знаменитый "соколовский режим", и, очевидно, при своей любезной готовности в отношении к Мирскому, Соколов забывал об услуге Мирского и подводил его под общий ранжир. Такое "равнение" обижало выслужившегося Мирского, и он писал коменданту:

"Убедившись неоднократно в вашем благородстве и великодушии, я привык в тяжелые минуты жизни обращаться к вашему высокопревосходительству о тем безусловным доверием, которое внушала мне ваша доброта. И в настоящее время я с упованием и надеждой прибегаю к вам.

Библиотека равелина крайне небогата, и во все время моего в нем пребывания в дополнение к здешним книгам присылались еще журналы и французские книги извне. Теперь журналов нет, французских книг тоже нет, а многих из русских сочинений мне не дают под тем предлогом, что запачканы.

Выходит, что я оставлен вовсе без чтения. Меня особенно удивляет последнее обстоятельство. В самом деле, неужели после всего случившегося нужно принимать против меня такие предосторожности? Ведь я же знаю, кто именно испачкал, мало того, — и видел эти книги и то, что в них написано, ибо все вообще равелинские книги уже побывали у меня. После этого очевидно, что лишение меня лучших из имеющихся в библиотеке сочинений есть простое недоразумение. Систематические стеснения, которым я подвергаюсь с начала нынешнего года, невольно наводят меня на весьма грустные размышления. Прежде, когда я был преступнейший из преступных, нераскаянный и дерзкий, я был, так сказать, подавлен и пристыжен величием царского милосердия и снисходительностью правительства. Кто знает, быть может, именно это великодушное обращение со мною и произвело во мне решительный перелом. Познав бога, я всей измученной душою возлюбил царя. Горькие слезы раскаяния и угрызения совести и побудили меня хоть чем-нибудь ознаменовать свое нравственное перерождение. Я решился оказать великодушному правительству посильную услугу и сделал в этом отношении все, что только мог. Случаю было угодно, что именно с этого момента условия моей жизни стали постепенно ухудшаться и, наконец, теперь дошло до того, что даже ничего не стоящих журналов нельзя получить на самое короткое время для прочтения. По временам мне приходит в голову, что, быть может, нарочно подвергают испытанию мою верноподданническую преданность и любовь к царю. В таком случае, я совершенно спокоен, ибо уверен в себе: никакие испытания не поколеблют моих принципов, которым я останусь верен до последнего издыхания. Раз познав истину, я не отступлю от нее ни за что. Но, с другой стороны, мне кажется, что подобного рода опыт едва ли нужен, ибо я неопровержимо, фактами, а не словами, доказал, что решение мое бесповоротно и что, вступив на добрый путь, я не намерен сходить с него до конца жизни. Наконец, как ваше высокопревосходительство, так и г. министр, казалось, вполне убедились в моей честности и осчастливили своим доверием. Вследствие этого всего неудобства своего нынешнего положения я приписываю простой с л у ч а й н о с т и и убежден, что мои настоятельные нужды будут удовлетворены, лишь только моя просьба дойдет до вашего высокопревосходительства. Если нельзя мое положение сделать лучше прежнего, в таком случае пускай по

крайней мере оно не будет хуже, пусть будет все по-старому. То есть: хорошая пища, достаточные прогулки, право пользоваться в с е м и книгами из здешней библиотеки, журналы из департамента и французские книги из магазина Мелье. Я глубоко убежден, что ваше высокопревосходительство если не облегчите моей участи, согласно своему милостивому обещанию, то во всяком случае не отнимете у меня тех скромных удобств, коими я пользовался в прежнее время. Я знаю ваше доброе сердце и потому не позволю себе сомневаться в благоприятном исходе моего ходатайства.

Я просил историю Шлоссера и не получил ее потому, что запачкана. Но так как это — единственное серьезное сочинение в здешней библиотеке, то я покорнейше прошу распорядиться о выдаче мне этой книги, как вообще и всех других, принадлежащих равелину. Из журналов 1881 года я получил только "Русский Вестник", а остается дополнить "Вестник Европы" и "Русскую Старину" за вторую половину 1881 года (начиная с августа месяца); кроме того, я уже просил о высылке "Отечеств. Записок" и "Дела" за текущий 1882 год. Нынешний год уже кончается, и, следовательно, журналы за первую его половину уже не нужны и валяются без всякого употребления. Буду также весьма благодарен, если ваше превосходительство позволите мне выбрать хоть десяток книг по каталогу магазина Мелье. Я заранее уверен, что вы не останетесь глухи к моим мольбам, и я был бы счастлив, если б имел возможность поблагодарить ваше высокопревосходительство л и ч н о. В настоящее время посещения вполне возможны, ибо соседи не будут даже и знать. — С нетерпением и надеждой ожидая вашего ответа, имею честь быть покорнейший слуга".

Комендант внял просьбе Мирского и 9 ноября (№ 478) просил В.К.Плеве прислать "известному арестанту" "Дело" и "Отечественные Записки" за 1882 год, а также каталог Мелье. "Ввиду важной его услуги в известном вам деле, — заканчивал свое письмо генерал Ганецкий, — я просил бы, если возможно, не лишать его обещанных бывшим министром внутренних дел ген.-ад. графом Игнатьевым льгот в чтении книг и журналов". Плеве прислал и книги, и каталог. Комендант сейчас же предписал смотрителю равелина: "Препровожденные журналы, по строгом просмотре, передать известному арестанту, содержащемуся на известном условии, и предложить ему сделать на прилагаемом каталоге пометки против тех французских книг, которые он желал бы читать".

И комендант, и Плеве хранили память об услуге Мирского. В чем она состояла — теперь нам ясно без дальнейших комментариев.

Мирский выдал тайну Нечаева и предал его и солдат...

Донос Мирского сыграл существенную роль в деле раскрытия тайн Алексеевского равелина. Эта роль признана в докладе министра внутренних дел царю. 4 декабря 1881 года доклад начинается с изложения и цитации шифрованной записки, взятой у Желябова и в своем месте нами приведенной. Вслед за текстом записки в докладе читаем:

”За отказом Желябова давать какие-либо показания, происхождение означенной записки установлено в то время не было, и хотя возникали предположения, не имеет ли она отношения к страже, охраняющей государственных преступников, но таковые не подтвердились, так как ни обыски, произведенные в домах унтер-офицеров Алексеевского равелина, ни наблюдения за этими лицами не привели ни к каким результатам. В настоящее время получены достоверные указания на то, что записка эта писана одним из лиц, содержащихся в упомянутом равелине, так что помещенные в ней сведения, очевидно, относятся к чинам петербургской местной команды, кои содействуют поддержанию сношений между арестованными и их единомышленниками, находящимися на свободе. Ввиду сего один из чинов сей команды, рядовой Иван Губкин, как навлекающий на себя наибольшее подозрение, арестован, и к производству расследования по сему предмету уже приступлено.

Всеподданнейше донося о сем вашему императорскому величеству, считаю долгом присовокупить, что участие Губкина в преступных сношениях арестантов находит себе подтверждение как в имеющихся по сему предмету негласных сведениях, так равно и в том факте, что в сентябре сего года производилось уже дознание о помянутом выше Губкине, бывшем тогда в составе равелинной команды, вследствие павшего на него обвинения в сношениях с какими-то посторонними лицами, прохаживавшимися нередко не в далеком расстоянии от равелина. К этому дознанию привлекаем был также служивший до марта 1881 года в с.-петербургской местной команде и ныне находящийся в запасе армии рядовой Штырлов, о котором было обнаружено, что он, проживая, по оставлении крепости, на Петербургской стороне, часто посещал крепостные казармы, бывая у своих прежних товарищей по службе, которым,

будучи по ремеслу сапожником, шил обувь, и что во время состояния в команде за дурное поведение и неисправное отправление служебных обязанностей был разжалован из унтер-офицеров в рядовые, каковое обстоятельство устанавливает тождество между ним, Штырловым, и рекомендованным в записке унтером Штыкловым. Означенным дознанием по подозрению, павшему на Губкина, не удалось получить уличающих его доказательств, почему и признано было возможным ограничиться лишь устранением его на будущее время от службы в Алексеевском равелине”.

Достоверные сведения и негласные указания исходили от Мирского: им была разъяснена записка Нечаева и определен арест Губкина. Кому он дал указания? Коменданту или министру? Из приведенных документов видно, что граф Игнатьев посетил Мирского в камере. Не по его ли, Мирского, вызову и не для соглашения ли о компенсациях? Мирский, как мы видим, много не запросил. С делом раскрытия тайн связан и следующий инцидент.

10 ноября 1881 года “совершенно конфиденциально” директор департамента государственной полиции В.К.Плеве “покорнейше просил в дополнение к письму от 6 ноября за № 6244 (которое, к сожалению, нам неизвестно) милостивого государя Ивана Степановича (коменданта крепости Ганецкого), не изволит ли он признать возможным разрешить смотрителю Алексеевского равелина дать разъяснения капитану Судейкину по некоторым вопросам относительно арестантских помещений равелина и условий содержания в оных арестантов”. “Эти сведения, — писал Плеве, — представляются крайне необходимыми по секретному делу, производящемуся в департаменте”. Просьба была исполнена, и Судейкин получил желаемые разъяснения.

Дальнейшие указания мог дать Губкин, арестованный 15 ноября 1881 года. Но Губкин, по всей вероятности, сдался не сразу: один раз (летом) его уже держали и выпустили без всяких последствий. Но ни он и никто из его товарищей на следствии не проговорились ни одним словом о плане побега, — том готовом плане, сообщение о котором столь взволновало коменданта, да и вряд ли они, помощники Нечаева, знали его в целом; Нечаев был замечательный конспиратор, и для каждого, кого он втягивал в свой круг, была своя конспирация деталей, а целое знал он один (да, должно быть, Мирский). Или и фактических приготовлений к осуществлению

плана не было и Мирский изобрел их в своем доносе? Трудно ответить на эти вопросы.

21.

В ответ на предложение коменданта об аресте служивших в равелине граф Игнатъев признал необходимым арестовать не только нижних чинов, состоявших в команде равелина в момент открытия сношений, но и всей бывших в ее составе в течение 1880—1881 годов. Производство дознания было возложено на начальника с.-петербургского жандармского управления полковника Оноприенко под непосредственным наблюдением начальника штаба отдельного корпуса жандармов ген.-майора Никифораки.

29 декабря 1881 года были арестованы и размещены в одиночках Трубецкого бастиона жандармские унтер-офицеры: Лешпинг, Александров, Федоров и Лаврентьев; затем состоящие при равелине унтер-офицер Николай Рябов, ефрейторы Василий Чухлом и Яков Колодкин, рядовые: Кузьма Березин, Михаил Ульянов, Адриан Дементьев, Иван Тоньшев, Иван Мыркин, Адриан Кобылин, Иван Тиханов, Илья Ильин, Сила Андреев, Кирилл Никифоров, Дмитрий Осипов, Дмитрий Евдокимов, Семен Леонтьев, Александр Васильев, Алексей Леонов, Нефед Иудин, Василий Иванов, Федор Степанов, Адриан Чернышев, Иван и Дмитрий Яковлевы, Емельян Борисов, Василий Кузьмин, Александр Образцов, Павел Сергеев, Фома Никитин и Дмитрий Петров и, наконец, десять нижних чинов местной команды, ранее служивших в равелине: рядовые Григорий Петров, Иван Губкин (он уже с 16 ноября содержался при управлении спб. обер-полицмейстера), Платон Вишняков, Климон Попов (находился в госпитале), Иван Дмитриев, Ермолай Иванов, Леон Архипов, Адриан Емин, Дмитрий Иванов 2-й, Яков Шарков и писарь комендантского управления Александр Дубровин, — всего 42 человека. Это число арестованных увеличивалось в течение января и февраля месяцев. Разыскивались и арестовывались все служившие в равелине с 1879 года, уже вышедшие в запас и жившие на родине в глухих углах северных губерний. Разновременно в январе были заключены: Егор Колыбин, Григорий Юшманов, Иван Штырлов. Затем под конвоем разновременно были доставлены в крепость запасные рядовые: Иван Балыков, Адриан Никаноров, Ефим Тихонов, Антон Гусев, Кир Бызов, Евлампий Опарин, Нестор Иванов, Федор Бородин,

Василий Попков, Влас Терентьев, Андрей Орехов, Гавриил Драчев, Тимофей Кузнецов, рядовой Прокофий Самойлов, Федот Ермолин и жандармский унтер-офицер Николай Исаков. Наконец, 2 февраля был арестован и студент Военно-медицинской академии Евгений Дубровин и в марте — фейерверкеры Охтенского порохового завода Глуховский, Емельянов, Иванов и Филиппов. Всего по делу о пропаганде было арестовано и привлечено к дознанию 69 человек; один (рядовой Доронин) остался разысканным. Впоследствии было освобождено 24 человека.

К 10 марта жандармское дознание было закончено. 10 марта 1882 года граф Игнатьев представил Александру III доклад об этом деле и к докладу приложил составленную жандармским майором Головиным "Записку из дознания о беспорядках, бывших в Алексеевском равелине". Записка, занимающая 29 страниц, составлена сжато и обстоятельно. Картина распада дисциплины нарисована яркими штрихами. Александр III прочел эту записку и выразил свое впечатление в следующей надписи: "Более постыдного дела для военной команды и ее начальства, я думаю, не бывало до сих пор". Дознание разбило привлеченных на две группы. Одна группа должна была пройти перед военным судом по обвинению специально в воинских преступлениях — в несоблюдении особых обязанностей караульной службы. Это были жандармские унтер-офицеры: Карл Леппинг, Александр Александров, Николай Исаков и Захар Федоров; запасные рядовые: Еф. Тихонов, Попков и рядовые: Березин, Ульянов, Мыркин, Ив. Тиханов, Леонов, Вас. Иванов, Степанов, Андреев, Ильин, Чернышев, Яковлев, Кузьмин, Сергеев, Дм. Иванов, Шарков, Ермолин, Никифоров. К ним было присоединено и их начальство — подполковник Филимонов и поручик Андреев, обвиняемые в противозаконном бездействии власти, имевшем особо важные последствия. Вторая группа должна была предстать перед судом по обвинению в государственном преступлении. Это — процесс студента Евгения Александровича Дубровина и запасных обер-фейерверкеров Охтенского порохового завода Александра Филиппова и Алексея Иванова; из солдат сюда были пристегнуты запасные рядовые: Орехов, Колыбин, Бызов, Кузнецов, Терентьев, Юшманов, Штырлов, ефрейтор Колодкин и рядовые: Дементьев, Григ. Петров, Тоньшев, Борисов, Архипов, Вишняков, Губкин и Самойлов. В конечном счете через суд прошло из команды равелина 4 жандармских унтер-офицера и 35 солдат.

Заседания с.-петербургского военно-окружного суда по первому процессу происходили при закрытых дверях в крепости 24 и 25 мая 1882 года под председательством ген.-лейтенанта Лейхта. Обвинял военный прокурор полковник Маслов; защищали военный судебный следователь Дзенциолл — подполковника Филимонова по его выбору, и по назначению суда кандидаты на судебные должности: Марголин — поручика Андреева, а штабс-капитаны Бобянский и Дмитриев — солдат. Оправдан был только жандармский унтер-офицер Федоров, все остальные обвинены. Жандармские унтер-офицеры Лепшинг, Исаков, Александров и рядовые Еф. Тихонов, Ив. Тиханов, Ильин, Чернышев, Ермолин, Попков и Никифоров приговорены, по лишении некоторых прав и по состоянию присвоенных прав и преимуществ, к отдаче в дисциплинарные батальоны на три года с переводом в разряд штрафованных. Рядовые Березин, Ульянов, Мыркин, Леонов, Вас. Иванов, Дм. Иванов, Степанов, Андреев, Яковлев, Кузьмин, Сергеев и Шарков к тому же поражению прав и к отдаче в дисциплинарный батальон на 2 1/2 года. Филимонов и Андреев приговорены по лишению чинов, знаков отличия и всех особых прав и преимуществ, к исключению из службы и к ссылке на житье в Архангельскую губернию.

23 июня осужденные солдаты были отправлены в воронежский дисциплинарный батальон. Поручику Андрееву, по ходатайству коменданта, приговор был смягчен: ссылка была заменена шестимесячным заключением в крепость с небольшими правоограничениями и с оставлением на месте служения, т.е. в крепости. Комендант ходатайствовал и за Филимонова. Он объяснял его преступление исключительно его неслетливостью, недостатком распорядительности и... ухищрениями и скрытностью нижних чинов! Но ходатайство Ганецкого успехом не увенчалось, и он был обращен в ссылку.

Второй процесс, политический, разбирался также в военно-окружном суде 3 декабря 1882 года. Все подсудимые признаны виновными и приговорены — Дубровин — в каторжную работу на заводах на четыре года, Филиппов — на пять лет, все нижние чины — к лишению прав и ссылке на поселение в Сибирь, причем Штырлов, Колыбин, Бызов, Кузнецов, Юшманов, Колодкин и Тонышев — "в места Сибири отдаленнейшие", а Орехов, Терентьев, Дементьев, Петров, Борисов, Архипов и Вишняков — "в места Сибири не столь отдаленные". Иванов

отделался сравнительно легко — только тюремным заключением на 6 месяцев.

22.

После катастрофы Нечаев был переведен 29 декабря 1881 года в камеру № 1 — последнее его земное местопребывание. Камера № 1 находилась в так называемом малом коридоре лицевого фасада; в этот коридор выходили три камеры; никакого сообщения между этим малым, совершенно изолированным, коридором и большим не было. В № 2 — была дежурная комната жандармов, и сидевшие в № 1 и 3 находились в абсолютном, полном одиночестве, без возможности войти с кем-либо в общение. Те же, кто сидели в камерах большого коридора, могли и не догадываться о том, что кто-нибудь есть и в малом коридоре. Так и случилось: при новом смотрителе, незабвенном штабс-капитане Соколове, при абсолютно новом составе равелинной стражи, Нечаев, посаженный в камеру № 1, подвергся изоляции настолько полной, что заключенные в 1882 году в равелине народовольцы и не подозревали о его присутствии в равелине.

Нечаев точно сгинул, и только темные и зловещие рассказы ходили о его участии и о его судьбе.

Мирский оставался в № 13. Режим для того и другого первое время после катастрофы оставался без изменений. И Мирский и Нечаев читали книги — департамент полиции по-прежнему посылал им книги, — имели прогулку, пользовались сравнительно хорошим столом. Им отпускалось по 70 коп. в день — сумма по тому времени очень большая.

В ночь с 26 на 27 марта 1882 года произошло давно, со середины шестидесятых годов, невиданное наполнение Алексеевского равелина.

26 марта 1882 года директор департамента полиции сообщал коменданту с.-петербургской крепости о том, что "вследствие полученных министром внутренних дел высочайших указаний, государственные преступники, судившиеся в феврале 1882 года в Особом присутствии Правительствующего Сената по обвинению в тяжких государственных преступлениях, как присужденные к смертной казни, коим таковая заменена по высочайшему усмотрению бессрочной каторжной

работой, так и приговоренные к таковой же работе на разные сроки Особым присутствием, подлежат впредь до особых распоряжений содержанию в тюремных помещениях С.-Петербургской крепости на положении преступников, содержащихся в центральных каторжных тюрьмах". Сообщив об этом, директор департамента полиции уведомлял коменданта крепости о том, что "из числа этих арестантов: Александр Михайлов, Николай Колодкевич, Михаил Фроленко, Григорий Исаев, Николай Клеточников, Александр Баранников, Айзик Арончик, Николай Морозов, Мартын Ланганс и Михаил Тригони должны быть немедленно переведены в помещения Алексеевского рavelина" и что "срок каторжных работ для приговоренных к срочным наказаниям должен исчисляться со дня получения настоящего сообщения".

Получив распоряжение департамента полиции, комендант крепости немедленно отдал и свои распоряжения. Заведующему арестантскими помещениями с.-петербургской крепости майору Леснику он предписал "содержащихся в Трубецком бастионе осужденных преступников в числе 10-ти ночью 26 марта сдать под расписку отд. корп. жанд. штабс-капитану Соколову и из списков арестантов Трубецкого бастиона исключить".

Временно заведующему Алексеевским рavelином штабс-капитану Соколову комендант предписал (№ 181, 26 марта 1882 г.) "ночью 26 марта принять из Трубецкого бастиона от майора Лесника и включить в отдельные покои названных выше 10 человек". Комендант преподавал в бумаге еще следующие наставления: "Принятие и доставление в рavelин означенных преступников должно быть произведено под лично вашею ответственностью с особою осторожностью и в совершенной тайне. В такой же тайне они должны быть содержимы в рavelине, отнюдь не называя их по фамилиям. При чем для усиления бдительности за преступниками предписываю прибавить посты, один в большом коридоре и один снаружи под окнами, внушив часовым отнюдь не останавливаться: первым у дверей камеры, а последним у окна, а иметь бдительное наблюдение посредством незаметного тихого движения: в коридоре по матам, а под окнами по земле, но не по плитному тротуару, и обо всем замеченном давать знать дежурному жандармскому унтер-офицеру для доклада смотрителю". В тот же день 26 марта Ганецкий обратился к начальнику штаба отдельного корпуса жандармов с просьбой о прибавке

с 27 марта к жандармской команде при Алексеевском рavelине шести рядовых, ссылаясь в объяснении на то, что по особому экстренному распоряжению караул при арестантах ravelина увеличился на два поста. Заклучая свою просьбу, комендант подвел итоги численности жандармской команды, не лишнные интереса: со включением прибавки жандармская охрана ravelина при 12 занятых камерах состояла из 1 унтер-офицера и 41 рядового.

В ночь на 27 марта распоряжение департамента полиции было исполнено. 27 марта комендант всеподданнейшим рапортом (№ 189) довел до сведения царя о переводе народовольцев из бастиона в ravelин. В тот же день (№ 188) комендант уведомил директора, что осужденные государственные преступники "в ночь на 27-е марта при полном порядке и тишине переведены в Алексеевский ravelин и заключены в отдельные покои с содержанием впредь до подробных указаний на общем основании заключаемых в ravelин"*.

Церемониал перевода народовольцев завершился последней формальностью — предписанием от 16 апреля (№ 224) Соколову "принять от майора Лесника вещи преступников и хранить в цейхгаузе при ravelине, проветривая по временам, и предъявить опись вещам и деньгам для отобрания расписки в правильности подсчета". Из этой описи видно, что в момент перевода у А.Михайлова было 47 р. 55 к., у А.Баранникова — 419 р. 56 к., Колодкевича — 55 р. 7 к., Тригоии — 135 р. 12 к., А.Арончика — 7 р. 55 к., Исаева — 1 р. 53 1/2 к., Фроленко — 44 р. 47 1/2 к., Н.Морозова — 60 р. 10 к., Ланганса — 29 р. 85 к., Н.Клеточникова — 0.

Но помимо приведенного выше официального "отношения", заготовленного в канцелярии департамента полиции и только подписанного директором В.К.Плеве, в тот же день 26 марта из департамента в крепость пошла еще одна бумага: частное

*Комендант не разобрался в предписании департамента, и переведенные в ravelин должны были быть подчинены тому же сильно-каторжному режиму, какому подчинены были заключенные в бастионе, режиму, установленному для Сабурова, Михайлова и Веймара. Подлинный текст инструкции по содержанию последних мне не известен. Комендант следующим образом излагает содержание этой инструкции: "Преступникам, кроме казенной пищи, установленной для подследственных политических арестантов, заключающейся из обеда и ужина, не будет допускаться никаких улучшений в пище и покупки каких бы то ни было лакомств на собственные их средства, при чем они лишены курения табаку, чтения книг, кроме св. Евангелия, и вести переписку".

письмо Ивану Степановичу Ганецкому, написанное с начала до конца собственноручно Вячеславом Константиновичем Плеве и содержавшее указание интимного характера.

”Милостивый государь Иван Степанович! В дополнение к сообщению от сего числа по вопросу о перемещении некоторых арестантов в Алексеевский равелин, имею честь уведомить ваше высокопревосходительство, что переводимые арестанты, содержась на положении ссыльно-каторжных, подчиняются инструкции, составленной для содержания арестантов Веймара, Сабурова и Михайлова, относительно пищи и дисциплины, а также воспрещения книг, в прочем же содержатся на общем основании. Затем желательно, чтобы преступник Александр Михайлов содержался на той половине, где помещался известный арестант, причем им обоим не следовало бы разрешать прогулки; остальные же арестанты могут быть размещены в длинном коридоре с условием, чтобы возле занятой уже камеры, по обеим ее сторонам, были посажены Исаев и Баранников. Примите, ваше высокопревосходительство, уверение в совершенном уважении и преданности. В.Плеве”.

Это письмо требует некоторых пояснений. Известный арестант — это С.Г.Нечаев, уже изолированный в коротком коридоре равелина в № 1. Мы уже указывали, что в № 2 была дежурная комната, следовательно, и сидевшие в №№ 1 и 3 находились в действительном одиночном заключении, не имея физической возможности сноситься с соседями. Впоследствии в № 3 сидел П.С.Поливанов, переведенный сюда за перестукивание с Щедриным. В своих воспоминаниях он оставил поразительное описание об ужасающем влиянии на душу этого абсолютного одиночного заключения, а пробыл он там всего 7 1/2 месяцев. Здесь было положено начало той душевной болезни, которая вызвала позже в Алексеевском равелине двухкратное покушение на самоубийство. Нечаеву и Михайлову не сужден был хотя бы мгновенный перерыв абсолютного одиночества. Из своих номеров они уже не вышли. То невысказанное желание, которое руководило Плеве и было разгадано, конечно, комендантом, было желанием скорейшего исчезновения Михайлова из этого смертного мира.

Плеве поставил еще одно условие размещения: Исаев и Баранников должны были быть посажены по обеим сторонам занятой камеры. Речь идет о камере № 13, в которой сидел Мирский. Ясно, что департаменту полиции нужны были от

Мирского еще услуги, вроде уже оказанной им. Очевидно, он должен был войти в сношения с своими соседями по камере и поделиться с начальством сведениями, которые он от них получил. Исаев, посредник в сношениях рavelина с волей, был особенно любопытен департаменту полиции. Посредником же в сношениях Мирского с департаментом полиции был выбран майор Судейкин, который и появился в рavelине 28 марта. К его появлению относится следующее письмо Ганецкого графу Н.П.Игнатьеву от 28 марта 1882 года (№ 196):

"Милостивый государь, граф Николай Петрович, начальник секретного отделения С.-Петербургского обер-полицеймейстера отдельного корпуса жандармов майор Судейкин сего числа явился ко мне и доложил о последовавшем со стороны вашего сиятельства разрешении к допущению его к арестантам Алексеевского рavelина. Ввиду экстренности дела и переданного мне лично вашим сиятельством разрешения о допущении майора Судейкина в Алексеевский рavelин, допустив его сего числа к одному из прежних арестантов, содержащемуся в № 13, долгом считаю иметь честь покорнейше просить ваше сиятельство о снабжении меня письменным разрешением на допущение названного штаб-офицера в Алексеевский рavelин, так как, на основании существующих об Алексеевском рavelине правил, в оный без особого высочайшего разрешения воспрещено впускать кого бы то ни было, кроме шефа жандармов".

Но министр внутренних дел знал порядки. Высочайшее разрешение Судейкину на посещение рavelина было уже испрошено еще 20 марта, и о нем, по недосмотру канцелярии, комендант не был извещен. Доклад был составлен в следующих выражениях: "В видах более успешного ведения розыскного дела по обнаружению лиц, принадлежащих к тайному преступному сообществу, представлялось бы необходимым разрешить начальнику отделения канцелярии С.-Петербургского обер-полицеймейстера по охранению порядка и общественного спокойствия в городе вход в Алексеевский рavelин для личного свидания с некоторыми содержащимися в оном государственными преступниками..."

Мирский продолжал оказывать услуги.

При такой постановке дела с содержанием этого письма неизбежно связывается и следующее письмо Ганецкого к Плеве от 25 мая 1882 года (№ 202), которое мы сейчас приведем, забегая несколько вперед в нашем изложении:

”Милостивый государь Вячеслав Константинович, благодаря сведениям, переданным вашим превосходительством смотрителю Алексеевского равелина штабс-капитану Соколову, относительно проектируемого содержащимися в Алексеевском равелине осужденными ссыльно-каторжными преступниками тайного между собою сношения посредством способов трудно уловимых при самом бдительном наблюдении, штабс-капитан Соколов все-таки нашел спрятанными в воротнике рубашки несколько ниток с узлами, заключающими в себе, как нужно полагать, разговорные знаки. Приказав Соколову означенные нитки вручить лично вашему превосходительству, имею честь покорнейше просить, если и в них заключаются какие-нибудь условия или проекты о способе дальнейшего между арестантами тайного разговора, то не найдете ли нужным познакомить и с ними Соколова для дальнейшего наблюдения.

При чем прошу в том случае, если будет признано полезным, дать им возможность сноситься между собою означенным способом, то возвратить эти нитки Соколову для вложения в воротник рубашек с целью получения от них ответа”.

А Соколов был прав в своих подозрениях. Он напал на ”нечеткую переписку”. М.Р.Попов следующим образом описывает этот способ сношений:

”Дергали мы из холщовых портянок основу, сучили из этой основы нитку любой длины и затем при помощи навязанных на нитке узлов передавали слова точно так же, как передавались нами слова в стену”.

О проектированном тайном сношении заключенных в равелине между собою директор департамента полиции В.К.Плеве — от кого же мог узнать? Кажется, нет сомнений, — что от того же Мирского, продолжавшего зарабатывать свой десерт, свой улучшенный табак и чтение новых книг и журналов.

После отступления о тех мерах, которые были приняты высшим начальством и комендантом крепости при внедрении в равелин десяти новых узников, продолжаем документальный рассказ об установлении нового режима, того знаменитого режима смотрителя Соколова, смотрителя Ирода, о котором сохранились полные глубокого драматизма воспоминания Фроленко, Тригони и особенно Поливанова³². Впрочем, было бы несправедливо всю честь по установлению нового режима отдать Соколову. Соколов сотрудничал в этом деле взапуски с Александром III, графом Д.А.Толстым,

товарищем министра внутренних дел П.В.Оржевским, В.К.Плеве и И.С.Ганецким.

27 же марта Соколов получил от коменданта новое, более подробное разъяснение о порядке содержания:

"В дополнение к предписанию 26 марта за № 186 предписываю:

1) Заключенных вчера в Алексеевский рavelин 10 человек осужденных ссыльно-каторжных государственных преступников содержать на положении преступников, содержащихся в центральных каторжных тюрьмах, и согласно прилагаемых при сем правил.

2) Всем им немедленно обстричь волосы по форме, установленной для нижних чинов.

3) Одеть на них ссыльно-каторжное платье, которое принять по описи от заведывающего арестантскими помещениями майора Лесника.

4) Продовольствовать их на точном основании прилагаемого при сем расписания о пище, которую готовить в артели рavelинной команды и подавать в следующие часы:

а) В 7 часов утра суточную дачу хлеба в 2 1/2 ф., нарезанную ломтями, или часть, потребную на завтрак, при чем подавать и соль в размере, потребном в сутки.

б) В 12 часов обед, заключающийся, как сказано в расписании, из супа или щей с четвертью фунта мяса в крошку и гречневой кашицы, а по средам и пятницам постный горох и гречневую кашу, которая должна быть подаваема и в воскресенье.

в) В 7 часов вечера ужин из одного приварка и

г) К обеду и ужину должен быть подаваем квас в жестяных кружках.

5) На прогулку в сад выводить по одиночке, по мере возможности, и не более как на 1/2 часа*.

6) О всяких проступках и несоблюдении ими правил одиночного заключения докладывать мне для наложения взыскания и внесения в штрафной журнал, который и имеете получить из Управления.

7) Прилагаемые при сем правила о порядке содержания государственных преступников объявить лично и каждому и

8) Войти в соображение о том, во что может обойтись пища

* Арестант камеры № 1 и другой преступник, сидящий в одном с ним отделении, впредь до приказаний на прогулку не выводятся. (Это — Нечаев и Михайлов. — П.Щ.).

для арестованных в сутки, подразделив на постную и скоромную, и донести мне”.

Таков был на бумаге новый режим Алексеевского равелина. Мы еще будем говорить о том, каков он был в действительности.

Теперь перед комендантом встал вопрос об исключительном режиме, на котором были до сих пор Нечаев и Мирский. Он казался коменданту вопиющим анахронизмом. При переходе на новый режим он по собственной инициативе уже ущемил Нечаева, лишив его прогулки, но осталось еще много особенностей привилегированного положения. Уже 29 марта в своем рапорте министру внутренних дел комендант указал на противоречие в суммах на пищевое довольствие: в то время, как на каждого из новых десяти заключенных шло суточных по 24 к., на Мирского и Нечаева шло на каждого по 70 к.

А 30 марта комендант изложил свои сомнения в совершенном секретном письме к В.К.Плеве:

”Ввиду последовавшего распоряжения об изменении существовавшего в Алексеевском равелине до заключения в оном известных 10 человек ссыльно-каторжных государственных преступников порядка довольствия арестантов улучшенною пищею, заключающеюся из 3-х прихотливых блюд, признавая справедливым подчинить простой установленной для каторжных арестантов пище и прежних двух арестантов, как также ссыльно-каторжных и лишенных всех прав состояния, о таком моем включении имею честь сообщить вашему превосходительству, прося о последующем не оставить меня уведомлением”.

К немалому, должно быть, изумлению коменданта мнение его не встретило одобрения, и Плеве писал Ганецкому 2 апреля:

”Вследствие письма от 30 минувшего марта за № 197 имею честь уведомить ваше высокопревосходительство, что по докладе мной господину министру внутренних дел, вашего, милостивый государь, предположения о подчинении прежних двух арестантов Алексеевского равелина общей пище, установленной для каторжных арестантов, его сиятельство изволил признать возможным продолжить содержание этих двух лиц на прежнем основании”.

24—25 мая 1882 года разбирался первый процесс команды нижних чинов Алексеевского равелина во главе с смотрителем Филимоновым и его помощником Андреевым. Приговор,

как мы знаем, был суровый: солдат — на разные сроки в дисциплинарный батальон, начальство — к лишению всех прав состояния и ссылке в Архангельскую губернию. Нечего и говорить о том, что главный винт во всем деле, главное действующее лицо, Нечаев, не токмо не вызывался к допросам, но даже и не был назван по фамилии: арестант № 5 — и только.

После суда комендант крепости Ганецкий решил отбросить все сантименты по отношению к Нечаеву, сделать новую атаку на него и привести его скорейшим путем в состояние небытия. 27 мая он писал директору департамента полиции В.К.Плеве:

”Во время бывшего 24 и 25 текущего мая в крепости заседания военно-окружного суда по делу о лицах, обвиняемых в нарушении особых обязанностей караульной службы в Алексеевском равелине, из показаний подсудимых нижних чинов обнаружилось, что причиною преступных их деяний частию было то исключительное, так сказать, привилегированное положение арестанта № 5, которое, ввиду различных снисхождений и исполнений со стороны начальства всех его претензий и капризов, вызвало в них предположение, что означенный преступник есть не простой арестант, и затем какое-то безотчетное к нему послушание и страх.

Признавая вследствие сего необходимым лишить означенного преступника всякой возможности в будущем влиять на солдат равелинной команды, я, в предупреждение подобных случаев и происшедшего на днях печального результата тяжкого наказания нескольких лиц, которые при других условиях содержания такого исключительного государственного преступника, как арестант камеры № 5, были бы далеки от скамьи подсудимых, полагал бы справедливым одеть его, по примеру других 10 осужденных преступников, в каторжную одежду, давать наравне с последними простую пищу и лишить чтения книг, кроме евангелия и библии.

Имея честь вновь заявить об этом вашему превосходительству, — прошу испросить разрешения его сиятельства г. министра внутренних дел на приведение сего в исполнение и о последующем не оставить уведомлением, присовокупляя, что чтения книг я уже лишил его”.

2 июня комендант получил от Плеве извещение, что граф Игнатьев, министр внутренних дел, вполне одобрил предположение относительно дальнейшего порядка содержания известного арестанта.

Отныне Нечаев переходил на новый режим, а Мирский сохранял по-прежнему свой прежний режим с привилегиями.

23.

Заселение рavelина шло следующим путем. 25 июня 1882 года директор департамента полиции В.К.Плеве уведомил коменданта о том, что арестант Трубецкого бастиона государственный преступник Макар Тетерка подлежит перемещению в Алексеевский рavelин и содержанию на условиях, созданных для десяти народовольцев. 26 июня в 12 часу ночи, "с соблюдением тайны", Макар Тетерка был переведен в рavelин.

18 сентября в рavelин были доставлены из Восточной Сибири Игнатий Иванов, Михаил Попов и Николай Щедрин. На некоторых обстоятельствах, сопровождавших их водворение в рavelин, следует остановиться. В первых числах мая 1882 года из Карийской каторжной тюрьмы бежало восемь государственных преступников. Главное начальство Восточной Сибири обратилось в Петербург с просьбой перевести восемь ссыльно-каторжных преступников, как "обнаруживающих наиболее вредное влияние на своих товарищей", в центральные каторжные тюрьмы Европейской России. Департамент полиции приказал направить их в Петербург и уведомил коменданта, что пять человек — Дмитрий Бучинский, Меер Геллис, Людвиг Кобылянский, Иннокентий Волошенко и Павел Орлов — должны быть заключены в Трубецкой бастион, а Игнатий Иванов, Михаил Попов и Николай Щедрин — в Алексеевский рavelин. 18 сентября карийцы были привезены в Петербург и немедленно доставлены в крепость и посажены по указанию. Но комендант оказался в недоуменном положении, о котором он поведал Плеве 20 сентября:

"Восемь человек ссыльно-каторжных государственных преступников доставлены в ножных оковах и с признаками бритых голов, а Н и к о л а й Щ е д р и н и при тележке, которая была отцеплена от него и привезена в крепость испорченной.

Вследствие переданного подпоручиком отдельного корпуса жандармов Кандыбою распоряжения департамента государственной полиции о том, чтобы по доставлении Щедрина в крепость тележка была снова прикреплена к нему, я распорядился исправить ее и прикрепить вчера.

Так как при прикреплении означенной тележки посредством запора на ключ имеющихся при оной ручных оков, Щедрин заявил, что в месте ссылки она была прикреплена к нему не так, как здесь, и что на ночь она будто бы была снимаема с него, то, ввиду сего и неимения в комендантском управлении никаких сведений по означенному предмету, я просил бы ваше превосходительство сообщить мне о том, как должна быть прикреплена тележка и в каких случаях снимаема с преступника.

Вместе с сим прошу уведомить, следует ли сказанным восьми ссыльно-каторжным преступникам брить головы и продолжать держать их в ножных кандалах”.

Законник Плева приказал справиться с законами. Оказалось: “По отношению к первому вопросу в законе (уст. о ссыл., т. XIV) указаний не имеется, в ст. 779 (изд. 1857 г. по прод. 1876 г.) говорится лишь о приковании к тачке, как об одном из видов наказания, к коему приговариваются бессрочные ссыльно-каторжные. Что же касается бритья головы и содержания в оковах, то на основании ст. 555 и 556 (того же тома по прод. 1876 г.) арестанты, каторжные мужского пола, во время содержания в острогах, для удержания от побегов, подвергаются бритью головы, каждый месяц один раз. В оковах же содержимы должны быть: бессрочные каторжные — в ручных и ножных кандалах, а срочные в одних лишь ножных”.

Пришлось восходить на высочайшее имя. Был изготовлен доклад, в котором министр просил царя утвердить предположенное им разрешение вопроса:

”Принимая во внимание особые условия, коими сопровождается содержание государственных преступников в С.-Петербургской крепости (одиночное заключение и совершенное отсутствие общения с посторонними лицами), я предполагаю уведомить коменданта крепости, что содержащиеся в Алексеевском равелине в Трубецком бастионе ссыльно-каторжные государственные преступники подчиняются существующему в названных местах заключения порядку, без применения действующих в Сибири правил содержания ссыльно-каторжных”.

5 октября коменданту была отправлена соответствующая бумага, и недоумение было разрешено. Только 9 октября были сняты оковы, и Щедрин был освобожден от тележки. Но Ганецкий не успокоился и вновь писал в департамент:

”Усматривая из статейного списка каторжника Щедрина, что тележка, к которой он был прикован, есть наказание, определенное ему по конфирмации временно-командующим войсками Восточного Сибирского округа, взамен смертной казни, за совершенное Щедриным в месте ссылки новое тяжкое преступление, и что срок прицепления к нему тележки оканчивается лишь 22 марта 1883 года, — я долгом считаю обратиться на это внимание вашего превосходительства в том случае, если Щедрин должен оставаться до истечения срока при тележке, и просить уведомить меня дополнительно”.

Плеве пришлось указать коменданту на то, что решение относительно тележки Щедрина последовало на основании высочайших указаний.

В ночь на 17 ноября 1882 года в рavelин был заключен Петр Сергеевич Поливанов. Пылкий и горячий юноша 23 лет, Поливанов вместе с Мих. Дм. Райко, еще более молодым юношей, 16 августа 1882 года сделал смелую попытку освободить содержащегося в Саратовском тюремном замке М.Э.Новицкого.

Попытка кончилась неудачно. Поливанов вынужден был стрелять и убить тюремного ключника, а затем все трое были схвачены. М.Д.Райко был до смерти избит уличной толпой, П.С.Поливанов и М.Э.Новицкий были преданы временному военному суду, который приговорил их к смертной казни через повешение. Приговор военного суда утверждался командующим военным округом (в данном случае Казанским). И Новицкий и Поливанов подали прошения о помиловании. 25 сентября командующему была отправлена за подписью князя Имеретинского, начальника главного военно-судного управления, следующая телеграмма: ”Предварительно конфирмации приговора по делу Новицкого, согласно особому высочайшему повелению вам следует войти по телеграфу в соглашение по сему предмету с министром внутренних дел”. В исполнение этого предложения командующий войсками округа 10 октября телеграфировал: ”Военный суд в Саратове, признав Поливанова виновным в умышленном убийстве ключника Колобова, приговорил обоих к повешению. Учрежденное в Казани особое присутствие оставило кассационные жалобы без последствий. Признавая с своей стороны Новицкого менее виновным, как не принимавшего собственно в убийстве никакого участия, полагал бы ограничить ему меру наказания по третьей степени — на работы в рудниках на 12 лет. Относительно Поливанова, хотя он заслуживает

смертной казни, но во внимание его молодости, раскаянию, прирожденной экзальтации от сумасшедшей матери и боевой службе старика отца, считаю возможным применить к нему первую степень — на работы в рудниках без срока". 11 октября 1882 года граф Д.А.Толстой ответил: "На телеграмму от 10 сего октября за № 2904 и согласно состоявшемуся высочайшему повелению, по коему дарование жизни осужденным преступникам может исходить лишь от монаршего милосердия, имею честь уведомить ваше превосходительство, что по делу Поливанова и Новицкого государь император соизволил на освобождение преступников от смертной казни с заменою сего наказанием, предположенным вами. Вследствие сего вашему превосходительству надлежит, подтвердив приговор без всякого в оном изменения, объявить затем, что его императорское величество, по доведении о существе приговора, до его сведения, высочайше повелеть соизволил даровать жизнь осужденным, заменить смертную казнь, по лишению всех прав состояния, Новицкому — ссылкой в каторжные работы в рудниках на двенадцать лет, а Поливанову — ссылкой в каторжные работы в рудниках без срока".

18 октября помилование было объявлено, и саратовский губернатор попросил о немедленном переводе из Саратова Новицкого и Поливанова. Новицкий был немедленно отправлен в Восточную Сибирь, а Поливанова ждала иная участь. Александр III заменил Поливанову смертную казнь ссылкой в каторжные работы на рудниках без срока, однако с тем, чтобы он был заключен в Алексеевский р а в е л и н. 29 октября Поливанов был уже доставлен в крепость и заключен в Трубецкой бастион. В равелине не было места. Комендант 29 октября уведомлял Плеве:

"По неимению в настоящее время в равелине ни одной пригодной к заключению комнаты, названный преступник, временно, впредь до приспособления таковой в Алексеевском равелине, заключен в Трубецкой бастион в келии под № 9, изолированную от других с одной стороны дежурною комнатою, а с другой лестницей, при чем он одет в установленную для каторжников одежду, включен в число арестантов, содержащихся на положении преступников центральных каторжных тюрем, и будет называться не иначе как №. Вместе с сим долгом считаю поставить ваше превосходительство в известность, что в Алексеевском равелине состоит всего д в а д ц а т ь о д и н о ч н ы х к е л и й, из которых 16 заняты арес-

тантами, а остальные четыре, отопка которых производится не из коридоров, как в первых 16-ти, а с внутри, и которые не имеют прочных запоров и правильно устроенных вентиляторов, служат: две, расположенные по разным фасадам, дежурными комнатами жандармских унтер-офицеров и две цейхгаузами. Из этих последних одну келью, расположенную по лицевому фасаду и занятую складом осветительных принадлежностей, я ввиду настоящей потребности признал возможным безотлагательно приспособить под помещение арестанта, устроив печь так, чтобы топились из коридора. Об окончании означенных работ и о возможности перемещения выше-названного арестанта в Алексеевский рavelин я буду считать долгом сообщить своевременно”.

По окончании ремонта Поливанов был водворен в рavelине.

Вот этот контингент и подвергся воздействию соколовского режима в полном его объеме, без каких-либо отмен. Прошло больше полутора лет со дня заключения Поливанова до нового пополнения рavelина. В апреле 1884 года занаводились места. Секретарь коменданта Денежкин дал справку о количестве свободных камер в рavelине. Их оказалось всего восемь. ”Ввиду значительного числа подследственных политических арестантов, содержащихся в тюремном помещении Трубецкого бастиона”, по докладу министра внутренних дел, Александр III приказал временно перевести из бастиона в рavelин Меера Геллиса, Савелия Златопольского, Михаила Грачевского, Юрия Богдановича, Александра Буцевича, Егора Минакова и Ипполита Мышкина. В ночь на 29 апреля 1884 года все они были переведены в рavelин.

День 4 августа 1884 года был последним днем рavelина. Все заключенные в нем были переведены во вновь построенную тюрьму Шлиссельбургской крепости.

24.

О жизни в рavelине в 1882—1884 годах оставили свои воспоминания сидевшие в нем П.С.Поливанов, М.Ф.Фроленко, М.Н.Тригони и М.Р.Попов*. В дальнейшем изложении, в ха-

* П.Поливанов. Алексеевский рavelин. Спб., 1907, и новое издание, выпущенное Гос. Изд. под редакцией П.Е.Щеголева; М.Фроленко. Милость. Из воспоминаний об Алексеевском рavelине, в ”Былом”, Алексеевском рavelине. — ”Минувшие Годы”, 1908, кн. 4; М.Р.Попов в его статьях о Н.П.Щедрине — ”Былое”, 1906, декабрь, и И.Н.Мышкине — там же, 1906, февраль.

рактеристике режима мы пользуемся преимущественно архивными данными, иллюстрируя их параллелями из воспоминаний. Для начала остановимся на бюджете тюрьмы.

Средства на содержание заключенных в Алексеевском равелине отпускало III Отделение, а по его уничтожении — департамент полиции. Установился такой порядок. Комендант, "ввиду близкого прихода к окончанию суммы, выписанной (тогда-то III Отделением) на содержание арестантов", просил сделать распоряжение о высылке на означенный предмет "примерно двести рублей". Эти двести рублей записывались на приход и расходовались по мере надобности. Комендант первого числа каждого месяца представлял главному начальнику III Отделения или директору департамента полиции "краткую выписку о денежной сумме, отпускаемой на продовольствие и прочее содержание политических арестантов Алексеевского равелина". Вот, например, несколько выписок за то время, когда в равелине были только Бейдеман и Нечаев. За февраль 1874 года "поступило в расход на продовольствие двух арестованных по 50 коп. в сутки на каждого, на покупку лекарства, мыла и прачке за мытье и починку белья" — 34 р. 17 к. Вот расходы за февраль 1876 года: "На продовольствие двух арестантов по 70 коп. в сутки на каждого, на покупку гуттаперчевой кружки, лекарства, мыла и прачке за мытье белья и уплаченные за сделанную в одном из окон номера раму с проволочной сеткой" — 75 р. 10 к. Расходы за февраль 1876 года: "На продовольствие двух арестованных по 70 коп. в сутки на каждого, на покупку лекарств, мыла, курительных порошков, прачке за починку и мытье белья и уплаченные за вставку в одном из окон номеров 12 матовых и простых белых стекол" — всего 56 р. 60 к. Стекла, должно быть, были выбиты или Нечаевым в один из его протестов, или Бейдеманом. Вот не лишние интереса расходы за декабрь 1876 года: "На продовольствие двух арестованных по 70 коп. в сутки на каждого, на покупку лекарств, мыла и курительных порошков и уплаченные за переделку и за ковку кандал и прачке за мытье и починку белья" — 50 р. 15 к. Кандалы в это время были на Нечаеве.

Справедливость требует сказать, что пищевой режим в 1879, 1880, 1881 годах, когда комендантом был барон Майдель, был удовлетворителен и как небо от земли отстоял от позднейшего народовольческого режима, проводившегося Ганецким и Соколовым. Накануне нового 1881 года барон

Майдель дал смотрителю равелина следующее либеральное предписание:

”В видах разнообразия в продовольствии пищею заключенных в Алексеевском равелине предписываю с 1 января 1881 года готовить им обед по прилагаемому при сем расписанию, при чем на остальные деньги, которых должно оставаться от приготовления обеда ежедневно не менее 80 коп., покупать к столу хлеба, подавать два раза в день утром и вечером чай с булкою в 3 к., с четырьмя кусками в каждый раз сахару в таком размере, чтобы его было достаточно на два стакана в накладку. Кроме того, покупать из особо назначаемой в меру надобности в ваше распоряжение суммы для курящих арестантов по фунту табаку ценою в 1 рубль и по 500 гильз в месяц, которые и класть каждому в келью ежемесячно первого числа вместе с потребными ватой и палочкою для набивки папирос. Табак должен быть выдаваем в картузе целым нетронутым фунтом, но распечатанным. Последнее должно делаться в тех единственно предостережениях, чтобы в картузной бумаге не могло случиться никаких побочных предметов. При чем в случае затруднения, по неумелости состоящего в Алексеевском равелине повара готовить все из значущихся в расписании блюд, разрешаю брать в первое время, для содействия в приготовлении пищи, из арестантской кухни солдата местной команды Ивана Чуракова”.

Рядовому Чуракову за труд по обучению поварскому делу находящегося при равелине повара-солдата было выдано в награду пять рублей, а выучившемуся поварскому делу равелинному солдату ежемесячно выписывалось ”за труды и усердие по приготовлению стола для арестованных” по три рубля. Нельзя не отметить постоянной в это время статьи расхода на табак, гильзы, мыло, курительную бумагу. Так продолжалось до перевода народовольцев в равелин. Они не знали уже никаких поблажек, никакого мыла, табака, гильз, никакой курительной бумаги. На продовольствие — 24 копейки в день на человека и больше ничего. В случаях болезни — ничтожная трата на лимон, чеснок, молоко. Их режиму был подчинен и Нечаев. Один только заключенный в равелине был свободен от подчинения этому режиму. И никто из его товарищей не знал о его привилегиях. Мирскому по-прежнему отпускатось на продовольствие по 70 к., а немного позже даже по рублю. По-прежнему приобретались для него ежемесячно фунт табаку (один рубль фунт), гильзы для 600 папирос и

фрукты (на рубль-два). И в то время, как рядом умирали по камерам от цинги и от голодания, Мирский курил свои папиросы и кушал свой десерт.

Вот несколько расходных записей за народовольческий период. Расход за первый месяц сидения — апрель 1882 г.: "На продовольствие арестантов по 70 к. в сутки за 72 дня 50 р. 40 к. и по 24 коп. в сутки за 40 дней 9 р. 60 к., на покупку: фрукт на 80 к., пасхи, кулича и яиц — 2 р. 60 к., гильз для папирос 600 шт. — 42 к., мыла 3 ф. — 42 к., веников для бани 20 шт. 30 к., чайник фарфоровый 35 к., гребенок 2 шт. 40 к., щеток половых 2 шт. 1 р. 80 к., кружек глиняных 6 шт. 80 к., ложек деревянных 12 шт. 18 к., умывальников 12 шт. и тарелок 18 шт. 69 р. 80 к., за починку сапог 80 к., прачке за мытье белья 3 р. и повару за труды и усердие по приготовлению стола для арестованных 3 р., а всего сто сорок четыре рубля семьдесят семь коп."

А вот экстраординарный расход: "По предписанию коменданта крепости от 18 декабря за № 522 выписаны в расход употребленные на приобретение 6 суконных халатов, 2 пары суконных брюк, 30 пар подштанников, 4 дюжины нитяных носков, 2 дюжины салфеток, 2 дюжины носовых платков, 2 пары кожаных сапог, 12 пар кожаных башмаков, 12 переносных ватер-клозетов с цинковыми ведрами, и для помещения смотрителя, находящегося в равелинном доме: письменный стол, диван, дюжина стульев и лампа всего триста пятьдесят рубл." Всего на содержание заключенных (в том числе и на кабинет смотрителя) в 1882 году израсходовано 2034 р. 19 к.

Расходы за январь 1883 года: "За продовольствие арестантов за 31 день по 1 рублю и 465 дней по 24 коп. в день, на покупку фрукт, табаку 1 ф., гильз 600 шт., лимонов 16 шт., молока 173 бут., чесноку, прачке за стирку и починку арестантского белья и выданные повару за труды и усердие по приготовлению стола для арестантов всего 186 р. 28 к."

Расходы за август 1883 года: "За продовольствие арестантов за 387 дней по 30 к., на покупку для больных арестантов по рецептам доктора молока 195 бут., лимонов 30 шт., чесноку, промывательного клистира, гуттаперчевой подушки, чаю и сахару, за стирку и починку арестантского белья и башмаков, на покупку клеенки и бумаги и выданные повару за труд и усердие по приготовлению стола для арестантов, всего 165 р. 33 к." Всего на содержание заключенных равелина израсходовано в 1883 году 1903 р. 27 к.

Вот последняя запись расходов на четыре дня августа месяца 1884 года — на содержание и на отправку в Шлиссельбургскую крепость: "На продовольствие арестантов по 30 коп. в сутки за 23 дня 6 р. 90 к., на покупку говядины в отправку с арестантами 15 ф. 1 р. 89 к., хлеба 23 ф. 46 к., соли 4 ф. 7 к. и за стирку арестантского белья 2 р. 60 к., а всего 11 р. 92 к." Всего в 1884 г. вышло на заключенных 1002 р. 77 к.

Всего за время с 1 января 1882 года по 4 августа 1884 (946 дней) отсижено в равелине 11.653 дня, истрачено же 4940 р. 23 к. День тюремной жизни обошелся в 42 к. с лишним.

25.

Переходя к административному укладу равелина, мы должны прежде всего остановиться на смотрителе.

Соколов Матвей Ефимович — "Ирод". По формулярным данным, не дающим иногда ясного представления, родился в 1834 году, происходил из мещан Каменец-Подольской губернии, вероисповедания православного, а "воспитывался" в Саратовском батальоне военных кантонистов. Формуляр как будто не дает указаний на еврейское происхождение Соколова, о котором определенно говорят и Поливанов, и Панкратов. Но батальон кантонистов обычно покрывал еврейское происхождение. Воспитание Соколова закончилось рано, ибо на семнадцатом году он уже был рядовым в 4-м карабинерном полку (этот полк в 1855 году был переименован в 4-й стрелковый батальон). Отсюда рядовым же он был переведен в стрелковый батальон императорской фамилии. Только через восемь лет Соколов был произведен в унтер-офицеры. Выделяться по службе он начал во время польского мятежа: за отличие в делах с польскими мятежниками под Монтвидовым получил в августе 1863 года знак отличия военного ордена св. Георгия. В 1865 году Соколов меняет специальность: для пользы службы его переводят в Виленскую уездную жандармскую команду. По этой должности "за особые заслуги" он получает знак отличия св. Анны с бантом. В 1866 году он был переведен в лидскую уездную жандармскую команду, и в октябре этого же года он был выбран (по высочайшему повелению, сообщенному в предписании начальника штаба корпуса жандармов от 6 октября 1866 г. за № 3631) для исполнения особых поручений при III Отделении с зачислением в с.-петербургский жандармский дивизион. Через девятнадцать лет от начала службы, в 1870 году, Соколов получил

первый офицерский чин прапорщика. Попад в корпус жандармов и в III Отделение, Соколов оказался на своем месте и стал делать карьеру. К моменту назначения в Алексеевский рavelин он состоял в должности смотрителя дома штаба корпуса жандармов, имея чин штабс-капитана (с 20 апр. 1880 года), был уже кавалером Анны 3-й степени и получал неоднократно единовременные денежные пособия "во внимание отлично-усердной службы и недостаточного состояния". После временного исправления должности смотрителя он был утвержден в ней 8 мая 1882 года. В этой должности он был произведен в капитаны (15 мая 1883 года). Содержание Соколов получал в следующем размере: жалованья по чину 339 р., столовых — 980 р. 70 к., добавочных (из департамента полиции) — 1000 р., на наем казенной прислуги 96 р. Всего 2415 р. 70 коп. С закрытием рavelина он был назначен смотрителем Шлиссельбургской крепости.

"Память о Соколове, — говорит В.Н.Фигнер, — живет в нас, побывавших в его руках, и, можно надеяться, останется в умах тех, кто когда-либо будет интересоваться эпилогом борьбы "Народной Воли" против самодержавия, тем мрачным эпилогом — настоящим синодиком, который записан на страницах истории Шлиссельбургской крепости" и (добавим от себя. — П.Щ.) на последних страницах истории Алексеевского рavelина. Образ Соколова рисовали все писавшие о своих тюрьмах узники, и он, как живой, стоит перед нами, чьи бы мемуары мы ни взяли. Вот характеристика, сделанная В.Н.Фигнер: "Настоящая сторожевая собака, неусыпный цербер, подобный трехголовому псу у ворот Тартара, и как тот охранял вход в ад древних греков, так и он сторожил тюремный ад нового времени. Он служил не за страх, а за совесть, и любил свое дело — гнусное ремесло бездушного палача. Его готовность итти в своей профессии до конца выразилась вполне в одной угрозе, сказанной при соответствующем случае: "Если прикажут говорить заключенному: "Ваше сиятельство" — буду говорить "ваше сиятельство". Если прикажут задушить — задушю"... К исполнению своих обязанностей он относился с такой ревностью, что никаким жандармам не доверял наблюдения над узниками... Широкая мускулистая рука его ни на минуту не выпускала связки ключей от камер: ежедневно собственноручно он отпирал и запирали как их, так и дверные фортки при раздаче пищи, зорко следя за каждым жестом своих подчиненных". А вот как рисует его Полива-

нов: "Первое, что меня в нем поразило, это было выражение его глаз. До сих пор я не видел ничего подобного никогда и ни у одного человека. Они поразительно походили на глаза крупных пресмыкающихся. Тот же холодный блеск, то же самое отсутствие мысли. То же самое выражение тупой, безжалостной злобы. В этих глазах ясно читалось, что их обладателя ничем не проймешь, ничем не удивишь, ничем не разжалобишь, что он будет так же хладнокровно и так же методически душить свою жертву, как боаконстриктор давит барана. Отталкивающее впечатление, производимое этим человеком, еще более усиливали щетинистые подстриженные усы, выдающийся бритый подбородок и все его ухватки, напоминавшие не то мясника, не то палача, каковые звания очень шли к его плотной, коренастой фигуре, с молодецки выпяченной грудью и широкими ручищами, толстые пальцы которых находились в постоянном движении, как бы отыскивая себе работу".

Под стать Соколову была и вся его команда. После Нечаевской катастрофы в равелине служили только жандармы, присланные сюда по особому отбору. Они были вышколены Соколовым в самой превосходной степени. "Нужно было удивляться мелочной точности, с какой жандармы исполняли все предписанные начальством меры, направленные к пресечению и предупреждению чего-либо подобного, что здесь завелось было при Нечаеве", — пишет Поливанов. Нужно сказать, что ключи от камер и форточек были у Соколова, и без Соколова жандарм не мог войти к заключенному. А сам Соколов почти не выходил из равелина.

На отлучку, хотя бы самую кратковременную, из Алексеевского равелина смотритель испрашивал разрешение коменданта всякий раз записками трафаретного содержания, вроде следующей: "Испрашиваю разрешения вашего высокопревосходительства отлучиться из Алексеевского равелина завтра 1 января от 12 1/2 до 3 пополудни часов". Комендант писал на записке: "Уволить Соколова и заменить его подпоручику Андрееву". В деле № 11 управления коменданта по Алексеевскому равелину о временных отлучках и болезни смотрителя Алексеевского равелина (началось 31 декабря 1881 года и кончилось 2 февраля 1883 года) за время с 1 января по 1 апреля 1882 года находим 12 записок Соколова. Соколов за 3 месяца отлучался из равелина 12 раз (1, 7, 13, 20, 26 января, 9, 20, 24 февраля, 3, 10, 20, 30 марта), в общей сложности на 52 часа. Случилось Соколову заболеть. Он обра-

гился 23 ноября с рапортом: "Заболев сего числа возвратной горячкой, службу е. и. в-а исполнять не могу, о чем и имею честь донести вашему высокопревосходительству". Заменен Соколов был прикомандированным к комендантскому управлению отдельного корпуса жандармов поручиком Яковлевым (будущим комендантом Шлиссельбургской крепости). Яковлеву было дано следующее совершенно секретное предписание:

"По случаю болезни смотрителя рavelина, штабс-капитана Соколова, предписываю вашему благородию вступить в заведывание Алексеевским рavelином на точном основании инструкции и предписаний и, приняв заключенных преступников, которые в настоящее время числом шестнадцать чел., равно ключи от их камер, инструкцию, предписания, команду нижних чинов, вещи, деньги и проч. в свое ведение, ключи от арестантских камер хранить лично при себе и входить в них только в известные часы, как-то: для выхода на прогулку в сад при доме, для подачи обеда и ужина, непременно при дежурном жандармском унтер-офицере, отнюдь не называть арестантов по фамилии и без разрешения моего ни под каким предлогом не отлучаться из рavelина. При чем я убежден, что вы, ввиду особенной важности вверяемого вам поста, к исполнению должности смотрителя отнесетесь с полным вниманием и сохраните в строжайшей тайне содержащихся в рavelине".

О столь важном событии, как болезнь смотрителя, комендант уведомил сейчас же и В.К.Плеве. Но Соколов, верный слуга, сознавал, что он болеть не должен, и уже 9 декабря донес коменданту, что "получив облегчение от болезни, службу е. и. в. нести может".

26.

В Музее Революции, в витрине, хранится большая, толстая, в выцветшем переплете "книга для записывания смен постов караула в Алексеевском рavelине" за 1882 год. Эта книга была заведена Соколовым по всем правилам искусства. На первом листе этой книги читаем, за подписью коменданта, следующие указания:

"В книгу эту должны быть вписываемы:

1. Все нижние чины, наряженные в суточный караул и дежурство по Алексеевскому рavelину с точным указанием:
а) постов и смен часовых, б) начальника караула и разводя-

щего, в) дежурного и поддежурного жандармских унтер-офицеров, а также патрулей, с объяснением, кем и в какие часы были делаемы обходы.

2. Посещающие рavelин начальствующие лица, имеющие на то право, с указанием времени входа и возвращения их из рavelина.

3. Выпускаемые из рavelина в Васильевские ворота и впускаемые обратно нижние чины Алексеевского рavelина с указанием часов.

Все это должно быть вписываемо рукою начальника караула, а по безграмотности его, дежурным по рavelину жандармским унтер-офицером и свидетельствуемо подписью смотрителя Алексеевского рavelина”.

Эта книга — дневник жизни рavelина с 1 июля 1882 года по 31 декабря 1883 года, жизни, такой же точной, размеренной и разграфленной, как листы постовой книги. Верхняя часть страницы фиксирует караульную службу. На первом месте записывается караульный начальник и разводящий, а затем постовые, которые дежурили по 8 час. (три смены в сутки). Наружные посты были “у фронта” (лицевой фасад рavelина) и сзади бастиона 2 и 3 фаса. Внутренних постов в коридорах было три — в первом коридоре от № 1 до № 3, во втором коридоре от № 4 до № 10 (а с 22 сентября до № 13), в третьем коридоре от № 11 до № 17 (а с 22 сентября от № 14 до № 19). Кроме постоянного дежурства был еще по вечерам и ночью (4—6 раз) обход патрулей. В средней части листа отмечались имена и фамилии выпускаемых (и впускаемых) из рavelина через Васильевские ворота нижних чинов, с указанием часов и минут времени увольнения и прибытия. На нижней странице листа укладывалась вся остальная часть жизни рavelина. Не записывалось только время прибытия и убытия самого смотрителя рavelина. Самым точным и скрупулезным образом, с обозначением минут, вписывались все посещения рavelина: “Был впущен местный доктор Вильмс. Время прибытия 2 3/4 часа дня, время выбытия — 3 часа 5 мин.” — “Был впущен в рavelин помощник смотрителя поручик Яковлев. Время прибытия — в 1 час дня; время выхода — в 3 часа 40 мин. дня”. Вот запись 28 декабря 1882 года. Были впущены в рavelин: “Священник Преображенский (к арестанту, содержащемуся в № 9). Время прибытия — 12 1/2 часа дня; время выбытия — 1 ч. 37 м. дня и для осмотра мусорных ям и отхожих мест вахтер Пестриков и колонист СПб губернии

Иван Иванов. Время прибытия — 2 ч. 35 м. дня; время выбытия — 2 ч. 45 м. дня". Все рабочие и мастеровые, призывавшиеся для ремонта, все отходники, фонарщики, трубочисты, — все заносилось в книгу.

По этой книге можно видеть, как редко посещался равелин начальством. Трафаретная запись (с сохранением орфографии):

"Посещение Равелин Начальствующими лицами не было".

Первая запись о начальственном посещении была сделана 18 июля 1822 года. Дело представляется так. Новые порядки, новый режим действовал в полном объеме. Со времени заключения народовольцев прошло уже 3 1/2 месяца. Зачинатели режима испытывали, очевидно, потребность в личном удостоверении воздействия режима. И вот в ясный солнечный день 18 июля в 3 часа 35 минут пополудни в равелин прибыли министр внутренних дел граф Толстой, товарищ министра внутренних дел Оржевский, директор департамента государственной полиции Плеве, комендант крепости генерал-адъютант Ганецкий и секретарь коменданта Денежкин. Вышли начальствующие лица из равелина в 4 часа пополудни. Значит, пробыли они в равелине всего 25 минут. Вспоминавшие о равелине Фроленко и Тригони об этом посещении не вспомнили и не могли вспомнить, потому что они их не видели. Начальствующие лица двигались бесшумно по коридору и засматривали в глазок. Для удовлетворения их любопытства этого было достаточно.

Первое, заметное для заключенных, посещение равелина состоялось только в 1883 году, когда новый режим уже дал прочные ростки — безнадежные болезни. — Оржевский посетил равелин 8 и 14 июля.

Комендант Ганецкий (без высшего начальства) бывал в равелине очень редко. В 1882 году в книге помечено три посещения Ганецкого: 13 сентября (12 1/4 — 12 1/2 ч. дня), 17 ноября (10 3/4 — 11 1/4 ч. дня), 21 ноября (3 3/4 — 4 ч. дня) и в 1883 году всего три посещения: 7 февраля (11 ч. 10 м. — 11 ч. 55 м. дня), 14 июня (2 ч. 35 м. — 3 ч. 40 м.) и 30 июля (10 ч. 40 м. — 11 ч. 10 м. дня — был вместе с крепостным инженерным генералом Старковым).

На некоторых других посещениях, отмеченных в книге, мы еще остановимся, а сейчас обратим внимание на встречающиеся изредка отметки вроде следующей — 16 октября 1882 года:

"Принята в равелин личность"...

Время прибытия	Звание личности	Время выбытия

В 11 ч. веч.

Личность (одна)

Прибыла личность в 11 часов вечера и не выбыла...

Это прибавился новый заключенный — Петр Поливанов.

Впрочем, иногда отмечалось и время "убытия". Например, запись "Убыла личность из № 8 в 11 ч. вечера" относится к смерти Ланганса. Или такая запись 13 июля 1883 года о смерти Клеточникова:

Время прибытия	Личность	Время выбытия

В 11 ч. 15 м. веч.

Выбыл арестант
из № 6 умершим

Жуткое впечатление производят листы постовой книги, вводящие жизнь "личности" в разграфленную клетку.

27.

В пункте № 7 инструкции присяжным унтер-офицерам дома Алексеевского равелина указывалось, что посещать арестованных в равелине могут еще "доктор и один из священников", но с следующими оговорками: "Не иначе как при бытности смотрителя". Доктор и священник входили к арестованным в крайнем случае, первый для подания медицинского пособия и последний для исполнения обряда говения, и всегда с личного приказа коменданта. По отношению не только к доктору и священнику, но и к другим, имеющим право посещения, т.е. коменданту и шефу жандармов, в пункте 8 названной инструкции содержалось следующее предписание: "Дежурный присяжный сопровождает означенных лиц до самого номера и все время остается при арестованном, если не последует приказа через смотрителя выйти из номера, тогда он, оставив арестованного, ожидает возвращения помянутых лиц за дверями".

В инструкции идет речь о разрешении допускать священника в равелин только для выполнения обряда говения всякий раз с личного приказа коменданта. Вообще же священнику вход не был дозволен. В 1866 году (4 октября III Отделение — коменданту, № 2903) за услуги, оказанные протоиереем Полисадовым в деле склонения Кара-

козова к признанию, Александр II разрешил "допускать во всякое время к содержащимся в равелине арестантам протоиерея Полисадова для духовного назидания арестантов и для исполнения духовных треб". Таким образом, право посещения камер равелина было дано лично Полисадову, но не священнику вообще. До 1871 года священники допускались только с высочайшего соизволения, а с 1871 года было разрешено допускать в равелин священника Дмитрия Флоринского с разрешения шефа жандармов (20 мая 1871, № 1377, III Отделение — коменданту). Посещение заключенных было, таким образом, личной привилегией того или другого священника. Есть все основания думать, что за весь долгий период, когда в равелине сидели только двое, Нечаев и Бейдеман, священник не входил в тюрьму ни для бесед, ни для исповеди. В его услугах не было нужды: Бейдеман был сумасшедшим, а Нечаев был убежденным атеистом.

Впервые, после долгого перерыва, священник появляется в 1882 году, когда равелин был заселен народовольцами. Отрезанные от всего мира, народовольцы должны были искать всеми путями сношения с внешним миром, с живыми людьми, не принадлежащими к составу охраны. И священник мог оказаться отдушиной, и он мог сообщить что-нибудь или "проговориться" о том или ином событии и т.д. Таков был взгляд заключенных народовольцев на приглашение священника. Так объяснял нам это дело в личной беседе и Николай Александрович Морозов.

Начало сношений с священником было положено соседом Н.А.Морозова по камере Тригони, но сношения привели к неожиданным результатам, о которых мы узнаем из совершенно секретного письма коменданта к Плеве от 22 декабря 1882 года за № 526:

«Милостивый государь Вячеслав Константинович. К одному из заключенных в Алексеевском равелине, осужденных ссыльно-каторжных преступников, именно к Михаилу Тригони, согласно его убедительной просьбы, основанной на желании исповедаться, был допущен избранный мной священник Петропавловского собора Сергей Преображенский, который, пробыв у него около получаса, доложил мне, что преступник, с которым он вел духовную беседу, большею частью касался догматов православной церкви и ее учений и некоторых внешних сведений, так, например, была ли коронация, но о желании исповедаться ничего не заявил.

При чем священник Преображенский, по поводу замеченной им в камере библии и св. евангелия, коснулся в разговоре со мной о том, что чтение библии и св. евангелия мало верующими и незнакомыми основательно с догматами православной церкви, без предварительного чтения учений о боге — Иисусе Христе, как спасителе мира, и его апостолах, не может повлиять на душу заблудшего так, как бы чтение других духовных сочинений, издаваемых при С.-Петербургской Духовной Академии, как, например: "Христианское Чтение", "Историко-критический обзор новейшего западно-европейского социализма" и пр.

Ввиду того, что до сих пор заключенным в Алексеевском равелине и в Трубецком бастионе осужденным ссыльно-каторжным арестантам, как находящимся в разряде испытуемых, кроме св. евангелия и библии, не даются для чтения никакие другие духовно-нравственные книги, долгом считаю о таком заключении о. Сергия сообщить вашему превосходительству на тот конец, не последует ли распоряжения на дозволение сказанным арестантам-каторжникам давать для чтения, кроме библии и св. евангелия, и другие священные или духовно-нравственные книги по выбору допускаемого к ним священника»

Ходатайство коменданта было удовлетворено, и круг чтения заключенных расширился; к евангелию были прибавлены духовно-нравственные и душеспасительные книги. Итог совсем небольшой!

Перед пасхой 1883 года узники равелина решили произвести организованное нападение на крепостного священника.

25 февраля комендант писал Плеве:

"Из числа заключенных в Алексеевском равелине государственных преступников десять человек, именно: Михайлов, Поливанов, Клеточников, Исаев, Морозов, Фроленко, Иванов, Баранников и Тетерка — православного вероисповедания и Ланганс — лютеранского желают исполнить обряд голения в предстоящем великом посту.

Предположив возложить совершение молитв, затем исповедать и приобщить означенных арестантов св. Таин, каждого порознь в своих келиях, на священника Петропавловского собора Сергия Преображенского, как допускавшегося уже в равелин для духовных бесед с арестантом Тригони, я тем не менее долгом считаю просить ваше превосходительство уведомить, не может ли встретиться к сему какого-либо

препятствия со стороны департамента государственной полиции. Что же касается Ланганса, то ввиду того, (что) для него, как лютеранина, требуется стороннее духовное лицо, до сих пор никогда, как видно из дел комендантского управления, не допускавшееся, то обстоятельство это имею честь представить на разрешение г. министра внутренних дел”.

5 марта Плеве уведомил коменданта, что к допущению православного священника в равелин препятствий не встречается, а допущение ”лица лютеранского исповедания не признается удобным”. В тот же день комендант просил священника Преображенского ”принять на себя труд совершить молитвы, исповедать и приобщить св. Таин сих арестантов, каждого порознь в своих келиях, обратиться за указанием их к смотрителю равелина, и, по исполнении сего, мне доложить. При чем обязываюсь присовокупить, что арестанты, содержащиеся в равелине, не должны быть оглашаемы и потому, если при духовных с ними беседах вам сделаются известными их фамилии, то, конечно, сохраните это в тайне”.

В 1884 году повторилась комедия с исповедью, но на этот раз уже не десять, а пять человек ”изъявили желание на первой неделе великого поста исполнить обряд говения”. Очевидно, надежды на священническую информацию сильно потускнели. Опять был приглашен священник Преображенский. При чем смотрителю было дано следующее предписание от 19 февраля 1884 года:

”Предложив священнику Петропавловского собора Преображенскому на первой неделе великого поста совершить молитвы, исповедать и приобщить св. Таин тех арестантов Алексеевского равелина, которые изъявили желание говеть, предписываю допустить названного священника оставаться в келиях означенных арестантов наедине, с тем, чтобы двери келий в это время были полуоткрыты и наблюдение за действиями арестанта было производимо вами из коридора. Пища как для говеющих, так и для остальных арестантов в течение первой и страстной недели должна быть постная, преимущественно рыбная, и о том, что будет готовиться, представить мне расписание на всю неделю”.

Вот и меню постного стола, меню, которому можно дать заголовок: ”То, чего не было”:

Р а с п и с а н и е. Для арестантов, содержащихся в Алексеевском равелине, пища постная в течение первой недели великого поста.

Понедельник. Щи со свежими снитками и пшенная каша с подсолнечным маслом.

Вторник. Суп перловый с грибами и жареная рыба с картофелем.

Среда. Картофельный суп с головизной и гречневая каша с подсолнечным маслом.

Четверг. Манный суп со свежими снитками и жареная рыба с картофелем.

Пятница. Щи с головизной и макароны с подсолнечным маслом.

Суббота. Суп пшенный со свежими снитками и жареная рыба с картофелем”.

28.

До введения ”народовольческого” режима на продовольствие заключенных (Мирского и Нечаева) отпускалось по 70 к. в день; вновь прибывшим — только по 24 копейки. 24 копейки по тому времени была порядочная сумма, и на нее можно было бы порядочно кормить, но смотритель экономил еще в свой карман; и вот описание пищевого довольствия, которое мы берем из воспоминаний М.Н.Тригони:

”В течение года с месяцами обед наш состоял из оловянной миски мутной жидкости, в которой плавали несколько микроскопических кусочков жил и зеленых обрезков кислой капусты, и маленькой тарелочки гречневой кашицы, приготовленной в виде жидкого клейстера, на котором плавало несколько капель сала, от которого несло запахом сальной свечи. На ужин давали те же щи, с тою лишь разницею, что в них отсутствовали кусочки жил. Это в скоромные дни; в постные же дни, т.е. в среду и пятницу, давали гороховый суп или, лучше сказать, намек на гороховый суп, так как это была зеленоватая вода с очень незначительным количеством шелухи гороховой, и кашу, в которой только слышался запах постного масла. Некоторые в течение всего времени, когда давалась эта пища, питались почти только ржаным хлебом и квасом, так как есть пищу не было физической возможности. Но для тех, кто приневоливал себя есть обеды, так и для тех, кто не был в силах делать это, результат подобного питания на здоровье в скором времени отразился одинаково”.

Только в августе 1883 года, после того как новый режим дал себя знать, произошло некоторое улучшение в пище, и на стол стали отпускать по 30 к.

Прогулка первое время совершенно не давалась, и народо-вольцы просидели по несколько месяцев безвыходно в сырых казематах. Надо принять во внимание, что камеры рavelина, за исключением 4 камер, были нежилыми помещениями с 1866 года, т.е. в течение более четверти века. О сырости камер рассказывают и Фроленко, и Тригони, и Поливанов. Нижняя часть стены приблизительно на аршин высоты была покрыта плесенью. У Тригони за ночь пол покрывался серебряным налетом, грибы успевали вырасти настолько, что получалась сплошная беловатая кора. Соль нельзя было держать на столе: получался рассол. Волосяные матрацы прогнивали снизу. Форточек не было, вентиляторы почти везде были засорены. Окна были или матовые, или выбеленные. Свет плохой, бледный. В таких условиях каждый месяц сокращал жизнь на годы. Пищевой режим гарантировал цингу, а в связи с остальными физическими условиями — туберкулез.

Для духовной жизни условий просто никаких не было. Заключение были отрезаны навсегда от внешнего мира, от своих близких, родных. Тщетно жены, матери, братья, отцы и сестры писали на департамент полиции письма своим неизвестно где заключенным родственникам; письма никогда не передавались и просто подшивались к делам. В 1917 году в делах нашлись целые кладбища писем, не полученных адресатами. Узникам рavelина было запрещено писать. Так же, как и читать. Никаких книг, кроме евангелия и "божественных", да и те были даны, как мы видели, не сразу.

Все меры к преграждению сношений между заключенными были приняты. Бдительность жандармских унтер-офицеров не знала пределов. И все же заключенные находили время и возможность перестукиваться между собой. И этому помогали новые правила, по которым часовые (тоже из жандармов) в коридорах могли ходить только по середине по мату и не имели права приближаться к дверям камер, а жандармские унтер-офицеры не все свое время могли посвящать надзору за перестукиванием, и, кроме того, изощренное ухо узника всегда слышало их приближение. Начальство, в лице смотрящего, знало о перестукивании, боролось с ним, как могло, но имело и верные средства против упорных стукальщиков. Был изолированный короткий коридор с двумя камерами № 1 и 3, отделенными дежурной для жандармов. Тот, кто попадал сюда, испытывал весь ужас абсолютного одиночного заключения. За перестукивание был посажен в № 3 Полива-

нов. Он просидел здесь восемь месяцев, и здесь нашла свое начало душевная болезнь, которая привела к двум попыткам самоубийства в равелине и закончилась уже на воле, много позже, все-таки самоубийством.

«Восемь месяцев, — вспоминал Поливанов, — прожитые в этой камере, были в моей тюремной жизни эпохой абсолютного одиночества, идеального одиночества, идеального одиночества тюремного заключения. Здесь не было даже того разнообразия, тех развлечений, которые доступны заключенному в Трубецком. Вечная тишина, вечные сумерки, вечно одни и те же угрюмо-злые лица Соколова и его унтеров. День за днем одно и то же и в том же убийственно монотонном порядке. Вечное молчание: ни стучать, ни говорить не с кем. Иногда проходило более месяца сряду, как я не произносил ни одного слова. Да и какие разговоры могли быть с Иродом! Разве скажешь во время ванны (она была раз в шесть недель): "Дайте еще горячей воды" — и снова замолкнешь на месяц, на два, до следующей ванны. Со мной именно и было раз таким образом».

Такое одиночество переживали Нечаев и Михайлов, сидевшие в этом изолированном коридоре. Они не вышли отсюда и здесь умерли. Сравнительно короткое время здесь сидел Грачевский (с 29 апреля по день перевода в Шлиссельбургскую крепость); душевное расстройство, которое привело его в Шлиссельбургской крепости к самосожжению, в этом изолированном коридоре получило свое развитие. Одно время сидел здесь и Златопольский.

Но перестукивание прекращалось, как это часто бывало в равелине, еще и по обстоятельствам, от начальства непосредственно не зависевшим. Сосед заболел так, что не мог подойти к стенке, или впадал в помешательство: тогда сношения прерывались.

Возьмем группу заключенных, с которой новый режим начался и на которую он обрушился всей своей тяжестью. Пятнадцать человек: одиннадцать человек по процессу 20-ти, три карийца и Поливанов. По возрасту это были все молодые люди. Самые молодые — по 23 года — Поливанов, Арончик, Игнатий Иванов; 24-х лет — Баранников, 25 — Исаев, 26 — Михайлов, 27 — Морозов, 28 — Щедрин, 29 — Тетерка, 30 — Ланганс, 31 — Попов, Тригоны, 32 — Колоткевич, 34 — Фроленко и 35 — Клеточников. Все они до заключения в равелине уже провели известное время в тюрьмах, но сравнительно неболь-

шое — около года в среднем на человека. Один только Поливанов просидел до этого всего три месяца. Таким образом, нельзя считать их организм чрезмерно истощенным к началу их заточения в равелине. Что случилось с этой группой в равелине?

29.

Условия жизни — и физически, и морально — могли только вызывать и содействовать разрушению организма. Но ведь в равелине была и медицинская помощь, был и доктор. Но медицинские заботы были чистым лицемерием, ибо в планы начальства вовсе и не входило вылечить болезни и спасти от смерти, да и как при таких условиях вылечить от туберкулеза, от сумасшествия? Врач Вильмс был достойным товарищем "Ирода" Соколова. Доктор медицины, действительный статский советник, Гавриил Иванович Вильмс родился 13 июля 1822 года. На службе в крепости он находился с 19 февраля 1863 года. Старик, сутуловатый, седой, как лунь, и сухой, как палка, он поражал заключенных своей необычайной грубостью и нахальством. "В его манере, в его голосе было что-то такое отталкивающее, наглое, что совсем не вязалось с представлением о враче", — пишет Поливанов. Вильмс являлся, когда его требовал Соколов, безучастно осматривал больных, и только.

Заболевания цингой начались уже летом 1882 года. Об этом обстоятельстве можно заключить по появлению в ежемесячных отчетах смотрителя (по расходу денег) записей о тратах на молоко, лимоны и чеснок: 1/2 бут. молока, 1/2 лимона — вот чем реагировал Вильмс на режим — в самый тяжкий период болезни. Этой жалкой помощи при первом намеке на выздоровление больной сейчас же лишался. К этим средствам надо добавить еще чеснок и чай (в редких случаях). Вот и все. Молоко впервые появляется в расходных выписках в июле 1882 года: в этот месяц было куплено 17 бут., в августе 38, в сентябре 108, в ноябре 90, в декабре 106; в 1883 году по месяцам 173, 168, 125, 126, 95, 135, 195, 145, 124, 120, 124. Лимоны появляются в августе 1882 года, по месяцам 31, 30, 31, 15 и 16 и в 1883 году — 16, 18, 20, 40, 25, 20, 25, 30 (август). Дальше лимоны уже не покупались. Чеснок фигурирует в записях января — октября 1883 года — на 50, 60, 60, 95, 90, 100, 100, 70, 50, 70 к. в месяц. Наконец, чай и сахар появляются только в августе, сентябре и октябре 1883 года.

В некоторых случаях Вильмс считал нужным подавать коменданту рапорты. Так, 4 декабря 1882 года Вильмс подал рапорт о № 18. Кажется, это был М.Ф.Фроленко: "У содержащегося в № 18 Алексеевского равелина арестанта развилась цинга в столь сильной степени, что истощение арестанта вследствие постоянных цинготных кровоизлияний принимает угрожающий для жизни арестанта характер, а потому считаю необходимым, при недействительности исключительно врачебных средств, отпускать сказанному арестанту для поддержания сил по полбутылке молока ежедневно". А 20 декабря последовал рапорт о № 10 — Н.А.Морозове: "У содержащегося в камере № 10 Алексеевского равелина арестанта снова начала развиваться цинга, осложненная в настоящее время поражением сочленения правой стопы с голенью, а потому считаю необходимым отпускать сказанному больному арестанту, для поддержания действия соответствующих врачебных средств, еще по полбутылке молока в сутки".

Но Вильмс следил и за своевременным лишением больных молока. Так 4 марта 1883 года Соколов рапортовал: "При осмотре 2 сего марта доктором Вильмсом арестантских заключений вверенного мне равелина признал возможным: 1) арестованным, содержащимся в №№ 1, 6, 7, 11, 16 и 18, прекратить выдачу молока и 2) арестованному, содержащемуся в № 8, выдавать рыбий жир". А 9 апреля Вильмс нашел нужным давать по 1/2 бут. молока № 4 и возобновить дачу молока № 11.

В середине 1883 года режим показал себя вовсю, так показал, что даже высшие творцы его, вроде генерала Оржевского, несколько изумились и сочли нужным ослабить его: до того здорово он действовал. Генерал Оржевский лично убедился в результатах действия режима. Он посетил равелин 8 июля (от 12 1/4 ч. до 1 1/4 ч. дня) и 14 июля (от 12 ч. 20 м. до 2 ч. дня). Он не мог не обратить внимания, не мог не оценить действия режима, не мог не прийти к заключению, что новые правила превзошли все ожидания и действуют уже свыше меры. Генерал увидел не тюрьму, не равелин, а своеобразный — без медицинского ухода и без медицинской помощи — лазарет тяжелобольных. Смерть распростерла свои крылья над этим местом человеческих страданий, и все пятнадцать ощутили веяние этих крыльев. Безмолвно, не видя сочувственного взора, не слыша дружественного слова, не ощущая помощи дружеской руки, болели и умирали народовольцы. В это время уже были разрешены прогулки, но

только один из заключенных был в состоянии передвинуться из камеры в садик. Железо — противочинготное средство — вначале стояло в окне коридора в небольшом пузырьке, теперь поставили огромную бутылку чуть не в 1/4 ведра. Многие заключенные не поднимались с коек. Туберкулез тоже делал свое дело.

Пришлось ослабить узду режима. И Тригони и Поливанов совершенно правильно объясняют причины незначительного улучшения. Тригони пишет: "Увидев собственными глазами заключенных, Оржевский хорошо понимал, что дело клонится к близкой развязке и что необходимо принять меры, чтобы предупредить скандал повального вымирания тюрьмы в течение одного года с месяцами. Объяснить изменение пищевого режима чем-нибудь иным будет ошибкой". С горькой иронией вспоминает Поливанов: "Высшая администрация почему-то удостоила обратить внимание на Алексеевский равелин, вернее всего из боязни, чтобы не перемерли все вдруг и притом в самом непродолжительном времени: все же надо было соблюсти хотя тень внешнего приличия и некоторую постепенность в препровождении нас из земной юдоли туда, где нет ни плача, ни воздыхания. Притом же для нас уже строилась Шлиссельбургская тюрьма. Кого же там держать, если Соколов с Лесником переморят раньше должного времени тех, для кого и затеяли реставрацию Шлиссельбурга?"

Потрясающие картины безмолвного умирания в равелине нарисовали Поливанов, Фроленко, Тригони. Мы располагаем еще одним своеобразным источником для истории равелина этой поры или, вернее, для истории болезни заключенных. Оржевский приказал позаботиться о больных, комендант в свою очередь приказал (3 августа 1883 года) Вильмсу подавать еженедельные рапорты о "здоровьи" заключенных. Часть этих рапортов сохранилась. Сухие, жесткие, как сам Вильмс, медицинские отчеты производят впечатление не менее глубокое, чем воспоминания Поливанова, Фроленко, Тригони. В своей совокупности они дают поразительный мартиролог узников Алексеевского равелина. Мы возьмем время с 13 июля по 18 сентября 1883 года, а затем присоединим и официальные сведения о "здоровьи" и за позднейшее время. Используем не только еженедельные общие рапорты, но вообще все сохранившиеся рапорты Вильмса.

В начале июля помирал Клеточников. О последних его днях следующие данные находим в рапорте Вильмса от 10 ию-

ля 1883 года: "Содержащийся в камере № 6 Алексеевского равелина арестант, вследствие сильнейшего разрыхления и изъязвления десен цингою, не может есть черного хлеба, а потому считаю необходимым отпускать сказанному арестанту, вместо отпускаемого ему черного хлеба, по одному фунту белого хлеба в сутки". Комендант разрешил выдавать белый хлеб, но это уже не помогло. 13 июля Вильмс рапортовал: "Содержащийся в камере № 6 Алексеевского равелина арестант сего 13 июля 1883 года в 7 часов утра скончался от продолжительного изнурительного поноса вследствие бугорчатого страдания кишечного канала". А через два дня последовал новый рапорт Вильмса: "Так как содержащийся в № 6 Алексеевского равелина арестант помер 13 сего июля от изнурительного поноса, каковая болезнь в местах тюремного заключения имеет склонность принимать заразительный характер, то честь имею всепокорнейше просить распоряжения вашего высокопревосходительства об уничтожении всего грязного белья, одежды, равно как и тюфяков, пропитанных испражнениями больного, равно о дезинфекции твердых вещей и об обмытии самой камеры".

Несчастному Клеточникову пришлось тяжелее всех в равелине. Ведь он служил в III Отделении, был сослуживцем Соколова, пользовался доверием своего начальства, но служил исключительно в целях и по заданиям "Народной Воли", доставляя все сведения о планах и мерах III Отделения и парализуя тем его деятельность. Народолюбцы очень высоко оценивали его полезность для дела революции. «Не успел он, — вспоминает Тригони, — переступить порога тюрьмы, как Соколов объявил ему: "Ну, а с тебя взыскания будут строгие". И действительно, несмотря на его страдания желудком, легочную болезнь и цингу, Вильмс не улучшал ему пищи, не давал ему даже молока. Клеточников решил заморить себя голодом. "Ну, в таком случае будем кормить силой", — сказал ему Соколов» Тригони рассказывает: "Когда Соколов увидел, что пища стоит нетронутой, то приказал жандармам кормить его, если он сейчас же не начнет есть. Клеточников съел несколько ложек. Жандармы вышли. Клеточников бросил ложку. Так продолжалось три дня. На 4-й день приехал в Алексеевский равелин товарищ министра внутренних дел Оржевский и вместе с комендантом обошел все камеры. До этого времени, т.е. в течение 1 года 3 месяцев, в камеры не входил никто из ревизирующих. По всей вероятности, ревизоры

бывали и ранее, заглядывали в дверное стеклышко, но в казармы не заходили. После отъезда Оржевского Клеточникову стали давать молоко и белый хлеб”.

Этот рассказ Тригони совпадает с действительностью, изложенною в рапортах Вильмса.

6 августа Вильмс донес специально о ”здоровьи” №№ 8 и 19: ”Сим честь имею всепокорнейше просить распоряжения вашего превосходительства об отпуске содержащимся в №№ 8 и 19 Алексеевского равелина арестантам, независимо от отпускаемого им молока, еще по три стакана чаю в сутки, так как арестант, содержащийся в № 8, по роду своей болезни требует усиленного питания, арестант же, содержащийся в № 19, страдая изнурительной лихорадкой с поносом, не может принимать никакой пищи и не может пить ни воды, ни квасу”.

№ 8 — это Мартын Ланганс, а № 19 — Макар Тетерка.

6 августа Вильмс представил коменданту следующий рапорт: ”Содержавшийся в камере № 14 Алексеевского равелина арестант по фамилии, согласно заявлению смотрителя, Баранников сего августа 6 дня в 7 3/4 часа утра умер от скоротечной чахотки”. О его последних днях и минутах рассказывает сидевший с ним рядом (в № 15) Поливанов: ”Баранников уже не вставал с постели и не мог отвечать на мой стук. Он был уже при смерти, и его стоны разрывали мне сердце. Тот, кто сам не бывал в подобных условиях, едва ли может себе представить, какая это адская мука, знать, что рядом с тобой, отделенный только стеною, мучается в агонии твой товарищ, может быть, твой близкий, дорогой друг, одинокий, беспомощный, лишенный возможности перед смертью увидеть хоть один любящий взгляд, услышать хоть одно теплое слово, и ты бессилен чем-нибудь облегчить его страдания. Ужасно, ужасно! Это доводило меня до иступления, и я бегал по камере, как дикий зверь в клетке. Дней через восемь Баранников умер. Я помню, его стоны разбудили меня в 3 часа утра, и я уже не мог более заснуть. Он стонал часа полтора подряд. Жандармы шушукались в коридоре, часто подходили к дверям и заглядывали в стеклышко, но не входили к нему. Наконец, он стал стихать, стихать и совсем замолк. Прошло минут пять, и вдруг снова раздался стон, пронзительный, протяжный, и сразу резко оборвался. Все было кончено. В шесть часов при обычном утреннем обходе в № 14 зашел Соколов и сейчас же вышел. Заметно было, что оттуда не

выносили ведра, не наливали свежей воды, не подметали пола, словом, не делали того, что обыкновенно делалось. Часов в семь с половиной, раньше, чем доктор обыкновенно обходил больных, Соколов снова пришел с Вильмсом. Они пробыли в камере минуты две-три и ушли. Немного погодя жандармы вынесли труп и стали прибирать камеру”.

Баранников скончался в молодом возрасте. Он отличался большой физической силой и цветущим здоровьем. Баранников, по словам В.Н.Фигнер, был одним из самых энергичных и пылких террористов. Его фигура и мрачное лицо вполне гармонировали с решительностью его убеждений, и если бы нужно было дать физическое воплощение террору, то нельзя было сделать лучшего выбора, как взяв образ Баранникова. По смелости и отваге это был настоящий герой: ”Если кого-нибудь можно назвать ангелом мести, так именно его”.

Исполняя предписание коменданта, Вильмс начал с 7 августа представлять еженедельные рапорты. В первом из них он доносил, что ”арестанты, содержащиеся в камерах Алексеевского равелина, за исключением содержащегося в № 9, все пользуются врачебным пособием, так как все в течение прошлой зимы были одержимы скорбутом³³. Содержащийся в № 9 совершенно здоров. Арестант, содержащийся в № 8, страдая белою опухолью правого коленного сустава, без оперативного лечения не подает надежды на выздоровление, хотя в настоящее время прямой опасности для его жизни не предвидится. Арестант, содержащийся в № 19, страдая изнурительной лихорадкой с поносом, при совершенном упадке сил и питания, подает мало надежды не только на выздоровление, но и на продолжительность жизни”.

№ 9 — совершенно здоровый — это М.Н.Тригони, несомненно самый мощный из всех заключенных в равелине. Правда, скоро и его должен был поместить Вильмс в числе больных. У него тоже была цинга, но она не осложнилась другими болезнями и не причиняла ему сильных физических страданий, когда он лежал.

А о № 8 и 19 — Лангансе и Тетерке — Вильмс подал 9 августа специальный рапорт: ”Содержащиеся в №№ 8 и 19 Алексеевского равелина арестанты находятся в столь тяжелом болезненном состоянии, что требуют постоянной посторонней помощи, а потому при условиях одиночного заключения лечение этих больных невозможно: без особого ухода и без частого врачебного наблюдения арестанты эти неминуемо

должны умереть, хотя во всяком случае предсказание относительно жизни весьма неблагоприятно, особенно для арестанта, содержащегося в № 19”.

Арестант № 19 не пережил этого дня. В тот же день Вильмс рапортовал: ”Содержавшийся в № 19 Алексеевского равелина арестант по фамилии, согласно заявлению смотрителя равелина, Тетерка, сего 9 августа 1883 года в 8 часов вечера скончался от продолжительной изнурительной лихорадки, развившейся после воспаления правой подреберной плевры”. Впоследствии 25 августа Вильмс доносил: ”Содержавшийся в № 19 Алексеевского равелина арестант в последние недели своей жизни страдал изнурительным поносом, принимающим иногда характер заразительности, а потому считаю необходимым все мягкие вещи, загрязненные сказанным умершим арестантом, как-то: тюфяк, подушка, одеяло, тулуп, равно и грязное белье того арестанта подвергнуть уничтожению через сожигание. Самая камера должна быть вымыта щелоком и выбелена”. Макар Тетерка — стойкий и выдержанный рабочий-революционер отходил к смерти незаметно, в полном одиночестве. Он не мог ни с кем даже перестучаться, ибо занимал последнюю камеру в коридоре, отделенную от других камерой, в которой сидел впавший в умопомешательство Арончик.

14 августа Вильмс доносил, что в равелине пользуются врачебной помощью 11 человек. Затем следовало добавление о № 8 — Лангансе: ”Болезнь арестанта, содержащегося в камере № 8 Алексеевского равелина, несколько ухудшилась, так как у больного арестанта появилось в течение последней недели кровохаркание, состояние болезни вообще подает мало надежды на выздоровление”.

Через неделю, 21 августа, Вильмс доносил о том, что по состоянию своего здоровья все заключенные в равелине пользуются врачебной помощью, а о Лангансе сообщил: ”Состояние болезни арестанта, содержащегося в камере № 8 того равелина, не представляет перемены к лучшему, так как больной, по сильно-болезненному страданию своей правой нижней конечности, не может лежать иначе как только на правом боку, то при крайнем исхудании больного угрожают образоваться пролежни в области большого вертела правого бедра. Для предупреждения таковых пролежней считаю необходимым приобрести для содержащегося в камере № 8 Алексеевского равелина больного арестанта круглые резиновые подушки с

центральным просветом". "Разрешаю купить резиновую подушку", — положил резолюцию на рапорте врача генерал Ганецкий.

Через неделю Вильмс доносил, что "в камерах Алексеевского равелина все арестанты, за исключением содержащегося в камере № 9, пользуются врачебными средствами. Состояние болезни арестанта, содержащегося в № 8 Алексеевского равелина, безнадежно, так как вследствие бугорчатного страдания колена правой нижней конечности появились и приняли угрожающий характер поражения бугорчаткой как легкого, так и кишечного канала. Бывший доселе понос принял вид изнурительного поноса; кровохаркание усилилось и не уступает никаким средствам".

Еще через неделю в рапорте Вильмса от 4 сентября читаем:

"В камерах Алексеевского равелина все арестанты пользуются врачебной помощью. В состоянии болезни арестанта, содержащегося в камере № 8 Алексеевского равелина, никаких перемен к лучшему не замечается. Больной начинает терять позыв к пище".

Условия жизни в равелине буквально разрушали организм заключенных. Более крепкие организмы подстерегала болезнь души — сумасшествие. Так было с Игнатием Ивановым. Любопытно, что инициатива признания его сумасшедшим исходила не от тюремного доктора, не от тюремного начальства, а от департамента полиции. Это был, конечно, прямой результат посещения равелина Оржевским 30 июля. В.К.Плеве, по встретившейся надобности, просил коменданта "не отказать в распоряжении о доставлении ему заключения врача о состоянии здоровья содержащегося в С.-Петербургской крепости государственного преступника Игнатия Иванова".

2 августа комендант переслал директору департамента полиции следующий рапорт доктора Вильмса от 1 августа: "Вследствие предписания вашего высокопревосходительства в надписи от 31 июля 1883 года за № 634 свидетельствовал я сего числа, в присутствии смотрителя Алексеевского равелина капитана Соколова, состояние здоровья содержащегося в камере № 17 арестанта, состоящего по списку, по заявлению смотрителя Соколова, под именем Игнатия Иванова, но сам себя именующего Петром Непомнящим родства, при чем оказалось нижеследующее: арестант небольшого роста, крепкого телосложения, при наружном осмотре представляет по всему телу мелко-ужеватую сыпь, глаза несколько выпя-

чены, так что край верхних век не достает верхнего края роговиц; объем шеи не увеличен, удары сердца нормальны 60—70; температура кожи не возвышена, вообще арестант не представляет никаких объективных признаков какой-либо болезни. Аппетит хорош, сон нормальный. При подробном расспросе жалуется на боль в голове по темени и на боль между лопатками, особенно в верхней части спинно-грудных позвонков. При входе в камеру арестант выказывает припадки религиозного помешательства, но действительно ли эти припадки могут считаться признаками душевного расстройства, решить трудно, и для этого требуется методическое продолжительное наблюдение, так как упорное скрывание своего настоящего имени наводит сомнение о существовании у арестанта постоянного расстройства умственных способностей”.

2 сентября департамент полиции уведомил коменданта, что Игнатий Иванов, как страдающий расстройством умственных способностей, подлежит переводу для пользования в Казанскую окружную лечебницу во имя божией матери всех скорбящих.

4 сентября в 12 часов ночи, при совершенной тайне, Игнатий Иванов переведен в дом Трубецкого бастиона, а отсюда 5 сентября отправлен по назначению.

Любопытно, что генерал Ганецкий еще раз заставил доктора Вильмса рапортовать об Игнатии Иванове 5 сентября уже после перевода его из рavelина: ”Во исполнение переданного мне секретарем управления приказания вашего высокопревосходительства, честь имею донести, что арестант Игнатий Иванов, действительно, выказывает постоянные припадки мрачного умопомешательства религиозного характера, но для точного определения степени расстройства умственных способностей сказанного арестанта необходимо продолжительное, обставленное особыми приспособлениями, наблюдение за тем арестантом, чего нет возможности исполнить при заключении арестанта в одиночной камере крепостных арестантских помещений”.

Об этом увозе Игнатия Иванова яркие воспоминания М.Ф.Фроленко: «Среди гробовой тишины вдруг раздался отчаянный крик погибающего человека, за криком последовала короткая возня — борьба, и слышно было, как что-то тяжелое пронесли по коридору. Что такое? Бьют кого? Или сошел кто с ума? Ужас, отчаяние, жалость охватили разом все существо... От сознания своего бессилия слезы заполнили глаза... Явля-

лось желание ломать руки, кричать, неистовствовать, разбить себе голову... Но какая польза? — спрашивал разум. Это ужасное состояние поймет хорошо тот, у кого на глазах тонул, горел, вообще погибал близкий человек; самому же ему пришлось стоять и смотреть и в бессилии ломать лишь руки, безумно бегая по берегу реки или возле горящего дома. Соколов, видно, понял наше состояние и не скрыл: "Сошел с ума, увезли в больницу", — ответил он и, действительно, это был карийский Игнатий Иванов»

Судьба Иванова известна. Когда начальство нашло, что он достаточно вылечился в Казанской больнице, оно перевело его в Шлиссельбургскую тюрьму, где он и умер "от чахотки".

Следующий еженедельный рапорт Вильмса от 11 сентября давал следующие сведения: "В камерах Алексеевского рavelина все арестанты пользуются врачебными средствами. Состояние болезни арестанта, содержащегося в камере № 8 Алексеевского рavelина, еще ухудшилось, значительно явственнее стал упадок сил; сознание начинает потемнеться". Не успел еще Вильмс подать этот рапорт, как ему пришлось писать новый:

"Содержащийся в № 8 Алексеевского рavelина арестант Ланганс сего сентября 11 дня 1883 года в 2 1/2 часа пополудни скончался от бугорчатной легочной чахотки, развившейся вследствие хронического бугорчатого страдания правого коленного сустава". О последних днях Ланганса рассказывает М.Н.Тригони, сидевший с ним рядом (в № 9): "У Ланганса цинга проходила, открылось сильное кровохаркание, ходил он с большим трудом. Все время лежал он и лишь изредка добирался до стены, чтобы перемолвиться словом. Он не думал, что у него чахотка, и верил в свое выздоровление... Несмотря на сильные страдания, душевной бодрости Мартын Рудольфович не терял. Впоследствии вставать с постели он уже не мог, и если хотел сказать что-нибудь, то брал в руку башмак и, лежа, с кровати, стоявшей вдали от стены, стучал по полу, а я отвечал ему стуком в стену. В конце августа начали выводить на прогулку. Ланганс обратился с просьбой к доктору дать ему костыли, чтобы иметь возможность подышать свежим воздухом 1/4 часа. Доктор ответил, что без коменданта разрешить он не может, но что доложит об этом коменданту... На следующий день доктор зашел к Лангансу и объявил ему, что "комендант не разрешает выдать костыли". Через несколько дней состояние Ланганса

так ухудшилось, что он не мог перестукиваться, и еще немного спустя он умер”.

18 сентября Вильмс рапортовал, что в камерах Алексеевского равелина все арестанты в течение последней недели пользовались врачебной помощью.

Богатую жатву собрала смерть за три месяца 1883 года (июль—сентябрь)... Под давлением смерти режим был несколько улучшен, но стоило только здоровью заключенных чуть поправиться, как аккуратное начальство сейчас же начинало уничтожать маленькие улучшения в пище, отнимать молоко и т.д.

Весной 1884 года цинга вернулась в равелин, и смерти нашлось дело.

8 марта 1884 года Вильмс донес коменданту: ”У содержащегося в № 1 Алексеевского равелина арестанта, страдавшего до того эпидемическим катаром воздухоносных путей (гриппом), в настоящее время развилось остро-катаральное воспаление обоих легких с опасным для жизни характером, о чем вашему высокопревосходительству, на основании предписания от 9 августа 1883 года за № 662, донести честь имею”. № 1 — это Александр Михайлов, изолированный в коротком коридоре равелина. А 18 марта Вильмс доносил уже о смерти Михайлова: ”Содержавшийся в камере № 1 Алексеевского равелина арестант, именовавшийся, по заявлению смотрителя того равелина, Александром Михайловым, сего марта 18 числа 1884 года умер в 12 часов дня от остро-катарального воспаления обоих легких, перешедшего в сплошной отек обоих легких”.

Так сошел в могилу, на 29-м году жизни, один из достойнейших и благороднейших революционеров, которых когда-либо знала история. Неоцененный страж и хозяин-устроитель революционных организаций, блюститель революционной дисциплины, Александр Дмитриевич Михайлов был фанатически предан революции. ”В узких рамках русской жизни он не имел возможности развернуть силы в широком масштабе и сыграть крупную роль в истории, но в революционной Франции XVIII века он был бы Робеспьером” — так оценивает А.Д.Михайлова В.Н.Фигнер.

Смерть Михайлова опять вызвала послабление режима. В рапорте 25 марта Вильмс докладывал: ”Состояние здоровья арестантов, содержащихся в камерах Алексеевского равелина, хотя удовлетворительно, но у некоторых из этих арестан-

тов все же замечаются, хотя и в слабой степени, признаки цинги, а потому при увеличившихся светлый часам дня считал бы полезным увеличить для тех арестантов продолжительность прогулки на открытом воздухе". Комендант внял заявлению доктора и предписал смотрителю Соколову: "Выводить арестантов установленным порядком, по одиночке, на прогулку в сад по возможности на продолжительное время, при чем поощрять их заниматься во время прогулки физическим трудом, т.е. перекидыванием песку с места на место и подметанием дорожек в саду, для чего обязываю вас иметь в саду несколько кучек песку, деревянные лопаты и метлы".

В рапорте 1 апреля находим любопытные подробности: "Состояние арестантов, содержащихся в камерах Алексеевского рavelина, удовлетворительно, лишь у арестанта, содержащегося в камере № 18, проявляются признаки цинги, кторoю болезнью сказанный арестант страдал довольно сильно и в прошлом 1883 году весною. При наступлении настоящего теплого времени считал бы весьма полезным выставить в камерах зимние оконные рамы, так как камеры Алексеевского рavelина лишены всякого приспособления для вентиляции, а при наклонности здания к постоянному удержанию сырости в нижних частях стен, прекращение топки невозможно".

Комендант разрешил выставить зимние рамы.

В рапорте Вильмса от 8 июля 1884 года находим следующие сведения о здоровье узников рavelина:

"Состояние болезни арестанта, содержащегося в камере № 3 Алексеевского рavelина, несколько ухудшилось. У арестанта, содержащегося в камере № 16 Алексеевского рavelина, замечается упадок питания — вследствие упорного произвольного голодания. Состояние здоровья остальных арестантов, содержащихся в Алексеевском рavelине, удовлетворительно".

№ 3 — по всем данным, М.Ф.Грачевский, а № 16 — Николай Николаевич Колодкевич.

А 24 июля Вильмс доносил о смерти Колодкевича: "Содержащийся в камере № 16 Алексеевского рavelина арестант, именовавшийся, по заявлению смотрителя рavelина, Николаем Колодкевичем, вследствие много раз повторявшихся продолжительных произвольных голоданий, 23 сего июля 1884 года в 10 часов вечера умер от истощения сил, несмотря на все принятые меры насильственного кормления".

Нет оснований не доверять рапорту доктора Вильмса: Колодкевич умер от произвольного голодания. В.Н.Фигнер,

описывая наружность Колодкевича, описывает поразительное несоответствие между суровой внешностью и нежной, гуманной душой Колодкевича: "Его внешность обнаруживала лишь одну сторону его натуры — энергию и мужественную твердость, а вся доброта и деликатность была скрыта под холодной и мрачной оболочкой". Колодкевич сидел рядом с Поливановым, и Поливанов рассказал в своих воспоминаниях историю своего общения, своей тюремной дружбы с этим человеком. Они сидели рядом, не видали друг друга, не слышали голоса друг друга, они только перестукивались, и все же эта дружба через стены полна тончайших и сложнейших переживаний, и рассказ о ней — один из своеобразнейших и трогательнейших, какие только известны во всемирной литературе. А та истина, которую мы только теперь узнаем из рапорта доктора Вильмса, истина о смерти Колодкевича свидетельствует о в ы с о ч а й ш е м г е р о и з м е его духа. Именно эти слова надо сказать здесь.

Поливанов в начале августа 1883 года был переведен в камеру № 15, рядом с Колодкевичем, после восьми месяцев абсолютного одиночества, расстроившего его психику. Не сразу он мог начать перестукиваться, потому что Колодкевич лежал в сильной цинге и только в половине сентября мог подходить на костылях к стене. Поливанов был в это время в угнетенном состоянии, он боялся, что он на грани безумия, и искал спасения в мыслях о самоубийстве. В это время он совершил две попытки покончить с собой. Но Колодкевич оказал ему огромную нравственную поддержку. Вот рассказ Поливанова: "Чем больше я вспоминаю об этом честном и искреннем, добром и вместе сильным умом и сильным волею человеке, тем больше и больше я проникаюсь уважением, даже просто благоговением к его памяти и тем более понимаю, как многим лично я ему обязан. Как он был нежен ко мне, как был заботлив, как ему хотелось чем-нибудь облегчить мое тяжелое душевное состояние. Одиночное заключение и болезнь всегда дурно отражаются на характере человека. Он невольно становится раздражительным, брюзгливым, эгоистичным, тяжелым для себя и для других. Ничего подобного я не замечал в Колодкевиче. Он был всегда одинаково ровен, тверд, терпелив, ни на что не жаловался, даже не любил говорить о своих страданиях и всегда старался их умалить. Как ловко он умел наводить разговор на такие предметы, которые могли отвлекать меня от мрачных мыс-

лей, угнетавших меня. Как искусно он умел затрагивать в моей душе все то, что могло поддержать веру и надежду на будущее, энергию и бодрость духа, так необходимые для борьбы с душевным и физическим недугом, все еще не покидавшим меня... Колодкевич внимательно следил за моим душевным состоянием и умел его верно понять, несмотря на такой неудобный способ сношений, какой был единственно для нас возможным. Он со своими больными ногами простаивал на костылях по целому часу, заставляя меня рассказывать о моих охотничьих воспоминаниях, о детстве, он просил меня описывать нашу усадьбу, сады, рошу, моего отца, сестер; интересовался мелкими подробностями моей личной жизни. Как часто я отходил от стены успокоившись, с примиренной и охваченной добрым чувством душой, в которой оно сменяло злобный порыв отчаяния, когда я готов был пробовать разбить голову о стену... Я не сомневаюсь в том, что главным образом соседству Колодкевича я обязан тем, что окончательно не сошел с ума и не лишил себя жизни”.

Поливанов вспоминает, что в последние дни жизни настроение Колодкевича было очень бодрое, и они вели спор на тему о жизни и смерти. ”Я доказывал, — говорит Поливанов, — что небытие предпочтительнее бытия, потому что оно составляет единственно реальное, единственно доступное человеку блаженство; что люди должны считать самыми счастливыми часами своей жизни те, которые они провели в крепком, глубоко сне, не нарушавшемся сновидениями, и это может подтвердить общее признание всего человечества, что, хотя раз явившись на свет, человек жадно хватается за жизнь и упорно создает себе иллюзию за иллюзией, надежду за надеждой по мере того, как они друг за другом разбиваются действительностью, но каждый, если его спросить, что он предпочел бы: родиться на свет или не родиться, в том случае, когда это зависело бы исключительно от его желания, — каждый, наверно, ответит: предпочел бы не родиться. Колодкевич заметил на это: ”Я все-таки предпочел бы родиться”. — Как! — спросил я, — даже зная наперед, что будет ждать в жизни, чем и где она кончится? — ”Как человек, которому всего дороже истина, — отвечал Колодкевич, — я говорю, предпочел бы родиться и узнать, что такое бытие, что такое жизнь, чем не родиться и не знать этого”. Его слова и тогда произвели на меня сильное впечатление, так как в искренность Колодкевича я глубоко верил, и я много размышлял по этому поводу, но теперь

их смысл приобрел для меня особое значение. Это было сказано человеком, стоявшим уже одною ногою в могиле, человеком, за плечами которого было так много тяжелых и физических и нравственных мук, и это не были пустые фразы, а искреннее убеждение сильного ума и твердой души”.

Но задумаемся на минуту над сообщением Поливанова и лаконическим рапортом доктора Вильмса о много раз повторявшихся произвольных голоданиях, которые привели к смертному концу. И этот человек, который утверждал в своем погибавшем соседе волю к жизни, не давал угаснуть чуть тлевшему огоньку жизни, действовал примером своей твердости и ровного терпения, этот человек в это самое время планомерно и терпеливо вел себя к могиле, творил над собой самоубийство, сознательно прекращал свою жизнь, в изменение которой он не верил. Перед таким величием духа надо склониться в благоговейном изумлении.

Мартиролог надо пополнить еще Арончиком, который в 1884 году окончательно сошел с ума. Его помешательство было тихое, и начальство не сочло нужным переводить его, подобно Иванову, в больницу для умалишенных. Так в тихом безумии он был переведен в Шлиссельбургскую тюрьму. С параличом ног, он не вставал с койки, из камеры не выходил и умер 2 апреля 1888 года. Но должно вернуться к тому, чье имя надо поставить в начале мартиролога.

30.

Со 2 июня 1882 года Нечаев был всецело подчинен только что описанному знаменитому режиму Алексеевского равелина, который имел одно задание: возможно скорее вывести в тираж возможно большее число заключенных.

Жесточайшего режима, установленного в равелине, не выносили люди совсем молодые, подвергшиеся до перевода в равелин недолгому, сравнительно, предварительному заключению. Его, конечно, не мог вынести Нечаев, подвергнутый ему на десятом году тяжелого заключения.

Отрезанный от всякого общения, Нечаев находился под бдительным оком Соколова; завязать отношения с новой командой было немыслимо. Но мысль Нечаева работала над проблемой о прорыве блокады. Оставались две отдушины — доктор и священник. Доктор Вильмс стоил смотрителя Соколова, да все равно без смотрителя он не мог войти в камеру; священник — тот мог. Только предположив, что Нечаев

хотел испытать священника как средство сообщения или на крайний случай как источник какой-либо информации, можно объяснить возбуждение им ходатайства о допущении к нему священника. 1 июня 1882 года комендант писал Плеве: "Заключенный в Алексеевском равелине в камере под № 1, содержащийся прежде в камере № 5, известный преступник обратился с просьбой о выдаче ему библии и о приглашении к нему для духовных бесед священника. Последнее заявление он объяснил тем, что у него явилось какое-то смутное, незнакомое ему до сих пор желание обратиться к вере". Мы решительно отрицаем даже тень правдоподобия в этом заявлении Нечаева. По-видимому, сам Ганецкий прозревал истинные намерения и отнесся столь подозрительно к просьбе Нечаева, что, получив от министра внутренних дел разрешение допустить для бесед с Нечаевым одного из крепостных священников, по его, Ганецкого, выбору, не счел нужным привести в исполнение разрешение министра и тем дать Нечаеву случай исполнить "смутное, незнакомое ему до сих пор желание обратиться к вере". Священник к Нечаеву допущен не был. В книге, о которой мы говорили, не записано ни одного посещения священника за период после 8 июня (дата отнесения департамента полиции с разрешением) до самой смерти Нечаева. Первое отмеченное в книге посещение равелина священником приходится на 18 декабря 1882 года...

Итак, решительное крушение надежд на освобождение... Исчезновение друзей. Абсолютное одиночество. Полное безмолвие.

Полное отсутствие книг (одно набившее оскомину евангелие!). Безвыходное заключение в камере. Ужасающий цинготный пищевой режим. И беспросветная безнадежность в будущем.

Дни Нечаева были сочтены. На сцену выступил доктор Вильмс. 8 ноября он представил коменданту рапорт следующего содержания: "У арестанта, содержащегося в № 1 Алексеевского равелина, развилась цинга, осложненная общей водянкой в столь сильной степени, что угрожает жизни арестанта, а потому совместно с другими врачебными средствами считал бы необходимым сказанному арестанту отпускать в день по полбутылки молока и для усиленного лечения от сказанной болезни считаю также крайне необходимым прогулки на воздухе ежедневно".

Комендант предписал смотрителю равелина покупать для

арестанта № 1 ежедневно по полбутылке молока и выводить его на прогулку в арестантский сад. А 21 ноября Вильмс рапортовал коменданту:

”Содержащийся в камере № 1 Алексеевского рavelина арестант сего 21 ноября 1882 года около двух часов пополудни умер от общей водянки, осложненной цинготною болезнью, о чем вашему превосходительству донести честь имею”. В постовой книге под 21 ноября 1882 года, под рубрикой ”посещение рavelина нижеследующими начальствующими лицами”, записано прибытие в 2 3/4 час. пополудни доктора Вильмса. Очевидно, он был вызван констатировать смерть Нечаева. Время выбытия указано — 3 часа 5 минут. А за ним отмечено посещение коменданта крепости генерал-адъютанта Ганецкого: время прибытия — 3 3/4 часа пополудни и время выбытия — 4 часа пополудни. Генерал, не часто жаловавший в рavelин, побеспокоил на этот раз свою персону. Так и чудятся в коридоре властные, начальственные шаги генерала, который спешил собственными глазами убедиться в смерти человека, в течение стольких лет приводившего в смятение и смущение начальнические сердца, посмотреть еще неостывший труп своего врага...

Дальше был совершен обряд погребения Нечаева по своеобразному ритуалу, принятому в Алексеевском рavelине. С этим своеобразным церемониалом следует познакомиться. Один за другим совершались следующие обряды. Смотритель рavelина в тот же день, 21 ноября, представил по команде коменданту рапорт о смерти Нечаева и спрашивал предписания о том, как поступить с хранящимися при рavelине собственными вещами покойного.

Комендант о смерти Нечаева, ”пользовавшегося более месяца врачебной помощью от цинги”, донес 21 же ноября рапортом царю (№ 489) и министру внутренних дел (№ 490). А к директору департамента полиции комендант в тот же день (№ 491) обратился с следующим запросом: ”Имею честь просить распоряжения о принятии тела умершего Нечаева из крепости для предания земле на одном из кладбищ, присовокупляя, что для устранения огласки о существовании в Алексеевском рavelине преступников, я приказал тело умершего перенести сего числа ночью, при совершенной тайне, в один из арестантских казематов Екатерининской куртины, откуда оно и может быть принято командированными за ним лицами. При чем прошу уведомить меня о том, кому

должно быть сдано тело умершего, так равно и о том, следует ли, в виду той тайны, при которой был заключен названный преступник, пояснять фамилию умершего при сдаче тела”.

В этот же день генерал Ганецкий получил от Плеве уведомление на свой запрос: ”Для принятия из крепости и похорон тела умершего известного государственного преступника, в 1 ч. ночи в крепость прибудет пристав I участка Петербургской части Панкратьев; при этом долгом считаю присовокупить, что фамилия умершего должна быть сохранена в тайне”.

На свободной странице письма Плеве сохранилась следующая расписка: ”Тело умершего в 1 час ночи из Петропавловской крепости для доставления на Преображенскую станцию Николаевской железной дороги принял пристав Панкратьев. 21 ноября 1882 года. При приеме тела находился секретарь управления Денежкин. При приеме тела находился майор Лесник”.

Пристав Панкратьев, майор Лесник и секретарь Денежкин проводили к могиле смертные останки известного арестанта.

После Нечаева остались вещи. Их должны были уничтожить. Для этого существовал определенный церемониал. Препровождая 13 декабря (№ 517) опись вещам директору департамента полиции, комендант спрашивал: ”Предположив означенные вещи, как не представляющие особой ценности и пришедшие от времени в негодность, по бывшим при подобных случаях примерам, уничтожить сожжением, а предварительно окончательного по сему распоряжения, имею честь просить ваше Превосходительство уведомить меня о вашем по означенному предмету заключении”.

В.К.Плеве совершенно секретно 16 декабря уведомляет ”милостивого государя Ивана Степановича Ганецкого, что к уничтожению сожжением оставшихся после смерти известного арестанта (№ 1) вещей, поименованных в возвращаемой описи, с его стороны препятствий не встречается”. Комендант 21 декабря отдал смотрителю рavelина предписание ”уничтожить вещи сожжением в присутствии двух жандармских унтер-офицеров и составленный при том акт, за общими подписями участвующих при сожжении, представить ему”.

27 декабря Соколов представил при рапорте и следующий акт:

”Вследствие предписания от 21 декабря 1882 года за № 524, его высокопревосходительство господин комендант прика-

зять изволил: все вещи, оставшиеся в Алексеевском равелине после смерти арестанта, содержащегося в № 1, — уничтожить сожжением. 24 декабря сего 1882 года, в присутствии смотрителя Алексеевского равелина и унтер-офицеров Игнатия Прокофьева и Федора Блинова, сожжены нижеследующие вещи: армяк серый — 1, штаны — 1, шапка — 1, полушубок дубленый — 1, пальто летнее драповое — 1, пиджак летний — 1, рубашка теплая фланелевая — 1, подштанники — 1, галстук статский — 1, шляпа котелком — 1, рукавицы замшевые с теплыми варегами — 1 пара, шерстяные чулки — 1 пара, полусапожки — 1 пара и платок — 1. Присовокупляю, что еще оказались очки с футляром, которые были разбиты и брошены в печь; о чем свидетельствуем своими подписями...”

Тут конец житию Сергея Геннадиевича Нечаева.

31.

Можно подвести итоги режиму графа Д.А.Толстого, П.В.Оржевского, В.К.Плеве и И.С.Ганецкого, освященному Александром III и проведенному штабс-капитаном Соколовым. Оставляем в стороне Л.Ф.Мирского, у которого была своя судьба, и С.Г.Нечаева, погибшего в камере № 1 21 ноября 1882 года. Группа из пятнадцати человек! Из них в июле-сентябре 1883 года умерло 4: Клеточников, Баранников, Тетерка, Ланганс и в 1884 году 2: А.Михайлов и Колодкевич. Сошло с ума двое: Игнатий Иванов и Арончик. Получили начало душевного расстройства, развившегося впоследствии, трое: Исаев, Щедрин и Поливанов. И только Морозов, Триго-ни, Фроленко и Попов прошли через Алексеевский равелин и Шлиссельбургскую крепость. Итого на 15 человек — умерших (6), сошедших с ума (2) и тронувшихся в уме (2 — Исаев и Щедрин) — 66,6% убыли, и это за 2 года и 4 месяца заключения!

Вторая группа заключенных в равелине, перевезенная сюда в ночь на 29 апреля 1884 года, с закрытием равелина была перемещена в Шлиссельбургскую тюрьму. Их было семь: Богданович, Буцевич, Геллис, Грачевский, Златопольский, Минаков и Мышкин. Их ждала такая судьба: Минаков и Мышкин были расстреляны в Шлиссельбургской тюрьме, Грачевский там же кончил с собой самосожжением, а остальные там же умерли: в 1885 году Буцевич, Златопольский, в 1886 году Геллис и в 1888 году Богданович.

А Мирский, неведомо ни для кого из своих соседей по заключению, погибавших от режима, содержался по-прежнему "на исключительных условиях" от других арестантов, т.е. получал улучшенную пищу и пользовался правом чтения книг. Но и исключительные условия не спасли его от цинги. Начальство вспомнило об услугах Мирского, и 23 июня 1883 года последовало высочайшее соизволение на отправление Леона Мирского для дальнейшего отбывания наказания в Сибирь, на каторгу. В ночь на 26 июня Мирский был переведен в Трубецкой бастион, а 15 июля он был сдан под расписку жандармскому капитану для доставления в Дом Предварительного заключения. За время с 1866 года это был первый случай, когда заключенный был куда-то перевезен из стен рavelина. Заточенные или здесь умирали или же отсюда переводились в больницу для умалишенных. Только эти два исхода и были.

Мирский не знал о том, что его переводят на каторгу в Сибирь, и, прибыв в Трубецкой бастион, сейчас же обратился с почитительно-фамильярным письмом к его высокопревосходительству господину коменданту. "Мне, к сожалению, не сказали, надолго ли я переведен из рavelина. Если мое пребывание в бастионе продлится более или менее долго, то я прошу ваше высокопревосходительство приказать выдать мне новый халат, новое одеяло, а то я боюсь заразиться, так как полученная мною одежда имеет вид крайне подозрительный. Сверх того, у меня нечего читать. Из рavelина принесли журнал "Дело", но я уже прочитал все эти книги и могу их возвратить. Будьте добры, прикажите или выдавать мне книги из библиотеки бастиона, или — еще лучше — пришлите мне "Отечественные Записки" за вторую половину 1882 г., о чем я имел честь просить ваше высокопревосходительство в половине текущего месяца. Еще есть у меня убедительнейшая и покорнейшая просьба к вашему высокопревосходительству, и надеюсь, вы не отвергнете ее, потому что дело идет о сохранении моего здоровья и жизни. Прикажите, ради бога, устроить надлежащую вентиляцию в моем номере, в рavelине. В последнее время у меня стала побаливать грудь, и вообще обнаружилось некоторое повреждение легких от недостатка воздуха. Кроме того, цинга до сих пор не прошла. Поэтому я умоляю вас, мой благодетель, прикажите вставить один вентилятор в левом углу окна так, чтобы одновременно действовали два вентилятора в окне и один в стене. При этом я бы

просил, чтобы в новом вентиляторе дырочки были хоть сколько-нибудь побольше. Я твердо надеюсь, что ваше высокопревосходительство не забудете об этой важной просьбе. Вашего высокопревосходительства покорн. слуга Мирский. 26 июня 1883 г."

Это — последнее документальное известие о пребывании Мирского в с.-петербургской крепости.

33.

Наш рассказ о жизни в рavelине в 1882—1884 годах был бы неполным, если бы мы не упомянули об одном совершенном и исключительном событии.

В "книге для записывания смен поста караула Алексеевского рavelина" под 29 августа 1882 года читается любопытная запись.

Из Алексеевского рavelина убыла личность:

Время выбытия	Личность	Время прибытия
Выб. в 12 ч. 50 м. ночи	одна личность	

А под 30 августа в той же книге находим новую запись. Прибыла в рavelин личность:

Время выбытия	Личность	В какое время прибыл
	одна личность	в 10 ч. 40 м. ночи

Одна личность, убывшая в ночь на 29 августа и прибывшая через сутки, — Михаил Николаевич Тригони. Его перевели из рavelина в Трубецкой бастион, чтобы дать свидание с матерью. Это свидание было исключительным событием в жизни рavelина, оно было единственным за долгий период с 1864 года. Мать Тригони, вдова генерал-майора, дочь адмирала Станюковича, добилась этого благодаря своим связям при дворе, помимо департамента полиции. Через генерал-адъютанта Рихтера она передала Александру III следующее письмо: "Ваше императорское величество, самодержавный и всемилостивейший государь. Для высокаторжественного дня тезоименитства вашего величества, дозвольте мне видеться с сыном... Этот день миллионы народов празднуют, дозвольте и мне надеять-

ся. Государь, я женщина в летах, приехала из Крыма, имея надежду на милосердие и милость царя и отца несчастных, умоляю вас, услышьте мою просьбу. Имею счастье быть с чувствами глубочайшего благоговения, душевно преданная вашему императорскому величеству верноподданная, вдова генерал-майора Ольга Тригони”.

Александр III “услышал просьбу” и положил резолюцию: “Можно, но при свидетелях”. Об этом экстраординарном решении довел до сведения коменданта крепости собственноручным письмом сам товарищ министра внутренних дел П.В.Оржевский. Письмо было передано в руки коменданта секретарем департамента С.Э.Зволянским. “Лично и совершенно секретно” писал 29 августа генерал П.В.Оржевский милостивому государю Ивану Степановичу: “Государю императору благоугодно было разрешить вдове генерал-майора Ольге Тригони иметь завтра, 30 августа, свидание с содержащимся во вверенной вашему высокопревосходительству крепости ссыльно-каторжным государственным преступником Михаилом Тригони, но с неперменным условием, чтобы означенное свидание происходило при свидетелях. Сообщая о таковой высочайшей воле на зависящее исполнение вашего высокопревосходительства, считаю необходимым присовокупить, что важность содеянных Михаилом Тригони преступлений и исключительность оказанной матери его монаршей милости обуславливают принятие особых мер к тому, чтобы свидание это осталось тайной для всех прочих содержащихся в крепости ссыльно-каторжных. В сих видах, я имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство, не изволите ли признать возможным приказать капитану Соколову лично доставить Тригони в избранное вами для свидания место и затем, до возвращения названного преступника в его камеру, безотлучно при нем находиться, наблюдая самым тщательным образом за всеми его словами и движениями.

Независимо от сего, согласно выраженному г. министром внутренних дел мнению, я имею честь уведомить ваше высокопревосходительство, что, во внимание к совершенной исключительности настоящего случая, личное присутствие ваше, при свидании Ольги Тригони с сыном, представляется весьма желательным”.

А 31 августа секретарь департамента С.Э.Зволянский уже засыпал к секретарю коменданта “многоуважаемому Тимофею Ефремовичу” Денежкину конфиденциальное письмо

следующего содержания: "Спешу сообщить вам конфиденциально о высказанном г. товарищем министра П.В. Оржевским желании иметь подробное донесение о вчерашнем свидании, как было, при ком, что говорилось и т.д." Желание Оржевского было удовлетворено в тот же день. "Совершенно секретно" комендант сообщил милостивому государю Петру Васильевичу: "На письмо от 29 сего августа имею честь уведомить, что по получении извещения вашего превосходительства о высочайшем соизволении дать свидание вдове генерал-майора Ольге Тригони с сыном ее, осужденным ссыльно-каторжным преступником Михаилом Тригони, он ночью, в совершенной тайне, был переведен в Трубецкой бастион и помещен в одну из камер пустого отделения. В 3 1/4 часа пополудни, тотчас по отъезде их императорских величеств из Петропавловского собора, в моем присутствии и штабс-капитана Соколова дано свидание в комнате Екатерининской куртины за решеткой, продолжавшееся 20 минут. Мать и сын, по-видимому, были в спокойном, относительно, состоянии и вели разговор исключительно о родственниках и семейных делах. Преступник, пораженный неожиданностью виденья с матерью, делал ей вопросы, от кого и как она могла узнать о существовании его здесь и каким образом добилась свидания. Ответы матери были следующие: "Приехав в Петербург, она обратилась к товарищу шефа, генералу Оржевскому, который уверил ее в добром здоровье сына, и затем обратилась к генералу Рихтеру с просьбою исходатайствовать ей свидание, и вот, благодаря участию и милости государя императора, она видит его. На вопросы ее о здоровье и как переносит одиночное заключение, он успокаивает тем, что совершенно здоров, пища хороша и, насколько можно в его положении, крепок духом; когда же она коснулась разговора о намерении к коронации снова приехать в Петербург или Москву из Крыма с просьбою об облегчении его участи и когда посоветовала ему и с своей стороны написать просьбу его императорскому величеству о раскаянии и помиловании, то он ответил, что признает это для себя неудобным не потому, чтобы не желал просить государя, но находит неуместным, ввиду характера и важности его преступления. Затем, по окончании свидания, преступник Тригони снова был отведен штабс-капитаном Соколовым в Трубецкой бастион и в 11 часов ночи возвращен в Алексеевский ра-велин".

Остается еще привести отрывок из воспоминаний М.Н. Триго-ни об исключительном событии его жизни в Алексеевском равелине.

”Позднeю ночью на 30 августа меня увели из Алексеевско-го равелина в Трубецкой бастион. Привели в камеру, и Соко-лов, сказав: ”Можно раздеваться и ложиться спать”, вышел. Из Алексеевского равелина так скоро не уведат. Я недоуме-вал, что это значит. Порешив, что размышления все равно ни к чему не приведут, я разделся и лег спать. На другой день утром в 7 часов принесли черный хлеб, кружку молока и 1/2 лимона. У меня была цинга, и все это я получал в Алек-сеевском равелине. В 12 часов дали тот же обед, какой давали в равелине. Значит, связь с равелином не утрачивается. Через полчаса после обеда входят в камеру Соколов и смотритель Трубецкого бастиона Лесник, который сказал мне: ”Государь разрешил вашей матушке свидание с вами на 1/4 часа, кото-рое сейчас будет дано. При этом мы должны предупредить вас, что если вы скажете, где вас держат или как вас содержат, то свидание в ту же минуту будет прекращено”. Меня сейчас же повели на свидание, которое было дано в обычном месте для свиданий, т.е. через две проволочных сетки. Между прово-лочными сетками поместились Соколов и Лесник, а в отделе-нии, где была мать, находился комендант крепости Ганец-кий. Для такого-то свидания мать приехала из Севастополя в Петербург...”

34

Пока внедрялся режим содержания в равелине на положе-нии ссыльно-каторжных и пока под действием этого режима выходили в тираж заключенные, приходили к концу и нако-нец закончились работы по переустройству новой тюрьмы в Шлиссельбурге. 24 июля 1884 года П.В. Оржевский обратил-ся к коменданту крепости со следующим совершенно сек-ретным письмом (№ 466). ”Ввиду окончания работ по устрой-ству государственной тюрьмы в упраздненной Шлиссельбург-ской крепости, в означенную тюрьму подлежат ныне перево-ду, согласно высочайшего повеления от 23 июня минувшего года, содержащиеся в Алексеевском равелине и Трубецком бастионе С.-Петербургской крепости ссыльно-каторжные го-сударственные преступники”.

Возложив на коменданта С.-Петербургского жандармского дивизиона полковника Стаховича перевозку из крепости

в Шлиссельбургскую тюрьму подлежащих заключению в оной ссыльно-каторжных, я имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство сделать распоряжение выдать полковнику Стаховичу содержащихся ссыльно-каторжных: 1) Михаила Фроленко, 2) Григория Исаева, 3) Айзика Арончика, 4) Николая Морозова, 5) Петра Поливанова, 6) Михаила Тригони, 7) Михаила Попова, 8) Николая Щедрина, 9) Мейера Геллиса, 10) Савелия Златопольского, 11) Михаила Грачевского, 12) Юрия Богдановича, 13) Александра Буцевича, 14) Егора Минакова, 15) Ипполита Мышкина и содержащихся в Трубецком бастионе: 16) Дмитрия Буцинского, 17) Людвига Кобылянского, 18) Владимира Малавского, 19) Федора Юрковского, 20) Александра Долгушина и 21) Михаила Клименко — и вместе с тем не отказать в вашем, милостивый государь, благосклонном содействии вышеозначенному штаб-офицеру по всем вопросам, связанным с исполнением возложенного на него поручения. О последующем не откажите, ваше высокопревосходительство, почтить меня уведомлением?

А 31 июля (№ 148) Ганецкий уведомил Оржевского о том, что "посадка будет произведена с 1 на 2 августа, т.е. со среды на четверг". Тем временем Соколов отбыл в Шлиссельбург для того, чтобы подготовиться к встрече своих заключенных на новом месте. По случаю перевода арестантов в Шлиссельбургскую тюрьму и отъезда капитана Соколова, 1 августа прикомандированному к комендантскому управлению с.-петербургской крепости жандармскому поручику Егорову было предписано: "В 10 часов вечера 1 августа явиться".

Исполнение распоряжения о переводе потребовало, очевидно, некоторых приуготовительных действий. Об одном затруднении сохранилась память в "совершенно секретном" письме коменданта полковнику Стаховичу от 20 июля № 144: "Милостивый государь Михаил Парменович, ввиду устройства у Невской пристани Иордана для водосвятия 1 августа и отвода перевозного моста к Екатерининскому бастиону, где по мелководью пароход не может пристать, прошу вас, милостивый государь, произвести посадку не раньше как с 1-го на 2-е августа, т.е. со среды на четверг. О последующем меня уведомить".

Заключенные были разделены на две партии. В первой было 11 человек: Фроленко, Исаев, Морозов, Тригони, Попов, Щедрин, Грачевский, Златопольский, Геллис, Минаков и Буцевич. Во второй партии были оставшиеся четыре человека:

Поливанов, Мышкин, Арончик и Богданович; сюда же присоединены и обитатели Трубецкого бастиона Буцинский, Кобылянский, Малавский, Юрковский, Долгушин, Клименко. 2 августа (№ 152) комендант уведомил Оржевского, что первая партия 2 августа в 4 часа утра сдана Стаховичу, а посадка остальных арестантов будет произведена с 3 на 4 августа. О сдаче этой партии Стаховичу 4 августа в 4 часа утра Оржевский был уведомлен письмом 4 августа (№ 156).

Сохранился "акт передачи" — список ссыльно-каторжным государственным преступникам, содержащимся в с.-петербургской крепости, сданным 2 и 4 августа в распоряжение коменданта С.-Петербургского жандармского дивизиона полковника Стаховича. Список скреплен следующими подписями: "Комендант генерал-адъютант Ганецкий. Принял полковник Стахович. Присутствовали штаб-офицеры: комендантского управления полковник Сабанеев, подполковник Лесник, капитан Соколов. За секретаря поручик Андреев".

Как подобает, комендант представил царю рапорты о переводе первой партии 2 августа (№ 150) и второй 4 августа (№ 154), одновременно и министру внутренних дел (№№ 151 и 155).

35.

За неделю до перевода заключенных из рavelина в Шлиссельбургскую крепость Плеве писал Ганецкому: "За упразднением государственной тюрьмы в Алексеевском рavelине С.П.Б.Крепости, имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство сделать распоряжение о приводе в порядок и доставлении затем в д-т полиции для дальнейшего хранения всей секретной переписки управления вверенной вашему высокопревосходительству крепости, касающейся означенного рavelина по заключению и содержанию в оном государственных преступников.

Равным образом покорнейше прошу приказать доставить в д-т полиции и серебро, принадлежащее дому Алексеевского рavelина, упомянутого в вашем, м.г., письме от 20 сего июля. Что же касается тех вещей, которые не будут переданы начальнику Шлиссельбургского жандармского управления, то, соглашаясь с предположением вашего высокопревосходительства об их уничтожении, я вместе с сим сделаю распоряжение, чтобы, по вашему уведомлению, от д-та полиции было командировано уполномоченное лицо для присутствия при уничтожении вещей".

Все просьбы Плеве были выполнены: серебро доставлено в департамент полиции; вещи и предметы обихода, годные к употреблению, переданы в новую тюрьму, негодные — сожжены. А секретная переписка по равелину была передана в департамент полиции, где и хранилась на секретном положении, вплоть до великой революции, раскрывшей все государственные тайники. Вся эта секретная переписка, недоступная до тех пор ни одному из исследователей, положена в основу нашей работы.

Таков был конец Алексеевского равелина.

Настоящая работа написана на основании неизданных архивных материалов, заключающихся в нижепоименованных делах. По упразднении равелина в департамент полиции было передано все производство, хранившееся как при доме Алексеевского равелина, так и при управлении коменданта. Дела этим была составлена опись; номера и приводятся нами с показанием числа листов.

По содержанию арестантов Алексеевского равелина: № 133 на 135 л. (1873 г.), № 136 на 106 л. (1874 г.), № 138 на 102 л. (1875 г.), № 140 на 102 л. (1876 г.), № 142 на 94 л. (1877 г.), № 144 на 95 л. (1878 г.), № 148 на 64 л. (1879 г.), № 153 на 80 л. (1880 г.), № 157 на 88 л. (1880 г.), № 162 на 103 л. (1881 г.), № 167 на 144 л. (1883 г.), № 175 на 59 л. (1884 г.).

Отчеты о содержавшихся в Алексеевском равелине арестантах: № 134 на 24 л. (1873 г.), № 137 на 17 л. (1874 г.), № 139 на 12 л. (1875 г.), № 141 на 12 л. (1876 г.), № 143 на 12 л. (1877 г.), № 146 на 12 л. (1878 г.), № 149 на 12 л. (1879 г.), № 154 на 12 л. (1880 г.), № 158 на 12 л. (1881 г.), № 166 на 17 л. (1882 г.), № 168 на 12 л. (1883 г.), № 176 на 11 л. (1884 г.).

Совершенно секретная переписка: № 145 на 23 л. (1878 г.).

О высылке из III Отделения собственной его императорского величества канцелярии книг для чтения известному арестанту: № 147 на 4 л. (1878 г.), № 150 на 18 л. (1879 г.), № 152 на 55 л. (1880 г.).

О высылке из департамента полиции книг для чтения известному арестанту: № 156 на 38 л. (1880 г.), № 169 на 4 л. (1883 г.).

О заключении в каземат Алексеевского равелина преступника № 5: № 135 на 71 л. (1873 г.).

О заключении в Алексеевский рavelин секретного государственного преступника М.: № 151 на 21 л. (1879 г.).

О заключении в Алексеевский рavelин С.-Петербургской крепости лица, значащегося в деле под № 12: № 1155 на 34 л. (1880 г.).

О заключении в крепости пяти человек ссыльно-каторжных государственных преступников, находившихся на Каре: № 164 на 25 л. (1882 г.).

О беспорядках в Алексеевском рavelине: № 160 на 559 л. (1881 г.).

О рядовом Петербургской местной команды Иване Губкине: № 161 на 14 л. (1881 г.).

О предании военно-окружному суду чинов Алексеевского рavelина за допущенные беспорядки: № 163 на 171 л. (1882 г.).

О говении арестантов Алексеевского рavelина: № 170 на 2 л. (1883 г.), № 177 на 11 л. (1884 г.).

О смерти арестанта Николая Клеточникова: № 171 на 17 л. (1883 г.).

О смерти арестанта Александра Баранникова: № 172 на 17 л. (1883 г.).

О смерти арестанта Макара Тетерки: № 173 на 17 л. (1883 г.).

О смерти арестанта Алексеевского рavelина Мартына Лаганса: № 174 на 16 л. (1883 г.).

О смерти арестанта Алексеевского рavelина Александра Михайлова: № 178 на 17 л. (1884 г.).

О смерти арестанта Алексеевского рavelина Николая Колоскевича: № 180 на 19 л. (1884 г.).

О переводе из Трубецкого бастиона в Алексеевский рavelин семи человек ссыльно-каторжных государственных преступников: № 179 на 6 л. (1884 г.).

О переводе ссыльно-каторжных арестантов из Алексеевского рavelина Трубецкого бастиона в Шлиссельбургскую тюрьму: № 181 на 18 л. (1884 г.).

Об арестантах, содержащихся в Алексеевском рavelине: № 165 на 69 л. (1882 г.).

Дело № 11 об управлении коменданта Спб. крепости по Алексеевскому рavelину о временных отлучках и болезни смотрителя Алексеевского рavelина; нач. 31 дек. 1881 г., конч. 2 февраля 1883 г. на 19 л.

Дело департамента полиции I делопроизводства, № 5,

нач. 10 янв. 1883 г., конч. 9 марта 1884 г. — о расходах по содержанию госуд. преступников — на 94 л.

Дело III Отд. 3 экспедиции, 1879 г., № 167 — о покушении на Дрентельна.

Дело штаба корпуса жандармов по I Отделению, 1887 г., № 198 — об отчислении ротмистра Соколова от занимаемой им должности на 79 л.

Разрозненные и неподшитые бумаги, хранившиеся в секретной части, — об Алексеевском равелине.

Книга для записывания смен постов караула в Алексеевском равелине на 1882 год (хранится в Музее Революции).

ПРИЛОЖЕНИЕ

К истории рavelина Документы

1.

*Его Императорскому Величеству
От Министра полиции и С.-Петербур-
бургского Военного Губернатора*

Доклад.

В Высочайше подтвержденном Вашим Императорским Величеством в 1 день декабря 1808 г. докладе постановлены правила для сохранения внутреннего благоустройства в Алексеевском рavelине здешней крепости и в рассуждении содержания заключаемых в оной арестантов.

Ныне по разным встретившимся Вашему Императорскому Величеству известным уже обстоятельствам, оказываются необходимы некоторые перемены в сем учреждении, равно как и определение особенного Смотрителя над означенными арестантами, коего доселе не было положено, должность же сия присоединилась мало по малу к обязанностям Плац-Майора о котором в оном докладе и не упомянуто. Вследствие чего всеподданнейше имею счастье представить, не благоугодно ли будет Вашему Императорскому Величеству:

1. Учредить Смотрителя над Алексеевским рavelином, которому и состоять под непосредственным начальством С.-Петербургского Военного Губернатора.

2. Оставя по-прежнему наружный караул у рavelина в ведении Коменданта Санктпетербургской крепости, внутренний надзор и хозяйственную часть поручить совершенно Смотрителю.

3. Команде Алексеевского рavelина состоять в ведении Смотрителя.

4. Внутреннее благоустройство, как-то: чистота, порядок, довольствование арестантов всем дозволенным и т.д. и осмотрение за внутренним караулом поставить в обязанность и ответственность Смотрителя.

5. Напротив того оставить на ответственности Коменданта наблюдение за наружным караулом, так что если бы сверхчаяния арестант, решившись бежать, скрылся уже от внутреннего присмотра, то бдительностью наружного караула мог бы еще быть схвачен и недопущен до произведения в действо намерения своего.

6. Суммы, потребные на содержание здания и арестантов и на жалованье Смотрителю, команде и прочие издержки, отпускать из Государственного (банка) Казначейства по требованию С.-Петербургского Военного Губернатора.

Составленный сообразно с вышеизъявленными предполагаемыми переменами вновь штат осмеливаюсь представить у сего на благоусмотрение Вашего Императорского Величества.

Если же оный удостоится Высочайшего утверждения, то я приступлю немедленно к изготовлению инструкции Смотрителю над Алексеевским рavelином и караульному офицеру при оном.

Подлинный подписал А. Б а л а ш е в.

2.

Инструкция

смотрителю над Алексеевским Рavelином.

Вследствие Высочайше Его Императорским Величеством подтвержденного доклада назначается вы смотрителем находящегося в С.-Петербургской крепости Алексеевского Рavelина, а дабы вас поставить в полное разумение всей важности возлагаемой на вас обязанности к неперемому исполнению, предписывается вам следующее:

1. Вы состоять будете под непосредственным начальством Военного Губернатора. Вся внутренняя стража Алексеевского рavelина, все арестанты и все хозяйственное распоряжение

сего равелина поручаются без изъятия в совершенное ведение ваше.

2. Внутренняя стража, имеющая состоять под Начальством вашим, заключается из одного обер-офицера, двух унтер-офицеров и пятидесяти рядовых. Обер-офицеру сему, который вам подчиняется для облегчения и точнейшего выполнения налагаемой на вас обязанности, прилагается особенная инструкция. Из положенного же числа рядовых 50 человек назначаются некоторые караульными внутри комнат и у ворот дома, другие для хождения по коридору и исправления тех потребностей, о коих внутренний караульный им объявлять станет, а один для варенья кушанья. Все сие по усмотрению вашему с доклада Военному Губернатору.

3. Сумму на содержание сей команды, на поправку и починку дома, на дрова и свечи, на продовольствие арестантов и на прочие хозяйственные издержки получать вам от Военного Губернатора. — На записку прихода и расхода сих денег иметь вам особенную книгу и отдавать в них отчет Военному же Губернатору.

4. Строение, в котором содержатся арестанты, во всех его частях, мебели, столовые и кухонные вещи и посуда, а также белье столовое и постельное, вверяясь в особенное попечение ваше, принять и содержать по описи в надлежащем порядке, чистоте и бережливости, и смотреть наиприлежнейше, дабы никто из нижних чиновников Алексеевского равелина для себя ничего не употреблял.

5. На ответственности вашей лежит, чтобы отпускаемые деньги по установлению доходили до каждого сполна, а покупаемые на продовольствие припаса и питья были свежие и добрые, дабы изготовленная пища была с нужным опрятством и вкусом, кухонная посуда была всегда хорошо вылуженная, и посуда с бельем чисто вымытая, и соответственно тому и белье постельное и носильное.

6. Строго наблюдать, чтобы в комнатах, коридорах и кухне полы мели ежедневно, по-утру, обметали пыль со стен и мебели, и мели также в саду дорожки теми солдатами, которые не стоят на часах. Сор в углах не накапливать и выносить вон ежедневно. Комнаты и корридоры курить можжевельником. В хорошую погоду или другое время, когда нужно и удобно будет, отворять для перемены воздуха форточки.

7. Покупку припасов делать всегда повару с унтер-офице-

ром и тут иметь бдительнейший надзор, дабы при выходах из равелина не дать поводу к каким-либо сношениям с арестантами.

8. Вообще иметь строгое бдение за содержащимися, дабы они не могли иметь никакого, ни друг с другом, ни с кем посторонним, ни словесного, ни письменного сношения. О каждом же вновь заключенном арестанте получите всякий раз от С.-Петербургского Военного Губернатора особенное словесное приказание, как с ним поступать.

9. Иметь крайнюю осторожность и бдение за содержащимся к упреждению и самому недопущению покушения на побег, или собственное повреждение, или погубление жизни, а для того, при введении арестанта в равелинный дом, чинить ему обыск и отбирать у него все смертоносные вещи и деньги, делать оным записки и докладывать Военному Губернатору для отдачи к сбережению, куда приказано будет. В сем случае никакое к арестанту снисхождение места иметь не должно, разве будет какое-либо особенное по сему обстоятельству приказание от Военного Губернатора.

10. Арестантов выпускать с караульными по одиночке пройтись по коридору и в находящийся внутри стен садик, который для того и в зимнее время от снега очищать. В сие время надлежит иметь ту предосторожность, чтобы прогуливающегося никто из прочих арестантов не видел, и караульный о нем никого не извещал.

11. Для умаления у содержащихся неразлучной с их положением скуки давать им по их избранию читать книги русские, французские и немецкие, для чего и, приняв в ведение ваше заведенную при доме Алексеевского равелина библиотеку, умножать оную покупкою новых книг.

12. Если приключится кому из содержащихся болезнь, то, осмотрев оного, немедленно имеете донести Военному Губернатору и ожидать дальнейших его приказаний.

13. Наконец, иметь вам неослабное наблюдение, дабы находящийся под начальством вашим офицер по данной ему инструкции, с которой вам прилагается список, выполнял все наложенные на него поручения с точностью и исправностью.

Подписал
Военный Губернатор
А. Б а л а ш е в.

*Инструкция**офицеру при команде Алексеевского Равелина*

Поручив по Высочайшему повелению Алексеевский С.-Петербургской крепости равелин, со всеми содержащимися в нем арестантами, в особое ведение смотрителя и подчинив вас со всею вверенною вам командою непосредственному начальству оного, для вящего руководства вашего, поставляю в непрременную вам обязанность:

1. Выполнять все, что вам от господина смотрителя приказано будет, с неослабною точностию и справедливостию.

2. В воротах дома Алексеевского равелина иметь один пост, на коем часовым денно и ночью иметь смотрение, дабы в оный никто притти не смел и из него не вышел без ведома вашего и смотрителя, что также прикажите унтер-офицерам наблюдать и в самом равелине. Если же бы кто-либо посторонний пожелал туда войти или каким-либо образом и вошел, то, несмотря ни на какое лицо, часовой должен такового задержать и чрез унтер-офицера уведомить вас, и вы доносите смотрителю.

3. В каждую комнату, где к содержанию помещен будет арестант, поставлять следует караульного солдата без оружия, которого обязанность будет смотреть бдительно, чтобы содержащийся никуда не выходил и не делал себе вреда, и быть тут со сменою неотлучно день и ночь, наблюдая все его поступки; долг его по сему случаю будет доносить о поведении арестанта вам, а вы рапортуете об оном смотрителю каждое утро и вечер. Сим караульным, между прочим, особенно внушать должно, чтобы они не пересказывали содержащимся никаких вестей и вообще не разговаривали с ними ни о чем, кроме касающейся до них потребности, и никаких записок ни просьб от них не принимали, а дабы не могло вкрасться и тут злоупотреблений, то в случае дозволения отлучиться солдату за надобностию из равелина, о чем, однако же, каждый раз докладывать смотрителю, должно вам его осмотреть, не имеет ли чего от арестанта и строжайше подтверждать, чтобы по словесным иногда просьбам содержащихся не исполнять ничего, а для лучшей тут осторожности, при возвращении, к тому уже арестанту не допускать, а наряжать к другому.

4. Все сии посты приказать унтер-офицерам осматривать почасту, а особливо же в ночное время, и за малейшее упущение взыскивать. Вам же самим посещать арестантов

по несколько раз в сутки, остерегаясь, однако, беспокоить их во время сна, для того в комнатах и коридорах огонь во всю ночь не погашать.

5. В сих помещениях обязаны вы осведомляться от самих арестантов, не грубил ли им караульный и нет ли кому в чем надобности, в зависящем от вас удовлетворить тотчас, а о прочих надобностях докладывать смотрителю.

6. Вам, равно и подкомандующим вашим обходиться с содержащимися снисходительно, не причиняя им никаких огорчений или каковых-либо насильств под опасением строжайшего за то наказания. Если же бы стали являться у них какие желания, несогласные с их положением, то осведомлять о том смотрителя и отказывать с пристойностию и скромностию.

Граф Вязьмитинов.

На подлинном собственною его рукою императорского величества написано тако:

"Быть по сему".

А л е к с а н д р.

В Санктпетербурге.
2 марта 1812 года.

4.

Ш т а т

*чиновникам, в команде при Алексеевском Равелине
в С.-Петербургской крепости состоящим*

	Одному	Всем
Смотрителю годового жалованья	2000	2000
При нем писарю.	300	300
Обер-офицеру	500	500
Двум унтер-офицерам: со включением мундира и провианта	200	400
50 рядовым. тоже.	120	6000
На поправку и починку дома	500	500
На дрова и свечи	1000	1000

И т о г о 10 700

На содержание, лечение и прочее арестантов назначать будет суммы С.-Петербургский Военный Губернатор по своему усмотрению.

Из остатков отпускаемых ежегодно сумм покупаться будут книги для чтения арестантам.

Подлинный подписал: Министр Полиции А. Б а л а ш е в.

Историк революционной России

Имя Павла Елисеевича Щеголева, историка, литературоведа, драматурга и публициста, занимает достойное место среди имен пушкинистов, знатоков декабристского движения и общественной жизни России XIX — начала XX столетия. Его литературная деятельность была исключительно разносторонней и плодотворной: библиография его работ, составленная Ю.Н.Емельяновым¹, дает представление о широте его интересов — от истории средневековых университетов и сугубо краеведческих изысканий до глубокого и скрупулезного исследования о судьбе Пушкина; количество написанных им статей, рецензий, редакторских справок, исторических новелл и серьезных монографических трудов — более 600 наименований. Кроме того, Щеголев активно сотрудничал в первых легальных русских журналах, посвятивших свою деятельность изучению освободительного движения, — "Былое" (1906—1907, 1917—1926) и "Минувшие годы" (1908).

Основная, фундаментальная идея П.Е.Щеголева, довлеющая над его творчеством, — изучение истории литературы и судеб исторических персонажей в связи с историей общественной мысли и освободительного движения. Именно решению этой исследовательской задачи ("Русская литература и освободительное движение в России конца XVIII — начала XX в.")² и была посвящена вся его целеустремленная работа.

Круг литературных и исторических разысканий П.Е.Щеголева, как уже было замечено, отличался чрезвычайной широтой.

¹ Библиография работ П.Е.Щеголева. Сост. Ю.Н.Емельянов // История и историки. Историогр. Ежегодник. 1977. М., 1980. С. 432—452.

² Емельянов Ю.Н. П.Е.Щеголев — историк и литературовед // Щеголев П.Е. Первенцы русской свободы. М., 1987. С. 5.

Но во всем этом многообразии могут быть выделены те несколько основных направлений, которые и характеризуют Щеголева как тонкого знатока и, по сути дела, первопроходца в изучении целого ряда проблем: "А.С.Пушкин и декабристы", "А.С.Грибоедов и декабристы", "Император Николай I и Пушкин", "Жены декабристов", "Убийцы Пушкина". Анализируя данные вопросы, Щеголев многого добился. Им был собран и введен в научный оборот огромный документальный материал — здесь разумно будет указать, что материал этот, прежде всего архивный, впервые оказался доступен исследователю во время революции 1905–1907 гг., когда были частично открыты государственные архивы и явилась возможность доступа в них компетентных лиц; революция же 1917 г. открыла двери всех архивов, в том числе и фонды особо секретных учреждений, что позволило значительно расширить представление о темных вопросах истории революционного движения в стране. Не менее, а может даже и более, существенным был и тот факт, что как исследователь П.Е.Щеголев был аккуратен, точен и не позволял себе вольничать в толковании документальных свидетельств. Эта его осторожность и внимательность в подходе к личности А.С.Пушкина проявились, например, в его статье "Крепостная любовь Пушкина", в которой он полемизировал с В.В.Вересаевым по поводу трактовки последним некоторых фраз из воспоминаний И.И.Пушкина о его приезде в имение к Пушкину¹. Необходимо, конечно же, иметь в виду, что пора 1920-х годов в исторической и литературоведческой сферах вообще была ознаменована стремлением построить свое отношение к классикам не на прежнем пиетете, а на новом "пролетарском", "классовом" основании. Результаты этого стремления были неоднозначны, из сегодняшнего нашего далека было бы нелепо чрезмерно их судить, но примеров такой "классовой" оценки было предостаточно: во множестве публикаций о знаменитостях прошлого, сделанных в двадцатые годы, вы обнаружите и беспощадную "марксистскую" критику, и множество пикантнейших подробностей².

¹ Крепостная любовь Пушкина //Щеголев П.Е. Пушкин и мужики. По неизд. материалам. М., 1928.

² Среди подобных историко-литературных сообщений можно привести пример вступительных статей С.Я.Штрайха к "Запискам" Ф.Ф.Вигеля (М., 1928) и "Запискам Современника" С.П.Жихарева (М.; Л., 1934).

Подробная разработка пушкинской темы привела П.Е.Щеголева к важным итогам: он обосновал свой взгляд на необходимость рассматривать Пушкина и его творчество в контексте исторической эпохи и освободительного движения, освободительной мысли того периода. Им много было сделано для изучения "будней Пушкина"¹, его материальных забот и повседневных трудов. Изучая последние годы жизни поэта, Щеголев большое внимание посвятил раскрытию действительной роли того окружения, которое спровоцировало трагедию, и, как признают современные исследователи-пушкиноведы, "концепция дуэли, предложенная Щеголевым, долгое время была незыблемой"². Теперь, благодаря новым архивным находкам, эта концепция претерпела значительные изменения, но главное достоинство книги — большой фактический материал, нетрадиционная интерпретация и стремление к установлению истины — от этого не пострадало, да и не могло пострадать.

Современному читателю хорошо известны две вышедшие в 1987 г. книги П.Е.Щеголева — это "Дуэль и смерть Пушкина: Исследования и материалы" и "Первенцы русской свободы"³. Предлагаемая теперь книга этого же автора "Алексеевский равелин: Книга о падении и величии человека" является перепечаткой издания 1929 г. Незначительные ошибки и опечатки в тексте исправлены без оговорок. При воспроизведении письменных показаний заключенных равелина и бумаг чинов департамента государственной полиции и иных официальных лиц сохранены все особенности публикации П.Е.Щеголева.

В комментариях к книге мы указываем на свидетельства тех изысканий по истории равелинной тюрьмы, которые были сделаны уже после смерти П.Е.Щеголева.

Павел Елисеевич Щеголев родился 5 (17) апреля 1877 г. в селе Верхняя Катуровка Воронежской губернии в семье

¹ Емельянов Ю.Н. Общественно-политическая и научная деятельность П.Е.Щеголева // История и историки, 1977. М., 1980. С. 282.

² Левкович Я.Л. П.Е.Щеголев и его книга "Дуэль и смерть Пушкина" // Щеголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина. М., 1987. С. 10.

³ В этой книге из Библиотеки "Любителям российской словесности" собраны некоторые статьи П.Е.Щеголева об А.С.Пушкине и его окружении, декабристах, императоре Николае I и его отношении к Пушкину, представляющие большой интерес.

государственных крестьян. В 1884 г. семья переехала в Воронеж, где отец мальчика, желая дать ему хорошее образование, в 1886 г. отдал сына в подготовительный класс Воронежской классической гимназии. Через год, согласно циркуляру министра народного просвещения Д.А.Толстого, из гимназии стали исключать детей, происходивших из низших сословий. О Щеголеве как отличнике было возбуждено ходатайство, и его оставили учиться.

Вкус к русской классической литературе Щеголев ощутил еще в детские годы, он много, "запойно, целиком, полными собраниями" читал В.А.Жуковского, А.С.Пушкина, Н.В.Гоголя, И.С.Тургенева, Ф.М.Достоевского и Л.Н.Толстого. В 1893 г. шестнадцатилетний Щеголев поместил в журнале "Артист" свой первый литературный опыт — рецензию о театральном сезоне в Воронеже.

Во время обучения в гимназии Щеголев был знаком с социал-демократом В.П.Акимовым-Махновцем, в будущем — видным "экономистом". В ту же пору, когда он в 1894 г. был репетитором в семье Г.А.Русанова, Щеголеву довелось встретиться с Л.Н.Толстым. Впечатления от этой встречи были очень сильны, и чисто толстовские идеи надолго завладели мыслями гимназиста¹.

В 1895 г. по окончании гимназии с серебряной медалью, которая давала право поступления в высшее учебное заведение, Щеголев поступил на санскрито-персидско-армянский разряд факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета. Спустя небольшое время он стал параллельно заниматься на историко-филологическом факультете — филология, литература увлекали его сильнее, чем восточные языки. Итогом его работы по сравнительной истории апокрифа, которой он занимался со II курса, явилось исследование о "Сказании Афродитиана", за которое автор был удостоен золотой медали (в 1899 г.).

В течение этих четырех лет Щеголев опубликовал более тридцати своих рецензий на новые книги и статьи и небольших заметок в журнале "Исторический вестник".

Большое влияние на формирование научных интересов Щеголева оказали А.А.Шахматов и А.Н.Пыпин. Принципы исторической школы А.Н.Пыпина были глубоко усвоены Щеголевым,

¹ Встречи с Толстым // Щеголев П.Е. Первенцы русской свободы. С. 203.

верность им он сохранял на протяжении всей своей писательской деятельности. И в небольшой публикации "Памяти А.Н.Пыпина" отдал дань уважения своему наставнику¹.

В учебе скоро наступил перерыв. Общественные события конца прошлого столетия захватили Щеголева, он вступил на путь революционной борьбы. В 1899 г. он принимал активное участие в организации крупнейшего студенческого выступления. Студенты требовали гарантий неприкосновенности личности, выступая, таким образом, в едином потоке борьбы с существующим режимом. За организацию и участие в забастовке Щеголев был исключен из университета и 13 марта арестован. После двух месяцев заключения он был освобожден и оставлен в Петербурге до изучения студенческого дела².

Но не закончилось еще дело о студенческих беспорядках, как была раскрыта пропагандистская деятельность кружка, близкого к группе В.Гутовского "рабочих для борьбы с капиталом", в работе которого участвовал Щеголев. Восемь месяцев в Доме предварительного заключения — и высылка в Полтаву, "впредь до решения дела"³.

В Полтаве он провел 1900—1901 гг., после чего получил 3 года ссылки в Вологодскую губернию, где сначала просидел 4 месяца в местном остроге, а после жил до 1903 г. Здесь, в Вологодской ссылке, находились в это время А.А.Богданов, Н.А.Бердяев, Б.А.Кистяковский, А.М.Ремизов, А.В.Луначарский, Б.В.Савинков. Дискуссии и рассуждения на политические темы, раздумья о будущем являлись неперменной темой обсуждения. Кроме того, существование огромной переписки между ссылными и людьми, имевшими к ним сочувствие (А.М.Горьким, В.Г.Короленко, Д.Ф.Философовым, А.А.Шахматовым, В.Я.Брюсовым и другими), позволяло ощущать себя в гуще событий⁴.

Благодаря хлопотам своих научных наставников А.А.Шахматова и А.Н.Веселовского, Щеголеву удалось весной 1903 г. добиться права приехать в столицу и держать государственные экзамены. 29 мая 1903 г. он получил свидетельство о том, что прослушал курс по историко-филологическому факультету Петербургского университета.

¹ Щеголев П.Е. Памяти А.Н.Пыпина // Мир божий. 1905. № 1. С. 9—11.

² Емельянов Ю.Н. Общественно-политическая и научная деятельность П.Е.Щеголева. С. 263.

³ Там же.

⁴ Ремизов А.М. Избранное. М., 1978. С. 12.

Несмотря на то что к этому времени имя Щеголева весьма часто появлялось в "Историческом вестнике" и в "Литературном вестнике", "академической" его карьере не суждено было состояться. Он предложил свое сотрудничество и с этими, и с некоторыми другими журналами — "Мир божий", "Вестник и библиотека самообразования".

Революция 1905 г. была своеобразным толчком, давшим новое направление и деятельности Щеголева по популяризации истории революционного движения. С 1906 г. начал выходить журнал "Былое", первый периодический орган, специально посвященный истории освободительного движения в России. Материалы этого журнала явились своего рода откровением для массового читателя. Здесь публиковались вещи, посвященные совсем недавним событиям революции пятого года, как, например, статья Л.Я.Гуревич "Народное движение в Петербурге 9-го января 1905 г."¹, но основная тематика журнала была сосредоточена вокруг декабристов и народовольческих организаций. Так, например, в № 2 за 1906 г. "Былое" на одной из страниц поместило информацию "от редакции", где сообщалось, что в ближайших номерах будут опубликованы воспоминания М.Ф.Фроленко, В.Н.Фигнер, С.А.Ивановой-Борейши, Н.А.Морозова и других известных представителей народничества, а также помещены портреты Д.В.Каракозова, А.И.Желябова, Н.И.Кибальчика, С.Л.Перовской, М.Н.Тригони, М.Р.Ланганса, Г.А.Лопатина и др., виды карийской каторги и прочее.

Журнал имел большой успех. Первый выпуск разошелся моментально, и в марте 1906 г. его решено было повторить. Спустя недолгое время он вышел и третьим изданием. Справедливости ради надо добавить, что журнал этот имел и значительные недостатки. История массового движения в него, по сути дела, не попала. История русской социал-демократии, рабочего движения — все это не вошло в сферу внимания издателей, очевидно, в связи с их народнической направленностью.

В 1907 г. на 10-й книге журнал был запрещен. 10-я книга "Былого" была конфискована, Щеголев привлечен к суду и выслан из Петербурга за "вредную политическую деятельность"². В 1908 г. Щеголев, находясь в Сестрорецке, руково-

¹ Былое. 1906. № 1. С. 195—223.

² Емельянов Ю.Н. Общественно-политическая и научная деятельность П.Е.Щеголева. С. 272.

дил новым органом — "Минувшие годы", призванным продолжить традиции "Былого". Вскоре, по выходе 12-го номера, и он был закрыт.

13 января 1909 г. Петербургская судебная палата, заслушав дело по "Былому", вынесла решение — журнал закрыть, а издателя П.Е.Щеголева подвергнуть заключению в крепости на 3 года. Почти 2,5 года Щеголев провел в петербургской тюрьме "Кресты", а выйдя из нее, вернулся к научной деятельности. В центре его внимания осталась декабристская тема; "Возвращение декабриста (В.Ф.Раевский)", "Воспоминания декабриста (Неизданное письмо И.И.Горбачевского к М.А.Бестужеву)", "Из резолюции Николая I о декабристах" ("Голос минувшего", № 11) были написаны Щеголевым в эти годы. Продолжал он также и свои работы по публикации декабристских мемуаров¹ и, конечно, над пушкинской темой.

С началом первой мировой войны Щеголев сотрудничал в журнале "Отечество", работая там совместно с издателем-художником З.И.Гржебиным.

Февральская революция 1917 г. позволила Щеголеву выйти, наконец, из-под полицейского надзора. Он стал членом учрежденной Временным правительством Чрезвычайной Следственной Комиссии по рассмотрению преступлений бывшей царской администрации. В этой комиссии он возглавлял особую секцию для обследования деятельности департамента полиции, которая изучала дела департамента и состав секретной агентуры. Им был получен колоссальный материал, обличающий царский режим. Итогом большой работы комиссии явилось издание документального отчета "Падение царского режима" в семи томах, изданного в 1924—27 гг.

После Октябрьской революции Щеголев, откликнувшийся на нужды молодой советской науки, получил степень почетного доктора русской словесности в Юрьевском университете, а в 1918 г. стал председателем Петроградского отделения историко-революционной секции при едином государственном архивном фонде. В ведение этого отделения попали фонды органов политического сыска: III Отделения, департамента полиции, штаба отдельного корпуса жандармов и многое другое. В этих фондах, кроме делопроизводственных мате-

¹ В эти годы были изданы записки жен декабристов М.Н.Волконской (Записки княгини М.Н.Волконской. Спб., 1914) и П.С.Анненковой (Записки жены декабриста. Пг., 1915) и "Записки" И.И.Горбачевского. М., 1916.

риалов, сохранились коллекции нелегальных изданий, книг, журналов, газет, листовок, и многие эти памятники агитационной и революционно-просветительной литературы печатались в журналах "Былое" (возрожденном в 1917 г.) и "Красный архив".

В эту-то пору, в 1919 г., и была написана и опубликована в журнале "Былое" глава из книги об Алексеевском равелине "Таинственный узник" о М.С.Бейдемане¹. В 1920 г. Щеголев издал другую главу из этой книги — "Любовь в равелине"², переизданную в 1922 г. отдельным изданием. В 1923 г. вышли еще две части — "Каракозов в Алексеевском равелине"³ и "С.Г.Нечаев в Алексеевском равелине (1873—1882)"⁴, в 1924 — еще одна, последняя глава — "Чернышевский в равелине"⁵. Прошло еще несколько лет работы, наполненных изучением источников и неизданных материалов, и в 1929 г. в свет явилась книга П.Е.Щеголева "Алексеевский равелин: Книга о падении и величии человека", составленная автором из перечисленных выше новелл, дополненных, расширенных, уточненных, снабженных необходимыми справками и подробными подстрочными объяснениями.

Книга П.Е.Щеголева состоит из пяти частей, выстроенных в хронологическом порядке: "Любовь в равелине" (князь С.В.Трубецкой), "Страсть писателя" (Н.Г.Чернышевский), "Д.В.Каракозов в равелине", "Таинственный узник" (М.С.Бейдеман), "С.Г.Нечаев в равелине". В примечаниях к книге опубликованы документы, относящиеся к истории Алексеевского равелина.

Истории узников равелина, осужденных на пребывание в нем, очень различны. Пять образов, пять разных, но в чем-то родственных судеб, прошедших тяжкое испытание.

Герой первой новеллы "Любовь в равелине" — князь Сергей Васильевич Трубецкой, похитивший жену у сына коммерции советника Жадимировского. Это было "происшествие, не имевшее никакого отношения к революционным проискам, лишенное какого бы то ни было политического и госу-

¹ Былое. № 14 (Отд. изд. — Пг., 1919); впоследствии — Пг., 1924.

² Былое. № 15.

³ Музей революции. Пг., 1923. Сб. 1.

⁴ Красный архив. Пг., 1923. Т. 4.

⁵ Чернышевский в равелине: Предисловие к рассказам Чернышевского // Звезда. 1924. № 3. А также: Чернышевский Н.Г. Тюремные рассказы. М., 1926.

дарственного значения, но оно кончилось заключением в важнейшей государственной тюрьме — Алексеевском равелине". История внезапной любви двух людей из высшего общества, попытавшихся переступить правила и традиции поведения своего круга, весьма трагична. Через небольшое время после исчезновения влюбленных за ними в погоню были наряжены специальные полицейские чиновники, которые вскорости настигли их и возвратили в Петербург. По возвращении, увезенная женщина — Лавиния Александровна Жадимировская — была доставлена к своим родителям в Царское Село, а князь Сергей Трубецкой попал в Алексеевский равелин Петропавловской крепости, где просидел в общей сложности 7,5 месяцев. По приговору военного суда был разжалован в солдаты, а в 1855 г. в связи с болезнью был уволен со службы в чине подпоручика. Позднее ему были возвращены дворянство и княжеский титул, правда, с сохранением за ним негласного надзора. В 1859 г. в возрасте 44 лет С.В.Трубецкой скончался. Последний год его жизни делила с ним Лавиния Александровна Жадимировская, после смерти князя уехавшая за границу.

Как читатели совершенно справедливо могли догадаться, этот самый сюжет лежит в основе нашумевшего в свое время сочинения Б.Ш.Окуджавы "Путешествие дилетантов" — там оставлены почти неизменными некоторые имена и фамилии, с точностью воспроизведена сюжетная канва, а исходные щеголевские характеристики получили весьма вольное развитие. Кроме того, в романе присутствуют персонажи, задача которых — стимулировать и оценивать действия исторически реальных лиц (например, отставной поручик Амиран Амилахвари). Тем, кто прочел "Путешествие дилетантов", бесполезно познакомиться с книгой Щеголева — в ней найдут они более благодатную основу для восприятия действительности этого периода.

П.Е.Щеголев не просто изложил эту грустную любовную историю, он постарался придать ей характер документального повествования, дополняя рассказ ссылками на переписку Л.В.Дубельта с кн. А.Ф.Орловым и царем Николаем I. Рисуя отношение С.В.Трубецкого к увезенной им женщине, Щеголев прежде всего остановился на альтруистической стороне его поступка и, противопоставляя этому заявления Николая I и его окружения о "мерзостях" "повесы" Трубецкого, старался убедить читателей, что монарший гнев, обрушившийся

на князя, был проявлением крайнего лицемерия и ханжества, а вовсе не того благородного негодования, как это изображали в своих рассуждениях власть предержащие. Думается, было бы не совсем верно именно так оценивать ситуацию и, справедливости ради, стоит напомнить, что П.Е.Щеголев Николая I как личность историческую оценивал крайне критически, — он считал его сознательным погубителем Пушкина, искателем взаимности его жены, покровителем Геккернов и вообще развратником и "потенциальным соблазнителем всех фрейлин". Между тем современные архивные открытия делают возможным расставить акценты несколько по-иному, и, например, в предисловии к упомянутой уже книге П.Е.Щеголева "Дуэль и смерть Пушкина" Я.Л.Левкович пишет, что "полное содержание анонимного письма императорская чета узнала только после смерти Пушкина". А цитируемое далее письмо императрицы подрывает и представление об особенном расположении к семейству Геккернов¹. Кроме того, подробнейшего рассмотрения требует вопрос о действительной роли графа К.В.Нессельроде и близких к нему лиц. Это, разумеется, лишь частность, но она позволяет сказать, что как бы то ни было, но Николай I был вовсе не такой отъявленный злодей, каким предстает он в описании Щеголева, и что рисуемый здесь образ является скорее своеобразной данью времени, которое жаждало разоблачения низменности русских царей. Не вполне понятно в связи с этим, почему, будучи беспощаден к Николаю I, Щеголев совершенно равнодушно упоминает тот факт, что С.В. Трубецкой был секундантом Мартынова, убившего на дуэли Михаила Лермонтова.

Глава "Страсть писателя", посвященная изложению условий пребывания в Алексеевском равелине Н.Г.Чернышевского, главным образом направлена на анализ литературной деятельности писателя в крепости. Общеизвестно, что именно в это время, в период пребывания в заточении, Чернышевским был написан роман "Что делать?", разработаны некоторые новые направления его философских и исторических воззрений. Щеголев основывал свою повесть о Чернышевском на материалах III Отделения, в которых исчерпывающе представлены хронологический порядок развития событий, а также описи бумаг писателя — трудов и переводов, книг, нахо-

¹ Щеголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина. С. 11.

дившихся в его пользовании. В этом смысле статья представляет значительный интерес, поскольку исследователь привлёк внимание читателей к совершенно неизвестным сторонам творчества этого автора, к тем его художественным опытам, публикация и критическое освоение которых никогда прежде не проводились.

Будучи человеком убежденным, Н.Г.Чернышевский все свои силы и все время отдавал литературному труду. Его деятельность была необычайно широка и интенсивна: он обдумывал план создания многотомной "Истории материальной и умственной жизни человека", "Энциклопедию знания и жизни", которая предполагалась в виде своеобразного романа, кроме того, писатель не оставлял своих литературно-художественных замыслов. Роман "Что делать?" был написан за 4 месяца. Вслед за ним была начата работа над повестью "Алферьев. Из воспоминаний о новых людях", а еще через некоторое время — "Повести в повести". Наряду с этим осуществлялись переводы XV и XVI томов "Всеобщей истории" Шлосера, "Истории Соединенных Штатов" Неймана, "Исповеди" Руссо, отрывков из мемуаров Сен-Симона и биографии Беранже. Остается только удивляться работоспособности писателя!

В своих беллетристических опытах Чернышевский развивал идеи, известные нам по роману "Что делать?", — общество, признающее всеобщее равенство и права, может быть создано при посредстве "новых людей" с новыми качествами, существеннейшими из которых являются альтруизм, стремление к общественному благу. Его фантазии на тему о том, на каких основах будет строиться справедливое будущее, тесно связывались с необходимостью самосовершенствования человека. «Заклученный в крепостной темнице утверждал себя в разумном эгоизме: "Я чувствую радость и счастье — значит: мне хочется, чтобы все люди были радостны и счастливы"»¹ — так характеризовал Щеголев душевное состояние Чернышевского в этот период.

Несомненной заслугой исследователя явилось обобщение всего созданного Чернышевским в эти годы литературного наследия. В отношении художественных достоинств произведений писателя Щеголев высказал беспрецедентное по своей резкости суждение, что "автор... не был художником"², что

¹ См. с. 35 наст. издания.

² Там же. С. 37.

написанное им вышло из-под пера не в порыве творческого вдохновения, а, скорее, под воздействием тюремной тоски и безысходности. Но именно эти грезы об идеальном человеке, не всегда заставляющие сопереживать по причине их недостаточно художественного воплощения, являлись проявлением идеи общественного служения.

Следующая глава книги — "Д.В.Каракозов в равелине" — посвящена, прежде всего, вопросу о том, как велась в крепости психологическая обработка узников с целью добиться не только признаний, но и полного "чистосердечного" раскаяния. История взаимоотношений террориста Дмитрия Каракозова, стрелявшего в Александра II 4 апреля 1866 г., и протоиерея Василия Полисадова, который "с цинизмом, неподражаемым в своей беспечной блудливой легкости"¹, стремился привести арестанта не просто к признанию своей вины, но к уничтожению, к категорическому отказу от самых побуждений, приведших Каракозова к мысли о необходимости совершения покушения, — центральная в этой новелле.

Судьба революционера Дмитрия Каракозова весьма трагична. Он был одним из членов заговорщической организации, которой руководил его двоюродный брат — Николай Андреевич Ишутин. Ишутинский кружок объединял молодых людей, которые, стремясь к преобразованиям, спорили о судьбах Отечества и перспективах движения вперед. Одним из аспектов их обсуждения являлся и вопрос о характере власти в России, о правомерности ее дальнейшего существования и способах устранения. Идеи тираноборчества, установления народовластия (зачастую смутно воображаемого) властвовали над их сознанием. Пребывая в этом окружении, Каракозов, по мнению П.Е.Щеголева, "пережил крайне тяжело процесс психологической подготовки, душевного усвоения этой идеи"². Вынося в глубине души своей это намерение — совершение террористического акта устранения царя, Каракозов стал готовить себя к достижению цели. Здесь же, кстати, нужно отметить, что определенные сомнения, высказанные П.Е.Щеголевым относительно того, что Каракозов сам пришел к мысли о цареубийстве, не руководимый никем, вполне обоснованны, ибо до сей поры не до конца разъяснено истин-

¹ См. с. 57 наст. издания.

² См. с. 61 наст. издания.

ное поведение Н.А.Ишутина, упомянутого уже лидера кружка, — человека беспринципного, "горячего говоруна", который совершенно растерял свои предводительские качества после заключения в крепость, где истерично выдавал своих единомышленников и вымаливал себе всяческие послабления. Но, как бы велико ни было влияние Н.А.Ишутина на Д.В.Каракозова, последний, представ перед судом, заявил, что "лиц, которые бы покушались на совершение преступления вместе со мною, таких лиц я не знаю. Мысль эта принадлежит одному мне и возникла из сознания о необходимости этого преступления для произведения переворота, клонящегося к благу народа"¹.

Обрисовывая перипетии деятельности протоиерея В.Полисадова по доведению Каракозова до полного раскаяния, П.Е.Щеголев создал полный драматизма образ молодого революционера-террориста, одинокого, страдающего, потрясенного, испытывающего слабую, но пламенную надежду на дарование жизни². Правда, необходимо добавить, что в этом случае исследователю не удалось избежать определенных противоречий. Так, например, выше было цитировано заявление Дмитрия Каракозова о том, что он убежден в необходимости царубийства для блага отечества, что, если б имел сто жизней и явилась бы необходимость принести их все в жертву, — "ни минуты не поколебался бы принести такую жертву"³. В то же время Щеголева волновал вопрос о психическом здоровье Каракозова, поскольку и в показаниях самого террориста, и в "Записках П.А.Черевина", и в воспоминаниях сенатора Есиповича существовали прямые указания на то, что действовал этот революционер не только под влиянием своих идейных убеждений, но и в связи с болезненным состоянием его организма, когда "амплитуда его душевных колебаний была от самоубийства до царубийства"⁴. П.А.Черевин прямо записал по этому поводу: "Мне часто приходилось говорить впоследствии с докторами о Каракозове, и никто меня не разубедил, что он был человек больной в первом фазисе сумасшествия"⁵. Отстаивая истинность своего положения насчет того, что революционные

¹ См. с. 60 наст. издания.

² Эпизод, в котором описано состояние Д.В.Каракозова в момент объявления ему смертного приговора, см. на с. 71.

³ См. с. 68 наст. издания.

⁴ См. с. 61 наст. издания.

⁵ См. с. 72 наст. издания.

идеалы были святы для Каракозова и им он следовал до конца, П.Е.Щеголев с занятой непоследовательностью упрекает сенатора Есиповича, в ту пору секретаря верховного суда, в том, что тот "удивительнейшим образом не заметил того, что Каракозов был душевно болен, был ненормален; психически невменяем"¹. Очевидно, что Щеголев сам не сумел прийти к четкому пониманию — имела ли место революционная убежденность или превалировали маниакальные невротические проявления в поведении Каракозова, потому и не доказал ни одного, ни другого.

На фоне этой мрачной ситуации нарастающего отчаяния обреченного на смерть, его переживаний и экстатических религиозных чувств Щеголев живописал потуги священника добиться от Каракозова раскаяния и произнесения анафемы всему своему прошлому.

Следующий сюжет в книге посвящен Михаилу Степановичу Бейдеману, "таинственному узнику" Петропавловской крепости, проведенному в ее стенах 20 лет.

Как историческое лицо М.С.Бейдеман не оставил по себе большого следа. В значительной мере этому, безусловно, способствовала сама его судьба, когда его, совсем юного человека, в 1861 г. посадили в крепость и выпустили оттуда только в 1881 — не на свободу, а в лечебницу для душевнобольных в Казани. Т.е. речь, прежде всего, о том, что сообщить в дополнение к щеголевскому тексту о Михаиле Бейдемане практически нечего. Отрывочные, неполные данные о нем можно почерпнуть из книги А.С.Пругавина "В казематах"², издания М.Н.Гернета по истории царской тюрьмы³ и небольшой статьи "Михаил Бейдеман" В.Гросула и А.Киделя⁴. Все эти материалы содержат очень незначительный минимум сведений, поэтому щеголевское исследование, основанное на архивных материалах, обладает наибольшей полнотой.

Происходивший из Бессарабской губернии молодой дворянин М.С.Бейдеман неожиданно, по окончании военного училища, тайно покинул Россию и эмигрировал в Лондон, где работал в типографии "Колокола". Ему не удалось устано-

¹ См. с. 72 наст. издания.

² Пругавин А.С. В казематах. Очерки по истории русских тюрем. Спб., 1909. С. 309–322.

³ Гернет М.Н. История царской тюрьмы. М., 1961. Т. 2. С. 361.

⁴ Гросул В., Кидель А. Михаил Бейдеман // Днестр. 1962. № 8. С. 151–157.

вить особенно близких контактов с издателями революционной газеты, и, через некоторое время после объявления 19 февраля 1861 г. Крестьянской реформы, получая сведения о несправедливости решения на деле вопроса о земле, летом того же года он принял решение возвратиться на Родину. При переходе границы был арестован, препровожден в Петербург, где делом его занялось III Отделение. Сначала арестованный сделал попытку представиться лицом крестьянского происхождения (характерный факт — Д.В.Каракозов, схваченный после неудачного покушения, тоже назвался крестьянином), но впоследствии изменил свои показания и буквально ошеломил представителей администрации своими филиппиками в адрес существующего положения в стране, именуя государственный аппарат "бедламом" и "кабаком". Надо полагать, что именно эти его письма и были одним из главных оснований для его столь долговременного заключения, — ему не простили острых высказываний. Этим же, очевидно, определяется и то, что Бейдемана не подвергли военному суду, — кроме бегства за границу и неосуществленных намерений вести агитацию среди крестьянства, никаких обвинений по существу представить было невозможно. Так что с большой долей вероятности можно констатировать, что это было заточение в крепость по мотивам скорее личного свойства, нежели политическим.

В Большой Советской Энциклопедии издания двадцатых годов есть статья специально о М.С.Бейдемани, которая излагает тот сюжет, который лежит в основе книги П.Е.Щеголева¹. В новейшем энциклопедическом издании присутствует подредактированный вариант, в котором, например, упоминается о пребывании Бейдемана в войсках Гарибальди². Нет сомнений, что эта неточность проистекла из небрежного обращения, очевидно, с самим щеголевским текстом, в котором проведено исследование данного вопроса на основании писем из раveliна самого Бейдемана, почерпнутых в беспредельных архивах III Отделения, а также воспоминаний Н.В.Шелгунова³, Кельсиева⁴, запроса А.Герцена в 1865 г. о Бейдемани⁵. Характерно, что Щеголев воздержался от окончательного утвержде-

¹ БСЭ. М., 1927. Т. 5. Стлб. 251—252.

² Советский энциклопедический словарь. М., 1979. С. 121.

³ Шелгунов Н.В. Воспоминания. М., 1967.

⁴ Цит. по кн.: Щеголев П.Е. Алексеевский равелин. С. 135—136.

⁵ Колокол. № 201. 1. VIII. 1865 г.

ния по поводу того, был ли действительно Бейдеман в Италии, ограничившись лишь констатацией наличествующего в показаниях самого узника и в мемуарных свидетельствах противоречия, — есть указания как на то, что он действительно был там, так и совершенно противоположные. Думается, что проведение вдумчивого анализа текста показаний Бейдемана более логично подходит к выводу, что он не был в Италии, а провел свои скитания по Англии, Швеции и Норвегии. Это видно, в частности, из тех его рассуждений, которые цитирует Щеголев во второй части данной главы, где приводятся письма Бейдемана к царю по истечении нескольких лет пребывания в равелине. В этих своих письмах-исповедях Бейдеман анализировал и подвергал критике свои первые показания, заявляя, что принял на себя непомерно много вследствие нежелания смириться с неудачей своего предприятия, — ведь обидно было, что остановили исполнение его революционных намерений в самом их зародыше, в самом начале! — и он на первых порах намеренно выставлял свою персону. С течением времени Михаил Бейдеман начал корректировать свои показания, и, очевидно, то, что сохранилось в них неизменным по сравнению с изначальным текстом, и являлось подлинным.

Обращает на себя внимание и еще одна деталь, не прокомментированная П.Е.Щеголевым: у М.С.Бейдемана был обнаружен манифест к крестьянам от имени Константина I, который приведен в тексте книги, но оценка ему не дана. Существенный штрих — для революционной пропаганды Бейдеман предполагал воспользоваться вымышленным документом, где в весьма примитивном виде была изложена необходимость замены не власти даже, а одного царя другим. Это означает, что общественно-политические взгляды и идеалы самого революционера находились пока еще только в процессе формирования, ибо его надежды на "справедливого царя" отражали воззрения самого широкого и малообразованного круга лиц, заявляющих протест существующему царствованию, но, разумеется, это свидетельствует и об определенном знании народной жизни, ибо трудно представить себе для России 60-х годов XIX века крестьянское движение с лозунгом "Да здравствует республика!". Самый несимпатичный в политическом смысле оттенок этой стороне воззрений Бейдемана придает стремление осуществить "ложь против лжи", как он выразился сам, отвечая на упрек в недобросовестности

его пропагандистских намерений. Но Щеголев совершенно не интерпретирует этого момента; забегая несколько вперед, необходимо добавить, что такой подход ко лжи как средству просветительного и зажигательного воздействия являлся для эпохи написания этой книги едва ли не знамением времени. Отметим, что литературно-художественная версия трагической истории "Таинственного узника" представлена в романе О.Д.Форш "Одеты камнем". Этот роман писательница создавала в сотрудничестве с П.Е.Щеголевым, опираясь на его советы и консультации. Она изложила в нем свою собственную трактовку вопроса, стараясь выяснить, почему Бейдеман скрылся за границу, — то, что не выяснилось из документов.

...Последняя, самая большая глава "Алексеевского равелина" — "Сергей Нечаев в равелине".

Личность Сергея Геннадиевича Нечаева хорошо известна в литературе, а термин "нечаевщина" вошел в политический лексикон синонимом самого разгульного и бесконтрольного терроризма и беспринципности.

Щеголев своим исследованием о Нечаеве в известном смысле завершал некую линию, прослеживавшуюся в двадцатых годах в советской историографии. Эта пора в отношении политических организаций предшествующего времени и методов их деятельности ознаменована безоговорочным восприятием необходимости "решительных мер" и "революционности". Главная идея — все во имя революции, будучи весьма притягательной по своей героической форме, не всегда оказывалась столь же гуманистической по содержанию. Исследователям разного рода "белых пятен" отечественного бытия предстоит еще изучить и проанализировать роль, сыгранную в свое время догматически-революционистским подходом исторической науки в процессе оформления культистской направленности, приобретшей характер военно-политической машины подавления. Как знать, не ориентация ли левацких деятелей на ультрареволюционные миражи прошлого в ущерб общечеловеческим ценностям нанесла такой тяжкий удар по советскому обществу, не она ли идеологически подготовила появление личности, уверенной в своем праве и просто-таки обязанности требовать жертв на алтарь революционной славы?

Вот оно, время 1920-х гг. — перед нами: "...Нечаев был революционер... такого исключительного размаха и классовой устремленности, который задолго до нашего времени, на ру-

беже 60-х и 70-х годов прошлого столетия, пытался наметить и провозгласить принципы революционного коммунизма”¹. Нечаева голословно объявляют выразителем идей рабочего класса, провозвестником якобы пролетарских методов борьбы, человеком, на голову опередившим эпоху. Ему ставят в заслугу создание тайных организаций, то, что ему удалось в этих организациях добиться жесточайшей и безусловной дисциплины и секретности. Способы его воздействия на людей и на обстановку выдаются за образец революционного². ”Прежде всего Нечаев был коммунист”, — характеризует историк. «Нечаев будет вполне ”реабилитирован” в наших глазах, если нам удастся установить, что условия места и времени, в которых ему пришлось работать, делали неизбежным пользование теми приемами, к которым он прибегал»³ — вот ведь как ставится вопрос.

Необоснованным является представление о выдающейся роли Нечаева в революционном процессе 60-х гг. XIX в. в России. Предрассудок, что Комитет партии ”Народная Расправа” ”неразрывно связывался с заграничным центром, а через него с I Интернационалом”⁴, опровергался в свое время людьми, теснейше связанными с европейским общественным движением — К.Марксом и Ф.Энгельсом. В работе ”Альянс социалистической демократии и Международное товарищество рабочих” они подробно изложили историю возникновения ”нечаевщины” как особо реакционной формы анархизма и дали доказательства ее подрывной сущности: преступление людей, осужденных по нечаевскому процессу в 1871 г. (около 80 человек), ”заключалось в том, что они принадлежали к тайному обществу, которое узурпировало имя Международного товарищества рабочих и в которое они были вовлечены эмиссаром международного революционного комитета, имевшим мандаты якобы с печатью Интернационала. Этот эмиссар заставил их совершить ряд мошенничеств и принудил некоторых из них оказать ему помощь в совершении убийства; это убийство и навело полицию на след тайного общества, но, как обычно бывает, сам эмиссар уже скрылся... Этим эмиссаром был Нечаев”⁵.

¹ Гамбаров А. В спорах о Нечаеве. М.; Л., 1926. С. 4.

² Кункль А.А. Нечаев. М., 1929.

³ Козьмин Б. Нечаев и его противники в 1868—69 гг. // Революционное движение 1860-х годов. М., 1932. С. 169.

⁴ Гамбаров А. Указ. соч. С. 11.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1961. Т. 18. С. 388.

Изучая вопрос о том, почему явилась для Нечаева возможность столь деловито и беспринципно пользоваться всякого рода "мандатами", сбивать с толку людей, распоряжаться значительными денежными средствами (история с Бахметевским фондом, который был прямо-таки бесцеремонно выужен у А.И.Герцена), Маркс и Энгельс полагали, что произошло это вследствие того, что "Бакунин с большим шумом стал на сторону Нечаева"¹. Самого М.Бакунина, главу анархистского Альянса, они квалифицировали как человека, который «постоянно скрывая свою собственную персону под именем всяких "революционных комитетов", добивался неограниченной власти, опирающейся на всевозможные обманы и мистификации времен Калиостро»². Мотивы поступков тандема Бакунин—Нечаев, саму их деятельность по возбуждению революционного сознания в России Маркс и Энгельс расценивали как провокаторскую: рассылка писем и телеграмм, имеющих штамп "Тайный революционный комитет", по их мнению, могла иметь "только одну цель — скомпрометировать людей. Эти подлые приемы лиц, которые ничем не рисковали в своей богоспасаемой Женеве, привели к многочисленным арестам в России. А ведь их предупреждали, какую опасность они создают"³.

П.Е.Щеголев с воодушевлением описал "воспитательную" деятельность Нечаева по установлению контактов с "Народной Волей" через стороживших его в тюрьме солдат и жандармов, но он упустил из виду одно существенное звено в цепи своих рассуждений — именно то, на которое дают указания воспоминания В.Засулич: "Нечаев не был продуктом нашей интеллигентной среды. Он был в ней чужим... Даже к завлеченной им молодежи он если и не чувствовал ненависти, то во всяком случае не питал к ней ни малейшей симпатии, ни тени жалости и много презрения"⁴. В самом деле, человек в каменном мешке не смирился, нашел в себе силы противостоять чужому могуществу, даже вызвал к себе симпатии у собственных стражей и вовлек их в круг своих неотложных задач. Личность, способная на подвиги. Но во имя чего? И более того, какой ценой? Кто исследовал, какие испытания выпали

¹Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 390.

²Там же. С. 13.

³Там же. С. 399.

⁴Засулич В. Нечаевское дело // Сб. Группы Освобождения Труда, № 2. М., 1924. С. 69.

на долю солдат и жандармов, вовлеченных Нечаевым в политические игры, как воздействовало осуждение их военным судом на их дальнейшее политическое самосознание? Вопросы не праздные, особенно если учесть, что число прошедших через военный суд составило 39 человек.

Вновь появляется знакомый уже симптом — Нечаев через своих обращенных сторожей предложил лидерам "Народной Воли" воспользоваться распространением подложных царских манифестов, которые стимулировали бы развитие событий, придали им дополнительную остроту и решительность. "Таков был дух времени и настроения революционной романтики", — констатирует Щеголев¹. Проявляя "воображение и выдумку", С.Нечаев сформулировал целый ряд последовательно проводимых мер, долженствовавших вызвать желаемый эффект: включить в вымышленный манифест заявление об отмене реформы 1861 г. и возвращении крестьян в крепостную зависимость; продумать "секретный указ" Святейшего Синода, где говорилось бы о "впадении в неразумение"² Александра III; составить манифесты от имени какого-то "великого земского собора всея великия, малые и белые России" к крестьянам и к войску и в них вставить призывы к самочинному переделу земель (т.е. вызвать крестьянские бунты, которые будут потоплены в крови), к самосуду над помещиками, исправниками, станowymi и проч. — "хватать, где кого пришлось, и немедленно предавать смерти"³. Богатая программа, построенная на лжи, инспирировании столкновений и бесчинств. Что могла она дать развитию теории социального переустройства, если на деле оказывалась претворением в жизнь лозунга из "Революционного катехизиса": "Мы соединимся с лихим разбойничьим миром, этим истинным и единственным революционером в России"⁴? Воистину выстраданной является оценка, данная этой программе и ее практическим проявлениям в книге "Чернышевский или Нечаев?": «"Нечаевщина" не могла служить революции, она могла только погубить ее, ибо за мнимой революционной фразеологией Не-

¹ См. с. 251 наст. издания.

² См. с. 252 наст. издания.

³ Там же.

⁴ Цит. по: Маркс К., Энгельс Ф. Альянс социалистической демократии и международное товарищество рабочих. Собр. соч. Т. 18. С. 418—419. На рус. языке работа была впервые напечатана в 1928 г. в сокр. виде в кн. В.Полонского "Материалы для биографии М.Бакунина", т. 3.

чаева скрывалась контрреволюционная сущность его принципов и дел. То, что сеял Нечаев, пожинала реакция»¹.

Осуществляя проведение пропаганды в крепости, Нечаев заговаривал с солдатами о том, что сидит за ревностное исполнение долга по отношению к народному делу, что только заботы о благоденствии народа привели его в темницу. Свои приемы убеждений он строил на утверждении своеобразного противоречия: царь и правящая клика ведут страну к нищете, вырождению, управляют несправедливо — надо этот порядок изменить; в то же время Нечаев непрестанно намекал на своих товарищей, на свои связи, говорил о царе, о дворе, намекал, что наследник за него... Когда с него сняли цепи, Нечаев умел это представить в виде результата хлопот высокопоставленных покровителей, начавших брать силу при дворе². Оказание такого воздействия на малообразованных людей, проявлявших естественное сочувствие к тяготам жизни арестованного, принесло свои плоды, охранники стали воспринимать Нечаева как важную птицу, влиятельное политическое лицо, за которым стоит большая сила.

На переломе двадцатых и тридцатых годов в советской историографии начала происходить переоценка исторической роли Нечаева и его движения. Вышедший в 1931 г. сборник материалов "Нечаев и нечаевцы" включал в себя тексты показаний на упомянутом уже нами нечаевском процессе 1871 г., где подсудимые весьма живописно излагали свои взаимоотношения с Нечаевым. Во множестве этих выступлений присутствует указание на недопустимые методы руководства людьми, которыми пользовался Нечаев, например, Г.Енишерлов высказался следующим образом о сути подхода этого революционера к вопросу о воздействии на окружающих: "Вот сущность слышанного мною: для политической организации необходима тайна; ее надо удерживать всякими способами, а главным образом страхом. Шпионов и агентов, людей по большей части трусливого десятка, должно время от времени устрашать смертью (убийством) кого-либо из них"³. В цитированной уже нами статье Б.Козьмина из сборника "Революционное движение 1860-х годов" изначальная установка, что Нечаев может быть "реабилитирован", если удастся

¹ Володин А.И., Карякин Ю.Ф., Плимак Е.Г. Чернышевский или Нечаев? М., 1976. С. 254.

² См. с. 233 наст. издания.

³ Нечаев и нечаевцы. Сб. материалов. М.; Л., 1931. С. 143.

доказать, что объективная реальность требовала только такого определенного поведения, оказывается не оправданной, и Б.Козьмин в заключении сообщает, что проведенное им исследование не дает такой возможности. Несколько позднее подход к Нечаеву стал еще более крутым: "Во всей своей деятельности Нечаев руководствовался личным честолюбием и интересами своей славы. Ради них он не гнушался такими средствами, как обман и уголовные преступления"¹.

Обидна и в то же время поучительна "охота на ведьм", случающаяся в нашей исторической науке. Статья Ю.Ф.Карякина и Е.Г.Плимака, содержащая критику буржуазной историографии по поводу выдвигаемой ею идеи о глубокой преемственности между нечаевщиной и российскими большевиками, опирается в этом "развенчивании", по сути дела, на вторичный материал². Ибо куда нам деться от нашего собственного исследовательского перла насчет того, что "Нечаев как бы предвосхищал характер будущей классовой борьбы, ее методы и тактику, а также и роль партии в этой борьбе... все это нашло свое глубочайшее и полное воплощение в методах и тактике политической борьбы Российской Коммунистической партии на протяжении 25-летней ее истории"³?

Очерк П.Е.Щеголева о С.Г.Нечаеве является, несомненно, памятником эпохи 1920-х гг., отражает ее противоречия и заблуждения. Читатель найдет в нем много для себя поучительного и, конечно же, обратит внимание не только на недостатки или погрешности, но и на неоспоримые достоинства: преклонение перед глубиной революционных убеждений деятелей народнического движения, цельности и смелости выражаемого ими протеста.

Как писал исследователь литературной и публицистической деятельности П.Е.Щеголева Ю.Н.Емельянов, "по своему складу Щеголев был фактолог, документалист... Поэтому у него так много работ биографических, персональных. Он избегал широких исторических, теоретических и методологических

¹ БСЭ. М., 1939. Т. 41. Стлб. 812. — Оценка Нечаева, данная в статье энциклопедии, принадлежит тому же Б.Козьмину.

² Карякин Ю.Ф., Плимак Е.Г. Нечаевщина и ее современные буржуазные "исследователи" // История СССР. № 6. 1960.

³ Гамбаров А. Указ. соч. С. 146.

обобщений”¹. Эта черта Щеголева как исследователя проявилась в предлагаемой нами книге ”Алексеевский рavelин”. Книга, безусловно, привлекательна обилием конкретного исторического материала, она расширяет представление читателей об истории русского освободительного движения, русских тюрем, системы политического сыска и характере заключения в важнейшей государственной тюрьме — Алексеевском рavelине Петропавловской крепости.

Е.В. Федотова

¹ Емельянов Ю.Н. Общественно-политическая деятельность П.Е.Щеголева. С. 284.

КОММЕНТАРИИ

Предисловие

¹*III Отделение Собственной его имп. величества канцелярии.* Орган политического надзора и сыска в России, существовало с 1826 по 1880 г. Руководило борьбой с крестьянским и революционным движением. Исполнительным органом был Отдельный корпус жандармов, шеф которого возглавлял III Отделение. После упразднения функции переданы департаменту полиции Министерства внутренних дел.

²*Настоящая книга не ставит задачей дать историю рavelина. Да и какая история может быть у каменного застенка...* Тем не менее у Алексеевского рavelина была, конечно, своя мрачная история. Ее довольно подробно изучил М.Н.Гернет. Результаты разысканий он включил в свой капитальный труд "История царской тюрьмы" (3-е изд. М., 1960. Т. 1; 1961. Т. 1-2). Собственно рavelин (от фр. *ravelin*) — это фортификационное сооружение треугольной формы, которое возводилось перед крепостным рвом в промежутках между бастионами. Алексеевский рavelин прикрывал подступы к Петропавловской крепости с запада и был расположен между Трубецким бастионом и бастионом Зотова (Гернет М.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 163). Когда была построена первая деревянная тюрьма, неизвестно. Она была отмечена на плане Алексеевского рavelина Петропавловской крепости 1768 г., но появилась значительно раньше, так как уже в 1769 г. в тюрьме пришлось проводить капитальный ремонт. Новое каменное здание тюрьмы было построено при Павле I в 1797 г. В этом здании тюрьма Алексеевского рavelина и просуществовала до своего закрытия в августе 1884 г., а сами строения были снесены в 1895 г. Помещения для заключенных состояли из двадцати пронумерованных одиночных камер и четырех казематов без нумерации (Гернет М.Н. Указ. соч. Т. 3. С. 183). Обстановка в камере и условия содержания в первой трети XIX в. ставились в прямую зависимость от социального происхождения заключенного. Достоверные сведения о числе заключенных в Алексеевском рavelине имеются за период 1808—1884 гг., за это время через рavelин прошло около 260 человек. Количество одновременно находящихся в тюрьме заключенных колебалось в пределах от одного человека до полного заполнения камер, но обычно их было от пяти до восьми. Продолжительность пребывания в рavelине, за редким исключением, была невелика. Заключенные находились здесь

большей частью лишь во время расследования дела и до его решения. Более продолжительные сроки пребывания приходились на долю заключенных без суда. Большинство заключенных проходило по политическим делам, правда, попадали в равелин и уголовные преступники, и лжедоносчики (например, надворный советник Константинов в 1827 г. заключен за лжедоносы и сутяжничество; крестьянин Горчаков в том же году — за лжедонос политического характера; иеромонах Ефимий Калашников в 1828 — за лжедонос политический и на игумена; надворный советник Шамарин в 1830 г. — за взяточничество и т.д.). Но именно люди, оставившие яркий след в истории страны и революционного движения, принесли равелину его громкую и печальную славу. В равелине томились 22 декабриста, среди них четверо из пяти казненных: К.Ф.Рылеев, П.И.Пестель, С.И.Муравьев-Апостол, П.Г.Кажовский — и часть наиболее активных деятелей декабристского движения: С.П.Трубецкой, Н.А. и М.А.Бестужевы, М.Ф.Орлов, С.Г.Волконский, Д.И.Завалишин и др. Год провел в равелине (30.V 1847—30.V 1848) Н.И.Костомаров, арестованный по делу Кирилло-Мефодиевского общества. 23 апреля 1849 г. в Алексеевский равелин были заключены 11 членов кружка петрашевцев (среди них сам М.В.Буташевич-Петрашевский и будущий великий писатель Ф.М.Достоевский, последний пробыл в равелине до 24 декабря 1849 г.). С 11.V 1854 по 11.III 1857 г. в тюрьме равелина томился М.А.Бакунин. Среди литераторов надо отметить еще имя Н.В.Шелгунова, который находился в Алексеевском равелине с 13.IV 1863 по 24.XI 1864 г.

³Подробнее об истории издания записок П.С.Поливанова см.: Щеголев П.Е. Вступительная заметка // Поливанов П.С. Алексеевский равелин. Л., 1926. С. 69—70.

Любовь в равелине (Князь С.В.Трубецкой)

¹...на свидание с прусским королем — Фридрих Вильгельм IV (1795—1861), прусский король с 1840 г. С 1857 г. в связи с психическим расстройством отошел от государственных дел.

...виделся с австрийским императором — Франц Иосиф I (1830—1916), император Австрии и король Венгрии с 1848 г., в 1867 г. преобразовал Австрийскую империю в двуединую монархию Австро-Венгрию.

²Орлов Алексей Федорович (1786—1861), князь, русский государственный деятель. Брат декабриста ген.-майора М.Ф.Орлова. Участник подавления восстания декабристов. В 1844—1856 гг. шеф жандармов; в 1856—1860 — председатель Государственного совета и кабинета министров.

³Наследник цесаревич Александр Николаевич — старший сын Николая I (1818—1881), будущий российский император Александр II (с 1855 г.).

⁴Дубельт Леонтий Васильевич (1792—1862), генерал, с 1835 г. начальник штаба Отдельного корпуса жандармов, в 1839—1856 гг. одновременно управляющий III Отделением.

⁵Во имя Бога, торопитесь (фр.).

⁶...был возвращен в л.-гв. Кирасирский ее величества полк — вероятно, П.Е.Щеголев имел в виду возвращение в гвардию или в Петербург.

⁷В 1840 г. был послан на Кавказ — на самом деле С.В.Трубецкой был переведен на Кавказ в конце 1839 г.

⁸...*был сослуживцем и приятелем Лермонтова* – во время учебы в Школе гвардейских подпрапорщиков и гвардейских юнкеров и службы в л.-гв. Гусарском полку (Петербург, 1834–1835) Лермонтов неоднократно посещал офицерские собрания, устраиваемые С.В.Трубецким и его братом Александром Васильевичем Трубецким (1813–1889). Впоследствии поэт даже вошел в круг дальних родственников семейства Трубецких. Родная сестра С.В. и А.В.Трубецких Мария Васильевна (1819–1895), близкая к царскому двору, дружившая с вел. кн. Марией Николаевной, в 1839 г. вышла замуж за Алексея Григорьевича Столыпина (1805–1847). А.Г.Столыпин, в свою очередь, являлся двоюродным дядей М.Ю.Лермонтова; именно по его совету поэт поступил в Школу юнкеров. А.Г.Столыпин, Лермонтов и его двоюродный дядя Алексей Аркадьевич Столыпин (1816–1858) служили в одном Гусарском полку в 1835–36 и 1838–39 гг., даже жили вместе в Царском Селе.

⁹...*экспедиции генерала Голофеева* – эта экспедиция проходила летом 1840 г.; военные действия велись в Малой Чечне. С.В.Трубецкой и М.Ю.Лермонтов участвовали в этом походе, оба отличились в сражении при реке Валерик (11 июля 1840 г.). В этом бою С.В.Трубецкой был ранен. За храбрость и мужество Голофеев (правильнее Галафеев) Аполлон Васильевич (1793–1853), ген.-лейтенант, в экспедиции 1840 г. командовал Чеченским отрядом, представил Трубецкого и Лермонтова к наградам (последнего к ордену св. Владимира 4-й степени с бантом), но оба имени были вычеркнуты Николаем I из наградных списков.

¹⁰...*был секундantom Мартынова* – Мартынов Николай Соломонович (1815–1875), учился с Лермонтовым в Школе юнкеров, в 1837 г., будучи проездом в Москве, почти ежедневно встречался с поэтом, общение продолжалось и в Петербурге (1838–1839). Летом и осенью в чине ротмистра Гребенского казачьего полка участвовал в экспедициях А.В.Галафеева. В феврале 1841 г. Мартынов вышел в отставку в чине майора и в апреле приехал в Пятигорск. Во второй половине мая туда же прибыл Лермонтов. Встреча старых знакомых неожиданно привела к самому трагическому исходу. 15 июня 1841 г. Мартынов убил Лермонтова на дуэли. На месте дуэли присутствовали четыре секунданта, причем в документах официального расследования фигурируют только два имени – М.П.Глебова и А.И.Васильчикова, участие двух других – С.В.Трубецкого и А.А.Столыпина удалось скрыть и к следствию они не привлекались, хотя Трубецкой был все же выслан из Пятигорска.

¹¹...*вознегодовал и дал волю своему гневу... повелителя придворного гарема и потенциального соблазнителя всех фрейлин.* П.Е.Щеголев не скрывал своей ненависти к дому Романовых, это не могло не сказаться и на оценке отдельных его представителей. Щеголев приписывал им склонность ко всем смертным грехам и порокам (лживость, коварство, умственная убогость, жестокость, распущенность и т.д.). Но Щеголев был отнюдь не одинок, подобные положения были общим местом во всех советских исторических работах в 1920-х гг. Политическая обстановка в стране и в самой исторической науке просто не давала возможности подойти к объективным оценкам. Поэтому попытка объяснить поведение Николая I альковными мотивами, конечно, приводит к простейшим выводам, но весьма далека от истины.

Страсть писателя (Н.Г.Чернышевский)

¹В приводимом ниже списке после имен арестантов, попавших в Алексеевский рavelин, приводятся данные об их социальном происхождении, служебном положении, причинах заключения, о времени нахождения в рavelине: Серно-Соловьевич Николай Александрович (1834–1866), отставной надворный советник. За сношение с лондонскими пропагандистами. 7.VII 1862–5.IV 1865. Ветошников Павел Александрович (род. 1831), сын чиновника. За сношение с лондонскими пропагандистами. 7.VII 1862–5.IV 1865. Авдеев Михаил Васильевич (1821–1876), дворянин. Арестован в связи с перехваченными письмами о предполагавшемся побеге Михайлова из Сибири. 22.VII–1.VIII 1862. Белозерский Олимпий Михайлович, отставной штабс-капитан. За сношение с лондонскими пропагандистами. 4.VIII 1862–2.III 1863. Варанов Николай Ильич (род. 1832), учитель гимназии. За сношение с лондонскими пропагандистами. 11.X 1862–12.III 1863. Владимиров Николай Михайлович (род. 1839), почетный гражданин. За сношение с лондонскими пропагандистами. 14.VII 1862–5.IV 1865. Котляревский Александр Александрович (1837–1881), дворянин. За сношение с лондонскими пропагандистами. 24.VII–12.X 1862. Лялин – вероятно, имеется в виду Л.Лин, Пимен, коллежский регистратор, землевладелец. За сношение с лондонскими пропагандистами. 20.VIII 1862–12.VI 1864. Налбандов Михаил (Налбандян Михаэль Лазаревич, 1829–1866), армянский писатель. За сношение с лондонскими пропагандистами. 27.VII 1862–13.V 1865. Ничипоренко Андрей Иванович (1837–1863), коллежский регистратор. За сношение с лондонскими пропагандистами. 7.VIII 1862–7.XI 1863, умер в крепости. Петровский Николай Федорович, отставной штабс-капитан. За сношение с лондонскими пропагандистами. 16.VII 1862–9.XII 1863. Де-Траверсе Николай Александрович (1829–1864), маркиз, коллежский асессор. За сношение с лондонскими пропагандистами, 8.VIII 1862–2.III 1863. Шебаев Иван Иванович, купец. За сношение с лондонскими пропагандистами. 19.VII 1862–5.VI 1864. Стронин Александр Иванович (1826–1889), учитель, из бывших крепостных. За малороссийскую пропаганду. 11.IX–31.XII 1862. Шевич Василий Степанович (род. 1830), учитель. За участие в кружках "с исключительно малорусским направлением". 12.IX–31.XII 1862. Андрущенко Иван Александрович (1840–1864), коллежский регистратор. По делу "Земли и Воли". 2.VIII–4.XII 1863; 15.IV 1864–6.IX 1864, умер в госпитале. "Носов" – Нос Степан Дмитриевич (1829–1901), хирург. По делу "Земли и Воли". 3.VIII 1862–10.V 1864. Пушторский Петр Васильевич (умер в 1906 г.), студент. По делу "Земли и Воли". 15.IX 1863–5.IX 1864. Шатилов Николай, дворянин. По делу "Земли и Воли". 15.IX 1863–25.V 1866. Мосолов Юрий Михайлович (1839–1889), дворянин. По делу общества "Земля и Воля". 15.VI 1863–25.V 1866. Вейде Михаил Карлович, студент. По делу о тайной типографии "Земли и Воли". 14.V–22.VI 1863. Издебский Станислав Ромуальдович (род. 1841), студент. По делу тайной типографии. 18.V–24.VI 1863. Иваницкий Наполеон-Казимир Людвигович (1835–1864), штабс-капитан. За составление заговора в Казани для поднятия восстания и помощи восстанию в Польше. 3.V 1863 г. Отправлен 4.VI 1863 г. в Казань, где расстрелян. Жеманов Семен Яковлевич (1836–1903), студент. За составление заговора

в Казани. 4.V–5.VI 1863. Мрочек Александр, поручик. За составление заговора в Казани... 10.V 1863 г. Отправлен 6.VI 1863 г. в Казань, где расстрелян. Мартынов Петр, мещанин. За напечатание в "Колоколе" письма к Александру II. 15.IV–7.XII 1863. Шелгунов Николай Васильевич (1824–1891), отставной полковник. По обвинению в составлении прокламаций. 15.IV 1863–24.XI 1864. Куязев Владимир Сергеевич, подпоручик. За распространение воззваний "Земли и Воли". 10.V 1863–15.X 1866. Столпаков Александр Николаевич (род. 1842), штабс-ротмистр. По делу "Земли и Воли". 10.XII 1863–5.VI 1864.

²Гизо, Франсуа (1787–1874), фр. государственный деятель, историк, один из создателей домарксовской теории классовой борьбы. Бокль Генри Томас (1821–1862), англ. историк и социолог-позитивист, представитель географической школы в социологии. Основной труд "История цивилизации в Англии" (1857–61; рус. перевод 1861). Вико Джамбатиста (1668–1744), итал. философ, один из основоположников историзма. Исторический процесс, по Вико, имеет объективный и providential характер; все нации развиваются по циклам, состоящим из трех эпох: божественной, героической и человеческой. Основное сочинение "Основания новой нации по общей природе наций" (1725).

³Гумбольдты – братья: Александр (1769–1859) – нем. естествоиспытатель, географ и путешественник. Исследовал природу Европы, Центральной и Южной Америки, Урала и Сибири, оказал большое влияние на развитие эволюционных идей и сравнительного метода в естествознании; и Вильгельм (1767–1835) – филолог, философ, языковед, гос. деятель, дипломат. Один из виднейших представителей нем. классического гуманизма.

⁴Шлоссер Фридрих Кристоф (1776–1861), нем. либеральный историк. Автор "Всемирной истории" (19 т.).

⁵Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Спб., 1905–1906. Т. 1–11. В советское время было издано значительно дополненное и наиболее авторитетное "Полное собрание сочинений". М., 1939–1953. Т. 1–16.

⁶Гервинус Георг Готфрид (1805–1871), нем. историк буржуазно-либерального направления, литературовед, представитель культурно-исторической школы, сочувственно писал об освободительных движениях.

⁷Маколей Томас Бабингтон (1800–1859), англ. историк, публицист, политический деятель. Основные труды по истории Англии 1685–1702 гг.

⁸Милль Джон Стюарт (1806–1873), англ. философ, экономист и обществ. деятель. Основатель английского позитивизма. Стоял на позициях буржуазного реформизма.

⁹Сен-Симон. "Мемуары" (фр.).

¹⁰Беранже. "Моя биография" (фр.).

¹¹Рост 2 аршина... 7 1/2 вершков – около 175 см.

¹²Тиберий (42 г. до н.э. – 37 н.э.), римский император с 14 г.; Екатерина Медичи (1519–1589), фр. королева с 1547 г., жена Генриха II, была одним из организаторов Варфоломеевской ночи.

¹³Казинет – полшерстяная, гладкая ткань.

¹⁴Карпетка – полчулок, носок.

¹⁵...валики пошарковые – имеются в виду валенки, сваленные из шерсти, собранной после первой стрижки молодой овцы.

161—6. *Диккенс*. "Холодный дом", "Крошка Доррит", "Загнанный", "Большие надежды", "Повесть о двух городах", "Часы мистера Хамфри" (англ.). 7—8. *Стерн*. "Сентиментальное путешествие", "Тристам Шенди" (англ.). 9. "Дрожжи" (англ.). 10—12. *Жорж Санд*. "Графиня Рудольштадт", "Пиччинино", "Последняя Альдини" (фр.). 13. *Дидро* (фр.). 14. *Ж.Ж.Руссо* (фр.). 15. *Ж.Ж.Руссо*. "Исповедь" (фр.). 16. Библиотека мемуаров (фр.). 17. *Маколей*. "История Англии" (англ.). 18. *Кинглек*. "Вторжение в Крым" (англ.). 19. *Гервинус*. "Введение" (нем.). 20—21. *Шер*. "История английской литературы", "Немецкая история искусств" (нем.). 22. *Фохт*. "Исследование о становлении человека" (нем.).

1739. *Гораций* (лат.). 40. *Овидий* (лат.). 41. *Луи Рейбо*. "Хлопок" (фр.). 43. *Ловенхардт*. "Тожество" (нем.). 44. *Диккенс*. "Рождественские рассказы" (англ.). 45. "Жизнь Шарлотты Бронте" (англ.). 46. "На запад!" (англ.). 47. *Каррер Белл*. "Профессор" (англ.). 48. *Руффини*. "Винченцо" (англ.).

18 1—2. *Лесаж*. "Жиль Блаз", "Хромой бес" (фр.). 3. *Оуэн* (англ.). 4. *Смоллет*. "Хамфри Клинокф" (англ.). 5. *Диккенс*. "Итальянские зарисовки" (англ.).

191. "Похождения Симплициуса Симплициссимуса" (нем.). 2. *Сиб-рарио*. "Политическая экономия" (фр.). 3. *Жорж Санд*. "Она и он" (фр.). 4. *Беранже*. "Сочинения" (фр.).

203. *Монтень*. "Опыты" (фр.). 4. *Гюстав Флобер*. "Мадам Бовари" (фр.). 5. *Фрейтаг*. "Новые картины из жизни немецкого народа" (нем.).

Д.В.Каракозов в равелине

1 *Черевин Петр Александрович* (1837—1896), член следственной комиссии по делу Каракозова, в дальнейшем товарищ шефа жандармов, товарищ министра внутренних дел, ген.-адъютант, командир сводного е. имп. в. Конвоя, один из наиболее доверенных и близких друзей Александра III.

2 *Муравьев Михаил Николаевич* (1796—1866), граф, русский гос. деятель, генерал от инфантерии, в 1857—1861 гг. министр государственных имуществ, член Главного комитета по крестьянскому делу, в 1863—1865 гг. генерал-губернатор Северо-Западного края, в 1866 г. председатель следственной комиссии по делу Д.В.Каракозова.

3 Брошюра "Белый террор, или Выстрел 4 апреля 1865 года. Рассказ одного из сосланных под надзор полиции" была написана Николаем Александровичем Вормсом (1845—1870) и напечатана в Лейпциге, но не в 1866 г., как утверждает П.Е.Щеголев, а в 1875 (и за один год выдержала три издания).

4 *Ишутин Николай Андреевич* (1840—1879), потомственный почетный гражданин. С 21.V по 4.XI 1866 года находился в Алексеевском равелине. Был приговорен к смертной казни, замененной впоследствии каторжными работами.

5 На живом существе, по живому (лат.).

6 *Худяков Иван Александрович* (1842—1876). "Опыт автобиографии", Женева, 1882. Привлеченный по делу Каракозова, он перед отправкой в Сибирь на поселение с 21.V по 4.X 1866 г. отбывал заключение в Алексеевском равелине.

7 Ничто... следовательно (лат.). Флакон, склянка (фр.).

⁸*Ver de gri* – вероятно, *vert de grain* – зелень поднимающихся хлебов (фр.).

⁹*Камлот* – суровая шерстяная ткань. *Саржа* – косонитая ткань, шелковая, шерстяная или бумажная.

Таинственный узник (М.С.Бейдеман)

¹*Вел. кн. Михаил Николаевич* (1832–1909), 4-й сын Николая I, в 1862–1881 гг. наместник Кавказа.

²*Вел. кн. Константин Павлович* (1779–1831), 2-й сын имп. Павла I. Тайный отказ от прав на российский престол создал после смерти Александра I обстановку, использованную декабристами для восстания 14 декабря 1825 г. Детей у Константина Павловича не было, не существовал, естественно, и его сын Константин, от лица которого Бейдеман составил подложный манифест. "Великорус" – первая легальная печатная прокламация в России (1861, № 1–3, 1863, № 4). Автор и издатель неизвестны.

³*Аргиропуло Перикл Эммануилович* (1839–1862), студент Московского ун-та. В 1861 г. вместе с П.Г.Заичневским организовал кружок для литографирования революционных сочинений. Умер в тюремной больнице до приговора.

⁴*Заичневский Петр Григорьевич* (1842–1896), русский революционер. Организатор студенческого движения в Московском ун-те (1861). Свыше 20 лет провел в тюрьмах и ссылке.

⁵*Михайлов Михаил Ларионович* (1829–1865), писатель, революционер. В 1861 г. вместе с Н.В.Шелгуновым (1824–1891), революционный демократ, публицист, лит. критик, составил и распространил революционную прокламацию "К молодому поколению". Умер на каторге.

⁶*Адлерберг Владимир Федорович* (1790–1884), граф, ген.-ад., в 1852–1870 гг. министр императорского двора, с 1857 г. член Главного комитета по крестьянскому вопросу. *Панин Виктор Никитич* (1801–1874), граф, в 1841–1861 гг. министр юстиции, член Комитета по крестьянскому делу. *Муравьев* – см. примеч. к с. 62. *Строганов* – вероятно, имеется в виду граф Серг. Григ. Строганов (1794–1882), государственный деятель, археолог, глава Государственного совета с 1856 г., председатель Моск. об-ва истории и древностей российских (1837–1874), основатель Строгановского училища и Археологической комиссии; но, возможно, речь идет о его брате *Александре Григорьевиче Строганове* (1795–1891). *Долгоруков (Долгорукий) Василий Андреевич* (1803–1868), князь, с 1853 г. военный министр, в 1858–1866 гг. шеф жандармов и начальник III Отделения.

⁷*Игнатьев Павел Николаевич* (1797–1879), граф, ген.-ад., член Государственного совета, в 1855–1861 гг. петербургский военный генерал-губернатор.

⁸*Орсини, Феличе* (1819–1858), деятель нац.-освободительного движения итальянского народа. В янв. 1858 г. совершил неудавшееся покушение на императора Наполеона III. Казнен.

⁹*навязчивая идея* (фр.).

¹⁰*Принц-регент Прусский* – будущий Вильгельм I (1797–1888), прусский король с 1861 г. и германский император с 1871 г.

¹¹"Три скачущих рыцаря" (нем.).

Церковная область — Папская область, теократическое государство в 756—1870 гг. в Средней Италии, возглавлявшееся римским папой.

¹²*Замятин Дмитрий Николаевич* (1805—1881), министр юстиции.

¹³*Горчаков Александр Михайлович* (1798—1883), князь, канцлер, дипломат, в 1856—1882 гг. министр иностранных дел.

¹⁴*Бабеф Гракх* (Франсуа Нозль) (1760—1797), фр. коммунист-утопист, казнен за подготовку народного восстания.

Оуэн Роберт (1771—1858), крупнейший англ. социалист-утопист.

¹⁵*Пальмерстон Генри Джон Темпл* (1784—1865), *Гладстон, Уильям Юарт* (1809—1898) — видные англ. политические деятели, неоднократно назначались премьер-министрами.

¹⁶*Гагарин Павел Павлович* (1789—1872), князь, с 1844 г. председатель Комитета министров, в 1863—1865 гг. председатель Государственного совета.

¹⁷*Бутков Владимир Петрович* (1814—1881), государственный деятель, в 1853—1865 гг. государственный секретарь, участник подготовки крестьянской реформы 1861 г.

¹⁸*Бабст Иван Кондратьевич* (1824—1881), экономист, историк, проф. Казанского и Московского ун-тов, политический идеал его — буржуазно-помещичья монархия. *Чичерин Борис Николаевич* (1828—1904), юрист, историк, философ-идеалист, сторонник конституционной монархии. *Безобразов Николай Александрович* (1816—1867), писатель, деятель дворянской оппозиции во время подготовки и проведения крестьянской реформы.

¹⁹На родину (нем.).

²⁰*Шевырев Степан Петрович* (1806—1864), критик, историк литературы, поэт, академик.

²¹*Хомяков А.С.* (1804—1860) и *Аксаков К.С.* (1817—1860, сын С.Т.Аксакова) — основоположники и идеологи славянофильства.

²²*Погодин Михаил Петрович* (1800—1875), историк, писатель, академик, при активном участии С.П.Шевырева издавал журнал "Москвитянин".

Киреевский Иван Васильевич (1806—1856), религиозный философ, критик, публицист. *Самарин Юрий Федорович* (1819—1876), философ, критик, общественный деятель. Оба — идеологи славянофильства.

²³На роскошных улицах Лондона (фр.); *income tax* — подоходный налог (англ.).

²⁴*Шелгунов Н.В.* Воспоминания. М., 1967 (Новейшее издание).

²⁵*Константин Николаевич* (1827—1892), вел. кн., 2-й сын Николая I, ген.-адм. В 1853—1881 гг. руководил Морским министерством, умеренный либерал, провел ряд прогрессивных реформ на флоте, в 1860—1881 гг. председатель Главного комитета по крестьянскому делу. *Бутков* — см. примеч. 17. *Апраксин В.В.* — землевладелец, участник подготовки крестьянской реформы 1861 г., председатель Орловского губернского комитета.

²⁶*Mater dolorosa* — скорбящая, страдающая женщина-мать, или образ Богородицы, стоящей у креста (лат.).

²⁷*Дренгельн Александр Романович* (1820—1888), шеф жандармов, начальник III Отделения.

²⁸"*Вестник Народной Воли. Революционное социально-политическое обозрение*". Женева, "Вольная рус. тип.", 1883—1886, № 1—5, ред. П.А.Лавров и Л.А.Тихомиров.

²⁹ *Ширяев Степан Григорьевич* (1856–1881), умер в Алексеевском равелине 18.III 1881 г.

³⁰ *Кеннан Джордж* (1845–1924), амер. журналист, в 1885–1886 гг. обследовал русские каторжные тюрьмы и места политической ссылки. Выступил в защиту русских революционеров, выпустил книгу "Сибирь и ссылка" (1906. Ч. 1–2).

³¹ *Игнатъев Николай Павлович* (1832–1908), граф, гос. деятель, дипломат, генерал от инфантерии, в 1864–1877 гг. посол в Константинополе, в 1881–1882 гг. министр внутренних дел. *Плеве Вячеслав Константинович* (1846–1904), директор департамента полиции, министр внутренних дел, шеф отдельного корпуса жандармов. Убит эсером Е.С.Сазоновым. Макаревский А.Н. Несколько слов о Бейдемане // Пути революции. Харьков, 1925. Кн. 2. (приведен рассказ бывшего солдата гарнизона Петропавловской крепости И.Ф.Тонышева о Бейдемане в 1880–1881 гг.).

³² В приведенной истории болезни Бейдемана даются данные о весе его тела с авг. 1881 до конца 1884 г. (1 фунт = 0,4095 кг.). Максимальные величины – 53 кг. в янв. 1882 г. и 61 кг. в мае 1884 г., но более обычны средние значения 55–58 кг.

С.Г.Нечаев в равелине (1873–1882)

¹ *Нечаев и не мог и не должен был считать себя уголовным преступником...* Непонятно, почему П.Е.Щеголев не упоминает об убийстве студента Иванова, совершенном Нечаевым и его ближайшими соратниками. Касаясь же упорного объявления Нечаевым своей персоны политическим преступником, нужно иметь в виду, что политические преступники, согласно международному праву, в случае бегства их в другую страну выдаче не подлежали. Поэтому русская полиция начала розыски Нечаева в Швейцарии сразу после убийства Иванова и получила даже возможность пустить по следу Нечаева своего агента Адольфа Стемпковского.

² *Базилевич-Богучарский В.* (Яковлев Василий Яковлевич, 1861–1915), публицист, участник рев. движения. Под его редакцией был издан сб. "Государственные преступления в России в XIX в. Сборник материалов, извлеченных из официальных изданий правительственных сообщений". СПб., 1906. Т. I. 1825–1875 гг.

³ *Успенский Петр Гаврилович* (1847–1881), *Кузнецов Алексей Кириллович* (1845–1928), *Прыжов Иван Гаврилович* (1828–1885), *Николаев Николай Николаевич* (род. в 1850). Были привлечены к суду по делу нечаевской организации "Народная расправа", все четверо были приговорены к каторжным работам (еще до процесса над Нечаевым).

⁴ *Консервативная печать* – "Московские ведомости", "Современные известия" – между тем К.Маркс и Ф.Энгельс в написании своей работы "Альянс социалистической демократии и Международное товарищество рабочих" пользовались данными, публиковавшимися в русской печати по поводу процесса над нечаевцами в 1871 г., и именно на основании этой прессы они сделали свои выводы и сформулировали окончательное отношение коммунистов к выходкам Нечаева.

⁵ Анфас (фр.).

⁶ После нас хоть потоп (фр.).

⁷ *Процесс 193-х* — в этом процессе царское правительство подводило итоги своей борьбы с революционными народниками-пропагандистами. Расследование дела длилось 4 года, судебное рассмотрение продолжалось с 18.X 1877 по 23.I 1878 г. 90 человек из 193-х были оправданы, но несколько человек были приговорены к каторжным работам.

⁸ *Конная площадь* — занимала часть территории Москвы к северо-востоку от совр. Конного пер., между 3-м Люсиновским пер. и 4-м Добрынинским пер. На площади существовал постоянно действующий конный рынок (до 1911 г.).

⁹ "Красный архив". М., 1922, № 1.

¹⁰ ...*библиотека рavelина, в которой держались преимущественно книги духовно-нравственного содержания.* Однако на самом деле картина была иной, в описи библиотеки рavelина в нач. 1880-х гг. числилось 435 названий книг на русском языке (многие из них в нескольких томах), из этого числа книг религиозного содержания было всего около 50. Остальные: художественная литература (представлены наиболее крупные русские и иностранные авторы), исторические труды, естественнонаучные сочинения. Кроме того, было еще 175 книг на французском языке и ряд книг на других языках (Гернет М.Н. *История царской тюрьмы.* М., 1961. Т. 3. С. 184—185).

¹¹ Луи Блан. *История французской революции. Жюль Кларети. История революции 1870—1871 гг.* (фр.).

¹² Роберт фон Мольте. *История и литература государственного управления (нем.). Прудон. Война и мир (фр.). Журнал двух миров (фр.). Гервинус. История XIX столетия (нем.).*

¹³ Потапов Александр Львович (1818—1886) — генерал, шеф жандармов и начальник III Отделения.

¹⁴ Красный архив. М., 1922, № 2.

¹⁵ "Старое знакомство" (фр.).

¹⁶ "Уильям Питт", "Аттебери." (англ.).

¹⁷ Мезенцев Николай Владимирович (1827—1878), ген.-ад., шеф жандармов и начальник III Отделения. 4 авг. 1878 г. был убит С.М.Степняком-Кравчинским в результате покушения.

¹⁸ Дренгельн Александр Романович (1820—1888), ген. от инфантерии, шеф жандармов и начальник III Отделения, киевский генерал-губернатор.

¹⁹ *Из папки доски* — грифельная доска из папье-маше.

²⁰ "История материализма" (фр.).

²¹ *Покушение Соловьева* — Соловьев Александр Константинович (1846—1879), рев. народник. 2.IV 1879 г. совершил неудачное покушение на Александра II, был приговорен к смертной казни и повешен.

²² *Кравчинский* — Степняк-Кравчинский Сергей Михайлович (1851—1895), рев. народник, писатель, участник "хождения в народ", 4.VIII 1878 г. убил шефа жандармов Н.В.Мезенцева. В эмиграции основал "Фонд вольной русской прессы".

²³ ...*дух авантюризма, отличающий феодальную среду...Бесшабашность, лихость, плоское рыцарство.* — В этих высказываниях явственно проступают положения вульгарного социологизма 1920-х гг., которые в немалой степени разделял сам Щеголев.

²⁴ Исаев Григорий Прокофьевич (1857—1886), рев. народник, член

Исполкома "Народной Воли", организатор динамитной мастерской, участник покушений на Александра II. Умер в Шлиссельбургской крепости (с 22.III 1882 по 2.VIII 1884 г. содержался в Алексеевском рavelине).

²⁵*Фигнер Вера Николаевна* (1852–1942), одна из наиболее крупных деятелей "Народной Воли", член ее Исполкома, готовила покушение на Александра II, писательница. 20 лет провела в Шлиссельбурге.

²⁶*Гельфман Геся Мироновна* (1852–1882), участница покушения, которое окончилось убийством Александра II 1.III 1881 г. Смертная казнь была заменена каторжными работами, умерла вскоре после родов в тюремной больнице.

²⁷*Корба-Прибылева Анна Павловна* (1849–1939), член Исполкома "Народной Воли", проходила по "Процессу 17-ти" в 1883 году и была приговорена к 20 годам каторги. (Оставила воспоминания: Прибылева-Корба А.П. "Народная Воля". Воспоминания о 1870–1880-х гг. М., 1927).

²⁸*Тихомиров Лев Александрович* (1852–1923), народник, публицист, член Исполкома "Народной Воли", с 1882 г. представитель Исполкома за границей, в 1888 подал прошение о помиловании, после возвращения в Россию – монархист.

²⁹*Дейч Лев Григорьевич* (1855–1941) в рев. движении с 1874 г., народник, в 1883 г. член группы "Освобождение труда", в 1884–1901 гг. на каторге, затем один из лидеров меньшевизма.

³⁰*Стефанович Яков Васильевич* (1853–1915), участвовал во многих рев. обществах, член Исполкома "Народной Воли", в 1883 г. приговорен к 8 годам каторги.

³¹32 золотника мяса – около 140 гр.

³²*Воспоминания Фроленко, Тригони... Поливанова* – это основные мемуарные источники по истории Алексеевского рavelина, привожу их последние издания; Фроленко М.Ф. Милость (из воспоминаний об Алексеевском рavelине) // Он же. Собр. соч. М., 1932. Т. 2. С. 147–165. Тригони М.Н. Алексеевский рavelин. М., 1929. Поливанов П.С. Алексеевский рavelин. Л., 1926.

³³*Скорбут* – цинга.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Любовь в равелине (Князь С.В.Трубецкой) . . .	5
Страсть писателя (Н.Г.Чернышевский)	25
Д.В.Каракозов в равелине	47
Таинственный узник (М.С.Бейдеман)	83
С.Г.Нечаев в равелине (1873—1882)	171
Приложение: К истории равелина. Документы .	341
<i>Федотова Е.В.</i> Историк революционной России	347
<i>Комментарии</i>	370

Павел Елисеевич Щеголев
АЛЕКСЕЕВСКИЙ РАВЕЛИН.
КНИГА О ПАДЕНИИ И ВЕЛИЧИИ ЧЕЛОВЕКА

Редактор А.Н.Казакевич
Художественный редактор Н.Р.Синева
Технический редактор И.С.Вититина
Корректор Л.В.Петрова
Оператор Т.А.Баранова

ИБ № 1836

Сдано в набор 14.11.88. Подписано в печать 03.05.89. Формат 84x108/32.
Бумага типографская № 2. Гарнитура Пресс-Роман. Печать высокая.
Усл. печ. л. 20,16. Усл. кр.-отт. 20,48. Уч.-изд. л. 21,40. Тираж 100 000 экз.
Изд. № 4774. Зак. № 86. Цена 3 р. 90 к.

Издательство "Книга" 125047, Москва, ул. Горького, 50.

Набрано на композере издательства "Книга".

Отпечатано на Ярославском полиграфкомбинате Госкомпечати СССР.
150014, Ярославль, ул. Свободы, 97

Щеголев П.Е.

- Щ 34 **Алексеевский рavelин. Книга о падении и величии человека / Сост., автор послесловия и комментариев Е.В.Федотова. М.: "Книга", 1989. — 380 с. — (Историко-литературный архив).**

ISBN-5-212-00206-0

В публикуемом произведении П.Е.Щеголева (1877–1931) — выдающегося русского историка и литературоведа — рассказывается о тюрьме, предназначенной для важнейших государственных преступников. Перед читателем раскрываются трагические судьбы узников рavelина — князя С.Трубецкого, Н.Чернышевского, Д.Каракозова, М.Бейдемана, С.Нечаева.

Для широкого круга читателей.

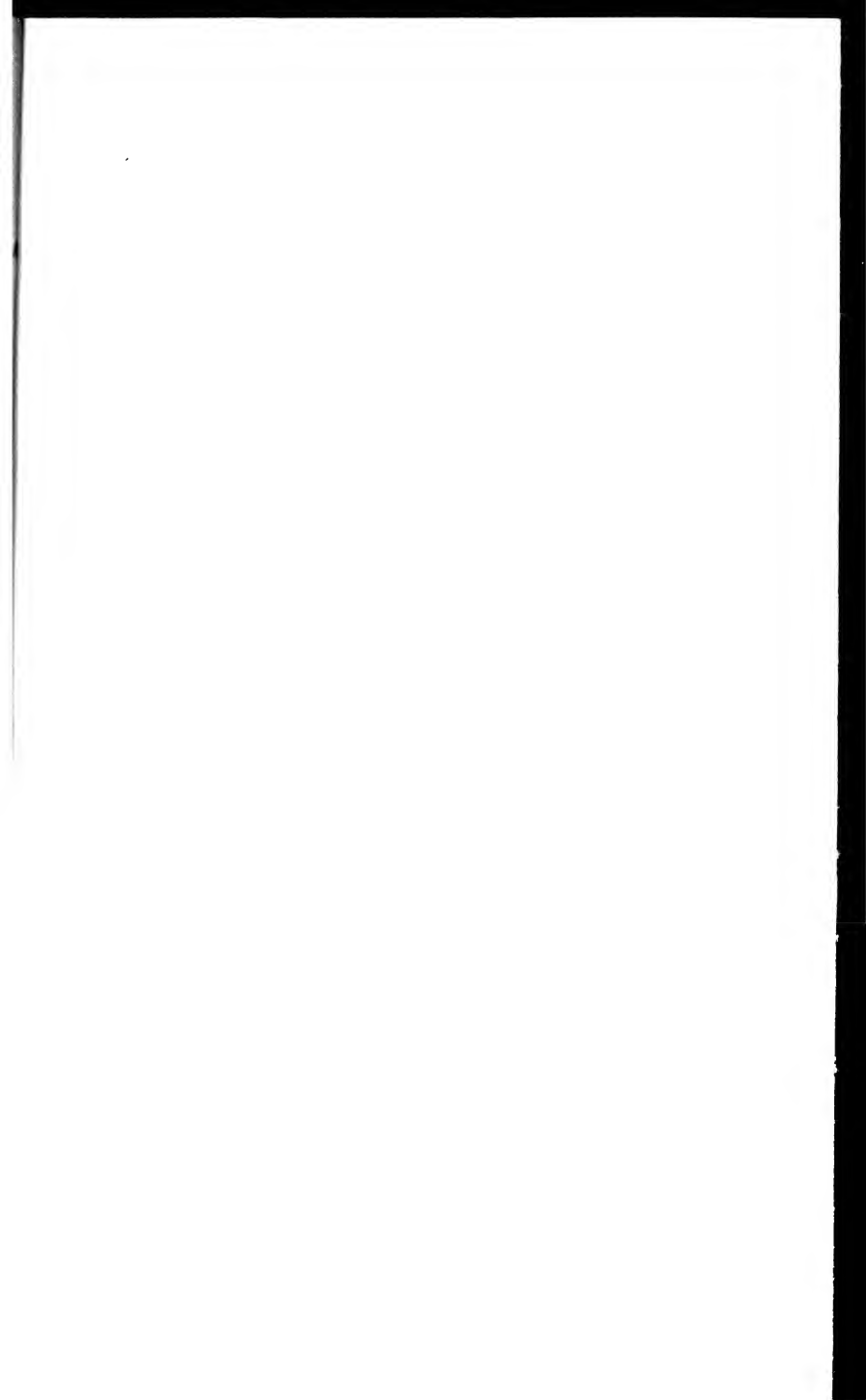
Щ 0503020300-065
002 (01)-89 Без объявл.

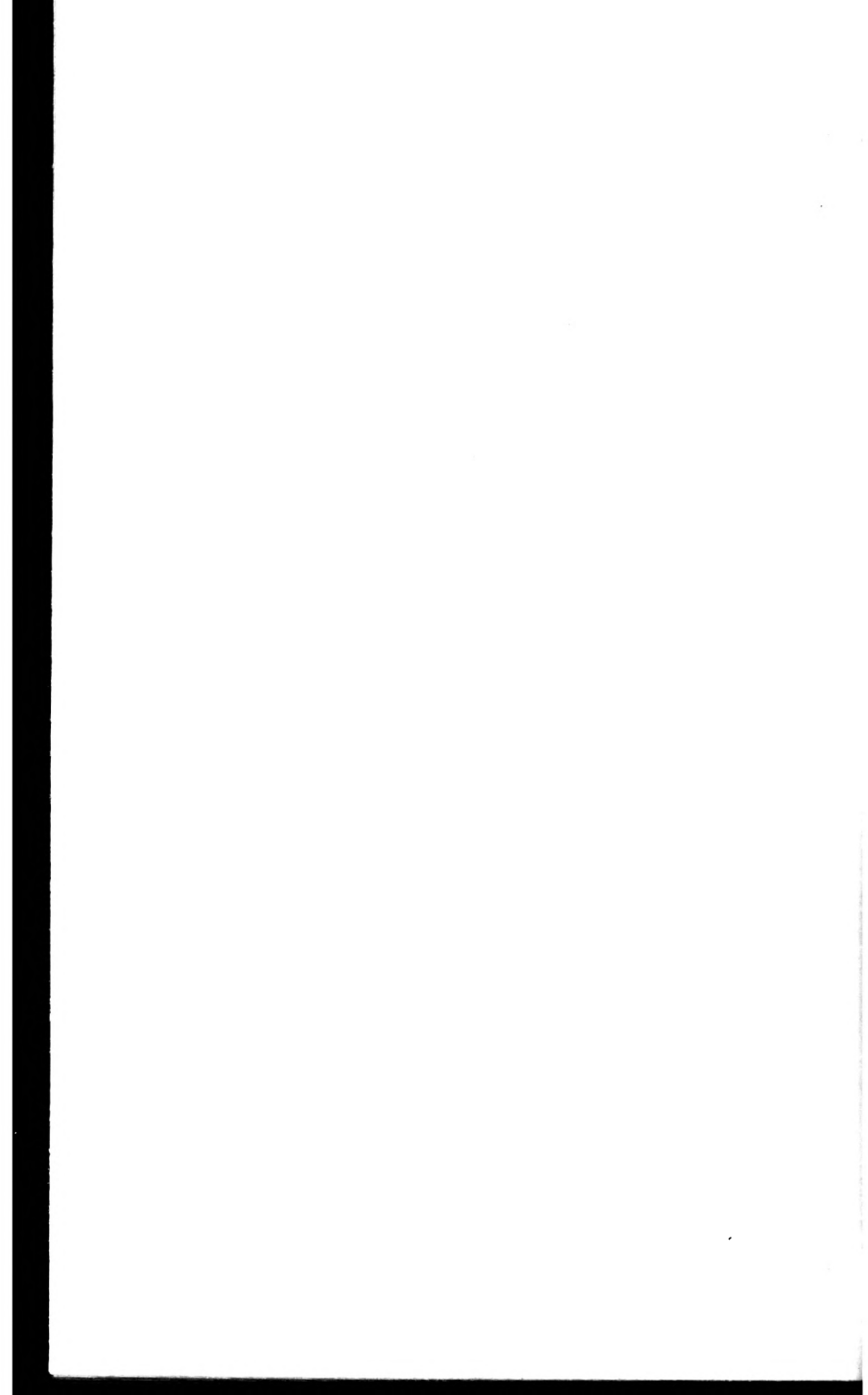
ББК 63.3. (2) 5

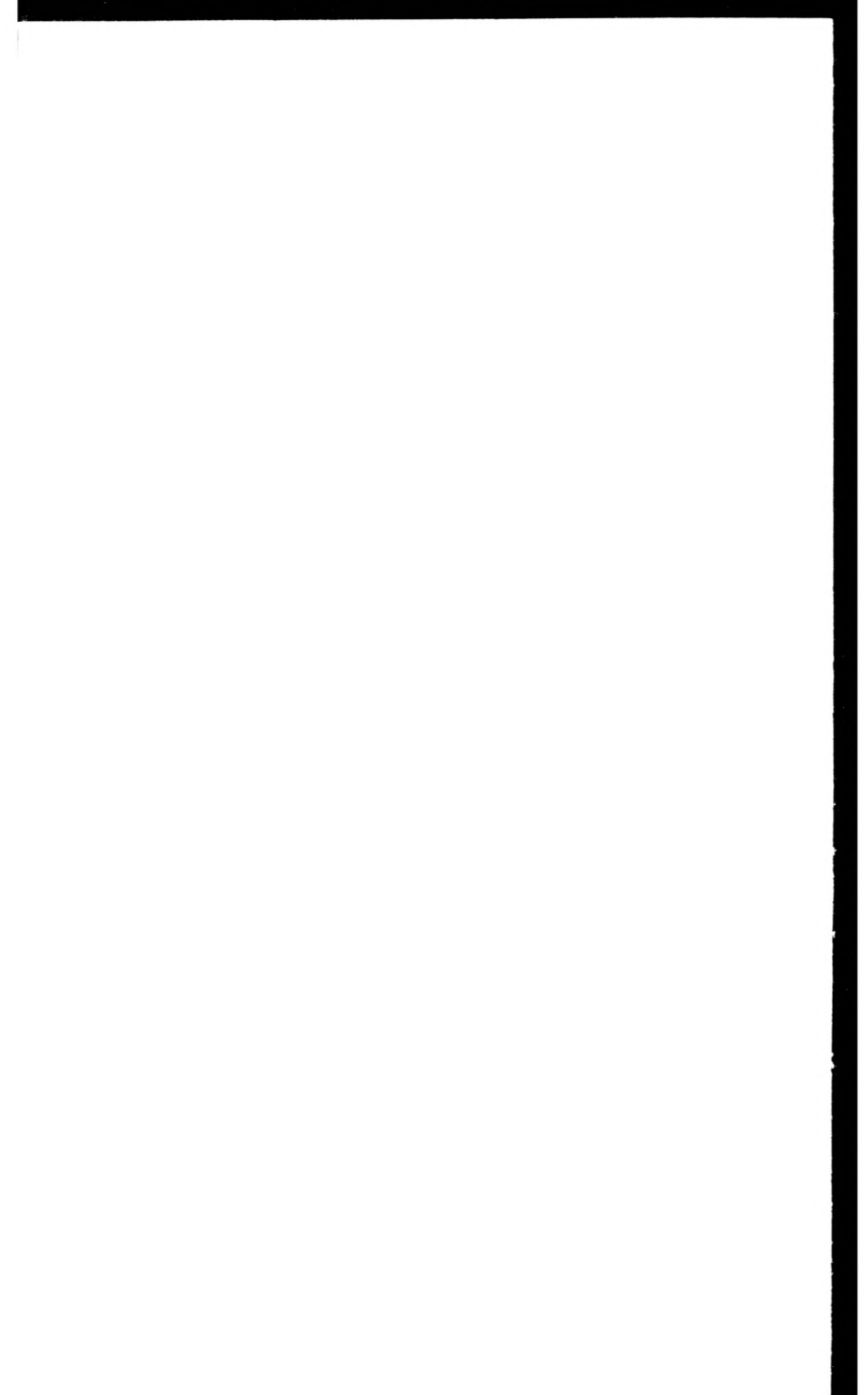
В 1990 году в издательстве "Книга" будут опубликованы воспоминания Р.В.Иванова-Разумника "Тюрьмы и ссылки". Р.В.Иванов-Разумник (1878—1946) — известный русский литературовед и общественный деятель — описывает в своих воспоминаниях ужасы и повседневный быт застенков, тюрем и ссылок ЧК—ГПУ—НКВД. "Я знаю, — писал автор на склоне лет, — что все, рассказываемое мною, — мелко и ничтожно по сравнению с тем, что переживали десятки и сотни заключенных, сидевших в советских тюрьмах, концлагерях в течение долгих лет". Но это "мелкое и ничтожное" не оставит равнодушным того, кто прочтет публикуемое сочинение. Ибо застенки не сокрушили дух узника. Пути сопротивления торжествующей диктатуре сталинско-ежовского террора он видел не в устройстве подпольных кружков или террористических организаций. "Политическая борьба бессмысленна и вредна". Потенциал действительной борьбы, полагал Иванов-Разумник, заложен в идейном наследии русской литературы, воплощенном в именах Герцена, Чернышевского, Михайловского, Салтыкова-Щедрина, Льва Толстого, — в тех "полноводнейших реках, которые до сих пор безвозбранно текут в равнине русской литературы". И наконец, писатель, по мысли автора, должен всегда, даже в тяжкие годы духовного террора оставаться самим собою, оставаться человеком, не лгать себе и другим. «"Индустриализация" — лицевая сторона медали, "коллективизация" и миллионы ее жертв — сторона обратная. Ты ничего не смеешь сказать о последней? Молчи же и о первой: бывают эпохи, когда писатель обязан не быть публицистом... Порнография — детская игрушка по сравнению с тем разлагающим душу социально-политическим ядом, который особенно заманчив в художественных произведениях и может отравить иной раз целое поколение молодежи. Вот где истинно евангельское слово о соблазне малых сих: лучше бы жернов был на шее его [соблазняющего] и потонул бы он в пучине»

...Ведь человеком оставался и тот охранник НКВД, который вопреки всяким инструкциям провел заключенного в туалет, чтобы тот мог обмыть свое лицо, окровавленное от побоев следователя. И когда заключенный обмывал лицо, охранник говорил ему: "Эх, товарищ, не сокрушайтесь! Ну, избил он вас почему зря, а вы пренебрегите: его черной душе теперь, может, еще хуже, чем вашему белому телу. Кровь-то вот вы сейчас с себя смоете, а ему в какой воде свою черную душу отмыть?"

...Об этом и о многом другом, что так долго скрывалось от нас, рассказывается в воспоминаниях Р.В.Иванова-Разумника, подготавливаемых к изданию.

„КОГДА ЗАКЛЮЧЕННЫЙ УМИРАЛ,
ТО ТЕЛО ЕГО НОЧЬЮ ТАЙНО ПЕРЕНОСИЛИ
ИЗ ЭТОЙ ТЮРЬМЫ В ДРУГИЕ ПОМЕЩЕНИЯ КРЕПОСТИ,
ЧТОБЫ НЕ ПОДУМАЛИ,
БУДТО В ЭТОЙ ТЮРЬМЕ ЕСТЬ ЗАКЛЮЧЕННЫЕ,
А УТРОМ ЯВЛЯЛАСЬ ПОЛИЦИЯ И ЗАБИРАЛА ТЕЛО,
А ФАМИЛИЮ И ИМЯ УМЕРШЕМУ ДАВАЛИ ПО НАИТИЮ,
КАКИЕ ПРИДУТСЯ.
ЭТА ТЮРЬМА — АЛЕКСЕЕВСКИЙ РАВЕЛИН
ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ“.

П. ЩЕГОЛЕВ

Чернышевский Н.Г.

Нечаев С.Г.

